СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТЪ.

Naumov, Nikolai Ivanovich

Н. И. НАУМОВЪ

Sila solomu lomit

СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТЪ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ БЫТА

СИБИРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1874

PG3467
.N26 S5
1874

301039 *

Типографія К. Н. Плотникова. Колпинская улица, д. № 23.

LD Feb. 8-1974

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
У перевоза	1.
Послѣднее прости	26.
Деревенскій торгашъ	35.
Юровая	69.
Крестьянскіе выборы	173.
Мірской учетъ.	337.
Ежъ	377.

У ПЕРЕВОЗА.

— Парома подай, эй! кричали почти въ голосъ, стоя на мосткахъ, нѣсколько человѣкъ, отдѣлившихся отъ остальной группы телѣгъ, съѣхавшихся въ ожиданіи перевоза, и толпившагося около нихъ народа. Изъ нихъ особенно обращалъ на себя вниманіе мужичокъ въ синей крашенинной чуйкѣ, кричавшій и суетившійся болѣе другихъ. Когда онъ убѣждался, что перевозчики и не думаютъ подавать парома, то всплескивалъ только руками и съ восклицаніемъ „эхъ-ма!“ отходилъ отъ мостковъ къ своему возу, нагруженному сушеною рыбой; но вслѣдъ за тѣмъ опять собирался съ духомъ и опять поднималъ вопли. Другіе, не такъ торопливые, или спали, или, лежа на возахъ, равнодушно смотрѣли на пеструю панораму раскинувшагося за рѣкой города, на яркую зелень его рощъ, изъ-за которыхъ, чуть видными точками, сверкали золотые куполы церквей. Иные ходили отъ воза къ возу, примѣняясь къ цѣнамъ находившихся на нихъ продуктовъ, назначавшихся для продажи на рынкѣ, или, столпившись въ кучки, разсуждали о своихъ обыденныхъ нуждахъ. Въ сторонѣ отъ всѣхъ, у самой опушки лѣса, растрепанный и оборванный цыганъ заставлялъ медвѣдя, на потѣху почтенной публики,

показывать „какъ старыя попадьи блины пекутъ“, и мишукъ съ ревомъ, тряся тяжелою цѣпью, вдернутою въ ноздри, выдѣлывалъ неуклюжіе ѣа. На высокомъ возѣ съ углями сидѣлъ солдатъ, починивая уже выслужившее срокъ пальто и напѣвая въ полголоса какую-то заунывную пѣсню: около него трое видныхъ, здоровыхъ парней мѣщанъ, судя по длиннополымъ нанковымъ кафтанамъ, надѣтымъ сверхъ кумачныхъ рубахъ, и плисовымъ шароварамъ, запущеннымъ за длинныя голенища, засаленными картами усердно отбивали другъ другу носы. На косогорѣ, около спуска къ берегу, на разсохшейся и повернутой вверхъ днищемъ лодкѣ, сидѣла старушка-странница, съ перекинутой черезъ плечо котомкой; голова ея, не смотря на лѣто, была плотно укутана большимъ платкомъ, полушубокъ былъ весь въ заплаткахъ; синяя, рядная рубаха едва прикрывала исхудалыя ноги, обутыя въ грубые шерстяные чулки и лапти. Нѣсколько молодицъ, окружавшихъ ее, внимательно слушали разсказъ о разныхъ видѣнныхъ ею чудесахъ, прерывая ее время отъ времени глубокими вздохами да возгласами: „согрѣшили мы, грѣшныя, охъ, согрѣшили!“ У самыхъ ногъ странницы ползалъ ребенокъ съ засученной на спинѣ рубашкой, между тѣмъ какъ другой, лѣтъ двухъ или трехъ, рылся въ пескѣ, выкапывая коренья и пихая ихъ въ ротъ.

Лучи закатывающагося солнца, прорѣзываясь сквозь чащу густаго лѣса, окаймлявшаго берегъ не широкой, но быстрой рѣки С..., озаряли эту картину и мѣстами густыми пятными свѣта падали на воза и на песчанныя, усѣянныя мелкою галькой, прогалины. Дневной зной постепенно смѣ-

нялся вечернею свѣжестью, рои комаровъ и мошекъ носились въ воздухѣ. Порой пронзительное жужжаніе овода рѣзко поражало ухо, заставляя вздрагивать и отмахиваться хвостами лошадей, пущенныхъ пастись на ближнемъ лугу.

— Деготь? ткнувъ пальцемъ въ лежащую на телегѣ бочку, спросилъ у мужика солдатъ въ бѣлой рубахѣ, превратившейся отъ времени въ бурую, и форменномъ кепи, сдвинутомъ на затылокъ.

— Гдѣ-ка, въ бочкѣ-то?.. Деготь... отвѣчалъ мужикъ, осматривая снятый съ ноги лапоть.

— На продажу?

— На продажу.

— А здѣшній, или издалеча?

— Крутологовскіе!

— А-а!.. Ну, стало быть—здѣшній!.. И солдатъ, посмотрѣвъ безсознательно вдаль, снялъ кепи и запустилъ всю пятерню въ свои коротко-обстриженные волосы. — А оводу-то, оводу-то... страсть сколько! проговорилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— И!.. Совсѣмъ замучилъ скотину!.. отвѣчалъ мужичокъ, успокоенный невредимымъ состояніемъ лаптя, и вновь наматывая его на ногу:—одно слово, гнусъ!

— Гнусъ! подтвердилъ солдатъ.

— Митюха, мотри-ка, у тебя глаза-то попрытче: однако отваливаютъ! крикнула синяя чуйка, снова уже стоявшая на мосткахъ.

Митюха, молодой, рослый парень съ заспанною физіономіею, сидѣвшій на облучкѣ воза съ рыбой и все время ска-

лившій зубы на медвѣжью „камедь“, нехотя всталъ на колесо и, осѣнивъ глаза ладонью, посмотрѣлъ на тотъ берегъ, потомъ молча соскочилъ.

— Что?

— Жди, отвалятъ... Нѣтъ, энто, братъ, не то, что чаво... отвалятъ... скоро захотѣлъ!..

— Эхъ, ѣшь-те мухи, а какъ бы надыть въ городъ-то! проговарила тоскливо чуйка.

— Небось къ утру перевезутъ, да еще по пятаку съ рыла слупятъ!

— Моя ништо пятакъ, и алтына не дастъ! сказалъ лежащій на возу съ кожами татаринъ.

— Во какой... мотри, дашь и гривну!

— Перевозъ казенна... вотъ что, вези дарма... моя ништо платить!

— Ишь мухамедъ-то... а вотъ энтаго не хошь! и Митюха показалъ ему конецъ азяма, сдѣлавъ изъ него подобіе свинаго уха.

Татаринъ отплюнулся и повернулся къ нему спиной, между тѣмъ какъ окружающіе захохотали.

— Бѣда это татарамъ свиное-то ухо, отозвался сосѣдъ: —то ись, какъ ихъ эфтимъ способомъ таперича безпокоятъ... не любятъ они чушекъ-то!

— Нехристи!

— Должно такъ!

Въ это время по дорогѣ изъ-за лѣса показалась еще телѣга, запряженная худенькой чалой лошаденкой; вся сбруя на ней была изъ веревокъ; изъ хомута мѣстами клочьями

висѣла солома. Лошадью правилъ мальчикъ лѣтъ десяти, задомъ къ нему сидѣла довольно пожилая женщина въ байковомъ шушунѣ, держа въ колѣняхъ узорный туесокъ. Съѣхавъ съ крутаго спуска къ берегу, они остановились около телѣги съ дегтярной бочкой. Мальчикъ тотчасъ же началъ выпрягать уставшую лошадь, поминутно отмахивая назадъ залѣплявшіе глаза его длинные свѣтлорусые волосы, потомъ на поводу повелъ ее на лугъ. Женщина, поставивъ туесокъ, тоже слѣзла съ телѣги.

— Никакъ Митревна?.. взглянувъ на нее, сказалъ какъ бы про себя мужичокъ, осматривавшій лапоть: — такъ и есть. Здорово, Митревна!.. въ городъ?

— Левонтій Савичъ, и вы здѣсь?.. Вотъ гдѣ встрѣтились!.. говорила, подходя къ нему и кланяясь, Дмитревна: —вы-то здоровы-ли, домашніе-то каковы?

— Чего имъ дѣлается? живутъ, хлѣбъ жуютъ, да еще припасать велятъ... Съ чѣмъ ты это?

— Да такъ кое-чего набрала: ленку маленько прошлогодняго осталось, ну да грибковъ на недѣлькѣ съ дочкой-то набрали — вотъ и везу. Что дѣлать, Левонтій Савичъ, надыть чѣмъ нибудь кормиться!

— Надыть-то, надыть, чего говорить, безъ кормежки нельзя!

— А вы съ чѣмъ-отъ-ка тутъ?

— Да съ дегтемъ все вожусь, провались ужъ онъ!

— Степанида-то Яковлевна какова? Давно ужъ я ее не видала.

— На печи все кости паритъ... Не молодо дѣло-то.

Нонѣ было поскудалась маненько животомъ... да ничаво, росольцу похлебала, отлегло... О хозяинѣ-то твоемъ не слыхать?

— Сидитъ, Левонтій Савичъ, все-то сидитъ!

— Эко, а?.. Кое ужъ вѣдь время-то?

— Да съ Покрова, почитай, другой годокъ пойдетъ, какъ сидитъ!

— Ишь! Ну да знамо, въ острогъ только дверь широка, а оттоль узка... лихо попасть... Хлопочешь?

— Какъ не хлопотать, изъ силъ хлопочу, да все пути нѣту... Вотъ и нонѣ ѣздила также. Научилъ меня одинъ баринъ, добрѣющій такой баринъ: сходи, говоритъ, ты... ужъ я не скажу тебѣ, какъ онъ его назвалъ, только къ набольшему ихнему чиновнику; попроси, говоритъ, его, что онъ скажетъ!

— Ну?..

— Ходила, родный, и въ ноги падала, да все одинъ сказъ: не могу, говоритъ, ничего доспѣть, еще каторгой стращаетъ.

— Эко жаль-то какая, а?

— Ну что, какъ изаболь этакое-то попричится съ нимъ, куды я безъ него тогда съ малыми-то дѣтищами, Левонтій Савичъ?— со слезами говорила уже Митревна, сморкаясь въ кончикъ головнаго платка: — и такъ-то съ ногъ совсѣмъ сбилась! Не повѣришь, все-то хозяйство въ разруху идетъ, а Ванюшка-то, гдѣ ему еще заправлять! малый паренекъ-то хоша и помогаетъ, да какая его помочь-то, все не то, какъ самъ-то бы!

— Это чего говорить, мужско дѣло знамо. А ты-бы къ губернатору?

— Да ужъ все начальство, какъ есть, исходила, инда въ шею гонятъ, мужичье дѣло-то!

— Это точно, мужичье-то, мужичье!.. съ раздумьемъ произнесъ Левонтій Савичъ, почесывая въ затылкѣ.

— Охо-хо-о! что ужъ и будетъ, только Господь вѣдаетъ! И такъ скажу тебѣ, Левонтій Савичъ, ровно одно къ одному и идетъ ужъ. Не знаешь ты мово еще горя-то: на дняхъ вѣдь коровушка пала.

— Ой!..

— Ей Богу.

— Итьть ты: гдѣ тонко, тамъ и рвется-то!

— Подлинно напущенье Божеское! Прибѣжала это съ поля словно одурѣлая; я пока туда да въ ино мѣсто металась, ахъ, да охъ, а она ужъ и ноги протянула... И Богъ ее знаетъ, чего съ ней доспѣлось такое... утромъ еще была совсѣмъ здоровехонькая... Повѣтріе что-ль, аль съ веху!

— Должно съ веху, это бываетъ; падка вѣдь скотина-то до веху, лались у Лапинскихъ такимъ же манеромъ!

— И я думаю, съ веху, а еще сбиралась въ городъ ее свести продать—деньги-то ужъ вотъ какъ надыть. И онъ-то скудается: знамо, въ неволи каждый шагъ окупи, а гдѣ набраться-то ихъ, съ какихъ достатковъ-то! И какъ это, Левонтій Савичъ, подумаешь, жали-то въ людяхъ ничего нѣту. Нонѣ, скажу тебѣ, въ самый Петровъ день, поѣхала я также въ городъ повидаться съ Ларивономъ

Прохорычемъ, ну да и разговѣться везла ему. Вотъ пріѣхала къ острогу и пошла это по ихнимъ порядкамъ къ офицеру: „допусти, говорю, батюшка, съ хозяиномъ свидѣться?“... Есть, Левонтій Савичъ, скажу тебѣ, и тамъ хорошіе люди!

— Это чего говорить, хорошій человѣкъ вездѣ есть!

— Есть. Другой со слова пуститъ, а тутъ прилучился какой-то, Богъ его знаетъ, словно несовсѣмъ и въ разумѣ, затопоталъ это на меня ногами да какъ вскричитъ: „вонъ, говоритъ, разтакая-сякая, только, говоритъ, и знаете ходить, да по своимъ мошенникамъ канючите“! Такъ я, повѣришь-ли, не знала, куды мнѣ и дѣться-то, такъ обробѣла! Кое-то какъ вышла отъ него... и таково-то мнѣ потомъ горько стало! Господи, думаю, Царь небесный: людямъ праздникъ, а тутъ и повидаться-то не даютъ! И плачу, знаешь, горькими слезьми плачу... а тутъ солдаты-то, которые вышли, смотрятъ на меня да и спрашиваютъ: „что ты, говоритъ, молодица, убиваешься?“ Я и говорю имъ: „А ты, говорятъ, унтера попроси, може и пуститъ!“ Ну, послушалась я ихъ, пошла это, знаешь, къ ундеру; сидитъ онъ такой усатый изъ себя да только въ трубку попыхиваетъ. Я и говорю: пусти, батюшка, вѣкъ твоей милости не забуду. „А офицера, говоритъ, просила?“ Просила, говорю, родимый, просила да осерчалъ ужъ больно, и обсказываю ему это самое дѣло. Выслушалъ онъ и говоритъ: „нельзя!“ Я въ ноги: хоша для малыхъ-то дѣтищь, говорю, пожалѣйте! Вижу, разжалобился покорствомъ моимъ. „Ну, говоритъ, такъ и быть, приму грѣхъ на свою душу,

косушка идетъ што-ли?“ А у меня на ту пору и денегъ-то, Левонтій Савичъ, не случись, я и говорю ему: нѣту-ти молъ денегъ-то, кормилецъ; обожди, ужо опосля привезу „Ну, а коли нѣтъ, такъ и свиданья, говоритъ, нѣтъ!“

— Вишь какъ!

— Ей Богу... „Были, говоритъ, съ вашего брата жданы-то, да всѣ съѣдены“. Нечего вѣдь дѣлать, Левонтій Савичъ, пошла въ кабакъ, заложила платъ съ головы, купила ему энтой прорвы-то, ну и пустили; по крайности, хоша разговѣлся голубчикъ мой!.. Такъ вотъ, Левонтій Савичъ, каково оно! Чаво ты безъ денегъ-то доспѣешь?

— Это чего говорить — деньги, что капель: и камень долбитъ, а при такомъ случаѣ всякій норовитъ, кабы съ тебя же!

— Всю почитай, Левонтій Савичъ, какая была лишняя одежонка-то, продала... Курочки это голанки были — чиновнику подарила, да тотъ хоша спасибо научилъ куда сходить-то, да все безъ толку! И Дмитревна, подперши щеку рукой, пригорюнилась. — А думалъ ли, гадалъ ли онъ надъ собой этакое-то горе! снова заговорила она, качая головой: — вотъ оно, болѣзный, воля-то каково пришлась!

— Ну, чего говорить, пришлась въ плотную! И подойдя къ телѣгѣ Дмитревны, Левонтій Савичъ приподнялъ заднее колесо и осмотрѣлъ шину: — о!.. новая!

— Новехонькая; незадолго вѣдь до несчастья справлялъ ее Прохорычъ-то!

— Ковка ничаво! произнесъ знакомый уже намъ солдатъ. — А какъ: въ городѣ, аль свои мастера? спросилъ онъ Дмитревну.

— Въ городѣ, служивый, гдѣ намъ: у насъ и заводовъ такихъ, чтобы ковать, нѣту-ти.

— Ничаво; ковка одно слово!

— Ковка чаво говорить!.. произнесъ Левонтій Савичъ.

— А вы какъ, здѣшнія? Изъ какихъ, значитъ, мѣстовъ-то? вновь спросилъ Дмитревну служивый.

— Мы-то здѣшнія, изъ Сосновыхъ боровъ.

— Это что тутотъ-ка, отъ Полѣсья недалеча?

— Эти самыя... съ семой версты своротъ еще!

— Знаю!.. стало быть, здѣшнія?

— Здѣшнія!.. откелева намъ быть-то!.. Допрежь были помѣщичьи Александра Михалыча Зорина, можетъ не знаете ли: онъ тоже въ кавалерахъ былъ, ну а нонѣ-то вольные стали!..

— Э!.. какъ не знать! Полѣсье—мѣсто доброе!..

— А вы какъ таперя, тоже здѣшніе, изъ городскихъ солдатовъ-то? спросила его въ свою очередь Дмитревна.

— Гарнизонные; въ лѣсной командѣ были, уголь жгли, да приказъ вышелъ такой, чтобы прибыть безпримѣнно, вотъ и ѣдемъ!..

— Тэ-экъ... Что же, служивый, спрошу васъ: вы и службу тоже отбываете?

— Маненько отдохнули-было въ командѣ-то, а таперича съ-изнова доведется вѣрно... Тяжела служба-то наша: почесть съ утра и до ночи вздохнуть не удастся!..

— И не говорите, насмотрѣлась я на солдатское-то житье! А какъ вы, тоже и въ караулы, въ остроги или какъ тамотъ-ка ходите?

— Не токма что въ караулы и въ канвой таперича ходимъ... всѣ порядки какъ слѣдуетъ сполняемъ!

— Тэ-экъ... Ну да что говорить: хоша бы и ваше-то дѣло—служба!

— Служба! подтвердилъ солдатъ.

Разговоръ пересѣкся. Левонтій Савичъ, ощупавъ за-одно съ шиной и гужи и попробовавъ ихъ, туго ли они натянуты, отошелъ и направился къ лугу, гдѣ Ванюшка, сынъ Дмитревны, стоялъ съ поводамъ въ рукѣ, около чалки, отмахиваясь лопушникомъ отъ комаровъ и мошекъ, облѣплявшихъ его открытую, загорѣлую шею... Дмитревна, глубоко вздохнувъ, сдѣлала какой-то неопредѣленный жестъ рукой и пристально посмотрѣла на солдата.

— А что, господинъ служивый, попросить бы я васъ хотѣла, да не осмѣлюсь!—робко начала она.

— Примѣрно на счетъ чего эфто?

— Коли милость ваша будетъ,—и Дмитревна поклонилась ему,—вы вотъ въ острогѣ-то бываете, такъ повидаться, аль передать бы чего не сможите ли? Муженекъ у меня подъ несчастьемъ, почитай съ Покрова другой годокъ пойдетъ, какъ сидитъ тамотъ-ка!

— Отчего, съ нашимъ удовольствіемъ; это что!

— Сдѣлайте божескую милость—вѣкъ бы стала за васъ Бога молить!—и Дмитревна снова поклонилась ему.

— Не сумнѣвайтесь: намъ все единственно, потому мы того!.. Служивый хотѣлъ еще что-то сказать, но, какъ видно, въ его, и безъ того не богатомъ лексиконѣ, не пріискалось болѣе подходящаго слова, и потому онъ только

крякнулъ и поправилъ кепи, постоянно слезавшее на затылокъ.—А онъ какъ, за душегубство? спросилъ онъ.

— И, что вы, Господь съ вами, не такой онъ человѣкъ! Вотъ хоша на Левонтія Савича сошлюсь... Какое душегубство, болѣзный ты мой... совсѣмъ задарма! Ужъ коли бы за душегубство, такъ на мой глупый разумъ оно бы и легше было; по крайности, зналъ бы, за что въ отвѣтѣ, то темный человѣкъ: чего скажутъ люди, тому и вѣришь. А кто его знаетъ, какъ оно тамотъ-ка, хорошо иль нѣтъ... простота-то вѣдь наша, сердечный, хуже воровства!

— Это точно: вотъ и промежъ насъ тоже... писарь аль и такъ иной грамотный такъ въ другоредь обдѣлаетъ... отлепортуютъ, примѣрно сказать, до новыхъ вѣниковъ не забудешь!

— Бѣда темному-то быть!

— Э... темный человѣкъ, что стѣна!—глубокомысленно замѣтилъ онъ.

— Стѣна, родимый, стѣна; кабы самъ-отъ письменный онъ былъ, аль читать-то бы по-грамотному умѣлъ, такъ неужели бы чего такое сдѣлалъ! А то говорятъ тоже люди: поди, Прохорычъ, да поди, наше дѣло правое. Онъ-то, было, сначала и отнѣкивался: чуяло, вѣрно, сердечушко-то, ну да миръ приступилъ: ты, говоритъ, одна голова у насъ, на тебя вся надежда; ступай ужъ, мы-тѣ, говорятъ, во-какъ будемъ благодарны, только ступай! Послушалъ ихняго гомона, пошолъ, да вотъ и находилъ на свою головушку!

— Должно съ челобитьемъ?

— Какже! Жалобиться ходили, и не онъ одинъ: Аксентій

Ѳомичъ нашъ сотскій, да десятскій Кирило Кондратьичъ, да може не знаете ли Илью Аѳонасьича, Подпекой прозывается, такой это торговый мужикъ и степенный: сорокъ колодокъ пчелъ однихъ имѣетъ... Всѣхъ ихъ за-одно и порѣшили!

— Ну, коли жалобиться ходили, такъ знамо—дѣло пропащее! А примѣромъ будучи сказать, на счетъ какого резона-то жалобились?..

— Да по волѣ все, милый сынъ... Какъ и сказать-то ужъ вамъ про это дѣло... мнѣ и самой чтой-то не вдомекъ оно... Сначало-то, скажу тебѣ, какъ прослышали наши мужики про волю-это, такъ только и гомону промежъ нихъ было, что про нее... Все это гадали, все гадали, коли да какъ, да чтой-то будетъ... Многихъ и сумнѣніе брало, а другіе, которые изподтишка и продавать почитай все стали: мы-то, говоритъ, на новыя земли пойдемъ, а энто все барамъ отберутъ... Всячины, скажу тебѣ, было въ тѣ поры. Смѣхоты, скажу вамъ, было! Памфилъ это есть у насъ такой, ровно полоумный изъ себя мужикъ... Я, говоритъ, таперича, кромѣ барской бани, ничего себѣ не возьму... ужъ больно охочь париться!.. Ну, которые и смѣялись надъ нимъ: „Мотри, говорятъ, Понфилушка, баню-то не прозевай. Какъ бы баринъ и въ самомъ дѣлѣ не задалъ тебѣ баню.“ Много толковъ-то ходило, говорили таперича тоже, что хранцузъ все окупить хочетъ. Ну только вотъ, милый сынъ, и вышла воля. Прислали это на-перво въ деревню къ намъ бумагу такую, гдѣ прописано было, чтобы всѣмъ значитъ безпремѣнно читать свою волю; грамотныхъ-то, чтобъ читать,

у насъ почитай никого не было... былъ одинъ солдатъ, да ужъ запивалъ шибко, наши-то и не вѣрили ему; брехать былъ охочь, все войной пугалъ. Пошли въ другую деревню къ батюшкѣ... Прочиталъ онъ это волю; слушали, слушали наши-то, только видятъ, что словно не по-ихнему выходитъ.—Да такъ ли ты, батюшка, прочиталъ?.. спрашиваютъ, его. „Такъ, говоритъ, милые люди, слово въ слово, какъ написано“. Ну ничаво!.. пріѣхалъ, погодя того, къ намъ и посредственникъ; наши-то къ нему, почитай, всѣмъ селомъ, спрашиваютъ: какъ оно, что?.. будетъ ли все это, какъ допрежь толковали? „А вы, говоритъ посредственникъ, присланное-то вамъ читали?“—Читали! наши-то говорятъ. „А поняли?..“ Ну, которые сказали, что поняли, а другіе позаперлись маленько... Началъ онъ это имъ толковать, долго толковалъ и красно таково; слушали-то, все почитай безъ шапокъ стояли, такъ это слушали. И поняли, кажись, а все выходитъ какъ-то мудрено. Знамо, темные люди... какъ это тамъ все прописано, Богъ вѣсть! Ну, и онъ съизнова спрашиваетъ: „поняли ли?“ Наши-то и говорятъ: да ужъ оно какъ не понять... поняли!.. „Ну, такъ какую вамъ еще волю надыть? Ступайте-ко, говоритъ, по домамъ, да грамоты суставныя безперечь давайте!..„ И пошолъ это было,—только Панфилъ-то полоумный и спрашиваетъ:— А баню-то, говоритъ, барскую отдадутъ?.. „Какую, говоритъ, тебѣ баню?..“—Барскую... „Пошто?“ спрашиваетъ посредственникъ, а наши-то Панфила пихать ужъ было назадъ... Знамо, съ дурости-то наговоритъ еще, всему міру достанется. А тотъ и приступилъ: какую, говоритъ, тебѣ баню?

Что, говоритъ, это значитъ?—Париться!.. Памфилъ-то говоритъ... и обсказываетъ это все... Ну, сударь-ты мой... тутъ посредственникъ, дознамши все это, и почалъ нашимъ говорить, что все это брехня. Выслушали наши и рѣшили, что должно, и въ самомъ дѣлѣ такъ. Вотъ только, погодя того, не скажу ужъ теперь сколько время-то, и пройди вѣсть, что воля эта не та воля... Слушаютъ наши мужики, а сумленіе пуще ихъ беретъ... потому дѣло вѣковое! Собрали, милый человѣкъ, крадучись, сходъ за селомъ, долго это толковали; только Илья-то Подпека и говоритъ: „съѣздимъ, братцы, въ Ипатово, поспрошаемъ, какъ оно... у нихъ же, и грамотный человѣкъ такой есть; ужъ тотъ въ обиду не дастъ!“ Поѣхали. А тѣмъ случаемъ, скажу тебѣ, управляющій нашъ, Карла Иванычъ, и прознай это дѣло, да къ ночи, слышимъ, и въ городъ уѣхалъ... Ну, да ничаво; сходъ остался почитай до первыхъ пѣтуховъ, все ждали изъ Ипатаво-то. Которые не утерпѣли, съизнова верхами поѣхали, такъ задоръ-то бралъ ихъ. И молодицы то тутъ-же ждали, и молоденькихъ-то спать не покладешь... Право, такъ оно было въ тѣ поры!.. Ну только и слышимъ, милый человѣкъ, ѣдутъ. Еще издали кричатъ: „правда“! Ну, и сказали они, пріѣхамши, что въ Ипатовѣ это доподлинно извѣстно, что эта таперича говорилъ ипатовцамъ какой-то чиновникъ, и просьбу самъ брался написать, и выходить волю, какъ есть... Ну, и сказали ипатовцы нашимъ-то, что завтра они которыхъ побойчее шлютъ къ губернатору съ челобитьемъ. Тутъ и наши, скажу тебѣ, поднялись и загомонили это, и загомонили, да почитай, всю

ночь, милый человѣкъ, проклажались на счетъ эфтого дѣла, и рѣшили тоже таперича не отставать отъ ипатовцевъ. Ну, и приступили къ Ильѣ-то Аѳонасьичу да къ моему-то хозяину: поѣзжайте, да поѣзжайте! Левонтій-то Прохорычъ, хозяинъ-то мой, сначала было и призадумался, ну, да видитъ, что Илья Аѳонасьичъ, да Аксенъ Ѳомичъ бозперечь берутся за эфто дѣло, и рѣшилъ... И поѣхали они, милый человѣкъ, да такъ, скажу тебѣ, и по сей часъ застряли тамъ. Пришли, сказывалъ ужъ онъ опосля, въ городъ къ начальству, а тамъ ужъ все знаютъ. Ну, и забрали. Вотъ и все дѣло, болѣзный мой! А наши-то, деревенскіе, скажу тебѣ, проводимши ихъ, все ждали: вотъ будутъ, вотъ будутъ! и въ кабакъ ужъ послали вина шесть ведеръ купить, чтобы встрѣтить... Только, вмѣсто ихъ-то, — къ вечеру этакъ дѣло-то было — и прикатили становой да посредственникъ... Вотъ какъ оно, какое дѣло-то, скажу тебѣ!..

— Да, ишь какъ оно вышло... еще водки купили!

— Купили, милый человѣкъ; ну да имъ-то что! все равно роспили... а вотъ моему-то каково голубчику въ отвѣтѣ быть! Вотъ что, сердешный, подумай-ка ты это?

— Это точно, всякому свое!..

— Какъ узнала я все это, оказію-то ихнюю, такъ не повѣришь, милый человѣкъ, почесть лоскомъ и пролежала цѣльныя суточки. Царица небесная! думалъ ли, гадалъ ли онъ!.. Да и онъ-то ужъ говоритъ: „кабы зналъ это все, такъ Богъ бы съ ней, и съ волей! Ни въ жисть бы не поѣхалъ!“ Ну, да што подѣлаешь — Божіе соизволеніе... Охо-хо!

И Дмитревна снова принялась высказывать дрожащимъ отъ слезъ голосомъ накипѣвшее въ груди ея горе. Солдатъ слушалъ молча, изрѣдка только качая головой въ знакъ своего участія.

— Такъ ужъ не оставьте вашей милостью, снова начала она упрашивать его.

— Будьте безъ сумнѣнія... Одно слово, будьте благонадежны!

— Ужъ вѣкъ бы стала Бога молить за васъ.

— Не сумнѣвайтесь; сказано: спросите только ефлетора, Кузьму Баландина. Мы вѣдь тоже... у насъ таперича и по капральству... аль предъ командерами что... всѣ порядки какъ есть... а ужъ на счетъ чего, только Баландина спросите!

— Дай Богъ вамъ за это... не погнушались сиротскими слезами... Ужъ и я вамъ, почтенный, буду благодарна:—не сумнѣвайтесь и вы!

— Не тревожьтесь... Вы-то въ городъ? спросилъ онъ, какъ бы желая перемѣнить разговоръ.

— Въ городъ... продать вотъ кое-чего набрала. Ну да и повидаться охота, страсть вѣдь, какъ ихъ тамъ держутъ!

— Да оно... держутъ въ смиренствѣ!..

— Какъ посмотришь, выведутъ-то ихъ: худые, расхудые, инда сердце надрывается, со стороны глядя!

— Э, на то и острогъ; сказано: не разъѣшься!..

— Охъ, не разъѣшься, правдива ваша рѣчь!.. А что, служивенькій, какъ вотъ прозывать-то васъ, не знаю!..

— Кузьмой!

— А по отчеству-то?

— Селифонтовъ былъ въ старину, отца-то Селифонтомъ звали...

— Тэ-экъ... Кузьма Селифонтьичъ, значитъ; буду знать... А что, говорю, не хотите ли, можетъ, попаужинать: я бы того...

— Благодаримъ покорно вашей милости; недалеча и до города; придержимъ выть-то!

— Молочка я везу маненько Левонтію-то Прохорычу, да ягодокъ... такъ похлебали бы, не поспѣсивились.

— Коли милость будетъ, такъ ништо: щи-то у насъ больно сквозятъ, а молочка, признаться, ужъ я давно не хлебывалъ, а охочъ до него!..

— Похлебайте; молочко-то густенькое, и чашечка есть у меня, нонѣ купила ему, а то все скудался по посудинкѣ-то... Только ложечки вотъ нѣту-ти, а можетъ, черезъ край?..

— Э, на счетъ эфтого того... мы вѣдь вездѣ съ своимъ хозяйствомъ, говорилъ онъ, доставая изъ-за голенища сначала кисетъ и трубку, потомъ уже деревянную, съ обхлебанными краями ложку.

Дмитревна, наливъ изъ туеса въ чашку молока и насыпавъ ягоды, подала ее Кузьмѣ Селифонтьичу съ словами:

— Кушайте на здоровье, не поспѣсивтесь!

— Благодаримъ покорно!.. А на счетъ того, что говорилъ вамъ, сказано: не сумнѣвайтесь... Таперича я для васъ все сдѣлаю, только Баландина спросите! — говорилъ онъ, принимаясь за предложенное ему угощеніе.

Солнце давно уже закатилось и сумракъ постепенно охватывалъ предметы, сливая ихъ въ одну непроницаемую массу. На противуположномъ берегу кое-гдѣ на плотахъ и баркахъ засверкали огоньки, разведенные бурлаками для варенія скуднаго ужина и красныя полосы свѣта ложилось отъ нихъ по рѣкѣ. Надъ лугами бѣлой волнующейся пеленой носился туманъ. Воздухъ былъ сыръ, но тепелъ; въ травѣ слышалось неумолчное трещаніе кузнечиковъ, въ ближнемъ лѣсу порой раздавался тяжелый взмахъ крыльевъ напуганной чѣмъ нибудь птицы, или слышалось тревожное ржаніе лошади, зашедшей слишкомъ далеко отъ мѣста пастьбища...

Парома все не было, несмотря на усиленные крики ожидавшихъ его. Синяя чуйка давно уже вышла изъ себя, и вмѣсто „эхъ-ма“! — густая брань и проклятія сыпались отъ нея неумолкаемо на содержателя перевоза. Старушка-странница, удовлетворивъ вполнѣ любопытство слушавшихъ ее, успѣла уже и соснуть, и, вынувъ изъ котомки ломоть хлѣба, ужинала, съ трудомъ пережовывая зачерствѣлую корку. Даже игроки утомились упражняться надъ своими носами и мирно бесѣдовали между собой о томъ: „кому по скольку трепокъ тятька задаетъ“?

— Ахъ, чтобъ-те лешаки драки... Митюха! мотри-ка, нѣтъ ли?

— Чего мотрѣть-то, отвалятъ, такъ мимо не проѣдутъ; а нѣтъ, такъ мотри—не мотри, все одно! сердито отозвался Митюха, которому нестерпимо хотѣлось спать.

— Ахъ ты, чортъ какой! а?

— Вотъ тѣ и чортъ... знай!

— Кабы чиновникъ наѣхалъ, такъ пошевелились бы! сказалъ мужичокъ съ рысьими глазками, безпокойно прыгавшими отъ одного предмета къ другому, точно высматривая, что поспособнѣе спрятать въ карманъ.

— Э! колоколецъ, они, анаѳемы, далеча слышатъ! У тѣхъ вѣдь, братъ, расправа коротка?

— Коротка!

— Коли что, такъ и нагайкой!

— Ну нѣтъ, братъ, не говори: иной кулакъ хлеще нагайки бьетъ...

— А ты пробовалъ, што-ль?

— Да чего на вѣку-то не испробуешь! отвѣчали лаконически рысьи глазки, внимательно присматриваясь къ возу съ сушеной рыбой.

— Насмотрѣлся и я, замѣтилъ Левонтій Савичъ: — этта, скажу тебѣ, баринъ какой-то также напустился на паромщика-то, да мазать принялся; такъ ужъ онъ его и такъ-то, и этакъ-то, на всѣ манеры, ей-Богу. Такъ тотъ вырвался какъ ошалѣлый, такъ въ воду и прыгнулъ вмѣсто парома-то, ажь народъ-то всѣ животики надорвалъ: вотъ какъ онъ его взбутилъ!

— Шустрый, вѣрно?

— И... А чего бы, кажись: и изъ себя-то жиденькій, ну да звѣзда во лбу была. А тоже, братъ, посудить и ихнее-то дѣло, перевощиковъ, — не красно же житье! Иной, почитай, цѣлый день гоняютъ взадъ да впередъ, а плата-то какая, и харчи тоже совсѣмъ не по работѣ... А осень-

то настанетъ, да заморозы начнутся, такъ другой на всю жизнь безъ ногъ останется?

— Отвалили! крикнулъ кто-то съ мостковъ.

— Ну!

— Ей-Богу?

— Врешь?

— Во—мотри, чего врать-то... за вранье денегъ не платятъ!

Паромъ дѣйствительно отвалилъ и въ тишинѣ по рѣкѣ звучно раздавались мѣрные всплески веселъ. Все всполошилось: кто бѣжалъ на лугъ къ пасущимся лошадямъ, кто принаравливалъ телѣгу поближе къ мосткамъ, чтобы занять на паромѣ лучшее мѣсто. Солдатъ, покровитель Дмитревны, тоже помогалъ Ванюхѣ подтащить телѣгу поближе, и даже поспорилъ по этому поводу съ татариномъ, не дававшемъ ему дороги, назвавъ его свинымъ ухомъ.

— Ишь, лѣшаки бъ васъ драли, кое время выспались! А? ворчала неугомонная чуйка; — вѣдь сколько, милый человѣкъ, убытку изъ эфтого теперь понесъ: вѣдь съ вечерато я бы всю рыбу запродалъ, а теперь вотъ жди, пока навернется покупатель? говорилъ онъ мужичку съ рысьими глазками.

— А вы промышленники? спросилъ тотъ.

— Промышляемъ, грѣшнымъ дѣломъ!

Толкотня и говоръ, по прибытіи парома, сдѣлались еще гуще. Всѣ торопились, и всѣ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, мѣшали другъ другу. Чаще всего, впрочемъ, слышалось: „эй, поналягъ! ну, ну, еще! вотъ такъ!“ „Ухъ“!

раздавалось подъ конецъ, когда тяжело нагруженная телѣга съ громомъ вкатывалась на паромъ.

— Лошадей-то, мотрите, привязывайте вы, лапотники! кричалъ рослый, стоявшій у руля паромщикъ, раскуривая трубку.

— Ну, шитые лыкомъ сапоги, молчи:—аль въ купцы выписался, спѣсь-то напустилъ! слышалось въ отвѣтъ ему съ берега.

Наконецъ все было готово; накинули барьеръ, и тяжело нагруженный паромъ тихо тронулся съ мѣста, благодаря дружнымъ усиліямъ гребцовъ, отпихивавшихся отъ берега шестами...

— Господи благослови! крестясь говорили многіе, когда паромъ отплылъ на достаточную для гребли веслами глубину.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ.

На площади около казармъ и общественнаго городскаго сада стояла совсѣмъ готовая къ походу партія рекрутовъ. Вокругъ ее толпились мужики и бабы, наѣхавшіе изъ сосѣднихъ деревень для послѣдняго прощанья съ родичами, идущими на чужбину. Повсюду среди нихъ слышался громкій говоръ. Изрѣдка явственно раздавалось тоскливое всхлипываніе какой-нибудь молодухи или нескладно затянутая пѣсня не совсѣмъ еще отрезвившимся отъ дикаго разгула бобылемъ-наемщикомъ.

Небо было хмурое, осеннее, непривѣтно озарявшее эту картину, порой накрапывалъ мелкій дождь. Порывистый вѣтеръ со свистомъ нагибалъ обнаженныя деревья и назойливо сдергивалъ покрывала съ лотковъ калачницъ, расположившихся тутъ-же съ своимъ заманчивымъ товаромъ и звонко зазывавшихъ къ себѣ на-перебой другъ у друга покупателей.

Въ сторонѣ, у самой рѣшетки сада, у телѣги, запряженной буланою, понурившею голову, кляченкою, сидѣла молодая женщина въ синемъ байковомъ шушунѣ; голова ея, уродливо обвитая красной шалью, склонилась на грудь сидѣвшаго рядомъ съ ней рекрута, на колѣняхъ котораго копо-

шился двухъ-годовой ребенокъ, играя кожанной пуговицей его форменнаго пальто. Старуха-мать укладывала въ развязанный ранецъ разнаго вида и объема узелки, и старшій сынъ ея, братъ рекрута, мужчина съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, помогалъ ей, то придерживая его, то уталкивая колѣномъ неплотно уложившіяся вещи. Между тѣмъ высокій худощавый старикъ-отецъ угощалъ водкой конвойнаго солдата и вмѣстѣ съ тѣмъ дядьку новаго служаки.

— Такъ ужь почтенный того... ослобоняйте по-возможности: парень молодой, непривышный еще къ вашему дѣлу!—говорилъ онъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ, поднося ему до полна налитую чарку.

— На-счетъ эфтого, одно слово, будьте безъ сумленія!—отвѣчалъ тотъ, обтирая усы, запачканные сокомъ только что съѣденнаго имъ морковнаго пирога;—мы вѣдь тоже на эфтотъ счетъ понятіе имѣемъ!

— Да пожалуйте, просимъ милости, откушайте!

— Нѣтъ, отъ эфтого ужъ ослобоните: и безъ того много доволенъ вашимъ усердствованіемъ, ублаготворился! и служивый легонько отвелъ рукой подносимую ему чарку:—вѣдь намъ таперича походъ ломать.

— Пожалуйте! настаивалъ старикъ:—да закусите чѣмъ Богъ послалъ, не поспѣсивтесь!

— Закусить оно точно слѣдуетъ, путь дальній... можно-съ! и онъ взялъ изъ телѣги, гдѣ лежали приготовленные въ дорогу новобранцу припасы, давно уже замѣченную имъ жирную тыквенную ватрушку.

— Митюха, подь сюда! крикнулъ старикъ.

Рекрутъ, сидѣвшій все въ томъ-же положеніи, отдалъ ребенка женѣ и подошелъ къ нимъ.

— Вотъ, Митюха, началъ старикъ, господинъ служивый обѣщался коли и ослобонять тебя, чего дѣлать-то! и онъ вздохнувъ посмотрѣлъ безцѣльно въ сторону, какъ-бы желая утаить навернувшуюся на глазахъ его слезу... — да пожалуйте кушайте, и онъ снова поднесъ служивому чарку.

— На-счетъ какихъ ни на есть порядковъ или таперича чего прочаго, одно слово будьте безъ сумленія; мы вѣдь тоже сами лекрутами были, говорилъ дядька,—а касательно водки, такъ будто не могъ отказаться... Желаемъ благополучности! сказалъ онъ принимая чарку.

— Просимъ милости! отвѣчали кланяясь и старикъ и рекрутъ:—пожалуйте на доброе здоровье.

Дядька за одинъ духъ выпилъ ее и крякнувъ принялся за ватрушку.

Въ это время раздался бой барабана... били сборъ; тяжело отозвались звуки его въ сердцахъ присутствовавшихъ.

— Ну скорѣе, маменька, укладывай, вонъ ужъ барабанятъ, говорилъ, утряхивая ранецъ, братъ Митюхи.

— Сейчасъ, Ѳедя, постой, сейчасъ, отвѣчала она, укладывая въ него послѣдній узелокъ, снятый ею съ груди своей: въ немъ были завязаны завѣтныя для нея трудовыя копѣйки, которыя можетъ она пасла къ своему смертному часу.

— Ну, пора, болѣзные, и попрощаться!—покончивъ расчетъ съ ватрушкой и заслыша барабанъ, сказалъ служивый, надѣвая на себя ранецъ.

— Вотъ, Митя, я все поклала чего надоть, коли починиться зануждаешься, такъ тамотка по два пасма и чорныхъ и бѣлыхъ ниточекъ я припасла тебѣ... знала-ли я, прявши ихъ, что они пойдутъ съ тобой на чужбинушку... О-охъ! и старуха заплакала.—Да вотъ, господинъ служивый, ужъ не забывайте его, попомните мою материнскую жалость, говорила она, обратившись къ солдату, и подавая ему трубку холста... примите, не побрезгайте—это я вамъ на память

— Вотъ ужъ эфто, доложу вамъ, совсѣмъ лишнее, и безъ того много доволенъ вашими милостями, отвѣчалъ онъ, принимая трубку и опустивъ ее въ широкій карманъ своихъ шароваръ.

— Ну, все, штоль, готово? спросилъ старикъ.

— Все родной мой, все!... ахъ!.. не видать ужъ мнѣ моего соколика, на то-ли я вспоила, вскормила его, на такую-ли безталанную горькую долю взростила!.. старуха зарыдала; сидѣвшая у телѣги жена новобранца, укачивавшая ребенка, тоже не выдержала и заголосила; проснувшійся ребенокъ, корчась отъ холода, покрылъ наконецъ рѣзкимъ визгомъ своимъ и печальныя слова матери, и скорбное рыданіе жены...

— Ну, Митюха!.. сказалъ старикъ—простись съ матерью, да благослови своего ребенка... и голосъ измѣнилъ ему.

Митюха, какъ снопъ, новалился въ ноги безутѣшно-рыдавшей матери: „прости родимая“!, могъ только сказать онъ.

— Эхъ! проговорилъ дядька, смотря на раздирающую душу картину прощанія, и отвернулся; ему тоже можетъ припомнилась та минута, когда онъ сказалъ послѣднее прости

родному селу и близкимъ ему людямъ. И вотъ ждетъ теперь старуха-мать вѣсти о сынѣ, ждетъ неустанно день и ночь и не дождется!.. а можетъ и устала ждать; не бьется уже болѣе такъ чутко сердце ея при видѣ проходящаго въ побывку солдата отъ сладкой надежды: не онъ-ли?... Чужіе люди можетъ давно свалили ее въ могилу.—Эхъ! снова проговорилъ онъ, и предательская слеза скатилась на длинные усы его.

— Бабушка, простись съ Митріемъ-то:—идетъ ужъ совсѣмъ, подойдя къ телегѣ и слегка толкая лежащую въ ней слѣпую дряхлую старуху, говорилъ Ѳедоръ.

Дмитрій подошелъ къ ней; грустенъ былъ безчувственный, убитый печалью видъ его. Только изрѣдка судорожное подергиваніе мускуловъ въ лицѣ давало знать, что не совсѣмъ еще притупилась боль въ его сердцѣ... она заснула только на время, чтобы проснуться потомъ съ новою силою.

Старуха поднялась и костлявыми пальцами ощупавъ лицо его, какъ-то дѣтски захныкала.

А барабанъ давно уже билъ генералъ—маршъ.

— Эхъ, пора, почтенные — чего подѣлашь-то: авось, Богъ и вынесетъ — простись, да и пойдемъ, настаивалъ дядька.

— Прощай, Митюха, отписывай гдѣ будешь... ну, Богъ съ тобой, прощай,—и братья крѣпко поцѣловались.

— Не покинь, Ѳедоръ, Ѳедосьи съ малымъ дѣтищемъ, будь имъ отецъ родной: по гробъ не забуду твоей милости, упрашивалъ Дмитрій.

— Не печалься, Митюха... покуда живъ, не пойдетъ за кускомъ къ чужому порогу: вотъ тебѣ слово мое.

— Прощай, матушка! простите, родные мои!—и Дмитрій снова упалъ имъ въ ноги... прости, моя болѣзная, береги мое дѣтище.

Ѳедосья, какъ безумная, кинулась къ нему и обвила его своими руками.

Ѳедоръ почти безчувственную оттащилъ ее отъ брата.

— Эхъ, почтенный, не мучь себя, простись разомъ, да и пойдемъ, а то такъ-то тяжельше еще нутро надрывается,—и дядька началъ надѣвать на него ранецъ. Господи благослови! сказалъ онъ, когда пристегнулъ совсѣмъ ремни. Ну, простите, добрые люди, дай вамъ Богъ всего хорошаго... не забывайте меня и ужъ я васъ, вотъ какъ есть, не забуду; много доволенъ вашими милостями... Ну, пойдемъ Митюха...

Старикъ-отецъ, крѣпившійся долѣе всѣхъ, наконецъ не выдержалъ и, прислонивъ сѣдую голову къ ободу телѣги, заплакалъ; жена его лежала на землѣ, какъ убитая:—горе окончательно подломило ея дряхляющія силы. А Ѳедосья долго еще порывалась въ слѣдъ уходящему мужу, но Ѳедоръ удерживалъ ее; до Митюхи только доносился вопль ея: „Желанный мой, на кого ты покинулъ меня, горемычную“?

Партія постепенно удалялась подъ мѣрный бой барабана, а вызванные впередъ пѣсенники дружно, разомъ гаркнули: „я посѣю, сѣю млада молоденька“!

Скоро партія скрылась совсѣмъ изъ виду, только звуки пѣсни доносились еще, да виднѣлся обозъ, тянувшійся за

ней. Калачницы, перебраниваясь, снимали уже со скамеекъ свои лотки, разъѣзжались, и наѣхавшіе для проводовъ родичей мужички, иные впрочемъ тутъ-же сворачивали на перепутье въ кабакъ, чтобы залить сосавшее ихъ горе. Наконецъ и телѣга, заложенная буланою клячею, скрипя тронулась съ своего мѣста; старикъ сидѣлъ въ ней, понуривъ голову, а мать жадно впилась глазами въ туманную даль и крестила воздухъ, посылая послѣднее благословеніе ушедшему сыну.

Одинъ ребенокъ спалъ тихимъ, безмятежнымъ сномъ, приникнувъ къ груди плачущей Ѳедосьи,—одинъ онъ не понималъ всей горечи понесенной имъ утраты.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ТОРГАШЪ.

Посвящается Е. А. Петровой.

Наканунѣ перваго августа, Спасова дня, называемаго у пчеловодовъ медовымъ Спасомъ, съ ранняго утра въ нижнемъ этажѣ высокаго деревяннаго дома, покосившагося отъ времени на-сторону, раскрылось широкое окно со спускнымъ ставнемъ, замѣняющимъ прилавокъ въ небольшихъ лавочкахъ, устраиваемыхъ въ домахъ. Лавочка, въ которую хлынули теплые лучи солнца, была необширна и, какъ всѣ деревенскія лавочки, не отличалась ни обиліемъ товара, ни щегольствомъ обстановки. На шестѣ, прикрѣпленномъ къ потолку, развѣшены были полушелковыя ленты, бумажныя опояски, женскіе платки, кожанныя рукавицы, бродни, чарки, шапки и поярковыя и войлочныя шляпы. На полкахъ, вколоченныхъ въ стѣны, въ деревянныхъ ящикахъ съ надписью „карамель“, виднѣлись изюмъ, каленые и кедровые орѣхи и различныхъ формъ прянички, дотого высохшіе отъ времени, что и зубы простолюдина, не знающіе порчи, съ трудомъ разжовывали ихъ. Вдоль стѣнъ гирляндами висѣли связки подобнаго-же достоинства баранокъ и крендельковъ рядомъ съ нанизанными на веревочкахъ мѣдными бляхами, кольцами и разною мелочью, начиная отъ увѣсистаго замка и кончая ружейной отверткой и пучками щетины для

дратвы. Противъ окна, на самомъ видномъ мѣстѣ, для соблазна дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, были выставлены въ ящикѣ подъ стекломъ бронзовыя серьги съ стеклянными подвѣсками, выдаваемыми при продажѣ за самоцвѣтные камни, посеребренные массивные перстни и кольца съ надписями внутри ихъ: „я твая фартуна“, „са мной надешъ любовь па гропъ“, „ни таскуй ни гарюй пака я съ табой“ и т. п., какими обильно снабжаетъ обширную Русь,—вмѣстѣ съ самоварами, кремневыми винтовками и дробовиками,—промышленная Тула. Въ этомъ-же ящикѣ лежали истертыя въ порошокъ свинцовыя бѣлила, тонкія плиточки разноцвѣтныхъ мылъ и банки съ помадой фабрики г. Мусатова, утратившей за давностью всякій букетъ, кромѣ сальнаго. Вотъ и все, что привлекало вниманіе при взглядѣ во внутренность лавочки. Но всего рельефнѣе бросилась-бы въ глаза любопытному выдающаяся изъ окна ея, какъ изъ рамы, наружность владѣльца лавочки, человѣка пожилыхъ лѣтъ, съ пухлою бѣлою физіономіей, какими преимущественно отличаются люди, торгующіе по купеческимъ свидѣтельствамъ. Узенькіе заплывшіе глаза его ярко свѣтились изъ-за густыхъ русыхъ бровей, всегда судорожно сжимавшихся у переносья, когда на толстыхъ губахъ мелькала улыбка; въ каждой чертѣ этого лица, обрамленнаго красивой окладистой бородой, проглядывала самоувѣренная иронія и то мелочное и, если можно такъ выразиться, грошовое лукавство, составляющее особенную типичную черту торгашей и барышниковъ. Прохоръ Игнатьевичъ Бѣлкинъ, по уличному называемый„ Петлей“, лѣтъ за шесть или за семь до описываемаго мною времени,

выселился изъ г. Кузнецка въ село Локти и открылъ въ немъ лавочку, съ которой мы только-что познакомились. Какъ человѣкъ смѣтливый, имѣвшій нѣкогда лабазъ въ городѣ, онъ скоро освоился съ характеромъ сельскаго населенія и съ чувствительными мѣстами окружающихъ его экономическихъ условій, и въ короткое время не только для Локтей, гдѣ купилъ домъ и завелся прочнымъ осѣдлымъ хозяйствомъ, но и для окрестныхъ селъ и деревень умѣлъ сдѣлаться самою насущною необходимою. Онъ скупалъ у крестьянъ, пользуясь постоянною нуждою ихъ въ деньгахъ, по-мелочамъ медъ, воскъ, хлѣбъ и другіе продукты, какими богатъ кузнецкій округъ; бралъ и скотъ, задавалъ деньги инородцамъ подъ зимній уловъ звѣря и ежегодно по первому зимнему пути отправлялъ купленный по-мелочамъ и забезцѣнокъ товаръ значительными обозами въ Томскъ, гдѣ продавалъ съ тройною выгодой. Давалъ онъ и деньги въ ссуду застигнутымъ какою-нибудь крайностью крестьянамъ: пріѣзжали-ли напримѣръ, волостные чины за сборомъ податей,—угрожаемые розгами въ случаѣ неуплаты денегъ неимущіе шли къ нему; падалъ-ли у кого скотъ, — онъ не отказывалъ просителю въ деньгахъ на покупку новаго, но только облагодѣтельствованные имъ мужички долго потомъ не могли оправиться отъ его обязательной ссуды и немало дивились, почесывая затылки, наростающимъ процентамъ, хотя предусмотрительный Прохоръ Игнатьевичъ всегда умалчивалъ объ нихъ при ссудѣ. И въ нѣсколько лѣтъ небольшой, вывезенный имъ капиталецъ, благодаря подобному веденію дѣлъ, возросъ до значительнаго, а съ расширеніемъ

оптовыхъ операцій Прохоръ Игнатьевичъ и не сидѣлъ уже въ лавочкѣ, предоставляя мелочную торговлю супругѣ своей; но наканунѣ Спаса, храмоваго съѣзжаго праздника въ Локтяхъ, онъ, усердно перекрестившись на всѣ четыре стороны, самъ открылъ окно или прилавокъ и сидѣлъ въ ожиданіи не покупателей, а болѣе продавцовъ своего товара изъ нужды въ деньгахъ ради праздника; а что они будутъ, онъ зналъ по опыту предшествовавшихъ лѣтъ.

Задолго еще до разсвѣта и въ богатыхъ домахъ, и въ бѣдныхъ избахъ обитателей села Локти, проснулась въ этотъ день жизнь, но не обыденная съ ея незатѣйливыми требованіями, а полная предпраздничныхъ приготовленій и хлопотъ. Вездѣ мыли и выскабливали полы, лавки и подоконья, подбѣливали печи и стѣны. Изъ трубъ клубами валилъ дымъ, разнося по селу жирный запахъ варившихся щей или приготовляемаго студня. То на томъ, то на другомъ дворѣ раздавался жалобный предсмертный крикъ закалываемаго поросенка, или курицы, или тревожное га-а-га-а-га избѣгавшаго поимки гуся. Около избъ, на шестахъ, продернутыхъ между плетней и заборовъ, провѣтривались нарядныя платья и шушуны, вынимаемые изъ кованныхъ сундуковъ только въ годовые праздники. Пологій берегъ рѣчки, протекавшей за селомъ, тихій и пустынный въ другіе дни, ожилъ отъ кипѣвшей на немъ дѣятельности; ярко сіяли мѣдные самовары, иконы и кресты, вычищенные для праздника квасною гущей съ пескомъ; говоръ и смѣхъ чистившихъ ихъ женщинъ и дѣвушекъ, перемывавшихъ вмѣстѣ съ ними и деревянную посуду или тутъ-же на рѣкѣ потрошившихъ

свѣжую рыбу и только-что заколотую птицу для праздничныхъ пироговъ, визгъ и плесканье дѣтей, бродившихъ въ водѣ съ засученными на груди рубахами, хлопанье вальковъ по намоченному бѣлью, покрываемое порою рѣзкимъ стукомъ плотничныхъ топоровъ, свистомъ пилы или криками плотниковъ: „ну-ну наваливай, при-и, при... при-и, при“! устраивавшихъ наскоро Іорданъ по найму отъ церкви. Мѣстами по берегу высоко-поднимавшіеся столбы чернаго дыма отъ костровъ, на которыхъ опаливали только-что освѣжованныхъ свиней, придавали всей этой картинѣ оригинальный колоритъ, полный какого-то дѣвственнаго юмора. Изъ узенькихъ, ничѣмъ не прикрытыхъ, оконъ бань, кучами разбросанныхъ по берегу вдали отъ жилыхъ строеній, поминутно слышалось: „тя-я-я-тя-тя... о-о-о... га-га-га... пожги его, пожги!..“ и другіе выкрики парильщиковъ, раздававшіеся подъ хвощъ свѣжихъ березовыхъ вѣниковъ, и, не стѣсняясь нескромныхъ взглядовъ, и старушки, и молодыя женщины, едва прикрывшись, перебѣгали изъ бань черезъ улицу, а мужья ихъ прямо изъ бань бросались въ холодныя рѣчныя струи, ныряя и перекидываясь острымъ словцомъ съ работавшими на берегу молодицами и дѣвушками.

На паперти старинной каменной церкви, стоявшей на окраинѣ села среди зеленѣющей площади, трапезникъ, съ засученными выше локтя рукавами у рубахи, также чистилъ тряпицей съ мелко-натертымъ кирпичемъ иконы въ старинныхъ серебрянныхъ ризахъ, подсвѣчники и кадильницы, сложенные въ кучку около корыта съ квасною гущею, какой онъ обливалъ ихъ передъ чисткой, а причетникъ,

молодой еще человѣкъ въ ситцевомъ халатѣ и въ сапожныхъ опоркахъ, надѣтыхъ на босую ногу, выхлопывалъ отъ пыли рясы, эпитрахили и покровы съ аналоевъ. Неподалеку отъ церкви, въ пустомъ амбарѣ, примыкавшемъ къ дому дьякона, происходила спѣвка четырехъ крестьянскихъ мальчиковъ подъ наблюденіемъ самого дьякона, отбивавшаго тактъ книгой въ замѣнъ камертона о дно опрокинутаго полубочья и басомъ вторившаго имъ: „бла-а-ажи-и-ити-итя-я богго-о-о-рродице-е-е!..“ Ни одинъ человѣкъ не оставался въ этотъ день въ селѣ Локтяхъ безъ занятія, и дѣти, вмѣсто игръ, то провѣивали на заднихъ дворахъ крупу для праздничной каши, то выхлопывали отъ пыли холщевые половики и настилали на вымытые полы свѣжую провѣянную солому. По улицѣ, по направленію отъ церкви къ устраиваемому Іордану, взвивалась густая пыль отъ сметаемаго съ нея навоза, подъ набюденіемъ сельскаго сотскаго. Даже ветхій старикъ поскотникъ, сидя около своей землянки, ковырялъ заостреннымъ гвоздемъ прорванный бродень, стягивая прорѣху въ немъ тонкой бичевкой, желая показаться въ годовой праздникъ не босикомъ, какъ въ обычные дни. Не напрасно сидѣлъ и Прохоръ Игнатьевичъ: къ его прилавку, едва открылся онъ, подходили одинъ за другимъ и покупатели, и продавцы; съ неизмѣнной улыбочкой онъ выхвалялъ однимъ свой товаръ и принималъ отъ другихъ подъ залогъ или вмѣсто денегъ приносимую ему живность и вещи. Съ каждымъ онъ находилъ, о чемъ поговорить, а если пришедшій былъ попроще другихъ, то не отказывалъ себѣ въ удовольствіи и подшутить надъ простотою его.

— Отдавай медъ-то по три за пудъ, а?.. уговаривалъ онъ пожилого крестьянина, въ ситцевой густо-пропотѣвшей на спинѣ рубахѣ, стоявшаго у прилавка.

— Божій ты человѣкъ, вѣдь медъ-то восемь рублевъ пудъ — суди-ко!.. отвѣтилъ онъ болѣзненно-ноющимъ голосомъ; — проѣзжающій нонѣ сказывалъ: береги, говоритъ,— въ цѣнѣ медъ-то!..

— Ну коли въ цѣнѣ, то мнѣ не надоть!...

— Прохоръ Игнатчъ... и ей Богу... мнѣ-бы всего три рублика сдѣлл... милость, по гробъ-бо!..

— Отдавай медъ,—ссужу!..

— Убытошно, родимый... положь хоша по шести-то?..

— Убытошно-то, убытошно — это чего говорить, да и деньги-то нонѣ на полу не валяются!—отвѣтилъ Прохоръ Игнатьевичъ тономъ, въ которомъ звучно задребезжала нота: „убыточно, а все-таки отъ нужды отдашь“!

Понялъ эту ноту и мужичокъ и молча почесалъ затылокъ.

— А-ахъ, убытокъ! произнесъ онъ послѣ минутнаго раздумья. Положь хоша по пяти-то съ полтинкой, а? робко спросилъ онъ, глядя на него заискивающимъ расположенія взглядомъ, какой невольно свойственъ бѣдняку, поставленному въ безвыходную зависимость отъ богатаго и сильнаго человѣка.

— Есь-ли шляны-то?.. спросилъ въ это время, подходя къ прилавку и здороваясь съ Прохоромъ Игнатьевичемъ, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, съ добродушно-наивнымъ выраженіемъ въ плоскомъ лицѣ, обрамленномъ рыжею бородою.—

Купилъ нонись въ городѣ, да прорвалась, братецъ, а праздникъ!..

Прохоръ Игнатьевичъ молча сдернулъ съ полки и подалъ ему три поярковыхъ шляпы.

— Отдаешь што-ли?.. обратился онъ къ первому, пока вновь пришедшій примѣривалъ шляпы, осматривая и тульи, и поля ихъ къ свѣту.

— Убытокъ!..

— А ты-бы подороже хотѣлъ, ась?.. при нужѣ-то братъ съ лихвой не продашь: куды хошь поди!..

— А што къ примѣру за эфтакую снасть?— улыбаясь и потряхивая на головѣ надѣтой шляпой, спросилъ покупатель...

— Съ другого-бы полтину, а съ тебя семь гривенъ! отвѣтилъ онъ, не глядя на него.

— Охъ, ѣшь те мухи!.. за какія-бы провины?..

— На то шляпа! таперича, коли ты въ эфтакой шляпѣ, то, знашь, всѣ дѣвки засмотрятся!..

— Оно-бы... и-и... на руку, да баба-то у меня!...

— Съ полымя рветъ?

— Ржа... Ну, полтину-то, кругля счетъ, а?.. спросилъ онъ, снимая ее и снова осматривая къ свѣту.

— Не по пути ѣздишь — ободья сотрешь!.. меньше семи таперича эвтакой шляны и въ городѣ не купишь, потому видишь и фабрикантъ, если тебѣ растолковать, первѣющій — одно слово, сортъ-шляпа: гляди!.. говорилъ онъ, указывая ему на приклеенный внутри шляпы ярлычекъ.

— Полтина-то съ пятакомъ за глаза-бы, а?..

— Съ тобой на полтину-то одного разговору израсходуешь!...

— Прохоръ Игнатчъ! сдѣли... милость... не держи; и ей-Богу, нужа! — ноющимъ голосомъ прервалъ его первый.

— Нешто ты привязанъ?.. отдавай медъ и деньги въ руки: чего ныть-то?..

— Богъ съ тобой!...

— Вѣстимо, безъ Бога куда-бы? — тварь и та его славословитъ. А гумашка-то такъ и просится къ тебѣ: а-а-а!.. поглядико?.. проговорилъ онъ, помахивая передъ его глазами трехрублевой асигнаціей, незамѣтно вынутой имъ изъ ящика.

Вскользь посмотрѣвъ на нее, мужикъ отвелъ глаза въ сторону.

— Новенькая, а-ахъ! куй ее, Ваня... хрустъ-то одинъ дороже денегъ... да ты погляди, небойсь... не укуситъ вѣдь!.. смѣясь уговаривалъ онъ мужичка, изъ груди котораго вырвался вмѣсто отвѣта глубокій вздохъ.

— Народъ-то нонѣ, а?.. и отъ денегъ въ-отпоръ!.. замѣтилъ, тряхнувъ головой, покупатель шляпы.

— Народъ нонѣ за-а-аноза: спѣси, што грибовъ весной!..

— Такъ сколько-бишь тебѣ за шляпу-то, ась?..

— Сказано семь!..

— Во-о!.. и шесть-то по сусѣдству — харчъ добрый!.. загибая полу армяка и доставая кожанный кисетъ, съ мѣдными кольцами на длинныхъ ремняхъ, спросилъ онъ.

— Съ котораго ты боку сусѣдъ-то мнѣ?

— Э!.. Нешто не въ одной поскотинѣ-то?..

— Ну экого пригульнаго-то живота, какъ ты, въ сусѣди-то много найдется,—только распахни карманъ!.. отвѣтилъ онъ, пересчитывая поданныя тѣмъ деньги:—а гривната гдѣ?..

— Какая?.. съ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— Ты шесть только далъ...

— Неужъ... а-а!.. обчелся...

— Знаемъ мы, какъ вы обсчитываетесь! давай... давай.

— Будетъ, поди, шести-то, а?...

— Ну... ну, нечего!... молодъ фигуры-то подводить... допрежъ у попадьи научись... какъ съ чужихъ горшковъ смѣтану снимать... вываливай-ко!..

— Я-бы того... ей-Богу, слышь донесу опосля...

— О-о... штобъ тебѣ... купитъ на грошъ, да на рубь наломается... подавай шляпу... рыломъ ишшо не вышелъ носить ихъ...

— И жадный-же... у-ухъ!... произнесъ мужикъ, снова доставая кисетъ и отсчитывая ему недоданную гривну.

— Вотъ и учись оболванивать-то!.. началъ Прохоръ Игнатьичъ, опуская деньги въ ящикъ:—шляпа-то всего сорокъ копеекъ стоитъ, а ты семь гривенъ далъ: э-эхъ наземный дворянинъ!..

— Соро-окъ?.. удивленно спросилъ мужикъ...

— И ей-Богу, ха-ха-ха!..

— Вре-ешь?.. съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства снова спросилъ тотъ.

Но Прохоръ Игнатьевичъ залился уже звонкимъ дребез-

жащимъ хохотомъ; даже на унылomъ лицѣ крестьянина, продававшаго медъ, мелькнуло что-то въ родѣ улыбки.

— Дру-у-гъ, неужъ въ-заболь?.. снова обратился онъ къ Прохору Игнатьевичу, когда взрывъ хохота его стихъ и только по-временамъ вылетали оторванныя, однозвучныя всхлипыванія.

— Тутъ такъ и дру-угъ, а-а... спужалси!... отвѣтилъ онъ, отирая съ глазъ слезы, вызванныя смѣхомъ.

— Спужалси, и ей-Богу!,. наживная копейка-то, и-то Ѳедору Силичу корову запродалъ. Оно шутка што-ль, ни за што отдать? три гривны... накла-адно!.. хе... де-еньги!.. говорилъ онъ, отходя отъ прилавка, съ надѣтой на головѣ шляпой и видимо повеселѣвъ.

— Будь ты по божески Прохоръ Игнатчъ! приступилъ по уходѣ его мужичокъ, продававшій медъ.—Дай хоша по пяти-то съ полтиной... не зори для праздника.

— Не струна, болѣзный!.. съ жалостью въ голосѣ отвѣтилъ ему Прохоръ Игнатьевичъ, и пристально посмотрѣлъ на пожилого крестьянина, подошедшаго къ прилавку и молча облокотившагося на него.

— Неужъ ты по четыре пудъ хошь?...

— Нужа, такъ и по три отдашь!...

— Сдѣлл... милость... надбавь хошь рубликъ-то... для робятокъ-то малыхъ...

— Не фартуна, товарищъ!..

— А-хъ, Богъ со тобой!.. отвѣтилъ тотъ надорваннымъ голосомъ, всплеснувъ руками по бедрамъ — и чрезъ мгновеніе, какъ-будто машинально принявъ изъ руки Про-

хора Игнатьевича новенькую трехрублевку, соблазнительно мелькавшую передъ его глазами, долго и пристально всматривался въ нее, какъ-бы вникая въ смыслъ скрытой въ ней силы.

— Такъ и думалъ, што ты съ деньгами придешь: лѣвая ладонь иззудилась... што-молъ за грѣхъ? никакъ, Митрофанъ придетъ!.. прищурившись, обратился Прохоръ Игнатьевичъ ко вновь пришедшему, пока продавшій медъ мужичокъ, завернувъ въ тряпицу бумажку, положилъ ее за пазуху и, не поклонившись своему благодѣтелю, отошелъ отъ прилавка.

— Нѣту, другъ!... отвѣтилъ Митрофанъ.

— А ты, помнится, къ Спасу сулилъ отдать, а?..

— Прогорѣлъ... не сбился деньгами-то... абожди: ужо я тебѣ первому; самъ то-ись безъ рубахи буду, а тебѣ отдамъ! Не купишь-ли нетель?..

— Большая?...

— Полуторникъ!..

— Штожъ... коли цѣной выйдетъ, можно!

— Отъ хорошей коровы-то: другому-бы и не продалъ; и баба-то на племя хотѣла оставить, да нужа, нужа, другъ, совсѣмъ заѣла; рубля два дашь?

— Веди!..

— Добрая нетель-то.

— Веди, веди: пощупаемъ...

Митрофанъ еще что-то хотѣлъ сказать, но только тряхнулъ головой и побѣжалъ вдоль улицы. По уходѣ его Прохоръ Игнатьевичъ досталъ изъ простѣночнаго шкафа тол-

стую книгу, въ кожанномъ, истрепавшемся отъ времени переплетѣ, исписанную гвоздеобразными буквами и цифрами, выроставшими для крестьянъ въ неоплатные долги. Надѣвъ круглые очки въ мѣдной оправѣ, онъ медленно перелистывалъ ее. Къ прилавку подошла дѣвушка, въ простой холщовой рубахѣ и юбкѣ, съ краснымъ платкомъ, повязаннымъ на головѣ, концы котораго, падая на полную грудь, прикрывали ее.

— А-а, Марьюшка... не путемъ-ли дорожкой?.. встрѣтилъ онъ, протягивая ей руку.

Она стыдливо потупилась...

— Спѣси-ива... ну, ну, не стыдись... Я вѣдь расхожій мужикъ-то.... и онъ щипнулъ ее около одного изъ концовъ платка.

Закраснѣвшись еще сильнѣе, дѣвушка отодвинулась отъ прилавка, прикрывъ грудь руками.

— Хе, хе, хе!.. и слезящіеся глаза Прохора Игнатьевича впились въ нее.—Перстенекъ штоль?... спросилъ онъ...

— Чайку бабушка просила!... тихо отвѣтила она.

— Золотничекъ, небось... да сахару на приглядку, а?.. А перстенекъ-то... глянь-ко... а-ахъ, распори его вилами, ж-жа-аръ!.. вынувъ одинъ изъ перстней и повертѣвъ имъ передъ ея глазами, говорилъ онъ: купи!

— На какія деньги-то?.. тихо спросила она.

— Эфтакой кралѣ можно и въ долгъ повѣрить: не пропадетъ... и онъ подмигнулъ ей:—подарить, а?

— Ненадоть!.. искоса взглянувъ на него, прошептала она.

— Того-бы, а?!. а перстенекъ-то, а-ахъ!.. да ты небойсь: поквитались-бы!.. што старъ-то... да ты не брезгуй... бородой-то не колетъ... иной старый-то лучше молодого... а?.. и онъ залился сиплымъ грязнымъ хохотомъ...

Окончательно сконфуженная дѣвушка закрыла лицо концами платка...

— И какъ не взглянешь на Прохора, все-то онъ съ дѣвками!.. шутливо произнесъ подошедшій крестьянинъ съ новой сыромятной сбруей на плечѣ, украшенной кольцами и бляхами...

— Не съ тобой-ли языкъ точитъ?.. желчно отозвался онъ, пряча перстень въ ящикъ и снимая вѣсы, подвѣшенные къ потолку за одну изъ цѣпей.

— Копейка-то въ недоимку пойдетъ, а?.. спросилъ онъ у Марьи, принимая положенный ею на прилавокъ мѣдный пятакъ.

— Я скажу ужо бабушкѣ!..

— Скажи, штобъ она напредки глаза-то гущей протирала... не въ первой беретъ, знаетъ цѣну-то!—А ты куды это со сбруей-то?.. спросилъ онъ крестьянина, когда, подобравъ свертокъ съ чаемъ, дѣвушка ушла.

— Къ тебѣ.. авось, думаю, рубликъ дашь!..

— Што мало!.. спросилъ онъ, пристально осмотрѣвъ сбрую.

— Будетъ!..

— Проси болѣ, не робѣй!.. Въ Москвѣ не бывалъ?

— Нѣтъ!

— Съѣзди!..

— Зачѣмъ?

— Науку произойдешь!.. тамъ, слыхать, толсто куютъ да тонко носится; тогды ужь и приходи въ долгъ подъ сбрую просить, оболванишь!..

— Ты ремни-то огляди: кто тебя балванитъ? неужъ не стоитъ рубля-то?.. вытягивая предъ нимъ длинные упругіе ремни ея, говорилъ онъ,—одной мѣди-то на рубь будетъ: чего боишься? отдамъ!..

— Я вашу-то отдачу давно ужь на водѣ мыломъ записываю; нонѣ у меня другіе порядки!...

— О-о!..

— Такъ точно!..

— Никакъ, къ меду приговариваешься!..

— Неси: отвѣдаемъ!..

— Меда у меня, тоись... языкъ проглотишь!..

— Небойсь... онъ у насъ крѣпко привязанъ!..

— Такъ не берешь сбруи-то, а?..

— Къ зимѣ приноси; двѣ гривны дамъ!..

— За экую-то сбрую двѣ гривны, а?.. фю-ю-ю!.. видать тоже, московскій-то трахтъ топталъ, говорилъ онъ, отходя отъ прилавка, но, дойдя до середины улицы, остановился. Крестьяне, выметавшіе улицу, криками и хохотомъ встрѣтили въ это время Митрофана, который велъ телку; конецъ веревки былъ обвязанъ узломъ на шеѣ. Упиравшаяся телка. съ ревомъ прыгая въ стороны, мотала головой, стараясь высвободить голову и увлекая за собой своего вожатаго. Едва онъ подтащилъ ее къ воротамъ, Прохоръ Игнатьевичъ спустилъ ставень и вышелъ во дворъ.

— Ну и Божья скотинка, упарила!.. снимая теплую шапку и отирая крупный потъ со лба полой рубахи, говорилъ онъ, не выпуская все-таки изъ рукъ конца веревки, между тѣмъ какъ Прохоръ Игнатьевичъ, подойдя къ телкѣ, осматривалъ ее, щупая у нея конецъ хвоста и выпуклости на лбу...

— Веди въ стайку!.. сказалъ онъ, видимо оставшись довольнымъ осмотромъ ея, и войдя въ лавку, спустилъ прилавокъ, около котораго стоялъ уже закладчикъ сбруи.

— Почемъ ты меда-то берешь?.. спросилъ онъ, едва Прохоръ Игнатьевичъ укрѣпилъ на крючья спущенный прилавокъ.

— По меду и цѣна, милый другъ... разговоръ одинъ... съ улыбкой отвѣтилъ онъ...

— Сле-езница медъ-то!...

— И слеза-то, другъ, разная бываетъ: ино дѣло дѣвичья, ино мужичья; каковъ на скусъ?.. скажи-ко...

— Отмѣнный!.. вѣрь... для тебя только за восемь рублевъ пудъ отдамъ!..

— А-а!.. видать, што сладкой!.. съ иронiей произнесъ Прохоръ Игнатьевичъ, пристально смотря на него.

— Сластена! говорю, языкъ проглотишь...

— Не носи, коли такъ...

— О-о!.. штожъ?..

— Боюсь за языкъ... и въ самомъ дѣлѣ этакъ съѣшь его и не услышишь, а наше дѣло торговое—куды пойдешь безъ языка?.. ужò подожду какого ни-на-есть подешевле... этакъ рублика въ три!..

— Въ три-и?.. да гдѣ ты экого возьмешь?.. съ удивленіемъ спросилъ мужикъ.

— Деревня-то велика и праздникъ-то завтра не малый: кто ни на-есть и навернется; а ты сбѣгай-ка къ Захаркѣ, спроси, за какую цѣну онъ мнѣ медъ-то продалъ, а его меда лучше твоихъ и мужикъ-то онъ на видъ показистѣй тебя... прищурившись, съ насмѣшкой въ голосѣ говорилъ Прохоръ Игнатьевичъ.

— Это Захарка-то?.. обидчиво спросилъ тотъ.

— Захарка!.. у него однего ума въ беремя не обхватишь!..

— У Захарки-то?..

— У Захарки. Съ нимъ таперича и дѣла вольготно вести: не ломается, всѣ порядки знаетъ; таперича супротивъ Захаркиныхъ медовъ во всемъ околодкѣ не найдешь!..

— А-а!.. съ обидчивой въ свою очередь ироніей протянулъ тотъ...

— Вѣрное слово... и то онъ по три рубля пудъ отдалъ, а твои-то меда я знаю!...

— Худые нешто? съ сарказмомъ спросилъ онъ.

— Окромя тьфу... и рѣчи не найдешь!.. одного сору не оберешься!..

— О-о!.. гляди-жъ!..

— Такъ точно... твой медъ супротивъ Захарки на што деготь супротивъ Божьей росы, а тоже восемь рублевъ за пудъ ломишь, хе-хе-е... Смѣшной ты человѣкъ, съ котораго боку ни посмотри на тебя!...

— Это я-то?.. конфузливо взглянувъ на него, спросилъ мужикъ.

— Окромя тебя кому-жъ за хвасню въ побасенку войдти!..

— А ты знашь, што мой медъ таперича настоящій липовый, а Захаркинъ со всякой травы, знашь, а?.. вдругъ весь вспыхнувъ и отъ внутренняго волненія вскинувъ шапку на затылокъ, спросилъ онъ, задѣтый за живую струну своего самолюбія. — Штобы это таперича мой медъ да хуже Захаркина!.. съ разстановкой повторилъ онъ: — сто-о-ой!.. хошь объ закладъ? я-те такого меду пудъ принесу, што твоему Захаркѣ отъ завиди лопнуть, а?.. рѣшительно спросилъ мужикъ, протягивая ему руку.

— Неси—отвѣдаемъ!..

— Пропадай и цѣна, коли на то пошло... штобы таперича мои меда да хуже Захаркиныхъ, а?.. да ты съ мово-то меду пальцы оближешь: вотъ што-о!.. говорилъ онъ, возвышая голосъ отъ экстаза, въ который постепенно входилъ.

— Неси, неси: посмотримъ, — оближемъ аль нѣтъ!.. насмѣшливо подстрекалъ его Прохоръ Игнатьевичъ.

— Нѣ-ѣтъ... Я те за три-то рубля меду дамъ,—языкъ проглотишь... Захарка... хе... нашо-о-олъ!.. Мой-то пасекъ исконный, а его безъ году недѣля, да штобы его меда лучше моихъ... погоди-и-и!

— Ты неси наперво, а потомъ ужь кудахтай... што яичко снесъ... слышь?..

— Принесе-е-емъ!.. штобы Захарка... Сто-о-й!..

Но Прохоръ Игнатьевичъ вмѣсто отвѣта залился своимъ дребезжащимъ хохотомъ, котораго впрочемъ оскорбленный

пчеловодъ, повидимому, не слыхалъ. Весь поглощенный мыслью объ унизительномъ сравненіи, онъ, безсознательно поправивъ шапку на головѣ, отошелъ отъ прилавка бормоча: — подожди-и... я ужо!..

— Видалъ дураковъ?.. произнесъ вслѣдъ ему Прохоръ Игнатьевичъ, обратившись къ Митрофану, который давно стоялъ поодаль отъ окна, терпѣливо прижавшись къ стѣнѣ.

— На міру-то чего не увидишь!.. уклончиво отвѣтилъ онъ, подходя къ прилавку.

— Принесетъ!.. даромъ отдастъ, — только похвали... за-адорный!.. и Прохоръ Игнатьевичъ снова заколыхался отъ смѣха. — О-хъ, горе съ этими деньгами: только твореніе безсловесное не стяжаетъ!.. со вздохомъ произнесъ онъ вдругъ послѣ непродолжительной паузы, облокотившись всѣмъ корпусомъ на прилавокъ; но въ глазахъ его сверкнула совершенно противуположная его философскому настроенію мысль. — И ты, поди вотъ, денегъ ждешь, а по моему счету никакъ съ тебя доводится, а?..

— Прохоръ Игнатычъ!.. испуганно проговорилъ Митрофанъ: обожди сердешный!..

— Не докедова ждать-то, милый? денежка, што корова, уходъ любитъ: разъ не подой ее во-время, да въ другой, да въ третій, такъ и съ молокомъ простись, — доставая знакомую уже намъ книгу въ кожаномъ переплетѣ, повторилъ онъ. — Ты къ Святой пять рублевъ бралъ, — сулилъ къ лѣту отдать, да въ іюлѣ два рубля на подать съ посуломъ къ Спасу принести?...

— Не справился... вѣрь!..

— Объ этомъ разговоръ опосля пойдетъ!.. прервалъ его Прохоръ Игнатьевичъ, проложивъ съ книги на большихъ счетахъ цифру семь рублей...

Митрофанъ молча съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Ржи ты восемь пудовъ принесъ да льну два, почемъ кладешь пудъ-то?..

— Рожь-то о ту пору съ лишнимъ три гривны была!..

— А ленъ?..

— Восемь гривенокъ положь за пудъ-то, и-то ужь по знакомству-будто, а-то все-бы съ рубликъ надоть.

Прохоръ Игнатьичъ, быстро сдѣлавъ разсчетъ на счетахъ, сбросилъ съ цифры семь два рубля...

— Съ рубь-то останется-ли за мной?.. спросилъ Митрофанъ...

— Поболѣ, другъ.

— Откедова это такъ? съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— На то счетъ... складывай по пальцамъ, бралъ ты у меня семь рублевъ.

— Семь!..

— По пятнадцати копеекъ пудъ ржи — сколь?.. рубь двадцать?

— По пятнадцати-и-и... што ты, што ты кладешь это?.. съ удивленіемъ произнесъ онъ.

— Ну сбросимъ, коль много?..

— И тридцать-то въ убытокъ... Андели съ тобой!

— Убытокъ, а-а!..

— Слезный... и ей-Богу... вѣдь и тридцать-то ужь я по знакомству тебѣ отдаю!..

— Значитъ ты свою линію соблюдаешь?.. Подавай деньги на-чисто... и весь разсчетъ въ эфтомъ!..

— Прохоръ Игнатычъ... штожъ это?.. а-ахъ ты Господи!.. по пятнадцати копекъ пудовка ржи, — есь-ли Богъ-то у тебя?.. Слыхали-ли добрые люди?.. всплеснувъ руками, обратился онъ къ улицѣ; но улица была совершенно пуста и изъ добрыхъ людей, знакомыхъ съ порядками Прохора Игнатьевича, никого не было на ней...

Прохоръ Игнатьевичъ тѣмъ временемъ спокойно закрылъ книгу, и неторопливо положивъ ее въ шкафъ, возвратился къ прилавку...

— Не напасть-ли это?.. Уважь хоть для праздника-то, родимый!..

— Сущее безобразіе! таперича, возьми нечисть—свинью, и у той есь анбиція... тьфу-у!.. и онъ желчно плюнулъ, — што ты жалобишься-то, а?.. гдѣ болитъ?

— Какъ не болѣть?... за што ты зоришь?.. и въ надорваномъ голосѣ Митрофана послышались слезы.

— Кто кланялся... когды деньги брать, — ты аль я? возми-де: карманы трутъ, а?..

— Нужа, — такъ не токма поклонишься, слезами всплакнешь!..

— Э!.. А какъ ты таперича касательно то-ись своего ума... твои это деньги, аль чьи?..

— Твои, кто говоритъ!.. такъ я... тово...

— Мои-и-и!.. а-а?.. значитъ, ты мнѣ ихъ въ карманъ не клалъ?..

— Изъ какихъ достатковъ-то по чужимъ карманамъ

свое добро совать? и своихъ-бы дыръ... досыта... добра-то нѣтъ, а прорѣхъ-то много!..

— Послушать, какую ты мнѣ отповѣдь скажешь къ примѣру на эфтакую причту: взялъ-бы я, значитъ, у тебя семь рублевъ да опосля-бы того и заны-былъ: Митрофанъ Василичъ такъ и такъ молъ... сердешный другъ мой о пяти копытахъ, есь промежъ насъ счетъ, сирѣчь недоимочка: семъ-ко, принесу я те восемь пудовъ ржи, да два пуда ленку, да комолую телку безъ хвоста въ придачу...

— Къ примѣру штожъ?.. прервалъ тотъ.

— Къ примѣру-то мы причту гонимъ: распахни ушито... на то и выростилъ съ капусный листъ, и трахтую-бы: рожь-то молъ ты бери по три гривны, потому, значитъ, мнѣ такая линія, ленъ-то бы по знакомству безъ мало рубь, а ужъ телку-то, хошь и красная цѣна ей восемь гривенъ, ну да для тебя будто за два рубля отдаю, а остальное, значитъ, въ отвиляѣ мѣсяцѣ, што въ одномъ году съ Касьяномъ живетъ, счетъ сведемъ, а на томъ свѣтѣ расплотимся. Нуткось, размахни умомъ-то разумомъ?... а!

— Штожъ? по душѣ значитъ!..

— Чего?...

— Къ примѣру чего говорилъ-то!..

— А што я говорилъ-то, оповѣсти?..

— Ну значитъ, што-жъ? пошто не подождать къ примѣру, еслибъ ты и того... неровенъ часъ, всѣ подъ Богомъ!.. съ разстановкой отвѣчалъ онъ.

— Фатюй, ты фатюй, вся то-ись и цѣна-то тебѣ вытертый грошъ!.. Не обида-ли таперича съ вами, дураками,

дѣло вести, а?.. Ну какое у васъ есть понятіе касательно уваженія за добро, а?.. и ума въ обиду Богъ далъ, а все наровите подъ свой ноготь!.. И вотъ тебѣ мое послѣднее слово... или подавай деньги, или подь съ Богомъ и не знай меня, слышалъ?.. рѣзко-визгливымъ тономъ произнесъ въ заключеніе Прохоръ Игнатьичъ.

— Грабь, грабь, твоя воля!.. со вздохомъ отвѣтилъ Митрофанъ.

— Што-о?..

— Грабь, говорю, хватай на гробъ, авось съ грабежу-то горой раздуетъ!.. Петля, такъ петля и есть: дави міръ-то на свою душу, грабитель!..

— А-а!.. сто-ой!.. и Прохоръ Игнатьевичъ, весь позеленѣвъ, быстро спустилъ ставень и, выскочивъ изъ лавки, побѣжалъ къ воротамъ; но когда онъ отворилъ калитку, Митрофанъ, сорвавшій свое горе бранью, поспѣшно шагалъ уже въ концѣ улицы,— „а-а... воръ, приде-е-ешь“!.. процѣдилъ онъ сквозь зубы вслѣдъ ему и, почесавши около пояса, съ сердцемъ захлопнулъ калитку.

Прохору Игнатьевичу не въ первый разъ приводилось слышать подобную оцѣнку своей дѣятельности отъ бѣдняковъ, попавшихъ въ зависимость къ нему. Но сознавая свое превосходство надъ этимъ людомъ, стоявшимъ по его понятіямъ ниже всякой нечисти, онъ снисходительно относился и къ брани ихъ, зная, что нужда приведетъ оскорбителя съ повинной къ нему и дастъ ему случай въ возмездіе за оскорб-

леніе нажить лишній рубль. Прохоръ Игнатьевичъ былъ человѣкъ практическій съ своеобразно-выработанными принципами и взглядами на соціальныя отношенія.

— Таперича энтотъ самый Митрошка,—говорилъ онъ, спустя нѣсколько времени послѣ описанной нами сцены, стоявшему у прилавка тщедушному и подслѣповатому старику, выплакавшему у него рубль подъ будущій умолотъ хлѣба—придетъ и накланяется, и ей-Богу, въ ноги накланяется!..

— Накланяется!.. прожевалъ въ отвѣтъ старикъ.

— Ну, куда онъ пойдетъ таперича, коли за податью пріѣдутъ, а?..

— Накланяется!.. снова повторилъ старикъ.

— Крутъ я сердцемъ, дядя Василій, да одно горе—жалосливъ: увижу, человѣкъ убивается, — и изниметъ меня этая самая жалость и прощу...

— Какъ не взять жалости, особливо когды дерутъ...

— Это точно!

— Бѣда энто, какъ станутъ драть: вчужѣ сердце изноетъ!.. Прости-же; дай Богъ тебѣ: я ужо то-ись безпримѣнно.

— Не хвались до-время: на посулѣ-то вы всѣ, какъ на стулѣ!..

— То-ись, какъ смолочу, — вѣрное тебѣ слово. Я на отдачу легкой... но-очей не сплю, убиваюсь.

— Ну, ну, когды принесешь, тогды ужь похвалимъ, а то не ровенъ часъ... изурочимъ тебя, съ ироніей отвѣтилъ онъ кланявшемуся старику.

Всѣмъ приходящимъ Прохоръ Игнатьевичъ разсказывалъ, только съ различными варіаціями, о неблагодарномъ поступкѣ съ нимъ Митрофана, назидательно добавляя въ концѣ каждому просителю: „вотъ и дѣлай добро вашему брату“! Только когда мужичокъ, приносившій сбрую, принесъ обѣщанный имъ медъ въ небольшой бадейкѣ, Прохоръ Игнатьевичъ почему-то умолчалъ предъ нимъ о сценѣ съ Митрофаномъ.

— И взаболь съ медомъ, а-а!.. грѣшный человѣкъ... думалъ, ты только хвасней мою душу тѣшилъ!.. Весело встрѣтилъ его Прохоръ Игнатьевичъ; — ну-ко, ну-ко: пожуемъ, каковъ онъ у тебя?..

— Отвѣдай-ко!.. отвѣтилъ тотъ тономъ человѣка, который чувствуетъ, что и въ немъ имѣютъ нужду, поставивъ на прилавокъ бадью и снимая съ нея крышку. Давай-ко ложку?...

— И пальцами живетъ...

— Давай; ужъ я знаю, на што!..

— Ну-ну, возьми, побалуй: куда тебя дѣвать-то!.. и, взявъ изъ большой хлѣбной чашки одну изъ новыхъ деревянныхъ ложекъ, онъ подалъ ему.

Зачерпнувъ изъ бадьи меду на ложку, тотъ поднялъ ее къ свѣту высоко надъ бадьей, и чистый прозрачный, какъ янтарь, медъ свисъ съ ложки въ видѣ сталактита.

— Што-о-о?.. горделиво спросилъ онъ, любуясь имъ: — сорный, ась?.. У Захарки, скажешь, такой-же?..

— У всякаго свой сортъ, братецъ!..

— Такой-же штоль, ну-ко?..

— Энтотъ почище... чего говорить? и тебя похвалить надоть!..

— А-а!.. а ну-ко поѣшь!..

— Закусимъ... ужо хлѣбца-бы!

— Ѣшь,—не разорветъ: медъ—слеза!..

— Сжога живетъ у меня со спастены-то!

— Ѣ-ѣшь!.. не ломайси!.. и зачерпнувъ меду на ложку, онъ подалъ ему.

— Инъ быть по-твоему!.. и перекрестившись Прохоръ Игнатьевичъ слизнулъ медъ съ ложки и медленно засмаковалъ его.

— Што-о? не липа, а?..

— Скусъ... того... точно!.. медленно и видимо съ наслажденіемъ глотая его, отвѣтилъ Прохоръ Игнатьевичъ.

— У Захарки, небось, энтакой-же, ну-ко?..

— Што ты Захаркой-то мнѣ въ носъ тычешь... энто—братецъ, значитъ, по сорту, таперича хоша-бы всякой товаръ возьми; оно выходитъ и доброты одной и цѣны одной, а потому только сортъ!..

Твоему Захаркѣ... знашъ што, а?.. вотъ штобъ мнѣ лопнуть, съ мѣста вотъ штобъ мнѣ не сойдти... экаго меду въ жизть не видать. Захарка, хе-е!.. Мой медъ таперича въ Бейскѣ аль въ Томскѣ, да куды хошь поди, на томъ стою!.. За-ахарка!.. У меня заведенье-то, слава те Господи, отцовское; наша-то пчела таперича, если тебѣ сказать, какая она...

— А какая?.. съ ироніей прервалъ Прохоръ Игнатьевичъ, все время молча слушавшій его.

— Какая?.. то... то... наша-то пчела, знашь теперича, што...

— Пчела, какъ пчела!.. Извѣстно, твореніе у всѣхъ одной масти!..

— Одной!.. Нѣтъ, видать, не одно-ой!.. наша-то пчела таперича, къ примѣру сказать, самая... пшалитурная!.. а-то у Захарки!.. Захаркѣ-то до энтакихъ медовъ ишшо рости и рости надоть!..

— Э-эхъ ты-ы... Мартынъ малоперый!—качая головой прервалъ его Прохоръ Игнатьевичъ:—слушаю это я твой разговоръ и въ толкъ не пойму единственно по неразумію!.. Медъ какъ медъ, пчела какъ пчела — и весь разговоръ; и никакой то-ись особенности нѣтъ, окромя, значитъ, той, что у всѣхъ избы въ шапкахъ, а на твоей и зимой и лѣтомъ плѣшь!...

— Изба!.. ты на заводъ гляди!..

— Любопытно, гдѣ онъ?.. то-ись въ какомъ у тебя царствѣ... покажъ!.. изъ-подъ ручки гляну!..

— А пасекъ-то!.. нѣшто не заводъ?..

— Богатей!.. чего!.. тремъ-то бабамъ унести-ли въ подолахъ заводъ-то энтотъ, а?..

— Смѣйся-я-я!.. обидчиво отвѣтилъ онъ, весь покраснѣвъ.

— Слушать-то тошно!.. смерть это моя... какъ вашъ братъ ломаться начнетъ... то-ись... вотъ тьфу!.. и весь ты тутъ, а тоже я-ста, да мы-сто!.. Говори-ко лучше, што за пудъ-то хошь... сулилъ по три отдать!.. За цѣной не гнаться!

— Ка-а-акъ!.. за экой-то медъ такая цѣна?..

— Бери его съ глазъ!..

— О-о... што круто больно!..

— Бери, бери и глазъ моихъ безъ пути не мозоль, ступай и съ нимъ вмѣстѣ... только мухъ нагналъ... товаръ опакастятъ!.. желчно произнесъ онъ.

— Ты говори!..

— Даромъ-то зубы языкомъ обивать ста-а-ану?.. Жди!.. Берешь три, и деньги возьми; нѣтъ, — отваливай... разговоръ короткой!..

— Всежъ поговорить надоть...

— Хвасню твою на уши мотать, штоль?..

— Какъ-же оно такъ-то?.. Этакъ-то ты настоящую цѣну клади!..

— Говорилъ я тебѣ, аль нѣтъ?..

— Говорилъ... да экъ-то братъ накла-а-а-адно!..

— И поди съ Богомъ. Иного разговору не будетъ?

— Поторгуемся... не такъ-же съ вѣтру!.. зря, значитъ...

— Разговаривай... послушаемъ!..

— Накла-а-а-адно... экъ-то!.. и ей-Богу!..

— Мы ужь слышали это, а ты вотъ новое слово выдумай... попотѣй!..

— Какое ишшо слово?..

— Бери-ко бадью-то!.. Кишь вы... о-о штобъ васъ, тьфу-у!.. въ самый ротъ: а-а-а нечисть!.. тьфу!.. говорилъ онъ, оплевываясь отъ залетѣвшей въ ротъ мухи и отмахивая ихъ отъ усовъ, на которыхъ налинъ медъ. Ну што стоишь?.. гдѣ зудится?.. насмѣшливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, экъ-то станешь продавать свое добро, такъ вѣкъ изъ дерюжной обуни не вылѣзешь, съ раздумьемъ произнесъ онъ, отводя свои глаза отъ насмѣшливаго выраженія Прохора Игнатьевича въ сторону.

— Иного сукна и не наткано ишшо на кафтаны вашему брату... по той вѣрѣ, што поколь свѣтъ стоитъ, мужику шелковъ не потребуется... такъ точно!.. А вотъ бери-ко бадейку-то, да и наше съ кисточкой... никто за воротъ не держитъ!..

— Што ты гонишь-то? Дай одуматься!

— А чего тебѣ торчать-то безъ пути... Вѣдь хмѣлю у меня не ростетъ, тычинъ не требуется, а на мой-бы умъ, коли цѣну даютъ, такъ и бралъ-бы да бралъ и меня-бы въ сердце не вводилъ, а-то вѣдь... ой!.. смо-отри!.. и того не дамъ!.. и онъ, прищуривъ глаза, съ злою улыбкой посмотрѣлъ на него.

— Куды дѣться-то?.. какъ бы про себя промолвилъ мужикъ, съ раздумьемъ посмотрѣвъ въ сторону и медленно почесывая въ затылкѣ.

— Про то и говорю: приде-ешъ!..

— О-о-а-ахъ!.. горе одно!.. Ты подумай каково оно!.. вѣдь этотъ-бы таперича медъ въ городѣ... сколь-бы я выбралъ, еслибъ по фунтамъ, а? да и пудомъ меньше десяти ни въ жизть!..

— Ктожъ те держитъ — и вези!.. Это отъ своей-бы прибыли... да я-бъ душу заклалъ!..

— Вези... хе-е!.. когды уѣдешь, да когды пріѣдешь, а што ѣсть-то станешь?..

— Меду цѣлый заводъ, а чего ѣсть, говоритъ, смѣ-ѣшной ты человѣкъ... надиво! и ей-Богу...

— Смѣйся-я!..

— И ей-Богу, смѣшно... ѣда самая, то-исть... царю лучше не требуется, а ты неужъ хлѣба хошь?..

— А чегожъ?..

— Хе!.. забавный ты человѣкъ!.. хлѣба захотѣлъ, такъ и отдавай и,—будешь съ хлѣбомъ, а не хошь,—медкомъ пробавляйся!.. На-ко, на-а.. вѣдь тебѣ не покажи царскаго-то обличья,—годъ на одной половицѣ протопчешься!.. шутливо произнесъ онъ, вынувъ и помахивая передъ нимъ, какъ и предъ Захаромъ, трехрублевой ассигнаціи...

— Ты съ гривной говорилъ?.. какъ-то вскользь замѣтилъ тотъ.

— Ахъ... чкни... тебя!.. А я думалъ ты забылъ про нее... ну, ну такъ и быть, возьми и гриву!..

— А-а... Прохоръ Игнатычъ, и горько, братъ... да... нну... его!.. со вздохомъ махнулъ рукой, произнесъ мужикъ, принимая деньги.

— Што?..

— Ничаво... ѣшь на здоровье!.. Бѣ-ѣда это наша жизть—робишь, робишь за лѣто-то; на рукахъ мозоли наростутъ, не разогнешь; три шкуры съ рыла-то слѣзетъ, и ей-Богу!.. А все безъ пути... такъ ужъ отъ Бога штоль оно!..

— Вѣрно!.. потому предѣлъ... и не моги... помышленіемъ!.. назидательно отвѣтилъ Прохоръ Игнатьевичъ.

— И все на чужой корманъ только и робишъ, а самъ, и-ей Богу... хоть умри, а робишъ, а-ахъ!.. слезы говорить-

то!.. съ жестами пояснялъ онъ, пряча бумажку въ карманъ...

Въ это время раздался звонъ колокола ко всенощной и звучно прокатился по окрестности... Прохоръ Игнатьевичъ молча набожно перекрестился три раза и спѣшно сталъ прибирать разбросанныя гирьки, вѣсы, счеты и мелкій товаръ, готовясь закрыть лавочку.

Продавецъ меда также перекрестился при звукѣ колокола...

— День-то не видаючи прошолъ!.. замѣтилъ суетившійся Прохоръ Игнатьевичъ, тонъ котораго изъ дерзко насмѣшливаго обратился въ мягкій и благодушный, точно звонъ колокола имѣлъ смягчающее вліяніе на его натуру.

— Нонѣ день-то!.. покороче!., отозвался тотъ.

— Особливо въ разговорахъ-то!.. Кому чего, а языку все работа!.. Струментъ-то неломкій, а то бы за день-то, братъ, на моемъ мѣстѣ... сколь-бы на починку вышло!..

— Ты и языкомъ робишъ, да прибыльно!..

— Ну прибыль-то какъ Богъ дастъ, болѣзный: нонѣ торговля-то со всячинкой... того и гляди, подкуютъ... Около вашего-то брата ходи да оглядывайся!.. отвѣтилъ онъ, запирая ящикъ съ выручкой и опустивъ ключъ въ карманъ...

Не прошло и получаса, какъ Прохоръ Игнатьевичъ, одѣтый въ зипунъ тонкаго чернаго сукна, опоясанный алымъ шолковымъ кушакомъ, степенно шелъ въ церковь, вѣжливо отвѣчая на поклоны встрѣчавшихся съ нимъ крестьянъ. Дневныя хлопоты въ селѣ давно уже стихли; одѣтый попраздничному людъ семьями выходилъ изъ домовъ и спѣ-

шилъ въ церковь; каждый несъ въ рукѣ свѣчу, отлитую изъ свѣжаго воска. Изрѣдка только изъ какой-нибудь избы еще доносился скрипъ косаря о сосновыя половицы, или въ низенькомъ, раскрытомъ настежъ отъ духоты окошкѣ мелькала стройная, съ роскошными упругими формами фигура дѣвушки, только-что вышедшей изъ бани и спѣшно переодѣвавшей чистую сорочку или заплетавшей длинную русую косу, которой-бы отъ души позавидовали тщедушныя обитательницы салоновъ.

Церковная паперть пестрѣла яркими костюмами тѣснившихся на ней богомольцевъ; изъ раскрытыхъ оконъ церкви несся ладонъ, далеко распространяя въ свѣжемъ вечернемъ воздухѣ, напитанномъ ароматами скошеннаго на лугахъ сѣна, свой характерный запахъ, и среди общаго безмолвія стройное церковное пѣніе звонкихъ дѣтскихъ голосовъ помимо воли порождало при этой обстановкѣ какое-то теплое безыскуственное чувство. Только горькая сиротливая бѣдность, какъ-бы стыдясь своихъ заплатанныхъ азямовъ и шушуновъ, стояла поодаль у церковной ограды, и тихо мелькали тонкія зажженныя свѣчи въ рукахъ ихъ.

Съ закатомъ солнца кончилась всенощная и стихло село, чтобы проснуться до зари въ свѣтлый праздникъ. Но далеко за полночь виднѣлся свѣтъ въ одномъ изъ оконъ дома Прохора Игнатьевича, сводившаго счеты дневной прибыли. По веселому лицу его и по рукѣ, бойко бѣгавшей по косточкамъ счетъ, можно было догадаться, что день не обманулъ его ожиданій.

ЮРОВАЯ

Въ декабрьскій вечеръ, въ чисто-прибранной крестьянской избѣ сидѣло трое собесѣдниковъ. Двое изъ нихъ, люди довольно пожилые, имѣли степенный, солидный видъ; дышащая молодостью наружность третьяго отличалась напротивъ неугомонною подвижностью, разлитою не только въ лицѣ его, но и во всей фигурѣ. Особенно не знали покоя руки, то свивавшія на палецъ концы пояска, надѣтаго сверхъ рубахи косоворотки, или крутившіе въ жгутъ полы ея, выпущенныя поверхъ тиковыхъ шароваровъ.

На столѣ передъ ними, среди чайной посуды и тарелокъ съ пшеничными калачами, оладьями и блинами, ворчалъ, пуская густые клубы пара, объемистый самоваръ, называемый въ простонародьѣ „купеческимъ“, а вставленныя въ деревянные подсвѣчники сальныя свѣчи, ярко освѣщая лица присутствующихъ, бросали на выбѣленныя стѣны массивныя тѣни отъ сидящихъ и отъ самовара съ стоявшимъ на комфоркѣ его чайникомъ.

— Ты, Семка, былъ у Ивана-то Николаева? обратился одинъ изъ пожилыхъ собесѣдниковъ къ молодому парню, перетирая полотенцемъ выполосканные стаканы и блюдца.

— Былъ! порывисто отвѣтилъ Семка, точно безотла-

гательно спѣшилъ куда-то, но его задерживали этимъ вопросомъ.

— Чего-жъ онъ поговорилъ съ тобой, а?..

— Говоритъ, что нонѣ они сами набрались ума, отвѣтилъ онъ.

— Откедова-жъ это?

— Не сказывалъ!

— А тебѣ-бы и спросить: давно-ль молъ это мужики съ умомъ справляться стали; допрежъ-молъ такого и слуху не было?...

— Обчествомъ, говоритъ, положили!

— Умомъ-то жить? прервалъ онъ.

— Ну, насъ, говоритъ, нонѣ на кривой кобылѣ не объѣдешь, сами трахтъ знаемъ!..

— А-а!.. Ну, сиваго жеребца припасемъ; энтотъ порысистѣй будетъ!.. съ ироніей замѣтилъ первый.

— Петръ Матвѣичъ, ты слушай-ко, чево онъ показалъ-то мнѣ?.. прервалъ его Семка, быстро повертывая стоявшій около него подсвѣчникъ, не замѣчая, что горячее сало каплетъ на скатерть.

— Какъ мужиковъ-то объѣзжать?

— Прутъ!..

— Пру-у-утъ? удивленно протянулъ въ свою очередь Петръ Матвѣичъ.—О-о!.. Миронъ Игнатичъ, слышь, мужики-то? произнесъ онъ послѣ короткой паузы, слегка толкнувъ облокотившагося на столъ и дремавшаго подъ воркотню самовара Мирона Игнатьича.

— Взялъ прутокъ, продолжалъ между-тѣмъ Семка, —

и кажетъ мнѣ; вишь, говоритъ: одинъ-то его я и пальцемъ сломаю, а коли, говоритъ, метлу возьму, то и топоромъ не съ разу разрубишь! Такъ и вы, говоритъ, порозьто каждаго изъ насъ объѣдете, какъ кому требуется, а коли мы, говоритъ, таперя-купно, обчествомъ, такъ попотѣ-ѣ-ѣшь уломать-то насъ! А нонѣ мы, говоритъ, цѣну-то на рыбу будемъ класть, мы будемъ господа-то, а не вы! Тряхнулъ энто шапкой, да и говорить болѣ не сталъ!

— Вонъ оно, времена-то, а?.. и мужики заговорили! насмѣшливо сказалъ Петръ Матвѣичъ, внимательно выслушавъ разсказъ его.—Ну-да поглядимъ, какъ оно по притчѣ то выйдетъ, кто кого объѣдетъ, говорилъ онъ, снимая съ комфорника чайникъ и разливая въ стаканы настоявшійся, на подобіе пива, чай.—Поглядимъ, повторилъ онъ: — на долго-ль хватитъ мужичьяго-то ума; у мужика-то передній умъ, до перваго горя, а прихватитъ оно —и пойдетъ охать да ахать, да затылокъ чесать.., успѣ-ѣ-емъ!

— Напустить-бы на-перво на нихъ мелочь-то? замолвилъ Миронъ Игнатьичъ, дробя пальцами сахаръ на мелкіе куски.

— Зачѣмъ?

— Спѣсь-то сбивать!

— У мужика-то спѣсь, што у пса шерсть: не стриги— сама вылѣзетъ! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Проживаться-бъ не довелось?

— Первѣе всѣхъ уѣдемъ!—авторитетно успокоилъ Петръ Матвѣичъ.

Наступило молчаніе, прерываемое по временамъ мѣрнымъ

отдуваніемъ горячаго пара съ блюдецъ, аппетитнымъ прихлебываніемъ наливаемаго на нихъ чая, да звонкимъ раскусываніемъ сахара.

— Наша-то мелочь,—облокотившись на столъ, началъ Петръ Матвѣичъ, когда первый аппетитъ его былъ удовлетворенъ,—и безъ травли полѣзетъ къ нимъ, а ты только молчи, будто не за рыбой ѣхалъ; мелочь-то они и отобьютъ отъ себя своей спѣсью; она и пойдетъ скупать по фунтамъ, да полу-пудкамъ у наѣзжихъ и израсходуется; на гуртовой-то скупъ рыбы у ней и капиталу не хватитъ, а ты зна-а-ай молчи, говорю, да складывай товаръ, будто въ обратный собираешься... Понялъ?.. внушительно спросилъ онъ.

Миронъ Игнатьичъ, прищуривъ и безъ того узенькіе глаза, вмѣсто отвѣта молча помялъ губами.

— Ну-ко, Семка, чего выйдетъ, тряхни-ко передней-то половицей, а? весело обратился онъ къ нему.

— Уѣдемъ!

— Затѣмъ и ѣхали... Да съ чѣмъ уѣдемъ-то? отвѣтствуй.

— Съ товаромъ!—отвѣтилъ онъ, такъ же понизивъ голосъ, какъ понижаетъ его ученикъ, не знающій урока и произносящій на вопросъ учителя первое попавшееся на умъ слово. „А-ну, дескать, не угадалъ-ли?“

— А ты полагалъ, я здѣсь его оставлю, а?

Семка замялся, такъ-же какъ Миронъ Игнатьичъ, и быстро закрутилъ въ рукахъ оконечности постланной на столѣ синей скатерти.

— Съ рыбой говори, копченый языкъ! видимо наслаж-

дaясь недогадливостью его, произнесъ Петръ Матвѣичъ.— Съ рыбой, да съ самой хрушкой *), што даромъ отдадутъ, только Христа-ради возьми-и!..

— Шали-и-ишь! отозвался внезапно оживившійся Миронъ Игнатьичъ, придвигая къ нему опорожненный стаканъ. — Коль мужикъ на упоръ пойдетъ, и на деньги не купишь, не токма Христа-ради возьмешь. Нѣ-ѣ-ѣтъ, не таковскіе они!

— Не куплю? и Петръ Матвѣичъ, угрюмо насупивъ брови, въ упоръ смотрѣлъ на него.

— И я не первой годъ съ ними возжаюсь, продолжалъ Миронъ Игнатьичъ, не отвѣчая прямо на вопросъ собесѣдника, — энтотъ-то мужикъ самъ безъ шила бродни шьетъ. Да-а, можетъ и купишь, поставишь на своемъ, коли всѣ деньги выгрузишь, а ужъ, штобъ онъ пришолъ–тѣ кланяться, возьми-де Христа-ради,—нѣ-ѣ-ѣтъ!

— Придетъ, слышалъ ты это слово мое?

— Давай Господи!

— И накланяется, въ ноги накланяется! Што ты супротивъ этого можешь, а?..

— Подавай, говорю, Господи... мнѣ-то штожъ? уклончиво отвѣтилъ Миронъ Игнатьичъ, хотя мелькающая улыбка осязательно говорила, что сомнѣніе его нисколько не разсѣялось отъ доводовъ Петра Матвѣича.

— А я вотъ такъ таперича полагаю, съ разстановкою началъ Петръ Матвѣичъ, слегка покачавъ головой, — што

---

*) Крупной.

съ темнымъ человѣкомъ объ эвоныхъ дѣлахъ слова терять, што въ полѣ вѣтеръ имать,—все единственно. А чѣмъ-бы, значитъ, бобы-то тебѣ разводить, пошолъ-бы, на мой умъ, доглядѣть за Авдеемъ, правое слово!..

— Доглядимъ, не уйдетъ! обидчиво отвѣтилъ Миронъ Игнатьичъ.

— Слыхалъ я съ измальства, што у мужика разъ водопольемъ плотину сорвало; снесетъ, говорятъ, ему мельницу-то!.. Не снесе-е-тъ! Подпорка, говоритъ, есть... О-ой снесетъ, кричатъ... А онъ одно твердитъ: нѣ-ѣтъ! А опосля, а-а-ахъ, да о-о-охъ, стой, лови?.. а тамъ ужъ однѣ щепы!..

— Это въ мой огородъ а?..

— Въ чей попадетъ, сухо отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ,— за-нарокъ не мѣтилъ. А ты, Семка, налилъ брюхо-то, аль нѣтъ?—обратился онъ къ Семену, когда Миронъ Игнатьичъ, молча вставъ съ лавки, надѣлъ полушубокъ, запоясался и, снявъ съ гвоздя шапку, вышелъ.

— Семка, вмѣсто отвѣта, сталъ спѣшно выхлѣбывать съ блюдца чай.

— Не жгись, пей путемъ!.. кипятокъ-то не купленъ!.. Сбѣгай-ко ужо, говорю...

Порывисто опрокинувъ опорожненную чашку на блюдцо и положивъ на донышко ея обгрызанный кусокъ сахара, Семка выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ къ двери.

— Съ узды тебя спустили, а?—строго остановилъ его Петръ Матвѣичъ.—Вотъ экъ-то ты во всякомъ дѣлѣ! Ты на-перво выслушай, куда идти, зачѣмъ идти, да потомъ ужъ

показывай, какими гвоздями у тебя закоблучья-то подбиты! точилъ онъ озадаченнаго Семена, остановившагося среди комнаты.—Сбѣгай-ко, говорю, къ Ивану-то Николаеву, да скажи ему: Петръ Матвѣичъ самъ, молъ, ждетъ тебя безпримѣнно. Слышь?.. да што промежъ насъ въ разговорѣ было—ни-и-ни штоба.

— Я-то съ чего? оправдывался Семенъ, опустивъ глаза въ полъ и крутя въ рукахъ подолъ своей рубахи.

— То-то, смо-отри! Языкъ-то у тебя на живу нитку сметанъ. Скажи, што безпримѣнно ждетъ: всякія, молъ, дѣла оставилъ, дожидается! заключилъ Петръ Матвѣевичъ.

Но послѣднія слова его долетѣли до ушей Семена за порогомъ.

Оставшись одинъ, Петръ Матвѣичъ раскрылъ подержанный, дорожный погребокъ, надѣлъ на глаза очки въ толстой серебрянной оправѣ и, приблизивъ къ себѣ свѣчи, сталъ медленно разбирать сложенныя во внутреннемъ ящикѣ его росписки. Всмотрѣвшись въ этотъ моментъ въ наружность его, когда онъ весь изображалъ вниманіе и когда падавшій прямо свѣтъ ярко обливалъ открытый лобъ его, прорѣзанный морщинами, клювообразный носъ и тонкія, сухія съ блѣднымъ отливомъ губы,—нельзя было не придти къ мысли о мѣткости народныхъ выраженій: „ѣдокъ“, „жила“, „грабля“, характеризующихъ подобныя личности. На черствомъ, холодномъ лицѣ его не пролегало ни одной мягкой черты: оно, казалось, застыло на одной первенствующей мысли, и никакое иное чувство, если-бы и рождалось оно, не могло-бы отразиться на немъ, проникнуть сквозь

эту наросшую отъ времени кору. И наружность, и характеръ Петра Матвѣича были хорошо знакомы крестьянамъ и инородцамъ тобольскаго и березовскаго округовъ. Каждую весну онъ оснащивалъ два павозка *) и отправлялъ на нихъ своего шурина Мирона Игнатьевича Ивергина, служившаго у него въ качествѣ довѣреннаго, и племянника Семена по деревнямъ, лежавшимъ по Иртышу, и на обскіе рыбные промыслы. На дешевенькіе ситцы, платки, бродни и другой мелкій товаръ, необходимый въ быту крестьянъ, они вымѣнивали рыбу и „задавали“ деньги вѣчно-нуждающемуся люду подъ осеній и „юровой“ уловъ ея. Благодаря подобнымъ задаткамъ, вся лучшая крупная рыба оставалась всегда за Петромъ Матвѣичемъ, который, кромѣ продажи ея въ собственной лавкѣ, въ г. Т..., гдѣ онъ имѣлъ свой домъ,—отправлялъ ее довольно значительными партіями ковремени ярмарки въ Ирбитъ. По первому зимнему пути Петръ Матвѣичъ самъ объѣзжалъ всѣ села и деревни, лежавшія вверхъ и внизъ по Иртушу, для сбора рыбы отъ крестьянъ, забравшихъ подъ уловъ ея деньги. Должники всегда съ трепетомъ ожидали его пріѣзда. Каждый изъ нихъ зналъ, что какое-бы горе и нужда ни застигли его,—онъ не могъ разсчитывать на снисхожденіе къ нему Петра Матвѣича. „Бралъ и отдай!“ твердилъ Петръ Матвѣичъ въ отвѣтъ на мольбы, слезы и поклоны крестьянина или инородца. А вопіющая нужда все-таки вынуждала этотъ бѣдный людъ прибѣгать къ нему за деньгами и отдавать

*) Павозокъ—большая палубная, одномачтовая лодка.

свою лучшую рыбу за цѣны, не вознаграждающія даже и труда. Такъ и теперь, только-что пріѣхавъ въ село Юрьево, Петръ Матвѣичъ первую-же свободную минуту посвятилъ разбору выданныхъ ему должниками росписокъ. И какихъ только росписокъ не мелькало въ его рукахъ! „Сиводне ваграфенинъ день,—читалъ онъ одну изъ нихъ, написанную на клочкѣ толстой синей бумаги гвоздеобразными буквами,—пусталобафскій хрисанинъ и ивъфинакенъ иръмалаифвъ у мешанина патапа петравешина твацать руплеффъ всялъ и абисуюсъ въфинакенъ ирмалаивъ руку прилошилъ“. Печать сельскаго старосты скрѣпляла подлинность росписки. Отмѣтивъ въ записной книжкѣ цифру долга, Петръ Матвѣичъ отложилъ прочитанную росписку въ сторону и взялся за новую, и, приблизивъ ее къ свѣту, хотѣлъ читать, но въ это время дверь распахнулась и въ комнату вошелъ пожилой крестьянинъ, въ новомъ казанскомъ полушубкѣ. Петръ Матвѣичъ поднялъ голову и, пристально посмотрѣвъ на него, снялъ очки.

— Спѣси-ивъ сталъ и не зазовешь:—видать денегъ много скопилъ?.. съ ироніей спросилъ онъ, пока вошедшій крестился на икону, висѣвшую къ переднемъ углу.

— Мужику-ль деньги копить! отвѣтилъ онъ.

— А кому-жъ-бы и копить, какъ не мужику, а?

— Торгующимъ!.. Не сѣютъ, не жнутъ, а сама денежка копѣйку родитъ!—Здравствуй-ко, Петръ Матвѣичъ! заключилъ гость, пожимая протянутую руку.—Чего по мнѣ-то заскучалъ, а? спросилъ онъ, садясь на лавку.—Прибѣжалъ это твой-то Семенъ Платонычъ въ попыхахъ такихъ: ждетъ,

говоритъ, безотмѣнно. Ну, дай, думаю, пойду, чего стряслось! Побаловать пріѣхалъ къ намъ, а?

— Потѣшу васъ, куда васъ дѣть-то!

— И себя-то, поди, не забудешь утѣшить-то, а?

— Завязалъ-же узелокъ на память!..

— А-а короче стала?..

— Съ вашимъ-то братомъ скоро и послѣднюю отшибетъ; вишь грѣховъ-то, промолвилъ хозяинъ, захвативъ пачку росписокъ и показавъ гостю,—запомни-ко всѣ-то?

— И всѣ на мужикахъ?

— Болѣ ихъ некому въ карманъ-то насолить... Слыхалъ, и ты сбираешься, и-и по-пріятельски?

— Вѣстимо, лучше пріятеля никто въ карманъ не плюнетъ!.. Только я-то-бы чѣмъ-же это повиненъ а?

— Слыхалъ, што мужиковъ учишь рыбы намъ дешево не продавать?..

— Эвона какой грамотѣ?

— И съ притчами по писанію?

— Это я-то будто учу-то ихъ?

— Все ты, ты—говорятъ, Иванъ Николаевъ!..

— А-а-ахъ онъ этотъ Иванъ Николаевъ, а? шутливо произнесъ посѣтитель.—Ну-у, попадись онъ мнѣ, старый хрѣнъ, я ему сѣдые-то вихры завью-ю!..

— Завей-ко, завей!..

— И то-ись въ лучшемъ видѣ! и на широкомъ открытомъ лицѣ гостя, обрамленномъ сѣдою бородой, выразилась неуловимая иронія. Трудно было опредѣлить, выражала-ли она только насмѣшку, или служила маской для прикрытія

угаданной дѣйствительности. Петръ Матвѣичъ, прищуривъ глаза, пристально смотрѣлъ на него, желая проникнуть въ настоящій смыслъ его неопредѣленнаго выраженія, но Иванъ Николаичъ, не измѣняя себѣ, съ спокойною самоувѣренностью выдержалъ взглядъ его.

— А я исшо съ дуру-то и гостинецъ привезъ! произнесъ Петръ Матвѣичъ, все также пытливо продолжая смотрѣть на гостя и слегка барабаня пальцами по столу.

— Ивану-то Николаеву?

— Ну... ну... сычу-то этому!

— Я-бы на твоемъ мѣстѣ, и ковша-то воды-бъ пожалѣлъ ему, и-ей-Богу!..

— То-то я не въ тебя... добрый!..

— Ужъ, помилуй Господи: кабы всѣ-то въ тебя были, чего-бъ и было, отвѣтилъ гость съ тою-же неопредѣленною ироніей въ лицѣ и тонѣ.

— Не худо-ли, скажешь?

— Пошто худо — хорошо-о... только заживо-бы, говорю, хоронись!

— Отъ добра-то?..

— Отъ добра! утвердительно отвѣтилъ Иванъ Николаичъ.—Вѣдь всякій добръ-то на свой аршинъ, Петръ Матвѣичъ; а не нами исшо сказано, што у мужика-то аршинъ супротивъ купеческаго вдвое длиннѣй: вотъ оно мужику-то добромъ-то за добро платить и убытошно!

— Не у всѣхъ купцовъ-то одинъ аршинъ!.. Не обмѣрься!

— Обмѣръ на свой счетъ приму... Не купецъ—на чужой не прикину!..

— На чистоту будемъ разговаривать-то штоль-ль? спросилъ Петръ Матвѣичъ послѣ непродолжительнаго молчанія, поправляя нагорѣвшія свѣчи.

— Вѣрнѣй будетъ, а-то скрозь мутную-то воду, сколь ни смотри, все дна не увидишь! Да вѣдь твои-то разговоры я зна-аю, — и Иванъ Николаичъ, въ свою очередь, пристально посмотрѣлъ на хозяина: — къ рыбкѣ подбираешься, а?.. съ улыбкой спросилъ онъ,—почемъ нонѣ пудъ-то думаешь брать?..

— Глядя по улову!

— Уловы-то плохи, не рука-а!

— И юровые-то плохи-же?

— Не похвалимся!..

— А я слыхалъ, юровой-то супротивъ лонскихъ годовъ, не въ примѣръ избытошенъ, а-а.. правда-ль?

— Гдѣ-жь слыхалъ-то?

— По дорогѣ!

— Такъ зачѣмъ-же къ намъ-то ѣхалъ? Тамъ-бы и купилъ, гдѣ сказывали и, чать, дешево-бы отдали, и-ей-Богу! съ иронiей отвѣтилъ Иванъ Николаичъ. — Аль понасъ-то заскучалъ?

— О-о-охъ, Иванъ Николаичъ, грѣ-ѣ-шишь ты! Петръ Матвѣичъ засмѣялся неестественнымъ, натянутымъ смѣхомъ, желая прикрыть свое смущеніе.—Говори лучше по чистотѣ, снова началъ онъ: — и уловы хороши, и рыбы хрушкой много, а только хочу, молъ, цѣну набить, поразорить тебя.

— Не грѣши и ты, Петръ Матвѣичъ: раззорять-то ужъ твое дѣло, а не мое! серьезно замѣтилъ ему Иванъ Николаичъ.

Петръ Матвѣичъ побагровѣлъ, брови его сдвинулись къ переносью, нижняя губа слегка дрогнула и, прищуривъ глаза, онъ злобно посмотрѣлъ на гостя.

— Любопытно-бы, кого это я раззорилъ-то? спросилъ онъ оправившись.

— Счетъ-то Петръ Матвѣичъ, длиненъ, што нить у пряжи! отвѣтилъ ему Иванъ Николаичъ, какъ-бы не замѣчая его смущенія.—Вѣдь энти всѣ росписочки-то твои,— о-о-о!.. много въ нихъ грѣха?.. Ты не серчай; я съ простоты говорю это! Кого грѣхъ-то вотъ попуталъ связаться съ тобой, тѣхъ ты и объегоривай, а наше дѣло, скажу тебѣ, особливое, всякому свое добро дорого: выходитъ и вилять тебѣ нечего, што рыбѣ въ сѣтяхъ!..

— Ай-да пріятель, удру-жи-илъ... спасибо! Выходитъ, по твоему-то разговору, мнѣ вашей рыбы не видать, а-а?

— За денежки сколько хошь смотри, на то и товаръ, прятать не будемъ.

— А што, Иванъ Николаичъ, къ слову спрошу я: а ну какъ въ наплеванный-то колодецъ испить придешь, тогда какъ, а?

— Не пью я колодешной-то, Петръ Матвѣичъ!

— Не пье-е-ешь?

— Нѣ-ѣтъ!.. Иртышъ батюшка и поитъ, и кормитъ досыта, были-бы силы; а касательно рыбки-то, такъ надоть сказать тебѣ, Петръ Матвѣичъ, што съ осетринки-то нонѣ

мы будемъ брать два съ полтиной съ пуда, съ нелемки-то осенней рубль сорокъ, а съ юровой-то рубль восемь, а съ съ мелочи...

— Круглыя-жь цѣны-то, съ ироніей прервалъ его Петръ Матвѣичъ.—Кто-жь это цѣнилъ, изъ васъ-то а?..

— Съобча, а по-круглѣй—счетъ ровнѣй.

— Послышу, и вы арихметику-то знаете-жь.

— По суставамъ доходимъ-то до нея... да Богъ милуетъ, не обсчитываемся.

— А-а-а! Ну, на энтотъ разъ по суставной-то арихметикѣ и обсчитаетесь, не продать вамъ рыбу-то, Иванъ Николаичъ, по этимъ цѣнамъ; лучше въ засолъ пустите!—и, слегка посвиставъ, онъ всталъ и, медленно пройдясь по горницѣ, остановился противъ Ивана Николаича, сидѣвшаго, не измѣняя позы.—Брось-ка фальшивить, продолжалъ онъ, дружески потрепавъ его по плечу: — будемъ друзьями, а? Услужу я тебѣ... то-ись во-о-отъ будешь доволенъ!

— Я и не ссорился съ тобой. Што ты? Чего намъ дѣлить-то? А касательно фальшу, такъ вѣдь по коню и ѣздокъ; на міру-то говорятъ, Петръ Матвѣичъ...

— Много у тебя своей-то рыбы, а?

— Пудовъ съ двадцать наберется!..

— Хочешь, я куплю ее по энтимъ самымъ цѣнамъ на свалъ *), а?

---

*) Торговый терминъ: и мелкая, и крупная рыба, не разбираемая даже по родамъ покупается за одну и ту-же цѣну — обыкновеніе очень выгодное для торговцевъ.

— Одолжишь!

— И ты мнѣ одолжи, сбей цѣну-то съ рыбы, а?.. Скажи, што осетрину мнѣ продалъ за семь гривенъ... а нельму за полтину.

— На обманъ, значитъ, идти?

— На то и торговля; свой-бы карманъ былъ цѣлъ, а чужой-то што хоронить... у всякаго свой хозяинъ — пушшай и бережетъ его.

— Нашто-жъ это тебѣ-то убытчиться, у меня-то по энтимъ цѣнамъ покупать, а?..

— Нашто?.. гм... извѣстно для оборота. Не надоть было, такъ и не просилъ-бы, а я бабѣ твоей и ситцу припасъ... на любованье...

— И бабу-то не забылъ, а-а-а!..

— А тебѣ зипунъ, да шапку изъ смушки—весь заводъ заглядится на тебя, а?

— А-а-ахъ, шутъ тебя возьми! съ улыбкой произнесъ Иванъ Николаичъ.—Ну-у-у, ахнутъ мужики-то?..

— И-и какъ ахнутъ-то?.. да не одни мужики, и у бабъ-то глаза загорятъ, глядя на тебя!..

— Старъ, другъ!..

— У стараго-то козла и рогъ крѣпокъ!

— А-а-ах-ха-ха... и-и баловникъ-же ты: видать не на еловыхъ угляхъ выкованъ! Ну-у!.. и энти всѣ милости за то, чтобы я тебѣ по своей-же цѣнѣ и рыбу продалъ, а?..

— Штобъ ты не въ убыткѣ былъ!..

— Все это обо мнѣ радѣешь, а-а-а?.. Пошли тѣ Господи за добро твое!.. За што-же-бы это полюбился-то я тебѣ?

— За умъ!

— О-о, да нешто у мужика есть умъ-то?

— Эге-е!.. этого-то добра у иного и лопатой не выгребешь!..

— Ди-иво!.. а мы-то въ простотѣ полагали, што Богъ и имъ мужика обошелъ, такъ неужъ ты и въ заболь умныхъ-то любишь, а? наивно спросилъ гость.

— Не любилъ-бы и не говорилъ!

— А на мой глупый разумъ, тебѣ-бы, Петръ Матвѣичъ, дураковъ-то жаловать; право, объегоривать-то ихъ способнѣй, коли ужъ на то разговоръ пошелъ. Ты вотъ умнымъ-то меня похвалилъ, я и загордился, и хороши, въ умѣ-то думаю, посулы твои, да совѣсть дорога; хоша и говоря-ятъ, што она у мужика-то черезъ край лыкомъ шита, а все не продамъ ее ни за какіе дары и выходитъ, ты обчелся, на вѣтеръ похвалы-то кидалъ!..

Нижняя губа Петра Матвѣича снова дрогнула и замѣтно было, какъ онъ стиснулъ зубы.

— А-а вотъ... какъ ты нонѣ! произнесъ онъ послѣ непродолжительной паузы,—и это послѣднее твое слово?

— Послѣднее-то слово, Петръ Матвѣичъ, въ смертный часъ скажется; а вотъ штобъ ты по своей цѣнѣ нонѣ у мужиковъ рыбу-то купилъ—вотъ этому, говорю, не бываа-ать.

Петръ Матвѣичъ забарабанилъ пальцами по столу.

— О-ой, Иванъ Николаичъ, слушай лучше меня, со вздохомъ началъ онъ:—смотри-и придешь ее самъ продавать въ три-дешево... и въ ноги поклонишься, да опоздаа-аешь!..

— И въ ноги-то накланяюсь, а-а-а? съ наивнымъ удивленіемъ спросилъ Иванъ Николаичъ.

— Поклонишься!..

— Ахъ, ѣшь е мухи!.. а? развелъ руками и хлопнулъ себя по бедрамъ Иванъ Николаичъ.

— Рыба-то съ рукъ не пойдетъ, поклонишься! тѣмъ-же тономъ повторилъ Петръ Матвѣичъ,

— А не пойдетъ и не иди!.. Гнать не буду... свое брюхо есть...

— А а, стало быть самъ съѣшь?

— И съѣмъ!.. для-ча утробу не потѣшить?

— И разъѣшься-же, поглядѣть-бы.

— Свое-то добро за все въ прокъ!.. Што-жь не все купцамъ, да барамъ брюхо ростить, пора и мужику его выростить, пора-а-а, Петръ Матвѣичъ, и мужику умомъ жить, о-охъ, пора!.. Ты вотъ по своей-то цѣнѣ ее берешь, міръ зоришь; попомни-ка лонскіе-то годы, когда мы по нашей-то глупости осетрину-то по шести, да по пяти гривенъ пудъ отдавали, почемъ ты въ городѣ-то продавалъ ее, ну-ко?..

— На то и товаръ, штобъ продавать,—и убытковъ-то не мало, Иванъ Николаичъ, не мало!.. Энтотъ-то товаръ по спросу.

— А-а-а, по спросу, да каковъ-бы ни былъ спросъ-то, а ты все менѣе трехъ съ полтиной, да четырехъ рублевъ не продавалъ ее! И считай-ко, сколько лихвы-то бралъ, а? А гдѣ-жь они, убытки-то твои, какіе такіе? Кони у тебя свои, на харчи въ деревняхъ не тратишься... и напоютъ, и на-

кормятъ до-сыта за одну честь... такъ гдѣ-жь они убытки-то, ну-ко?.. Нѣтъ, Петръ Матвѣичъ, а мой умъ, коли ты самъ хочешь хлѣбъ ѣсть, такъ и другимъ давай, и другой, какъ ты, ѣсть хочетъ. Твое-то дѣло пріѣхать, готовое взять, да ты и тутъ мѣтишь утторговать у всякаго и правдой, и неправдой, а мужичье-то дѣло и денной, и ношной работой припасти-то ее. У иного на ловлѣ-то не токма на обуви, а на тѣлѣ на палецъ, на два льду наростетъ, о-о!.. Рыбка-то она на ѣду скусна, а полови-ко ее, попробуй, и узнаешь, какъ мужика-то на морозѣ потъ съ кровью прошибаетъ! Такъ за што-жъ намъ на чужіе-то карманы иго нести, у насъ и свои есть—глупы, глупы, а все ума-то наберется... У насъ ига-то и безъ того много... мужикъ-то всѣхъ понтъ, да кормитъ, только его-то въ проголодь держутъ!.. Мы тебѣ сколько лѣтъ, посчитай-ко, уваженье-то дѣлали, по семи, да восьми гривенъ пудъ—што ни есть лучшей рыбы отдавали. А теперь ты намъ уважь,—по два съ полтиной купи ее. Ты вонъ, вишь, на нашу-то простоту брюшко-то выправилъ, што у доброй бабы на сносѣ, а брюхо-то ростетъ, говорятъ, по карману, въ карманѣ тонко, такъ и брюхо тоще: такъ теперь и намъ дай его выправить-то и полюбовное дѣло будетъ. А не хошь и Богъ съ тобой—другой купить, а деньги-то отъ кого ни брать — все единственно, былъ-бы карманъ, куда класть!

Сила убѣжденія, съ какимъ говорилъ Иванъ Николаевичъ, сказывалась не въ одномъ тонѣ голоса и словахъ, она отражалась и въ блескѣ большихъ сѣрыхъ глазъ, и въ яр-

комъ румянцѣ, разлившемся отъ внутренняго волненія на лицѣ говорившаго.

— А ужъ кланяться, продолжалъ онъ,—я не пойду къ тебѣ: — устарѣлъ, устарѣ-ѣ-ѣлъ, Петръ Матвѣичъ, и съ молоду не кланялся, а ужъ подъ старость-то не буду навыкать! заключилъ онъ, взявшись за шапку.

— Ну, Иванъ Николаичъ, давай-же тебѣ Богъ богатѣть, да жирѣть! съ злою ироніей отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ, упорно молчавшій все время, пока говорилъ онъ. — Не забывай, коли понадоблюсь, неровенъ часъ!..

— Насъ-то грѣшныхъ прости, коли согрубили што съ простоты-то!

— Ну, отъ простоты-то твоей, произнесъ Петръ Матвѣичъ, провожая гостя къ дверямъ и похлопывая себя по затылку,—въ кровь расчешешь!

— О-о-о!.. Ну и мужики-то сказываютъ, што на энтомъ-же мѣстѣ отъ купеческой-то правды у нихъ коросты ростутъ! отвѣтилъ онъ улыбаясь и взявшись за скобу двери.—Ну, прости-же, коли чего приходи, потолкуемъ! говорилъ онъ, выходя въ дверь.

Проводивъ гостя, Петръ Матвѣичъ въ раздумьи поправилъ нагорѣвшія свѣчи и медленно прошелся по комнатѣ. „А-а-а!.. мужикъ... заѣлся... по-о-остой!“ дрожащимъ голосомъ процѣдилъ онъ сквозь зубы и, отворивъ дверь, крикнулъ: „Семка-а-а-а, Семка!“

Но утомившійся за день Семка спалъ на палатяхъ глубокимъ сномъ.

Каждую зиму передъ Никонылимъ днемъ пустынная дорога въ село Юрьево или Юрьевскій Ямъ, лежащее на берегу Иртыша по березовскому тракту, оживляется отъ съѣзжающихся въ него на ярмарку торговцевъ и крестьянъ. Ярмарка эта, извѣстная подъ названіемъ „Юровой", существуютъ въ немъ съ незапамятныхъ временъ, постоянно привлекая къ себѣ тобольскихъ мѣщанъ, а иногда и купцовъ средней руки, ведущихъ обороты въ кредитъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и скромно называющихъ себя „торгующими". Вереницами тянутся въ эти дни фургоны ихъ, запряженные парою, иной разъ и тройкою сильныхъ, сытыхъ лошадей, нагруженные тѣми незатѣйливыми товарами, какими довольствуется не изощрившее еще своихъ вкусовъ сельское населеніе. Одинаково съѣзжаются и крестьяне не только изъ ближнихъ, но и дальнихъ отъ Юрьева селъ и деревень, разбросившихся вверхъ и внизъ по Иртышу съ своими произведеніями и продуктами окружающей ихъ природы. Мѣшки сушеной морошки, малины, черемухи, кедровый орѣхъ, мелкіе засоленные въ кадкахъ грузди, березовики, связки сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, бочки съ брусникой и клюквой виднѣются на каждомъ возу. Иной мужичокъ привезетъ на нее штукъ сорокъ бѣличьихъ и заячьихъ шкуръ, не въ рѣдкость увидѣть и волчьи и чернобурыя медвѣжьи. Трудолюбивое женское населеніе привозитъ на эту ярмарку тонкіе льняные холсты, немного уступающіе въ чистотѣ и прочности лысковскимъ, полотенца, узорно вышитыя по краямъ разноцвѣтною бѣлью, — грубоватыя по отдѣлкѣ, но прочныя настольныя скатерти, пологи, — поло-

вики и особенно рыболовныя мережи для мелкихъ сѣтей и крупныхъ неводовъ, вязанье которыхъ составляетъ одинъ изъ главныхъ женскихъ промысловъ тобольскаго и березовскаго округовъ. Изъ иного воза торчатъ и поднятыя вверхъ ноги свиныхъ тушъ и объемистыя связки бѣлыхъ дородныхъ гусей. Изъ деревень, расположенныхъ въ болѣе лѣсистой мѣстности, тянутся воза съ дугами, раскрашенными баканомъ, охрой и ярью, и съ различною деревянною посудой. И чего не встрѣтитъ на этихъ возахъ любопытный наблюдатель, начиная съ корыта и кадки, и кончая узорно выточеной ложкой съ рѣзкимъ запахомъ лака. Щеголевато выглядываютъ изъ нихъ вмѣстительные жбаны подъ квасъ, расписанные цвѣтами и плодами, надъ классификаціей которыхъ призадумался-бы и опытный ботаникъ. Выточенные въ видѣ боченка, барана или пузатаго карася солонки и большія круглыя чашки для щей развозятся скупающими ихъ торговцами не только въ сосѣдніе округа, но и въ смежную томскую губернію. И на каждой чашкѣ грамотный покупатель прочтетъ замысловатую надпись, сдѣланную сусальнымъ золотомъ, въ родѣ слѣдующихъ: „сядишь за миня не зевай, ложку языкомъ дасуха абтирай“, „налешъ вминя густо не будетъ въ брюхе пусто!“ или „паефши изменя досыта памой и меня дочиста!“ и т. п. выраженія народнаго юмора.

Но главный продуктъ юровской ярмарки, привлекающій къ себѣ городскихъ торговцевъ,—рыба, богатое даяніе пустынной Оби и Иртыша, щедро вознаграждающее мѣстное населеніе за недостатокъ другихъ промысловъ. Круп-

ный осетръ, чалбышъ, жирныя стерляди, нельма, муксунъ, не менѣе крупная щука, налимы, окуни, ерши. Весь лѣтній и осеній уловы ея всецѣло идутъ на эту ярмарку и особенно прибыльный уловъ, начинающійся съ первыхъ дней рѣкостава еще по неокрѣпшему синеватому льду, который трещитъ и гнется подъ ногою ловца. Названіе этого улова „юровой“ время и привычка присвоили и самой ярмаркѣ. Производится онъ „самоловомъ“, снарядомъ самаго простого устройства: на длинной толстой бичевѣ съ тяжелымъ камнемъ, навязаннымъ на концѣ ея, прикрѣпляются на коротенькихъ бичевкахъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, желѣзные крючья въ формѣ удочки. Обыкновенно съ первыми заморозками рыба, и особенно крупная, ложится на дно глубокихъ ямъ и слои ея, называемые на языкѣ рыболововъ „юрами“, бываютъ до того густы, что нерѣдко наполняютъ ямы отъ самаго дна до верхнихъ окраинъ, и часто случается, что нижніе слои рыбы задыхаются отъ давленія верхнихъ. Въ эти-то ямы, наперечетъ извѣстныя рыбопромышленникамъ, въ продолбленныя надъ ними проруби и забрасываются самоловы: встревоженная камнемъ рыба начинаетъ шевелиться и, задѣвая за острыя крючья, попадаетъ на нихъ. По колебанію бичевы рыболовъ замѣчаетъ о степени улова, и медленно вытягивая ее изъ воды, ссаживаетъ почти съ каждаго крючка добычу, зацѣпившуюся хвостомъ, плавниками или жабрами. Иногда втеченіи недѣли этотъ благодарный промыселъ окупаетъ годовыя потребности крестьянскаго семейства.

Дня за два до ярмарки, по единственной проѣзжей улицѣ

села тянется рядъ балаганныхъ остововъ, сколоченныхъ изъ тонкихъ жердей. Подобные остовы, я думаю, хорошо знакомы каждому, кому доводилось посѣщать сельскія ярмарки или „грошевыя передряги“, какъ насмѣшливо называетъ ихъ болѣе капитальное купечество, посѣщающее Нижній-Новгородъ и Ирбитъ. Это высшее торговое сословіе съ презрѣніемъ относится и къ тому небогатому люду, который раскладываетъ свой товаръ подъ сѣнью балагановъ, прикрываемыхъ отъ непогодъ грязными холстинами или циновками. Первое мѣсто на узенькихъ полкахъ всегда занимаютъ ситцы, гарусныя шали, ленты, полушолковые головные платки яркихъ рисунковъ и цвѣтовъ, по крайне сомнительной доброты. Все то, что идетъ въ бракъ въ городскихъ магазинахъ и лавкахъ, скупается торговцами, разъѣзжающими по деревенскимъ ярмаркамъ, за половинныя цѣны и сбывается простодушнымъ деревенскимъ покупательницамъ за товаръ высшей доброты, за цѣну вдвое превышающую его дѣйствительную стоимость. Мужскіе опояски, шапки, опушенныя выхухолью, котикомъ и бѣлымъ русскимъ барашкомъ, сапоги, извѣстные подъ названіемъ „кунгурскихъ“, войлочные валенки, замшевыя рукавицы, разшитыя разноцвѣтною шерстью и простыя кожанныя, красиво развѣшанныя на шестикахъ въ видѣ фестоновъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе и деревенскихъ франтовъ, и людей солиднаго возраста, оцѣнивающихъ товаръ болѣе по достоинству, чѣмъ по внѣшности. За ними слѣдуютъ сыромятныя сбруи, черезсѣдельники, украшенные мѣдными кольцами и бляхами, какими любятъ щеголять сибирскіе крестьяне, плотничные и

кузнечные инструменты и рублевые дробовики и винтовки съ кремневыми замками. Парфюмерныя издѣлія гг. Мусатова, и Альфонса Ралле, вмѣстѣ съ ситцами, платками, серебряными и мѣдными перстнями и такими-же серьгами заставляютъ сильно биться сердца деревенскихъ красавицъ, гуляющихъ въ день ярмарки около балагановъ, которыя также, какъ и женщины высшихъ сословій, гонятся болѣе за блестками, нежели за насущною пригодностью вещи. Если включить еще въ этотъ перечень фаянсовую и мѣдную посуду, самовары произведенія гг. Тулиновыхъ, съ драконовой или львиной головой на концѣ крана, корковые и жестяные подносы съ изображенными на нихъ рыцарскими замками или ландшафтами съ купающимися нимфами, бюсты которыхъ превышаютъ объемомъ своимъ пропорціональность прочихъ частей тѣла, затѣмъ различные орѣхи, шенталу, всевозможныхъ формъ и вкусовъ пряники, то каждый составить себѣ полное понятіе о стоимости товара, о средствахъ владѣльцевъ ихъ и о потребностяхъ и вкусахъ покупателей.

Пока наѣхавшіе торговцы устроиваютъ балаганы, у крестьянъ идетъ также дѣятельная работа: разгружаются возы съ навезенными продуктами, рыба сортируется по родамъ и величинѣ, и складывается въ поленницы. Въ эти-то дни до открытія ярмарки, продолжающейся всего одни сутки, и свершаются торговыя сдѣлки между крестьянами и торговцами. Расхаживая по дворамъ, торговцы присматриваются къ рыбѣ, опытнымъ глазомъ отличая икряную отъ яловой, безошибочно опредѣляя и количество икры, какое выйдетъ изъ каждой, и время улова рыбы. По обилію того или

другого рода ея устанавливаются и цѣны. Но какія цѣны! Побуждаемые нуждою и всегда дѣйствуя порознь другъ отъ друга, крестьяне по-необходимости продаютъ ее по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ самими-же покупателями. Только въ описываемое мною время крестьянинъ села Юрьево Иванъ Николаичъ Калининъ убѣдилъ своихъ однодеревенцевъ не поддаваться на уловки скупщиковъ и установить свою цѣну на каждый родъ рыбы. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвело извѣстіе объ этомъ на Петра Матвѣича Вѣжина, главнаго гуртоваго скупщика рыбы.

Въ простонародьи нерѣдко встрѣчаются личности подобныя Ивану Николаевичу; онѣ составляютъ то отрадное исключеніе, на которомъ отдыхаетъ умъ наблюдателя, утомленный однообразіемъ типовъ большинства. Въ нихъ, какъ въ фокусѣ, — отражаются тѣ могучія живыя силы, какія таятся въ народѣ и безслѣдно исчезаютъ, не находя въ окружающей ихъ жизни благотворнаго исхода.

Одаренный умомъ и неисчерпаемымъ юморомъ, проявлявшимся, несмотря на старость, въ какой-то дѣтской шутливости, — Иванъ Николаевичъ честностью отношеній къ людямъ, доходившей до мелочности,—умными дальновидными совѣтами и энергичною стойкостью за интересы своего общества, пріобрѣлъ себѣ уваженіе не только однодеревенцевъ но всей волости, нѣсколько разъ избиравшей его головой. Но онъ всегда отклонялъ отъ себя эту честь подъ различными предлогами. Какъ и многія другія выдающіяся изъ народа личности не минуютъ острога, такъ не миновалъ его и Иванъ Николаевичъ. Рано сказалась въ немъ эта

протестующая присущая его натурѣ сила: — еще въ молодости онъ принялъ на себя ходатайство въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій волостныхъ и сельскихъ начальниковъ при сборѣ съ народа податей и денежныхъ и хлѣбныхъ недоимокъ и дорогою цѣною поплатился за это. Болѣе года онъ содержался въ острогѣ и ему угрожала ссылка на поселеніе въ Киргизскую степь, но общество поголовно взяло его на-поруки и его оставили. Но и вынесенный имъ урокъ не охладилъ его энергіи, а, казалось, болѣе закалилъ его. Человѣкъ бѣдный, Иванъ Николаевичъ стоялъ за бѣдность,— все забитое горькою долей находило отголосокъ въ его честной, любящей душѣ и придавало ему сознательную силу въ правотѣ своихъ дѣйствій. Онъ находилъ какое-то упоеніе въ постоянной борьбѣ то съ міроѣдами, подтачивающими въ корнѣ народное благосостояніе, то съ волостными головами, писарями и сельскими старостами. Ни одно дѣйствіе ихъ, если только по убѣжденію его, оно шло наперекоръ общественныхъ нуждъ, не ускользало отъ его вниманія, вызывая въ немъ громкій протестъ, и безпощадно осмѣивалось имъ на волостныхъ и сельскихъ сходахъ. И боялись-же они этого правдиваго, безбоязненнаго голоса! „О-охъ, Иванъ Николаевичъ, не минуешь ты съизнова острога!“ говорили ему болѣе осторожные крестьяне, привыкшіе только уклончиво, махая руками, говорить: „не наше дѣло!“ И все-таки увлекаемые его краснорѣчіемъ, они часто, забывая свою осторожность, возвышали вслѣдъ за нимъ и свой голосъ.

Эксплуатація наѣзжающихъ торговцевъ всегда возму-

щала Ивана Николаевича; не разъ онъ поднималъ противъ нея свой голосъ и все безуспѣшно, но, наконецъ, ему удалось склонить однодеревенцевъ къ самостоятельной оцѣнкѣ своего труда, и предъ началомъ ярмарки, послѣ долгой борьбы съ рождающимся сомнѣніемъ у непривыкшихъ къ самостоятельности крестьянъ, онъ достигъ своей цѣли. Общество, какъ мы видѣли, послушало его, установило свои цѣны и твердо стояло на своемъ до поры до времени.

На другой день Петръ Матвѣевичъ, еще до разсвѣта, послалъ Семена дать знать о своемъ пріѣздѣ всѣмъ должникамъ своимъ. Осмотрѣвъ, послѣ чая вынутые изъ фургона и разложенные во дворѣ тюки съ товарами, онъ вернулся въ горницу, гдѣ его дожидался пожилой крестьянинъ, одѣтый въ ветхій зипунъ и въ разновидные бродни.

— А-а... Евсѣичъ!.. ну-ну, здравствуй, здравствуй, покровительственнымъ тономъ привѣтствовалъ его Петръ Матвѣевичъ, снимая съ себя лисью шубу и вѣшая ее на гвоздь у двери.—Не плакалъ-ли по мнѣ, а?..

— Слезъ-то нѣту... плакать-то... баба-то выла, отвѣтилъ тотъ, кланяясь ему...

— Обо мнѣ-то? насмѣшливо спросилъ хозяинъ.—А-а! ну, спасибо!..

— Поминала, шибко поминала! продолжалъ Евсѣичъ. —Дай, говоритъ, ему Господи ѣхать да не доѣхать!..

— О-ого-о!.. и то поминала!..

— И въ носъ, и въ ротъ тебѣ всячины насулила. Да тебѣ поди икалось? наивно спросилъ онъ.

Петръ Матвѣичъ присѣлъ къ столу и насмѣшливо смотрѣлъ на мужика.

— Нѣтъ не икалось! отвѣтилъ онъ, по обыкновенію барабаня пальцами по столу.

— И то ись а-а-ахъ, какъ честила она тебя, понадулъ ты ее крѣпко: понява-то, што изъ твово ситцу сшита, вся то ись... во-о-о! произнесъ онъ, разведя руками...

— Расползлась!

— По ниточкѣ... мало-ль слезъ-то было, да я уговорилъ: погоди-молъ, пріѣдетъ ужо-можетъ на бѣдность и прикинетъ тебѣ чего ни на есть за ущербъ-то...

— За деньги сичасъ-же, крѣпчай таго!..

— За де-е-еньги-же, а-а? удивленно спросилъ мужикъ.

— А ты полагалъ даромъ?

— По душевному-то, оно-бы даромъ надать. Вѣдь тоже, а-а-ахъ, другъ ты мой и бабье-то дѣло: ночей вѣдь не спала, робила. На трудовую копѣйку-то купила его: „теперя умру, говоритъ, похороните въ ней“... А оно вонъ исшо при живности по ниточкѣ, а?.. Взвоешь?

— На то и товаръ, штобъ носился... вѣковѣшной-бы былъ, такъ чего-бъ и было!... и не торгуй!..

— И не носила, ни разу, не надѣвывала. Такъ это, другъ, што глина отъ воды, такъ онъ отъ иглы-то ползъ.

— А глаза-то гдѣ были, когда покупала?

— Вишь бабье-то дѣло... На совѣсть полагалась...

— И наука!.. Впередъ гляди въ оба!.. Въ торговомъ дѣлѣ совѣсти нѣтъ... И мы не сами дѣлаемъ, а покупаемъ!..

— Нау-у-ука!.. Будетъ помнить! Такъ ужъ за ушшербъ-то не будетъ снисхожденія, а?.. Сдѣлл-милость, необидь, бѣдное дѣло-то: слезьми баба-то обливалась, ей Богу!

— Гм... А рыба-то у тебя есть, а? спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— Не поробишь—не поѣшь: наше дѣло такое, промышлялъ!..

— Много?

— Не соврать-бы сказать-то! Пудовъ-то съ семъ наберется!..

— Продаешь?..

— Хе... Чу-удной!—Неужъ самому ѣсть?

— Другіе такъ вонъ сами ѣсть собираются, брюхо ростить хотятъ.

— А-а-а, наши-же мужики? съ удивленіемъ спросилъ Евсѣичъ.

— Мужики!..

— Не-слыхивалъ, другъ. Рази богатымъ-то, имъ точно брюхо-то не въ тяготу, а наше-то дѣло бѣдное, намъ съ брюхомъ-то мука... пасешь, пасешь на него хлѣба, все мало... А-а-хъ ты напасть!.. Ну и прорва! Не купишь-ли хошь рыбу-то, а?.. и хрушкая есть... Есть и осетрина, и нелемки, всякой рыбки сердешной далъ Богъ, промышляли съ бабой-то!..

— А какъ цѣной-то за пудъ, а?

— За пудъ-то?.. Да ужъ съ тебя бы за труды-то ну и за бабій-то ушшербъ надоть-бы подороже?..

— Подешевле не хошь, значитъ?

— Подешевле-то?—на-а-кладно, другъ, дешево-то отдавать нонѣ. За подушную-то, гляди-ко, и-и-и дерутъ, дерутъ, дадутъ отдохнуть, да снова подерутъ!..

— И больно?

— Ничаво-о!.. Подъ хвостъ-то не смотрятъ. Вотъ оно подешевле-то отдавать и убытошно, говорю!

— Ну,-ну, такъ и быть ужъ будто за то, што дерутъ и бабу-то изобидѣлъ—по шести гривенъ съ пятакомъ за пудъ-то осетрины дамъ...

— О-о-ой, милый ты человѣкъ! вскрикнулъ Евсѣичъ и всплеснулъ руками...

— И бабѣ ситцу отпущу!..

— Экую-то цѣну... да што ты... ай, яй-яй... ну-у... да Богъ съ тобой и съ ситцемъ!.. А-а-ахъ ты какой дешевый, а?.. Нѣтъ нонѣ...

Но въ это время распахнулась дверь и въ горницу вошелъ сѣдой, какъ лунь, крестьянинъ. Рѣденькая борода его имѣла желтоватый отливъ. Его костюмъ былъ такъ-же убогъ, какъ и костюмъ Евсѣича.

— О-о! и Кондратій Савельичъ, къ нашему шалашу со своей копѣйкой,—встрѣтилъ его Петръ Матвѣичъ, пока вошедшій крестился на передній уголъ. — Ну-ко порадуй, порадуй! произнесъ онъ, когда тотъ молча поклонился ему.

— Не избытошно радостей-то! отвѣтилъ новопришедшій дрожащимъ, разбитымъ старостью голосомъ.—Сами по нихъ тужимъ. Иванъ Вялый, да Трофимъ Кулекъ къ тебѣ идутъ, пожалуй, радуйся...

— Порожнякомъ, аль съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и ты, а?..

— Да у меня, кажись, ничего въ рукахъ-то нѣтъ, съ удивленіемъ отвѣчалъ, разведя руками Кондратій Савельичъ...

— Я не про руки, а про карманы... Карманы-то есть, а!..

— Есть... есть... у штановъ, другъ... Какъ кармановъ-то... што ты... къ юровой-то исшо новые вшилъ,— дыроваты были—и вшилъ...

— А-а... ну, подавай Господи!.. Стало быть есть чего хоронить-то, коли новые понадобились, а? насмѣшливо допытывалъ его Петръ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, хоронить-то вотъ рази одни грѣхи!.. Кондратій Савельичъ съ глубокимъ вздохомъ почесалъ затылокъ.

— Эхъ-хе-хе, такъ пошто-жъ новые-то вшивалъ, нитки-то тратилъ, а!.. Экое-то богачество и изъ дырявыхъ-бы не вывалилось, а и выпало-бъ, такъ душѣ легче... Э-э-эхъ, старина!

Кондратій Савельичъ молча развелъ руками и всплеснулъ ими победрамъ, какъ-бы говоря: „толкуй вотъ-поди, и не надобились, а вшилъ!“

— Ху-у-до! произнесъ Петръ Матвѣичъ, съ ироническимъ сожалѣніемъ, качая головой.—А я-то было и роспи-сочку всторону отложилъ: Кондратій-то Савельичъ, думаю, мужикъ обстоятельный, отдастъ, а ты—а-а-а!.. и сфальшилъ.

— Не держи-ко меня-то, прервалъ его Евсѣичъ.— Отпусти!

— Не привязанъ! А дверь-то и самъ, не маленькій,

знаешь какъ отворять! съ ироніей отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ

Евсѣичъ замялся и конфузливо почесалъ въ затылкѣ.

— Я къ тому болѣ, началъ онъ.—Чего то-ись бабѣ-то сказать, а?..

— Скажи, пушшай денегъ прикопитъ и придетъ покупать, безъ обмѣру дамъ и такого, што иглой не проткнетъ.

— А ужъ помину-то по душѣ не будетъ, вѣрно?

— Покамѣстъ живъ—не будетъ, а умру—поминай, запрету не полагается!

Снова сконфуженный Евсѣичъ повторилъ тотъ-же жестъ.

— Съ тобой не сговоришь! отвѣтилъ, наконецъ, онъ, покачивая головой. — Все-бы за ушшербъ-то, говорю, слѣдовало... Самъ-же ты нахваливалъ его, какъ продавалъ-то...

— Своего добра никто не обхаетъ, милый!..

— По совѣсти-то, оно-бы и того-о-о, по крайности... надулъ... такъ упоминъ-бы... не за свою душу, за родителевъ!..

— Ахъ ты, чудной какой!.. Развѣ запрещаю: поминай; батюшку звали Матвѣемъ, матушку Апросиньей...

— Такъ энто даромъ-то?

— А ты-бъ исшо за деньги хотѣлъ, а? Рыломъ не вышелъ, другъ мой, попово дѣло точно — имъ за это даютъ! А коли тебѣ потребовалось поминать „усопшихъ рабовъ“, я супротивъ этого безъ запрета, дѣло твое.

— И ндравный-же ты, а-а-ахъ... не хорошо... за родителевъ-бы... на нашу-то нужу прикинуть...

— За энтимъ въ родительскую суботу приди, грошикъ дамъ, а теперь не проѣдайся-ко, иди-ко съ Богомъ, неколи толковать.

— А-а-ахъ, какой ты... ну-у... жила... такъ жила и есть... и не приходитъ ужъ, а?..

— Не приходи, побереги обутки: — вишь подошва-то хлябаетъ, не равно исшо потеряешь—новое горе...

— Ну-у и ругатель! отвѣтилъ Евсѣичъ и, нерѣшительно переминаясь съ ноги на ногу, повернулся къ двери и только что взялся за скобу, какъ она растворилась и въ комнату вошли одинъ за другимъ два пожилые крестьянина; пропустивъ ихъ, Евсѣичъ еще постоялъ въ какомъ-то раздумьѣ, наконецъ, вздохнувъ, произнесъ: „надуу-улъ, ну-у!“ и, почесавъ затылокъ, вышелъ.

Костюмы вошедшихъ, какъ и костюмы Кондратія Савельича и вышедшаго Евсѣича, не доказывали зажиточности; изъ полушубковъ, вися, выглядывали куски оборванной кожи и цвѣтомъ своимъ напоминали выжженную подъ посѣвомъ пашню. Видно было, что весь этотъ людъ принадлежалъ къ разряду „перекатной голи“, т. е. людей, живущихъ день за день безъ просвѣта въ настоящемъ, безъ надеждъ на что-нибудь лучшее въ будущемъ. Одного изъ вошедшихъ въ деревнѣ называли „вялымъ“ за болѣзненную апатичность, выражавшуюся и въ миніатюрномъ лицѣ, украшенномъ неправильно разсаженными клочьями волосъ взамѣнъ бороды, и въ каждомъ его движеніи и

словѣ. Карiе глаза другого, съ насмѣшливымъ, плутоватымъ выраженiемъ перебѣгавшiе съ предмета на предметъ, доказывали напротивъ и умъ, и лукавую смѣтливость. Когда-то въ молодости укравши у проѣзжаго купца кулекъ съ припасами и пойманный съ поличнымъ, онъ въ насмѣшку получилъ названiе „кулька“, съ которымъ до того освоился, что даже позабывалъ порою свое настоящее имя; когда называли его „Трофимомъ“, онъ проходилъ мимо, не оглядываясь, но при словѣ „кулекъ“ улыбался и приподнималъ шапку. На сколько былъ вялъ и безжизненъ Иванъ, на столько же былъ боекъ и нервно раздражителенъ Трофимъ. Обоихъ ихъ, на удивленiе всего села, соединяла тѣсная дружба, точно какъ будто они взаимно уравновѣшивали недостатки другъ друга; даже избы ихъ стояли рядомъ, раздѣляемыя однимъ низенькимъ плетнемъ. Куда-бы ни шелъ Трофимъ, Иванъ слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь. Задолжавъ Петру Матвѣичу, они оба дали ему одну общую росписку.

— Слышалъ, слышалъ, што вы оба налегкѣ! насмѣшливо встрѣтилъ ихъ Петръ Матвѣичъ. — Объ чемъ-же, значитъ, теперь разговаривать-то будемъ, а?

— Ты хозяинъ, за тобой и починъ! отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Я-жъ и начинай, а-а? Ну дѣться некуда, — начнемъ: деньгу принесли?..

— Провинились!.. Хошъ-казни, хошъ милуй!..

— А божился отдать, какъ пріѣду, а?..

— Не побожиться, да не поклониться и вѣры не до-

быть—такое дѣло наше, Петръ Матвѣичъ, со вздохомъ отвѣтилъ ему Кулекъ.

Вялый молчалъ, прислонившись къ стѣнѣ, точно происходящій разговоръ и не касался его, а шолъ о совершенно постороннемъ для него дѣлѣ.

— А што Божье-то имя всуе,—это ничево, а? покачавъ головой, отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ. — Какъ за это въ писаніи-то, што полагается, а?..

Кулекъ съ плутоватой усмѣшкой почесалъ въ затылкѣ.

— Мало-ль чего въ писаніи-то полагается, произнесъ онъ. — Вонъ въ отчей молитвѣ сказано: оставь, говоритъ, должниковъ своихъ, да нѣшто ты ихъ оставляешь, а?.. Каждый, поди, грошъ на счетъ!..

Петръ Матвѣичъ засмѣялся тѣмъ покровительственнымъ смѣхомъ, какимъ любятъ поощрять высокопоставленныя лица удачные отвѣты лицъ, стоявшихъ на низкихъ іерархическихъ ступеняхъ, но подающихъ надежды дойдти до высшихъ, хотя-бы даже эти отвѣты и затрогивали какую-нибудь сторону ихъ характера или дѣятельности.

Ну, и соба-ака на слово-то! улыбнувшись широкою, самодовольною улыбкою, произнесъ Кондратій Савельичъ. Даже въ лицѣ Вялаго проскользнуло что-то тоже въ родѣ улыбки.

Кулекъ молча водилъ глазами по потолку, какъ будто не про него и рѣчь шла.

— Такъ оставь, говоритъ, должниковъ-то, а-а? благодушнымъ тономъ повторилъ Петръ Матвѣичъ, когда смѣхъ его стихъ. — А когда-жъ отдачи-то ждать съ нихъ, аль объ эфтомъ не сказано?..

— Справятся, сами принесутъ!

— А-а-а!.. Ну этого жди-и-и! Однако, ни въ какой молитвѣ не сказано, штобы мужикъ справился, да самъ долгъ принесъ. Ты вонъ и божился отдать, а Кондратій Савельичъ, што ись и карманы говоритъ въ штаны вшилъ, а денегъ все нѣтъ, да нѣтъ!

— Не сами деньги-то дѣламъ и радъ-бы, другъ, отдать-то, да гдѣ ихъ возмемъ, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Кондратій Савельичъ.

— И у меня-то вотъ горе! Завода-то нѣтъ, не куютъ ихъ кузнецы! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Сравнялъ ты себя и насъ! прервалъ его Кулекъ.

— Изъ одного мѣсива-то, а по Христу всѣ братья.

— Братья-то братья-я! и мѣсиво-то одно, да вишь не одними рубахами прикрыто: на твоемъ-то вонъ ситецъ, а на нашемъ-то дерюга, ты и тысчами воротишъ, да охъ не молвишъ, а мы за копѣйку-то спину гнемъ-гнемъ, — хоша жерновомъ выправляй, а все не въ прибыль!

— Послушаю я, на разговоръ-то ты гладокъ, да на дѣлѣ-то никакъ корявъ, ты зачѣмъ ко мнѣ пришолъ-то, а?.. Пукеты росписывать?..

— Сосчитаться!

— И считайся!.. А энти разводы-то къ ярманкѣ побереги,—длинна, потреплешъ исшо языкъ-то; энти пѣсни про нужду-то вашу я каждый день слышу и наскучатъ. Ты вотъ скажи-ко, деньги-то принесъ-ли?

— Ужъ былъ отвѣтъ—нѣту!

— Покрайности, коротко сблаговѣстилъ и за то спа-

сибо; а говоришь—сосчитаться, какъ-же считаться то будемъ, а?

— Рыба есть—бери, тѣ-жъ деньги!

— И давно-бы этакъ сказалъ... Неси!

— Почемъ пудъ-то возьмешь?

— Энто ужь мое дѣло, тебя оно не касающе...

— А-а-а! съ удивленіемъ произнесъ Кулекъ.

— И ахай куликъ на гагу, што много пуху. Исшо чего скажешь, ну? Цѣну-то любопытно-бы? снова спросилъ онъ.—Коль знать охота пришла—шесть гривенъ на свалъ!..

— Ще-е-едро-жъ! насмѣшливо отвѣтилъ Кулекъ, искоса оглядѣвъ Петра Матвѣича, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ барабанившаго пальцами по столу.—Боязно отдавать-то тебѣ по этой цѣнѣ, продолжалъ онъ, — облопаешься!

— Не нужайся за чужое-то брюхо—свое подвязывай...

— Наше-то за-все налегкѣ: съ трудового-то хлѣба вширь не полѣзетъ, стало-быть и подвязывать нечего; а ужь за экую-то цѣну ты нашей рыбки не возьмешь, Петръ Матвѣичъ, нѣ-ѣ-ѣтъ! Нонѣ времена-то, пожалуй, что и гага на кулика поахаетъ—и пуху мало да носъ востеръ!

— Кто-жъ-бы это съ вострымъ-то носомъ нашелся запретъ-то положить мнѣ взять ее, а? весь вспыхнувъ, спросилъ Петръ Матвѣевичъ, устремивъ на него свои прищуренные, сверкающіе глаза—не ты-ль?

— Не знаю. Ровно мы ловили-то, никто не пріѣзжалъ помогать, а обирать-то вотъ понаѣхали! твердо выдержавъ взглядъ Петра Матвѣича, отвѣтилъ Кулекъ.

— На экихъ-то востроносыхъ хозяевъ я тьфу! Видѣлъ? спросилъ онъ, сплюнувъ на сторону.

— Видѣлъ.

— Энто што-жъ по твоему, а?

— Плевокъ.

— А на кого плюютъ, стало-быть тотъ человѣкъ вниманія нестоющій, понялъ? Выходитъ, и разговаривать мнѣ съ тобой не о чемъ!

— Не закажешь! Иной и на икону плюетъ, да опосля ей-же молится! съ ироніей замѣтилъ Кулекъ.

Но Петръ Матвѣичъ, не обративъ вниманія на послѣднее замѣчаніе Кулька, молча всталъ съ лавки и, подойдя къ полотенцу, висѣвшему на маленькомъ зеркальцѣ, отеръ имъ лобъ и губы.

— Ты чьи деньги-то бралъ, а? снова обратился онъ къ Кульку.

— Твои...

— А помнишь, подъ чего бралъ-то?

— Подъ рыбу.

— Стало-быть обѣщалъ вмѣсто денегъ рыбу отдать: такъ оно аль нѣтъ? И росписку, кажись, въ этомъ далъ, а? Абизуюсь отдать рыбой осеняго улова.

— Далъ.

— Кому-жъ ей надлежитъ теперь распорядокъ-то дѣлать: тебѣ аль мнѣ? Какъ ты это въ толкъ-то возьмешь, ну-ко?

— По моему толку-то, какъ ни верти, а все выходитъ, хозяева-то мы и цѣна должна быть наша, а не твоя... Ты

кладешь ее въ шесть гривенъ, а мы-то въ два съ полтиной, да въ рупь сорокъ, да въ рупь восемь...

— О твоей-то цѣнѣ и не спрашиваютъ, будь благонадеженъ! насмѣшливо прервалъ его Петръ Матвѣичъ. — Што-жъ ты мнѣ ее суешь-то, этакъ и всѣ-бы вы, дай только повадку, забрали-бы деньги да опосля того и грошовую вешшь въ сто рублевъ клали... такъ бы васъ и послушали, и спросили?...

— О-о-о! што деньги-то твои взялъ, такъ и не спросятъ?

— Обнакновенно не спросятъ.

— Безъ спроса, штоль, такъ и возмутъ хоша-бы туже рыбу?

— И возьмутъ! А ты вотъ въ разговорахъ-то не проклажался-бы, а несъ-бы ее, слышишь?

— Слышу, да только нонѣ рыба-то у меня скусная да ядреная—на диво рыба! насмѣшливо началъ Кулекъ,—не по твоему брюху экая, право: найдутся и почишше охотники-то!—И, повернувшись бокомъ, онъ отошелъ къ двери. — Бо-о-огатъ будешь, за экія-то деньги ее отбирать, съ надсады-то карманы разлѣзутся, боязно за тебя-же! Пойдемъ, Вялый! произнесъ онъ, выходя за дверь и сердито хлопнувъ ею.

Петръ Матвѣичъ молча выслушалъ заключительный монологъ Кулька, но замѣтно было, какъ губы его побѣлѣли и звукъ отъ ударовъ пальцами въ столъ сдѣлался рѣзче и отрывистѣе.

— И поплачъ вотъ съ денежками-то, и вѣ-ѣрь! обра-

тился онъ къ Кондратію Савельичу, убого поглядывавшему на него въ ожиданіи своей очереди. — Ну-у, послѣ экихъ уроковъ денежки-то вздорожа-ютъ!

— Съ чего-бъ вздорожать-то имъ, деньгамъ-то, говорю? Деньги-то не рыба, Петръ Матвѣичъ, имъ за все ходъ, особливо у торгующихъ; и самолова не закидывай, сами въ руки плывутъ!—отвѣтилъ Кондратій Савельичъ, пристально посмотрѣвъ на Петра Матвѣича, какъ-бы желая проникнуть въ затаенный смыслъ его словъ.

— Ну, и въ торговомъ-то дѣлѣ, Савельичъ, тоже самоловъ надоть: какъ онѣ въ руку-то задарма пойдутъ, милый, денежки-то? Иной какъ ни потрафляй, все убытокъ, а иной и ни съ чего фартитъ!

— У вашего-то самолова уда повострѣй: попадешь—не сорвешься?

И фальшъ бываетъ.

— Не сорве-ешься! повторилъ! старикъ—эфто теперь, къ слову говоря, ты хошь хрушкую-то рыбу взять по шести гривенъ пудъ; сколь-же ты наживешь-то съ нея? И выходитъ: тебѣ, къ примѣру, фартуна, а намъ убыль!

— Не надоть было деньги-то брать—вотъ какой я отвѣтъ тебѣ дамъ, слышалъ?

— Нужа, другъ, э-эхъ! у мужика-то нужи што пузыря на дожжевой лужѣ: одинъ лопнетъ, а ужь два выскочатъ; и радъ-бы ига-то этого не надѣвать, ярма-то!..

— Когда ты деньги-то бралъ, такъ я, помнится, не спрашивалъ тебя, сколь ты съ нихъ наживешь, а? не отя ему, спросилъ Петръ Матвѣевичъ.

— Мужику-ль нажить, дру-у-угъ!

— Я вотъ спрашиваю: говорилъ я объ эфтомъ аль нѣтъ, какъ деньги-то давалъ тебѣ, а? повторилъ онъ свой вопросъ.

— Не говорилъ... и грѣха этого напрасно не возьму.

— А сулилъ вѣдь и ты рыбу отдать, а? Сулилъ?

— Су-ли-илъ!

— И за языкъ я тебя не тянулъ, а? отдай-де мнѣ рыбу! а самъ ты кланялся, просилъ подъ нее, а?

— Хе... чу-удной ты! ротъ-то не ворота, языкъ не скоба, и потянулъ-бы иной за него, да недостанешь.

— Зачѣмъ ты мнѣ, къ примѣру, укоры-то эфти всѣ разводишь, а? допытывалъ его Петръ Матвѣевичъ, не обративъ вниманія на его отвѣтъ.

— Обида!

— А-а—обида! и обиду спознали! Мнѣ-то вотъ только не обида, што мое-жъ добро заберутъ да мнѣ-жъ и укоры и грубости за энто, а? Словно я насильно навяливалъ вамъ: возьмите, молъ, не обойдите милостью, а то, вишь, деньги-то карманы протерли, тяжело вотъ имъ лежать-то въ нихъ было, — вѣдь вы просили-то, божились-то, кланялись и посулы-то всякія сулили, а не я... Такъ о чемъ-же исшо разговаривать-то? О-обида! хе... тебѣ, мужику, обида, а што меня втрое за благодѣтельство-то мое изобидите, такъ это ничего, или тебѣ, молъ, за свои-то денежки и Богъ велѣлъ муки-то нести, а? говорилъ онъ, вставъ и надѣвая на себя лисью шубу.—Неси-ко лучше, благословясь, рыбу-то безъ ссоры, заключилъ онъ, — и напредки пригожусь!

и, надѣвъ шапку съ бобровымъ околышемъ, вышелъ изъ избы.

Кондратій Савельичъ молча послѣдовалъ за нимъ, не надѣвая изъ почтенія своей оборванной бараньей шапки и постепенно умаляя шагъ, незамѣтно отсталъ отъ него. Постоявъ съ минуту на улицѣ въ какой-то нерѣшительности, онъ почесалъ затылокъ и, надѣвъ шапку, махнулъ рукой, какъ бы отгоняя отъ себя неотвязную думу, и завернулъ за уголъ.

До ярмарки оставался одинъ день, и потому у балагановъ, куда пошелъ Петръ Матвѣевичъ, кипѣла дѣятельная работа. Всѣ спѣшили устроить ихъ, разобраться съ товарами и разложить ихъ на опредѣленныя мѣста. По дорогѣ ему постоянно попадали подъ ноги деревянные ящики изъ-подъ посуды, вороха сѣна и соломы, которыми она обкладывалась во избѣжаніи лома. Говоръ и смѣхъ, съ которыми спорилась работа, не утихали; порою среди нихъ проносился рѣзкій свистъ пилы или стукъ топора, которымъ вбивали въ замерзшую землю шесты или вгоняли въ сдѣланные въ нихъ выдолбы узкія полки подъ товары. Съ любопытствомъ заглядывалъ Петръ Матвѣевичъ въ каждый балаганъ, едва дотрогиваясь до шапки на привѣтствія торговцевъ или приказчиковъ ихъ. Торговцевъ-мелочниковъ онъ удостоивалъ ласковымъ разговоромъ, съ приказчиками подшучивалъ—съ одного внезапно, среди работы, сорвалъ шапку и, быстро отвернувшись, глядѣлъ въ сторону, стараясь показать видъ, что это и не его дѣло; другого, тихо подкравшись, толкалъ въ бокъ, желая испугать его; иного сдергивалъ за ногу съ козелъ и хохоталъ весело, радушно,

когда сдернутый летѣлъ на полъ, а за нимъ и высокія козлы. У одного онь незамѣтно спряталъ подъ подолъ шубы штуку ситца и когда тотъ хватился ея, онъ, выразивъ полное недоумѣніе въ лицѣ, принялся искать ее вмѣстѣ съ нимъ, но подъ конецъ не выдержалъ и, разразившись громкимъ хохотомъ, возвратилъ ее неосторожному: „а-а ахъ-ха-ха-а-а заходилъ винтомъ! не отдай-ко-бы я, и была-бы отъ Сивотія вытряска,“ со смѣхомъ говорилъ онъ, отходя отъ приказчика, обрадованнаго находкой вещи.

Встрѣчаясь съ знакомыми крестьянами, Петръ Матвѣевичъ ласково здоровался съ ними и останавливался поговорить съ каждымъ, разспрашивая его о семейныхъ дѣлахъ о сборѣ податей, и объ уловѣ рыбы, и о цѣнѣ на каждый родъ ея, получая у всѣхъ въ отвѣтъ, какъ и отъ Ивана Николаевича, што рыба нонѣ въ цѣнѣ—„осетрина два съ полтиной“ и т. п.—„Ну, ну, торгуйте, поправляйтесь!“ съ ироніей отвѣчалъ онъ, „а я такъ вотъ зашабашить хочу“, говорилъ онъ на предложеніе иного изъ нихъ купить,—„не хочу болѣе торговать-то ей, и пріѣхалъ такъ только, старые счеты свести!“ Присматривался онъ и къ рыбѣ, заходя во дворы крестьянъ, гдѣ происходилъ уже обычный ярмарочный свалъ. Вся наѣзжая мелочь, какъ называлъ Петръ Матвѣевичъ мелкихъ городскихъ скупщиковъ рыбы, торговалась до изнеможенія, сбивая цѣны съ нея. Но крестьяне стойко выдерживали напоръ ихъ соблазнъ отъ показываемыхъ имъ денегъ, не уступали въ цѣнѣ, и рыба, дѣйствительно, не шла съ рукъ. Съ ироніей прислушивался Петръ Матвѣичъ къ толкамъ и торговцевъ, и крестьянъ объ

интересующемъ его предметѣ, не высказывая своего мнѣнія, и изрѣдка только думалъ про себя: „Придете исшо, мужики, покланяетесь!“

Зайдя въ свой балаганъ, гдѣ работы приходили къ концу, онъ тщательно осмотрѣлъ симетрично разложенные на полкахъ ситцы и фаянсовую и мѣдную посуду,—осмотрѣлъ даже ящики изъ-подъ нихъ, сложенные въ кучу, и вынутые изъ ящиковъ при распаковкѣ загнувшіеся гвозди, даже разрылъ ногами выложенные при разборѣ посуды сѣно и солому, какъ-бы сомнѣваясь, не скрылось-ли что подъ ними отъ глазъ Семена и Мирона Игнатьевича, снявшаго съ себя полушубокъ и раскладывавшаго товары на полки вмѣстѣ съ работникомъ Авдѣемъ, высокимъ рослымъ мужикомъ, жившимъ у Петра Матвѣича съ малолѣтства и исполнявшимъ самыя многосложныя обязанности. Лѣтомъ Авдѣй ѣздилъ на павозкахъ въ качествѣ рулеваго, зимою сопровождалъ Петра Матвѣича по деревнямъ, замѣняя ему и кучера, и прикащика, а главное—тѣлохранителя на всякій случай, какіе нерѣдко встрѣчаются съ торговцами на глухихъ сибирскихъ выселкахъ. Петръ Матвѣичъ приказалъ Семену, покончивъ съ балаганомъ, прибрать подъ прилавокъ ящики и труху, говоря: „годится на обратній, не покупать!“ и выправить на топорѣ молоткомъ гвозди, хотя многіе изъ нихъ были безъ концовъ, и самыя шляпки отъ давняго употребленія помялись и поржавѣли. Онъ отобралъ кусокъ недорогаго ситцу, чайную чашку съ подписью „вдень Ангела“ и женскій гарусный платокъ и, бережно завернувъ ихъ въ бумагу, перевязалъ веревкою и вышелъ,

не сказавъ своимъ помощникамъ ни слова. Вообще между Петромъ Матвѣичемъ и Мирономъ Игнатьичемъ была замѣтна натянутость отношеній послѣ неосторожно высказаннаго послѣднимъ сомнѣнія въ дипломатической способности Петра Матвѣевича объегоривать крестьянъ. Петръ Матвѣичъ въ обыденной жизни не любилъ баловать своихъ домашнихъ и людей, поставленныхъ отъ него въ зависимость, ласковымъ обращеніемъ. „У меня въ струнѣ, штобы!“ говорилъ онъ каждому, поясняя свою систему правленія. И вдругъ человѣкъ, по его милости ѣвшій хлѣбъ, выразилъ сомнѣніе въ умѣньи его вести свои дѣла. Какъ и всѣ люди, Петръ Матвѣичъ не скоро забывалъ удары, наносимые самому чувствительному въ сердцѣ человѣка мѣсту— самолюбію.

Волостной голова Романъ Васильевичъ Ковригинъ собирался идти съ работникомъ провѣивать привезенную съ мельницы крупу. Надѣвъ старый полушубокъ, онъ подпоясывался, когда въ избу неожиданно вошелъ Петръ Матвѣичъ.

— И не собирайся, никуда не пущу, на то и гостинцы принесъ! съ усмѣшкой привѣтствовалъ онъ растерявшагося Романа Васильевича, который, вмѣсто того, чтобы заправить истрепанные концы кушака за поясъ, въ смущеніи пряталъ ихъ вмѣстѣ съ рукавицами за пазуху.—И не слѣдовало-бы давать-то, ну да куда ни шло! говорилъ Петръ Матвѣичъ, подавая хозяину узелъ и садясь на лавку.

Черезъ четверть часа послѣ его прихода Романъ Ва-

сильевичъ въ новомъ суконномъ зипунѣ сидѣлъ за столомъ въ своей чисто прибранной горницѣ вмѣстѣ съ дорогимъ кумомъ; на столѣ передъ ними лежалъ на блюдѣ разрѣзанный пирогъ изъ свѣжей осетрины, полуштофъ съ очищенной и бутылка съ этикетомъ „сладкая романея“, окруженныя блюдечками съ бѣлыми грибами, груздочками, брусникою, посыпанною сахаромъ, небольшими пряничками и кедровыми орѣхами свидѣтельствовали о всемъ радушіи хозяевъ въ угощеніи дорогаго гостя.

— Избалонала ты его, куна, о-о-охъ! слегка пощипывая изъ пирога осетрину, крикнулъ Петръ Матвѣевичъ за перегородку, откуда доносился до нихъ звонъ чайной посуды.

— Мои-ли года баловать! отвѣтилъ торопливый старушечій голосъ.—Будетъ, побаловали!

— Таи-и-ись будетъ?.. Нѣтъ, видать исшо крѣпко гладишь его, вишь выровнялся, какой кругленькій сталъ.

— Не сглазь! Господь съ нимъ, пусшай отъѣдается!..

— До отвалу-то не корми, въ мѣру потрафляй, а то вдосталь-то зажирѣетъ, што проку? жирные-то пѣтухи только безъ пути ощипываются! говорилъ Петръ Матвѣичъ, посмѣиваясь надъ своей остротой.

Романъ Васильевичъ, круглый средняго роста человѣкъ, съ сѣдою окладистою бородой, обрамлявшей его крѣпкія румяныя щеки, во все время разговора самодовольно улыбался, поглаживая бороду и усы. Въ лицѣ его просвѣчивало самое теплое сердечное добродушіе. Каждый-бы, взглянувъ на него, внутренно сказалъ: „этотъ человѣкъ не сдѣлаетъ никому зла“. А между тѣмъ, благодаря своему добродушію,

всегда почти соединенному въ людяхъ съ безхарактерностью, онъ много дѣлалъ зла, не вѣдая, что творитъ его. Когда-же онъ серьезно убѣждался въ этомъ, то грустилъ и жаловался на долю и на общество, избравшее его головой.

— Ишь онъ вотъ заѣлся и мужиковъ-то своихъ распустилъ! продолжалъ между тѣмъ Петръ Матвѣичъ.—Такихъ-то грубіяновъ, какъ у него, хоша-бы къ примѣру взять Кулька, не найдешь и по губерніи!

А-а, нѣшто сгрубилъ онъ тебѣ? спросилъ Романъ Васильичъ.

— Послушалъ-бы, какъ за мое-то добро напѣлъ. Эхе-е? За то, што мои-же деньги забралъ, и платить не хочетъ!..

— Выправится, продастъ рыбу и возьмешь, отвѣтилъ Романъ Васильевичъ.—Онъ ничово мужикъ-то, хоша и бѣдный!

— Ну-ко, скажи наперво, кому они продадутъ-то ее?

— Мало-ль торговцевъ-то наѣхало...

— Ни пуда ни купятъ у нихъ по ихнемъ-то цѣнамъ, какія они наложили.—Ты слыхалъ-ли, они вонъ таксію установили, а? А ты, голова, и ухомъ не ведешь, какъ будто не твое и дѣло, а такъ и должно?

— И чу-удной-же ты какой, Петръ Матвѣичъ, право, чудной! укоризненно качая головой, отвѣтилъ Романъ Васильевичъ. Вѣдь всякій въ своемъ добрѣ воленъ!..Это -бы я полѣзъ къ тебѣ въ твое дѣло съ указомъ, чего-бъ ты сказалъ мнѣ?

— Мое дѣло—другая статья, а вотъ ты мнѣ про свое-то скажи: голова ты, аль нѣтъ?..

— Голова!

— Блюсти, што-бъ казнѣ-то не было ушшербу твое дѣло?

— Казну-то блюсти энто мое дѣло, да нѣшто ей есть отъ энтаго ущербъ?

— Собралъ ты подать-то, аль нѣтъ, ну-ко?

— Туго она нонѣ идетъ, кумъ,—а-а-ахъ, какъ туго!.. Супротивъ лонскихъ-то годовъ и трети не выходили. Сбился народъ-то. На Юровую вся надежда!

— И обманешься! Неужь ты думалъ, у нихъ будутъ покупать, а?.. Смѣ-ѣшно! Это я бы, къ примѣру, ѣхалъ за триста верстъ, тратился, да и купилъ ее по этимъ цѣнамъ, а самъ ее долженъ за половинную отдать, да и то слава Богу, если купятъ. Такъ изъ какихъ-же прибытковъ мнѣ покупать-то ее, а? Нѣ-ѣтъ, дураки-то нонѣ въ городахъ повывелись: всѣ говорятъ въ деревни убѣгли, гдѣ ихъ непочатый уголъ наваленъ! А ты вотъ сиди, да жди, соберешь ее много подати-то: распахивай казенный-то сундукъ подъ сквозной вѣтеръ. А нѣшто начальство не спроситъ съ тебя, что ты смотрѣлъ на порядки-то на энти, на бунтъ-то? а-а?

— Бунтъ? съ удивленіемъ спросилъ Романъ Васильичъ.—Да гдѣ онъ, бунтъ-то, какой изъ себя покажъ-ка?

— А это по-твоему не бунтъ, если я таксію самовольно установлю казнѣ въ ущербъ, а?—Ты голова, а волостью-то вонъ Иванъ Николаевъ заправляетъ, таксіи выдумываетъ,

подговариваетъ мужиковъ на дѣло, отъ котораго казнѣ ушшербъ.

— Ивана Николаева ты, Петръ Матвѣичъ, зря не путай! Онъ худу не научитъ, это мужикъ первый по волости.

— По плутовству-то?

— Не извышенъ онъ на энто ремесло-то, о-ошибся ты, кумъ.

— Острогъ прошелъ, да неизвышенъ, а? и Петръ Матвѣичъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Въ острогѣ-то, говорятъ, болѣе честныхъ сидитъ, Петръ Матвѣичъ, чѣмъ на волѣ ходитъ. И дураковъ-то, сказываютъ, туда малость сажаютъ, все болѣ умныхъ, такъ-то...

— А-а-а! Ну экую рѣчь въ первой и слышу, што-жь это ты не въ острогѣ? Кажись, съ виду-то не дуракъ-бы мужикъ!

— Не линія, значитъ!

— Обожди-же, не скучай, съ Иваномъ-то Николаевымъ скоро попадешь на нее! Нѣ-ѣтъ, кумъ, около энтихъ-то дѣловъ, што у огня,—спустя рукава, не стой,—обожешься, тогды и помянешь меня, о-ой, помянешь! И Петръ Матвѣичъ, отвернувшись въ сторону, слегка забарабанилъ пальцами по столу и искоса наблюдалъ за Романомъ Васильевичемъ, въ лицѣ котораго при послѣднихъ словахъ его выразилось глубокое раздумье. Видно было, что гость затронулъ въ хозяинѣ еще нерождавшійся вопросъ. Какъ и большинство неграмотныхъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, Романъ Васильевичъ былъ трусъ. Онъ всего боялся:

боялся и писаря, и земскихъ властей, отъ которыхъ находился въ полной зависимости, одинаково боялся и избравшаго его общества. Общественные интересы онъ понималъ и, какъ члена той-же общины, они одинаково касались и его, но, незнакомый съ существующими законоположеніями, онъ всегда терялся въ сознаніи правоты ихъ, тѣмъ болѣе зная по опыту, что земскія власти не всегда одобрительно относились къ интересамъ крестьянъ. Слова Петра Матвѣича и вызвали въ немъ подобное сомнѣніе. „А что какъ этого не велѣно, и послѣ въ самомъ дѣлѣ меня спроситъ, чего я глядѣлъ?“ все мучительнѣе и мучительнѣе шевелилось въ его умѣ.—А-а-ахъ! произнесъ онъ, покачавъ головой, и, заворотивъ полу зипуна, отеръ ею крупный потъ выступившій на лбу.

— Не жарко, братъ! съ ироніей замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Отъ думы, кумъ! Отъ жары-то я не шибко на потъ-то податливъ! А-а-ахъ! дай-то, Господи, говорю, дослужить поскорѣе. И-и-и, то ись обѣми руками хрестъ положу. И ей-Богу, отъ одной думы-то энтой сколь сокрушенія! произнесъ онъ, разведя руками.—Одинъ одно говоритъ, другой совсѣмъ инако, а мое-то дѣло—темь!..

— Чего-жь ты надумалъ-то, а?..

— Надумалъ-то! да надумалъ-то я таперича, кумъ, скажу тебѣ, большое дѣло!

— А-а! Подавай Господи, пора!

— И то ись такъ таперича въ своемъ умѣ полагаю,

съ глубоко-серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ говорилъ хозяинъ,—твори Господи волю свою!

— То-о-олько-то?

— Возложись и будешь паче всего невредителенъ!

Петръ Матвѣичъ снова забарабанилъ по столу и, сжавъ губы слегка засвисталъ.

— Не-емного-же ты выдумалъ! съ ироніей произнесъ онъ.—А я-то съ дуру порадовался, думалъ, ты и нивѣсть што,—а оно не-е-мно-о-го! А какъ-же ты съ Кулькомъ-то расчитаешь меня, а? спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія:—мнѣ время-то не терпитъ, а задолжалъ-то онъ мнѣ вмѣстѣ съ Вялымъ болѣ тридцати рублей, по нонѣшнимъ-то временамъ,—де-еньги! А я подъ рыбу ему давалъ. Ты отбери-ко мнѣ рыбу-то у него, а?

— Одумается и самъ отдастъ, обожди зорить-то!

Петръ Матвѣичъ посмотрѣлъ на него, угрюмо насупивъ брови, и, приподнявшись съ лавки, молча взялся за шапку.

— Толковать-то языкъ устанетъ. Ай голова-а! отрывисто проговорилъ онъ.—И ищи суда!

— А-а-ахъ, ты строптивый какой, ну-у!..

— Будешь строптивъ, какъ одинъ вотъ такъ-то подкуетъ, да другой, а карманъ-то одинъ... Идешь, штоль?

— Не каплетъ! Прикуси, испей хоша чайку, въ които вѣки заглянешь?..

— Идешь, спрашиваю, аль нѣтъ? настойчиво повторилъ Петръ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, какой ты, ну-у! а я исшо хотѣлъ было сегодня крупу провѣять, мужикъ тутъ покупаетъ ее у меня,

а тутъ грѣхи одни, и-ей-Богу, грѣхи! говорилъ хозяинъ, неохотно охорашивая свою бѣлую мерлущатую шапку и выходя вслѣдъ за гостемъ.

По дорогѣ Петръ Матвѣичъ завернулъ въ балаганъ и взялъ съ собою Семена. Авдѣя-же послалъ за лошадью съ розвальнями. Дойдя до избы Кулька, стоявшей около гуменъ, окаймлявшихъ берегъ Иртыша, они встрѣтились съ нимъ у калитки. Увидя ихъ, Кулекъ остановился.

— Распахивай-ко ворота для дорогихъ-то гостей, съ насмѣшкой сказалъ Петръ Матвѣичъ, когда они подошли къ нему.

— А зачѣмъ-бы это Богъ въ дешевую-то избу дорогихъ-то гостей принесъ? спросилъ его въ свою очередь Кулекъ, загородивъ собою входъ въ калитку.

— Ты-бы изъ учтивства-то въ избу примолвилъ, не тати *) къ тебѣ пришли! серьезно замѣтилъ ему Романъ Васильичъ, видимо входившій въ роль отъ сознанія своего достоинства.

— Не заперта, милости просимъ. Добрая-то вѣсть, сказываютъ, сама летитъ, худую-то только на ворота вѣшаютъ. Не за добромъ, видать, въ гости-то называетесь!

---

*) Многимъ можетъ показаться неправдоподобнымъ употребленіе въ разговорѣ крестьянъ церковно-славянскихъ словъ. Считаю нужнымъ оговорить, что въ нарѣчіи сибирскаго крестьянина они часто встрѣчаются. Трудно рѣшить, занесены-ли они въ него «начетчиками раскольниками» или являются остаткомъ первобытной формы языка, уцѣлѣвшей отъ, позднѣйшихъ его измѣненій. Особенно часты въ употребленіи слова: тать татьба (воровство), выя, ланита, ложе, яко, паче, блудъ, блудодѣй (развратникъ или воръ, одно и тоже) и т. п.

говорилъ Кулекъ, входя во дворъ и отворяя дверь въ избу, куда вслѣдъ за нимъ вошли голова и Петръ Матвѣичъ.

О горькой нуждѣ въ быту Кулька можно было заключить уже по обстановкѣ въ избѣ. Около покосившихся, но все-таки чисто-выбѣленныхъ стѣнъ стояли лавки, сходившіяся у стола въ переднемъ углу. У печки висѣла люлька, въ которой стоналъ обернутый въ какія-то лохмотья больной ребенокъ. У узенькаго оконца, съ натянутымъ вмѣсто стекла бычачьимъ пузыремъ, едва пропускавшимъ дневной свѣтъ, сидѣла съ прялкою въ рукахъ подростка-дѣвочка, въ одной грубой пестрядинной рубахѣ, прикрывавшей ея тощее тѣло. Сидя у люльки, жена Кулька, пожилая женщина съ болѣзненно-истомленнымъ лицемъ, укачивала на рукахъ другаго больнаго ребенка, то прижимая его къ груди, то поднимая на воздухъ, чтобъ унять его плачъ и удушливый кашель. И мука, нестерпимая мука выражалась въ эти минуты на ея лицѣ. И грустная картина эта, и удушливый, спертый воздухъ, и царившій въ избѣ мракъ охватили-бы человѣка, незнакомаго съ жизнью нашего крестьянина, томительнымъ чувствомъ. Но не того закала были вошедшіе.

При входѣ головы и Петра Матвѣича дѣвушка испуганно встала, съ недоумѣніемъ глядя на нихъ. Холодный воздухъ, охватившій люльку, возбудилъ въ ребенкѣ, лежавшемъ въ ней, кашель, кончившійся глухимъ сиплымъ крикомъ. Успокоившійся на рукахъ матери ребенокъ, разбуженный ея торопливымъ движеніемъ, также разразился плачемъ.—О-охъ, Господи!“ произнесла бѣдная женщина, прислонясь къ печи и снова укачивая его.

— Ганька!.. крикнулъ Кулекъ дѣвушкѣ, стоявшей съ прялкою въ рукахъ, — возьми робятъ-то, да снеси ихъ къ Вялому въ избу!—Чѣмъ-же угощать-то тебя, Романъ Васильичъ, што не обошелъ честью, заглянулъ и въ мою клѣть? спросилъ онъ, когда дѣвушка, закутавъ плачущихъ дѣтей въ изорванный полушубокъ, унесла ихъ, и въ избѣ воцарилась тишина.

— Обиду вотъ на тебя, Петръ Матвѣичъ принесъ, братецъ ты мой! отвѣтилъ онъ, присѣвъ на лавку.

— Што за шесть гривенъ пудъ рыбы не отдаю, а-а-а! — емокъ онъ на энти обиды-то!.. Такъ ты это судить насъ пришелъ, а?

— А-ахъ, братецъ, и всѣ то-ись вы!.. Ты вѣдь бралъ деньги-то?

— Въ отпоръ не иду - бралъ.

— И отдай... по заповѣди... путемъ отдай!

— И отдаю. Пушшай беретъ рыбу. Вотъ онъ тутъ сидитъ, я при немъ и говорить буду. Онъ вотъ обиду несетъ, а што самъ обижаетъ, про эфто молчитъ!.. Я бралъ... Бралъ и росписку выдалъ вмѣстѣ съ Вялымъ, подъ рыбу бралъ, рыбой и отдаю. Такъ зачѣмъ онъ грабить-то хочетъ, а? Вотъ онъ тутъ сидитъ... глазъ-на-глазъ... ты и спроси его, нѣшто по нынѣшнимъ-то цѣнамъ за шесть гривенъ пудъ-то осетрины взять не грабежъ, а!..

— Экія-то слова мо-отри въ препорцію другъ! внушительно замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ,—а то за поношенье чести!..

— Нѣшто у тебя есть честь-то? презрительно усмѣхнувшись, спросилъ его Кулекъ.

— Смо-о-отри, говорю, о-ой!..

— Не пужай! смотрѣть-то не на што! раздражительно отвѣтилъ онъ. — Ты о чести своей молчалъ-бы! Честь-то твоя — што у худой бабы подолъ — обшмыгана!..

— И въ самомъ дѣлѣ, ты, Кулекъ, попригляднѣй на слова-то будь! строго замѣтилъ ему и Романъ Васильичъ. — Слово-то слову не инако: вылетитъ — не поймаешь!

— Мое-то слово горе говоритъ, Романъ Васильичъ. Ты гляди ртовъ сколь... пить, ѣсть хотятъ, а работникъ-то на семью одинъ я. Ты подушну-то спрашиваешь, вздоху не даешь... есть чего отдать, аль нѣтъ, а разорвись, да выдай! Пушшай ужь казна беретъ, ну-у Божье попущенье! За што-жь исшо купцы-то наѣзжаютъ грабить насъ, а?.. А коли ты честный, говоришь, обратился онъ къ Петру Матвѣичу, — ты по чести и бери... не зори... не отнимай у нищаго-то послѣдняго куска изо рта! Вѣдь ты сы-ытъ, избытошно Богомъ-то взысканъ, а я нищъ, ни-и-ищъ! и въ голосѣ Кулька зазвучали слезы.

— И болтъ... привяжи вмѣсто языка-то, устанетъ въ разговорахъ-то энтихъ! сухо произнесъ Петръ Матвѣичъ, глядя куда-то въ сторону. — Ты, голова, сказки пришелъ слушать, аль за дѣломъ? съ ироніей спросилъ онъ.

Романъ Васильичъ вмѣсто отвѣта глубоко вздохнулъ. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба.

— Ну-у, онъ тѣ и прикинетъ двѣ-то, три гривны отъ щедрыни! внезапно утѣшилъ онъ Кулька.

— Съ какихъ это резоновъ ты взялъ? угрюмо насупившись, спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— На нужу-то его, што Богу-бы свѣча, кумъ, бѣдное и его дѣло-то! съ грустью въ голосѣ заступился онъ.

— Изъ чужихъ-то кармановъ ты бы гривенъ-то на свѣчи Богу не высовывалъ, а свой широкъ: распахни, ставь, запрета нѣтъ!

Романъ Васильевичъ почесалъ въ затылкѣ.

— А я вотъ спрашиваю, почемъ ты со сказки-то платишь? снова спросилъ онъ.

— Нужа мужичье-то дѣло, другъ, а-а-ахъ, нужа великая, произнесъ, не отвѣчая на вопросъ его, Романъ Васильевичъ.

— А мы сложа руки хлѣбъ-то ѣдимъ, а?

— Извѣстно, купцу одна работа: деньги считай, да брюхо рости! язвительно вмѣшался Кулекъ.

— А-а... и ты-бъ, коли завидъ беретъ на купеческое трудолюбіе, нажилъ-бы капиталъ и занялся-бы этимъ дѣломъ, аль не въ моготу? Ты вотъ лучше, чѣмъ энти присказки-то на уши мотать, безъ грѣха-бы расчитался со мной?

— Похвалился самъ взять и бери! отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Своихъ-то рукъ, стало быть, нѣтъ у тебя на отдачу-то, а на то выросли, штобъ только въ заемъ брать.

— И свои есть, да не поднимутся у робятъ-то малыхъ кусъ урвать... ихъ энтотъ кусъ-то... и-ихъ!

— Деньги-то, помнится, ты на себя бралъ — не на робятъ.

— И бери! рыбу бери! я не стою! тебѣ болѣ надоть!

— Слышь? Голова, отдаетъ, такъ чего-жъ?

— Безъ препоны... бери! рѣшительно повторилъ Кулекъ.

— Возьмемъ, не затрудимъ тебя, не сумняйся! съ ироніей отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ,—а ты, коли добромъ отдаешь, покажи ее, гдѣ она!

— Не касающе меня энто дѣло—ты-жъ сказалъ, што не я хозяинъ, а ты!.. А хозяинъ самъ долженъ знать, гдѣ его добро лежитъ. И отойдя къ печи, онъ сѣлъ на скамью и, опустивъ голову, обхватилъ ее руками.

Всѣ молчали.

— Энто докедова-жъ будетъ, а? Голова!..

— А-а-ахъ, отступиться-бъ! произнесъ Романъ Васпльичъ, махнувъ рукой.—Кулекъ, а-а, Кулекъ, ну тѣ къ Богу, ра-азвяжись за одинъ конецъ, можетъ и тебѣ Богъ на твою долю пошлетъ!

— Я не хозяинъ своего добра, меня и не спрашивай: веди ихъ въ амбаръ, пусть грабятъ! обратился онъ къ женѣ, все время молча стоявшей у печи, грустно подперши рукою щеку и время отъ времени утирая передникомъ накатывающіяся на глаза слезы.

— Молча взявъ изъ-за печки ключъ, она вышла изъ избы, хлопнувъ дверью. Петръ Матвѣевичъ поднялся съ лавки и пошелъ за ней, а за нимъ и Романъ Васильичъ. Выходя изъ избы, онъ взглянулъ на Кулька, сидѣвшаго въ томъ-же положеніи, и остановился, но, покачавъ головой, вздохнулъ и молча вышелъ.

На дворѣ ихъ ожидали Авдѣй и Семенъ. Отворивъ амбарушку, стоявшую у заборчика изъ плетня, жена Кулька

прислонилась къ нему и, закрывъ лицо передникомъ, зарыдала. Романъ Васильевичъ, стоя въ сторонѣ отъ нея, то качалъ головою, то, подъ вліяніемъ волнующей его мысли, махалъ рукой и хотѣлъ сказать что-то, но произносилъ одно только: а-а-ахъ! Но что выражало это а х ъ:—раскаяніе-ли о своемъ вмѣшательствѣ, сожалѣніе-ли къ нуждѣ Кулька, или сознаніе собственной безпомощности—трудно было опредѣлить. Вообще трудно угадать, что думаетъ русскій мужичекъ, произнося какое-нибудь любимое имъ междометіе или почесывая въ затылкѣ. А Петръ Матвѣичъ не уставалъ тѣмъ временемъ хозяйничать: опытной рукой выбиралъ онъ зарытыхъ въ снѣгъ, набросанный въ амбарушкѣ, осетриковъ, чалбышей, нелемъ. Попадалъ-ли ему подъ руку крупный муксунъ, онъ бралъ и муксуна. Выйдя изъ избы и прислонясь къ косяку двери, Кулекъ молча глядѣлъ, какъ Семенъ и Авдѣй нагружали полы своихъ полушубковъ отборной рыбой и складывали ее въ розвальни. Лицо его горѣло, въ глазахъ выражалась безсильная злоба, а судорожное подергиванье угловъ губъ доказывало, что, несмотря на всю его сдержанность, нервы его усиленно работали.

— Не забылъ-ли чего оставить, оглянись! съ злою усмѣшкою спросилъ онъ, когда Авдѣй и Семенъ съ грузомъ рыбы, сѣвъ въ розвальни, отъѣхали отъ воротъ и Петръ Матвѣичъ направился къ калиткѣ.

— Не ушаришь, лаконически отвѣтилъ онъ.

— Пошли тебѣ Господи грабленное-то въ прокъ положить.

— Не брезгливы! намъ все въ прокъ, тѣмъ-же тономъ

отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ, выходя вслѣдъ за Романомъ Васильевичемъ въ калитку. — Захаживай, коли пристигнетъ напасть-то! крикнулъ онъ, затворяя ее за собою.

Кулекъ присѣлъ на крылечко и, опустивъ голову, заплакалъ. Грустно видѣть, когда плачетъ ребенокъ, не сознающій серьезныхъ невзгодъ жизни, горе котораго такъ-же мимолетно, какъ тѣнь отъ облака, набѣжавшаго въ ясный солнечный день. Прошла минута, исчезла тѣнь и онъ еще съ невысохшими слезами на глазахъ улыбается и рѣзвится, забывъ о горѣ. Но скорбно видѣть, когда плачетъ взрослый человѣкъ тѣмъ тяжелымъ грудным плачемъ, который сильнѣе недуга подтачиваетъ силы и часто оставляетъ на всю жизнь неизгладимые слѣды въ чертахъ лица и въ характерѣ. Вотъ этимъ-то надрывнымъ плачемъ отъ шумной Волги до пустынныхъ Оби и Енисея нерѣдко оплакиваетъ русскій мужичокъ свою горькую долю, свою безъисходную нужду!

Покончивъ съ своими должниками, Петръ Матвѣичъ съ наступленіемъ сумерокъ, когда въ селѣ стала стихать дневная дѣятельность и меньше встрѣчалось на улицахъ народа, прошелъ позади дворовъ въ волостное правленіе, гдѣ жилъ волостной писарь Борисъ Федоровичъ Мошкинъ, около пяти лѣтъ самовольно управлявшій волостью. Человѣкъ онъ былъ угрюмый, молчаливый и ходилъ постоянно съ подвязкою на щекѣ, снимаемой имъ только въ дни пріѣзда исправника и другихъ властей. Зная его вліяніе на общественныя дѣла, каждый торговецъ, пріѣзжавшій на Юровую, считалъ долгомъ приносить ему извѣстную дань, съ которою пришелъ теперь и Петръ Матвѣичъ. Свиданіе

ихъ было весьма продолжительно и, должно быть, по своимъ результатамъ пріятно для Петра Матвѣича, такъ что, возвратившись домой, онъ долго сидѣлъ и улыбался, барабаня всевозможные знакомые ему мотивы и насвистывая: „я посѣю, сѣю, млада молоденька!“ Когда-же хозяйская племянница, стройная, краснощекая дѣвушка, внесла ему ужинъ, онъ, забывъ свою степенную солидность, неожиданно щипнулъ ее за одинъ изъ концевъ шейнаго платка, падавшаго на высокую грудь, заставивъ ее отъ этой любезности вскрикнуть и присѣсть.—А-а-а, испужалась? со смѣхомъ произнесъ онъ:—А-ахъ ха-ха-а, а ты-бы молодка того... около старика-то пообихаживала, у старика-то карманъ то-о-олстъ, э-эхъ-хе-хе-е, горячая жилка.“ И онъ снова хотѣлъ повторить свою любезность, но горячая жилка, стыдливо закрывшись передникомъ, убѣжала и болѣе не возвращалась.

Вскравшееся въ умъ Романа Васильевича сомнѣніе въ законности установленной крестьянами таксы на рыбу не покидало его. Выбравъ первую-же свободную минуту, онъ пошелъ къ писарю съ намѣреніемъ вывѣдать его мнѣніе, но, не подавая вида о настоящей цѣли своего посѣщенія, издалека, стороной, между разговоромъ, коснулся этого вопроса, намекнувъ и на то обстоятельство, „какъ-де, есть-ли что въ законѣ касательно этакихъ бунтовъ и точно-ли казна потерпитъ отъ этого ущербъ“! И Борисъ Федоровичъ, зараньше уже подготовленный дальновиднымъ Петромъ Матвѣевичемъ, съ первыхъ-же словъ сказалъ ему: —„есть“! и

что „стачки, устанавливаемыя скопомъ, воспрещены“, „и если они не примутъ своевременныхъ мѣръ противъ нее, то дѣло можетъ принять для нихъ весьма непріятный оборотъ“, и, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, вычиталъ ему тѣ статьи закона, гдѣ говорилось о стачкахъ и о возмущеніяхъ, производимыхъ скопомъ. Романъ Васильевичъ, недовѣрявшій Петру Матвѣевичу, не ожидалъ подобнаго извѣстія. Но передъ такимъ авторитетнымъ аргументомъ, какой привелъ ему Борисъ Федоровичъ, онъ растерялся, упалъ духомъ, и, по обыкновенію, посѣтовалъ и на свою долю, и на общество, избравшее его головой.

Результатомъ происшедшаго между ними совѣщанія о принятіи предохранительныхъ мѣръ было то, что на другой-же день въ волости назначили сходку, на которую повѣстили всѣхъ крестьянъ-рыбопромышленниковъ. Самые бѣдные, въ родѣ Кулька, Вялаго и Кондратія Савельича, не оповѣщались: всѣ знали, что они придутъ и безъ повѣстки потолкаться въ толпѣ, послушать, о чемъ говорятъ болѣе зажиточные, и потомъ поднять вверхъ правую руку, утверждая этимъ принятымъ въ быту ихъ жестомъ то мнѣніе, которое установитъ меньшинство ихъ. Въ этой бѣдной, забитой жизни капиталъ играетъ еще большую роль, чѣмъ гдѣ-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если она родилась въ умѣ бѣдняка, одѣтаго въ оборванный полушубокъ и такіе-же бродни.

Несвязно, запинаясь на каждомъ словѣ, произнесъ вступительную рѣчь Романъ Васильевичъ, объясняя собравшемуся обществу незаконность составленной ими таксы. Всѣ внимательно слушали его, тѣснясь за рѣшеткой, отдѣ-

лявшей волостное присутствіе отъ остальнаго пространства, предназначеннаго для сходокъ. Внимательно слушалъ его и Борисъ Федоровичъ, стоя, по обыкновенію, съ подвязанной щекой у стола, покрытаго чернымъ сукномъ и заваленнаго бумагами и пакетами. Никто въ толпѣ во время его рѣчи не шелохнулся, и каждое слово его отчетливо доносилось до ушей стоявшихъ даже у порога. Скрестивъ на груди руки, слушалъ его и Иванъ Николаевичъ, выдвинувшійся впереди всѣхъ, при началѣ ея.

— Ты о чемъ это говорилъ-то, не во гнѣвъ тебѣ, спрошу я?.. произнесъ онъ, когда Романъ Васильевичъ замолчалъ и отиралъ полою новаго суконнаго зипуна вспотѣвшій лобъ и ладони у рукъ.—Я, признаться, слушалъ. да што-то въ толкъ не взялъ?

— Народъ-то вотъ не надоть мутить, Иванъ Николаичъ! съ сердцемъ отвѣтилъ онъ:—вотъ я къ чему!

— Такъ тебѣ-бы такъ и сказать, короче-бы дѣло! А кто-жъ ихъ мутитъ?

— На міру-то про тебя говорятъ!

— По твоему выходитъ, у всего-то крещонаго міра и разуму своего нѣтъ, а? съ ироніей спросилъ онъ.

— Міръ-то нашъ, Иванъ Николаичъ, што скворя, *) все болѣ съ чужого голоса поетъ. Ужь не тебѣ-бы и пытать объ этомъ, ты самъ пытанный! Ты вотъ и теперь первый заговорилъ, а всѣ молчатъ, стало быть оно и касающе тебя!.. Ты, Иванъ Николаичъ, къ слову сказать, помутилъ мірскимъ-то разумомъ, да и въ сторону, а мы въ отвѣтѣ!

*) Скворецъ.

— Въ чемъ-же отвѣтъ-то твой будетъ, ну-ко?

— Въ попущеніи бунта!

— Бунта-а-а! съ удивленіемъ произнесъ онъ.

— Въ такцѣ вашей, да въ казенномъ ушшербѣ.

— Гора-то какая выросла и глазомъ не окинешь, а? Заварили-же мы, братцы, кашу волостнымъ на расхлебу, съ ироніей обратился онъ къ обществу, все время молча слушавшему ихъ.—При какомъ-же тутъ дѣлѣ казна-то? снова спросилъ онъ.

— Ушшербнетъ.

— Отчого-бы это казнѣ-то ушшербнуть, отвѣть-ко? Кажись, сама деньги-то дѣлаетъ.

— Иванъ Николаичъ, ты взялся говорить, такъ словами-то не играй, здѣсь волость, сходъ! серьезно замѣтилъ ему писарь.—Здѣсь слово-то говори съ оглядкой!

— А тебѣ-бы, Борисъ Федорычъ, на мой умъ подвязать языкъ надоть, а не ланиту. Ты меня-то не учи! Я самъ порядокъ-то знаю! Ты не болѣ, какъ наемникъ нашъ, твое вотъ дѣло писать, что голова тебѣ прикажетъ, да общество. А свое-то слово въ мірскую рѣчь бросать не доводится. Аль языкъ-то тебѣ Петръ Матвѣичъ наточилъ, а? Нутко, скажи намъ, кому это онъ въ волось, по задворьямъ-то хоронясь, узелъ вчера несъ, што доброй бабѣ и на коромысло не зацѣпить, а?

Борисъ Федоровичъ покраснѣлъ и, отвернувшись въ сторону, закашлялся и поправилъ повязку.

— А-а-а! Видишь, сладкіе-жъ гостинцы-то, и перхоть взяла, съ юморомъ замѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Доѣхалъ... то-ись... и мужикъ-же... а-ахъ ты, братецъ! раздались въ ней одобрительные отзывы.

— Иванъ Николаичъ, ты ужъ былъ въ наукѣ! вступился Романъ Васильичъ, покачивая головой.

— Былъ, Романъ Васильичъ, былъ... освѣтился! тѣмъ-же тономъ отвѣтилъ онъ.

— Што, птица, за рѣшотчатыми окнами сидѣлъ?

— Сидѣлъ, Романъ Васильичъ, сидѣлъ, да тамъ и правду-то щебетать научился! А корить-то этимъ при обществѣ нечего, не за воровство сидѣлъ, а за правое дѣло, што свѣча предъ Богомъ... По-омни... всѣ мы подъ Богомъ... отъ тюрьмы, да отъ сумы...

— Не корю я тебя, дру-у-гъ, прервалъ онъ,—а грѣхъ-бы, говорю, другихъ-то совать въ энти палаты...

— Кого-жь я сую-то, а?

— И общественниковъ, и насъ...

— О-о-о! А я ужь испужался, думалъ, не Бориса-ли Федорыча; такъ онъ, Романъ Васильичъ, и безъ чужой помоги своимъ умомъ до энтихъ-то палатъ доживетъ. Гостинцы-то на ѣду скусны, да отрыжка-то съ нихъ о-о-ой... худая живетъ! А ѣстъ, ѣстъ, да и придетъ часъ отрыгнуть! А ты-бы, Романъ Васильичъ, послушалъ моего стараго ума, лучше-бъ было, коли за общество стоялъ. Съ нами тебѣ жить-то доведется, о-ой, съ нами! Скажи-ко ты мнѣ, чѣмъ я подъ иго-то подвожу, а?

— Не ты-ль на такцію общество-то подбилъ, а?

— Я! я! Такъ энто и есть иго-то... бунтъ-то?

— Бунтъ!

— Если я, къ примѣру, слѣпому дорогу покажу — и бунтовщикъ, а? Да гдѣ-же про это писано?

— Въ законѣ!

— Неужь въ законѣ не велѣно, штобы мужикъ по своей цѣнѣ свое кровное добро продавалъ, а?

— По своей-то цѣнѣ, повторилъ Романъ Васильичъ и, задумавшись, почесалъ въ затылкѣ.—Не велѣно! утвердительно, наконецъ, отвѣтилъ онъ.— Не велѣно! снова повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ. — Положенье такое: такціямъ запретъ, а кольми того, говоритъ, скопомъ!

— Ско-опомъ! энто што-жъ за слово?

— Слово... самое... въ законѣ прописанное... законное слово! пояснилъ онъ.

— А-а! Такъ по закону-то такъ надоть, значитъ: если рыба мнѣ стоитъ два съ полтиной пудъ, то я долженъ отдать ему по его цѣнѣ, а не по моей!

— Не то ты говоришь, Иванъ Николаичъ, прервалъ писарь, все время молчавшій послѣ происшедшей съ нимъ сцены.—Поймите, обратился онъ къ обществу, избѣгая проницательнаго взгляда Ивана Николаича, — законъ не воспрещаетъ продавать свое добро по какой хошь цѣнѣ, а воспрещаетъ токмо такціи... самовольныя стачки скопомъ, къ примѣру будучи сказать, какъ вы установили обчествомъ, если отъ нихъ предвидится казнѣ ушшербъ. Во-отъ что законъ-то гласитъ, поняли-ль?

— Ты растолкуй, какой казнѣ-то ушшербъ отъ нашихъ цѣнъ? спросилъ его Иванъ Николаичъ.

— И Какъ ты это въ толкъ не возмешь спросить: „собрали-ль мы подать-то“? укоризненно качая головой, вмѣшался Романъ Васильичъ.

— Не мое дѣло казенный сундукъ считать. Ты голова, ты и блюди!

— Ты-бы спросилъ, многоль мы собрали-то ея. Мы и первой-то половины не очистили, а второй-то и не начинали; такъ энто казнѣ не ушшербъ?

— Ушшербъ!

— А собрать-то ее когда-же, а?

— Поторгуетъ міръ на юровой, справится и очиститъ грѣхи... Подожди! не вдругъ!..

— То-то не поторгуетъ!.. Въ лонскіе-то годы помнишь. Торговцы до ярмонки грузили возы рыбой, да отправляли. Мы до ярмонки-то бывало сборныя книги очищали, а нонѣ кто продалъ ее, рыбу-то, окромя наѣзжихъ крестьянъ, а? Принесъ-ли изъ нашихъ-то юрьевцевъ кто въ подать-то хоша копѣйку, а? а вѣдь ужь завтра ярмонка... Къ вечеру, гляди, ужь торговцы-то въ обратный путь соберутся. Вы такцію-то установили, а не спросили того, кто купитъ по ней. Въ самые што ни есть неуловные года хрушкая-то рыба свыше девяти гривенъ, да рубля съ пятакомъ не поднималась, а вы два съ полтиной заломили, а? И думашь, купятъ...

— Купятъ! спокойно и твердо отвѣтилъ ему Иванъ Николаичъ.

— А кто купитъ-то... Смотри, вѣдь ужь наѣзжіе-то

крестьяне всю рыбу продали; купцы-то ужь наторговались! Такъ кто-жъ купитъ ее у нашихъ-то?

— Гуртовщикъ тотъ-же, Петръ Матвѣичъ, а для ча онъ по твоему, когды ужь всѣ мелошники-то скупили ее у наѣзжихъ, наторговались до сыта, а онъ не скупалъ... И доноѣ все сидитъ, да ждетъ, а?

— Ну, а не купитъ, закапризится, поставитъ на своемъ, а? Тогды кому ее продашь, а? Да онъ, слыхъ есть, и торговать-то ей болѣ не хочетъ!

— Купитъ! небось... отвѣтилъ Иванъ Николаичъ, неизмѣняя тона, — купи-и-итъ! Теперя-то онъ съ непривычки ломается, говоритъ, что торговать ей не хочетъ, мужичьихъ поклоновъ ждетъ, а увидитъ, што неподдаемся, и купитъ, и пять рублевъ положь за пудъ, и за пять купитъ! Неужь ты думашъ, онъ на ярмонку ѣхалъ на грошъ продать, да на два въ долгъ отпустить, а? Нѣ-ѣтъ ему рыба надоть, рыба-а!.. За рыбой онъ ѣдетъ, а ярманки-то хоша-бы и вѣкъ для него не бывало. Гдѣ онъ возьметъ ее теперя, опричь насъ, а? Съ обскихъ промысловъ што-ль? нѣ-ѣтъ, тамъ купцы-то тысячники плаваютъ, почишше его, да коли онъ и купилъ какія крохи, то ужь израсходовалъ въ постъ-то, тутъ масляная надъ головой, да съизнова постъ, расходъ на рыбу-то, успѣвай повертываться, а ему не поторговать-то, и хлѣба не видать, тоже ѣсть хочетъ, а гдѣ, говорю, онъ возьметъ-то ее теперя, опричь насъ, а? Ну-ко? Торговать ей не хочетъ болѣ... хе... слушай ты его, онъ и не то исшо скажетъ! Коли-бъ онъ ей торговать не хотѣлъ, не надоть была ему рыба, такъ для чего-бы онъ это меня-

то къ себѣ призывалъ, да ульщалъ всякими дарами, штобы я цѣну сбилъ, а не съ его-ли голоса и ты говоришь о бунтѣ, да казенномъ ушшербѣ, а-а-а? А это ты какъ полагаешь, не казенный ушшербъ, што мы съ дурности своей въ лонскіе-то годы што ни есть хрушкую-то рыбу по семи, да по восьми гривенъ пудъ отдавали ему, а онъ торговалъ ей по три съ полтиной, да по четыре съ гривнами пудъ, а? Ну-ко, сколь лихвы-то, тряхни-ко ерихметикой-то? Казенный-то ушшербъ теперя, на мой умъ, будетъ, коли мы ему по старымъ-то цѣнамъ отдадимъ, да-а! Разведи-ко умомъ-то, вѣдь мы казенные люди-то. Казнѣ-то избытошнѣе, коли мужики-то въ прохладѣ живутъ, не жуютъ хлѣба, слезой поливаючи. Вотъ какъ мы энтой-то цѣны попридержимся, такъ гляди-ко, чего будетъ?... Бѣдность не будетъ голодать, казеннаго недоимка не станетъ рости на ней, какъ грибы отъ дождя, тысячами! И тебѣ-то безъ горя, ты не будешь ее за казенну-то подать въ заработки отправлять, въ конецъ-то зорить ее. Бѣдность-то выправится, да сама уплотитъ ее безъ слезъ! А коли мы поддадимся, то ему—и ушше-е-ербъ казнѣ, не соберешь ее, подати-то, и будетъ богатому-то раззоръ, а бѣдности-то одни ужь слезы... только ему нажива! На-а-жива ему, Романъ Васильичъ, на наши-то труды! На него-то онъ и брюхо роститъ. Возьме-е-етъ... и послѣдне возьметъ, какъ у Кулька, да у Вялаго, и спасиба не скажетъ. Вотъ ты за што Кулька-то да Вялаго въ раззоренье-то отдалъ, а? А голова-а! Намъ-бы долженъ защиту дать, а ты вонъ какой распорядокъ-то сдѣлалъ. Грѣ-ѣ-хъ тебѣ, Романъ Васильичъ, грѣ-ѣ-хъ!

Романъ Васильевичъ покраснѣлъ и, съ смущеніемъ разведя руками, хлопнулъ ими по бедрамъ.

— А-а-ахъ! произнесъ онъ, качая головой, — не другъ ты мнѣ, не другъ, Иванъ Николаичъ.

— Не та дружья рука, Романъ Ваеильичъ, что только гладитъ, а та, што и бьетъ, подчасъ на міру-то говорятъ! отвѣтилъ онъ. — А рыбу-то онъ все-таки купитъ у насъ безъ ушшерба казнѣ, не сумняйся! заключилъ онъ.

Изъ толпы во все время рѣчи его не возвысился ни одинъ голосъ; изрѣдка только среди невозмутимой тишины проносился легкій шопотъ или вздохъ, и затѣмъ снова все замирало. Романъ Васильевичъ задумался и, наконецъ, покачавъ головой, съ тревогой въ голосѣ, произнесъ:

— А какъ не купитъ, заломается...Тогды-то какъ?

— А нѣшто въ городъ-то самимъ везти пути заказаны, а?

— Это за триста-то верстъ... харчиться, да убыточиться! раздался вдругъ голосъ. — Да исшо кому ее продашь тамъ? Тому-же Петру Матвѣеву.

И Романъ Васильевичъ, и Иванъ Николаевичъ огляну-лись въ ту сторону, откуда послышался возвысившійся голосъ, пробѣжавшій въ толпѣ электрической искрой. Толпа вышла изъ пассивнаго состоянія, точно разбуженная имъ, и заколыхалась.

— Спросилъ-бы, на чемъ исшо другой повезетъ-то, заговорилъ сѣдой, приземистый старикъ. — У меня вонъ одна лошадь, да и та исшо по осени копытомъ въ колесо угодила, да все сорвала. И вези-и-и.

— Сытымъ-то, Парфенъ Митричъ, и въ городъ путь!

— И-и... Тощему-то брюху только всякая дорога длинна.

— Ты дѣло говорилъ, Романъ Васильевичъ. среди общаго безпорядочнаго говора крикнулъ высокій, сутоловатый крестьянинъ въ оленьей дахѣ, постепенно проталкиваясь изъ толпы къ рѣшеткѣ.—Завтра ярмонка, а спроси, есть-ли у кого изъ крещонаго міра грошъ за душой... а вѣдь мы и живемъ только отъ ярмонки; у насъ одинъ разъ въ годъ урожай-то на деньги. Гляди-ко, иные-то до нитки обносились, у другой обутки безъ подошвъ, а нашто ихъ купить-то. А хоша-бъ подушную таперя... Да што толковать! заключилъ онъ, махнувъ рукой,—не путную кашу заварили... А въ городъ-то везти—ну-ко, испробуй съ пустымъ-то карманомъ триста верстъ отмѣрять, за одинъ кормъ лошадямъ душу заложишь... да у кого исшо кони-то есть. А тамъ-то жди, когды ее по фунтамъ-то продашь! А гуртомъ-то кому? тому-же Петру Матвѣеву, а ужь коли онъ здѣсь на своемъ стоитъ, такъ ужь тамъ гляди-ко, насолитъ-то!

— Э-э... семи бабамъ подолами не выгрести! прервалъ его голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— А-а-ах-ха-ха-а! загомонила толпа.—И ей-Богу вѣрно... Семи бабамъ... ну, и сло-о-ово!

— Вѣрно.. а-а-ахъ какъ вѣрно. Ты, Иванъ Николаичъ, съ фортуной мужикъ, усиленно возвысивъ голосъ, крикнулъ ему тщедушный старикъ, барахтаясь въ толпѣ.—И голова мужикъ!

— Мужикъ да ума-то...

— Ума ло-о-хань!

— И за міръ онъ, братцы, стоитъ, и ей-Богу.

— Сосенка!.. Взыщи его Господи!

— А-а-хъ, Иванъ Николаевичъ, какъ ты насъ объѣхалъ, ну-у-у, поддъѣлъ не причь купца. Пошли тѣ Господи фортуны, послушали тебя на свою шею, чуть не въ голосъ укоряла его расходившаяся толпа.

— Да дай тебѣ Господи, Романъ Васильевичъ, вѣку и тебѣ, Борисъ Федорычъ,—то-сь пошли вамъ Господи за науку вашу,—за мірское радѣнье. И продадимъ мы рыбу съ вашего слова по благословенію!

И слился этотъ говоръ въ общій гулъ, въ которомъ терялась всякая нить хотя какой-нибудь мысли. Иногда еще ухо могло уловить рѣзко проносившіяся отдѣльныя слова: „харчи“, „убытки“, „пошли Господи,“ „копыто“ и т. п.

Романъ Васильевичъ зардѣлся яркимъ румянцемъ отъ сыпавшихся на его похвалъ и благословеній, и въ самодовольномъ смущеніи растерялся, не зная, куда смотрѣть, что говорить. Но Иванъ Николаевичъ замѣтно поблѣднѣлъ. Среди посыпавшихся градомъ укоровъ, онъ не проронилъ въ свое оправданіе ни одного слова и только съ грустною задумчивостью смотрѣлъ на волнующуюся толпу.

— И правду ты, Романъ Васильевичъ, сказалъ, произнесъ, наконецъ, онъ, качая головой, — ира-авду: общество наше, што скворя! Прости, што пообидѣлъ тебя, хотѣлъ съ дураками пиво варить, да сколь не вали въ него хмѣлю, оно все солодитъ, а въ солодѣломъ и проку нѣтъ!

И, повернувшись, онъ медленно сталъ пробираться въ толпѣ къ дверямъ и вышелъ незамѣченнымъ въ разгарѣ бушевавшихъ толковъ.

Пошто-же вы это не выдержали, въ отпоръ-то пошли, а? спросилъ Петръ Матвѣичъ пришедшихъ къ нему въ тотъ-же день крестьянъ съ предложеніемъ купить у нихъ рыбу.—А я-то было порадовался за васъ; пушшай, думалъ, поторгуютъ, поправятся, своимъ умомъ поживутъ!

— Пожили своимъ-то умомъ, будетъ, на-агрѣлись! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ, тотъ самый сѣдой старикъ, у котораго еще по осени лошадь попала копытомъ въ колесо.

— Скоро-же надоѣло вамъ, нечего сказать, съ ироніей замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Умомъ-то жить надоть, штобъ въ карманѣ было, а карманъ пустъ—такъ не поживе-ешь! Брюхо-то заставитъ по чужой дикулѣ плясать.

— Нешто вы голодны, на брюхо-то жалитесь, а? спросилъ онъ.

— Сыти-бы были, не шли-бы къ тебѣ съ поклономъ! Плакать-то, да кланяться, Петръ Матвѣичъ, никому не сладко, слезы гонятъ! говорилъ Парфенъ Митричъ, стоя впереди всѣхъ.

— Рыба первѣющая по губерніи, а все мало, все голодны, все плачетесь, наро-одъ-же вы!

— Жирна рыбка-то, не по нашему рту!

— Пріѣлась? Ну оно точно, осетрина-то отбиваетъ! съ ироніей отвѣтилъ онъ, барабаня пальцами по столу.

— И не пробовали!

— А-а!.. такъ вы испробуйте и поглянется, чѣмъ безъ пути на голодъ-то жалиться. Вонъ Иванъ Николаевъ, и

видать мужикъ съ умо-омъ. „Я, говоритъ, самъ съѣмъ“ и гляди, въ тѣло войдетъ! И вамъ-бы, по моему...

— А-а штобъ ему пусто! пронеслось вмѣсто отвѣта въ толпѣ.—Ты и не поминай намъ объ немъ, осерчаемъ!

— За што-бъ это?

— Подъѣлъ онъ насъ, а-а-ахъ! всплеснувъ руками, отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ.—Не причь татя!

— Иванъ-то Николаевъ? съ притворнымъ удивленіемъ, спросилъ Петръ Матвѣичъ.—Да чѣмъ-же, мужикъ-то онъ ровно обстоятельный, а?

— Неужъ ты не слыхалъ?

— Въ первой! неизмѣняя себя, отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ.

— Чудно, какъ это ты не слыхалъ? съ недовѣріемъ спросилъ Парфенъ Митричъ, пристально посмотрѣвъ на него.—Наговорилъ-то онъ намъ много, да безъ пути, началъ онъ;—не продавай, говоритъ, своей рыбы ни по чему Петру Матвѣеву, установь свою цѣну, а на его улещенія души не клади. Придетъ, говоритъ, самъ придетъ и склонитъ выю!

— Я-то это? прервалъ его Петръ Матвѣичъ.

— Ты... ты намъ-то будто, мужикамъ!

— Гляди-жъ!.. Хе... А вы и послушали?

— Послушали! Опричь насъ ему рыбы-то, говоритъ, негдѣ взять, продолжалъ онъ,—и придетъ, придетъ, говоритъ, и поклонится. И куды это дѣвался у насъ на ту пору умъ-то, а-а-ахъ ты, братецъ мой, а? Не диво-ли! Ну, и не продавали, стояли на своемъ. И торговали ее у насъ—

упорствовали и достояли, другъ мой, што у иного таперь, вмѣсто прибыли-то, слезы! Вотъ онъ чего подѣлалъ съ нами, провалиться-бы ему!

— И не слыхивалъ! прервалъ его Петръ Матвѣичъ.— Оно точно, я зналъ, што вы цѣны-то подняли и стоите на нихъ, да полагалъ, што вы сами энто въ задоръ вошли, а штоба Иванъ Николаевъ васъ подбилъ до меня, и слуху не доходило! Такъ вы все это время и ждали моихъ поклоновъ, а?

— И ждали!

— Не-е-е-зналъ, други, а то зашелъ-бы, поклонился-бы, и, ей-Богу. Што-жъ, шея-бъ не сломалась, съ ироніей произнесъ онъ.—Экое горе-то, а?

— Дождались-бы не того исшо на свою голову, снова прервалъ его Парфенъ Митричъ, — да пошли Богъ вѣку головѣ да писарю, въ разумъ-то ввели, а то-бы, голубь, сѣлъ намъ Иванъ-то Николаевичъ на шею, о-о, сѣлъ-бы! Твердить одно: безпремѣнно купить, и пять рублевъ, говоритъ, положъ,—и за пять купитъ.

— А што, други, въ правду-то сказать, онъ, пожалуй, и вѣрно говорилъ вамъ, началъ Петръ Матвѣичъ послѣ непродолжительнаго раздумья.—Гдѣ-бы мнѣ, въ самомъ-то дѣлѣ, купить ее, а? Если-бы, какъ въ лонскіе годы, рыба-то мнѣ понадобилась?.. Вѣдь негдѣ! Я вамъ и говорю-то это теперя на тотъ случай, што меня ужь это дѣло не касающе. Мнѣ не покупать ея, рыбы-то, я и торговать болѣе не хочу ей и заѣхалъ-то будто счеты свести!

Крестьяне, въ свою очередь, съ недоумѣніемъ выслу-

шали его, не понимая цѣли, къ которой клонились его слова.

— Не въ руку она мнѣ што-то пошла и-и Богъ съ ней! Бумажнымъ товаромъ позаймусь, продолжалъ, междутѣмъ, Петръ Матвѣичъ, съ раздумьемъ барабаня пальцами по столу.—А вамъ-бы, на мой умъ, право, не торопиться продавать-то ее постоять-бы исшо за свои-то цѣны. Придетъ исшо— не я, такъ другой, кто ни на есть, и поклонится, можетъ; тогды и помянете Ивана-то Николаевича, а и ждать-то много-ль? Завтра ярманка, къ вечеру, гляди, и въ обратній будутъ собираться.

— Обожди, легко это говорить-то, Петръ Матвѣичъ! вступился сутуловатый крестьянинъ, первый поднявшій въ волости голосъ противъ Ивана Николаевича.—Неужъ мы, по своему-то, не смѣкаемъ-же, што Иванъ-то Николаевичъ, и правъ, пожалуй, да вѣдь нужа, другъ! Ждать-то тогды ладно, когда въ карманѣ не свербитъ, а вѣдь завтра ярмонка, а мы ей живемъ, въ нее-то и подушную заплотишь, и обуешься, и одѣнешься, и всякаго запасу прикупишь! Гляди-ко!—И, поднявъ ногу, онъ показалъ ему прорванный бродень.—А вѣдь ихъ купить надоть, а на чего купишь-то? Спроси, есть-ли у кого въ міру-то хоша мѣдный грошъ за душой, а? И продашь, продашь за дешево ее, только купи-и, нужа-то не терпитъ! Иной ужъ слезми отъ нее обливается, а у иного, што ись и хлѣба-то нѣтъ, какъ у меня вотъ, а семья, семья, сизый... Всѣ пить, ѣсть хотятъ! И у хлѣба сидимъ, не погнѣвимъ Бога, да хлѣбъ-то энтотъ не по насъ, неужъ ты думашь, и мы-бы не по-

ѣли рыбки-то? Поѣли-бъ и какъ-бы исшо поѣли. Отъ сладкаго-то куса никто ротъ не отворотитъ, да вотъ ты сьѣшько ее, испробуй, такъ чѣмъ подушную-то справишь? чѣмъ по домашности дыры-то заткнешь? А много дыръ-то, о-охъ, много! Успѣвай только конопатить! Иной-бы и въ городъ чего свезъ, нашлось-бы, по домашности-то, да куды повезешь-то? Триста-то верстъ отмѣрять на одной-то животинкѣ— нагрѣешь ноги, и безъ пути нагрѣешь-то ихъ; што и выручишь, все на прокормъ тебѣ да лошадушкѣ уйдетъ, а домой-то съизнова пріѣдешь ни съ чѣмъ и проѣздишь-то не мало время, а кто робить безъ тебя дома-то будетъ? А вѣдь домашность тоже не ждетъ, иное время часъ дорогъ. Вотъ и суди мужичье-то дѣло. А ты лучше помоги намъ, купи-и, вѣкъ за тебя богомольщики-то? заключилъ онъ.

— И радъ-бы, Ермилъ Василичъ, помочь, вѣрю я вамъ отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ, — да, вишь, торговать-то рыбой не хочу болѣ, въ лонскіе-то годы, самъ знашь, за мной дѣло не стояло, не-е-ервой былъ покупатель-то!

— И, напасть! прервалъ его Парфенъ Митричъ, всхлопнувъ руками по бедрамъ. — Да нѣ-ѣтъ, это ты балуешь, пужаешь только насъ, што не покупаешь рыбы-то, а?—И онъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства въ лицѣ.

— Не маненкой я, Парфенъ Митричъ, въ темную-то играть! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ. — Да што рази опричь меня некому продать-то ее, а-а? спросилъ онъ.

— Было-бы кому, и не докучали!

— Эвонъ сколь народу наѣхало, да некому, а-а-ахъ ты сѣдой статуй!

— Не ахтительный народъ-то!

— О-о! Чемъ-же? народъ все съ деньгой!

— Въ карманахъ-то не шарили, можетъ, и съ деньгой, да мелошники.

— На свалъ-то не берутъ?

— Про свою пропорцію купили, одно и поютъ!

— Ну, это горе! отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ.

— Всплачешь!

— Помочь-то вамъ чѣмъ-бы, это какъ на грѣхъ ровно я и денегъ-то съ собой не захватилъ, говорилъ онъ, задумчиво глядя въ уголъ;— право грѣхъ, да у Силантія-то Макарыча вы были? спросилъ онъ.

— Были, не обошли!

— А-а-а! Онъ-то чего-же говоритъ?

— Накупился!

— Успѣлъ!... Ну да кулакъ-мужикъ, своего не упуститъ. А вы къ Терентію Силину сходите, можетъ, онъ!

— Сходи-ко поди! въ за-ашей посулилъ!

— А-а-ахъ-ха-ха-а! Да онъ ровно тихій мужикъ-то?

— Всѣ они тихіе... Ходи, говоритъ, около, а за порогъ ни-ни. Потому, говоритъ, ты ломался, такъ таперя я поломаюсь! Моя льгота!

— Э-эхъ-хе-хе! Ну-у!.. А вы къ Прокопію Истомину сбѣгайте, онъ мужикъ денежный, и дѣла у него нонѣ съ рыбой форсисто идутъ—купитъ.

Парфенъ Митричъ вмѣсто отвѣта махнулъ рукой и, отвернувшись въ сторону, почесалъ въ затылкѣ.

— Неужъ и у него были? насмѣшливо спросилъ Петръ Матвѣичъ.

— И-и какъ то-ись экихъ людей земля носитъ, а-ахъ ты братецъ мой! вмѣсто отвѣта произнесъ Парфенъ Митричъ, всплеснувъ руками.

— И у него выходили?

— Выходили! повторилъ онъ, мотнувъ головой, — въ патретъ мнѣ плюнулъ, слышь, да поднялъ съ полу ошметокъ валящій. На, утрись, говоритъ... Слыхалъ ты экое поруганье, а? спросилъ онъ.

Петръ Матвѣичъ, даже не дослушавъ его, закатился веселымъ, порывистымъ смѣхомъ.—Ай-ай... дѣло-то ваше, а? спросилъ онъ, когда смѣхъ его стихъ.

— Пожалуй, што своимъ-то умомъ и худо жить, а? спросилъ онъ.

— Убытошно, а-а-ахъ какъ убытошно! отвѣтилъ Парфенъ Митричъ.

— Къ кому болѣ и натолкнуть-то васъ, не знаю, подождите: ужо вечеромъ-то завтра я въ обратній поѣду, такъ поговорю кому ни на есть въ городѣ, можетъ и взыщутся охотники и пріѣдутъ скупать-то ее.

— У-утѣшилъ!.. И Парфенъ Митричъ всхлопнулъ руками по бедрамъ.

Въ толпѣ пробѣжалъ тяжелый вздохъ.

— Пораззорись ты, купи ее, вѣдь ты балуешь, што

денегъ-то у тебя нѣтъ, вступился Ермилъ Васильичъ.—Не ломайся!

— О васъ-же радѣю, а ты мнѣ экое слово выворотилъ, а? произнесъ Петръ Матвѣичъ тономъ, внезапно измѣнившимся изъ шутливаго въ суровый, безчувственный.

— Съ горя-то не услышишь, какъ и слово-то обронишь, прости, коли въ обиду! извинился онъ.

— А кто горю-то причиненъ, ну-ко?

— Не вспоминай, а-ахъ, будь оно...

— Не взлюбилось... ха-ха-а... За то своимъ умомъ пожили, а?

— Пожили, штобъ его...

— И чать это вы, ума-то понабрались, возмечтали о себѣ, а-а? презрительно прервалъ его Петръ Матвѣичъ.

— Не смѣйся хошь ты-то, ну-у...

— Я-я то-ись ни-ни... Я говорю только, любопытно-бы, какъ это возмечтамши-то вы были? То-ись таперя, къ примѣру, сидитъ-бы это мужикъ, къ слову говоря, въ рваныхъ бродняхъ, на полушубкѣ швы лыкомъ строчены, и вдругъ-бы это торгующій, ну хоша-бы я, недалеко ходить, въ лисей-бы шубѣ, боберъ на шапкѣ, денегъ въ карманахъ, што омуля по веснѣ, и мужику-то-бы это въ ноги. А-а-ахъ ха-ха-ха-а!

И, отслонившись къ стѣнѣ, Петръ Матвѣичъ разразился неудержимымъ хохотомъ; взрывы его до того были сильны, что порою походили на истерическое рыданіе.

Крестьяне стояли молча, понуривъ головы.

— Ну што-жъ, пришолъ я кланяться-то вамъ, а? спро-

силъ онъ, отирая съ глазъ слезы, набѣжавшія отъ нервнаго хохота.

— Мужичью-то работу кланяться никто на свою спину не возьметъ, Петръ Матвѣичъ! тоскливо отвѣтилъ ему Ермилъ Васильичъ.

— А-а, таперя и смиренія накинули, на другой голосъ запѣли, да вѣдь вы-же давѣ говорили, што поклоновъ моихъ ждали, а? Што-жъ, кто кому выю-то склонить пришелъ, а-а? И мужики вы, мужики! съ разстановкой началъ онъ, презрительно качая головой.—Съ чего вы энто умъ-то показывать вздумали, а? Да нѣшто мужичье это дѣло умомъ-то жить? и почишше-то васъ кто, такъ голова отъ энтакой фантазіи прѣетъ, а то мужики, а?.. Чье дѣло въ назмѣ рыться, робить безъ устани, штобы кормить преизвышенныхъ фортуной? Умомъ захотѣли жить, а-а-ахъ ха-ха-ха-а! И передъ кѣмъ-же вы вздумали умъ-то показывать, ломаться-то, а? Ты вотъ нищъ, ни-ищъ, чѣмъ ты и выглядишь, такъ истертаго гроша никто не дастъ, а я-то кто, а-а?.. Тыщщникъ... Пойми слово-то: ты-ыщщникъ! На твоей головѣ волосъ столько нѣтъ, сколь у меня капиталу, да пошелъ-бы я кланяться вамъ, а-а-ахъ ха-ха-ха-а? О-о-охъ тошнехонько! проговорилъ онъ, схватившись за лѣвый бокъ.—Ну што-жъ вы таперя съ рыбой-то вашей будете дѣлать, а? началъ онъ, отдохнувъ отъ схватывавшихъ его коликъ. — Самимъ ѣсть — брюхо, говоришь, не привышно, неравно тѣло нагуляешь, а волосные лозьемъ сдерутъ... за подать. Продать некому, ну и-и штожъ ты, а-а? Должонъ ее обратно въ воду кинуть?

И, подбочинившись, Петръ Матвѣичъ впился въ нихъ нахально-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Грѣ-ѣхъ-бы тебѣ надъ бѣдностью-то нашей глумить, Петръ Матвѣичъ! со вздохомъ, покачавъ головой, отвѣтилъ ему Ермилъ Васильевичъ.

— Надъ бѣдностью-то и глуми. Богатый-то за все самъ себѣ господинъ, его никто не тронетъ! Ты вотъ наживи-ко капиталу, такъ и тебѣ всякій за твой умъ честь отдастъ и ты будешь вразумлять... Поколь кто бѣденъ, такъ его вводи въ чувство-то, въ покорность-то, въ покорность-то въ эту!

— Покорились ужъ, плачемъ! Чѣмъ ругать-то, ты-бъ слезы-то наши уте-еръ! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ, въ голосѣ котораго дѣйствительно слышались слезы.

— Плакущимъ-то всѣмъ не утрешь—много ихъ на бѣломъ свѣтѣ слоняется!

— Ну, горше-то мужика...

— И энто слыхивали! прервалъ его Петръ Матвѣичъ.— А ты поновѣй чего ни на есть скажи. куда вотъ ты, къ примѣру, съ рыбой-то?

— Къ тебѣ одно пристанище!

— А-а... стал... быть, спѣсь-то повылѣзла, вспомнили, какъ и у Петра Матвѣева дверь отворяется, а раньше-то вы и плевать на нее не хотѣли: што-жъ я теперь долженъ съ вами-то сдѣлать, а?

— Облагодѣтельствуй!

— По писанію, стало-быть, добромъ за зло, а?.. Кла-

няйся вотъ въ ноги и облагодѣтельствую. Мнѣ вотъ и не надоть вашу-то рыбу, а снизойду и куплю!

— А-а-а-ахъ, братецъ, снизойди... Сдѣлл-милость!

— Я нешто съ тобой изъ одной утробы-то? строго спросилъ онъ обмолвившагося Парфена Митрича.

— Къ слову, не погнѣвись!

— Ты оглядывай свое-то слово. Я съ тобой вотъ што ись и на одну-то половницу не стану! Ты кто есть?

— Хрестьянинъ!

— А я купецъ, гильдію ношу... почетъ... такъ могу-ль я съ тобой равняться-то? я вотъ и разговариваю-то единственно по добротѣ!

— Пошли тебѣ, Господи!

— Погляжу, какъ вы укротились духомъ. Кланяйтесь-ко!

И онъ горделиво посмотрѣлъ на нихъ, вытянувъ впередъ ноги.

— Поклонимся, братцы, што-жъ? обратился Ермилъ Васильевичъ къ остальнымъ стоявшимъ за нимъ крестьянамъ.—Снисходитъ, къ нашей-то нуждѣ, пошли ему Господи.

Всѣ молча замялись съ ноги на ногу, кое-кто почесалъ въ затылкѣ, а у иного непроизвольно выражался тяжолый вздохъ.

— А ты какъ рыбку-то у насъ, по какой цѣнѣ возьмешь? неожиданно спросилъ его Парфенъ Митричъ.

— Ты допрежъ себѣ снисхожденье-то вымоли, а не объ энтомъ разговаривай: твоей-то рыбы мнѣ и не надоть, я исшо объ энтомъ подумаю, купить, аль нѣтъ, слыхалъ-ли?

— Ты ужъ сдѣлл-милость, не обидь.

— Энто ужъ мое дѣло, подумаю!

— Будь по Божьи, другъ. Я и спросилъ-то болѣ, штобъ, значитъ, за одинъ поклонъ обстоять!

— А-а, дважды-то не хошь?

— Прикажешь, и дважды поклонишься, ничего не подѣлаешь! И низко тебѣ это кланяться-то?

— По щиколку! *).

— Поклонишься и по щиколку, ничего не подѣлаешь, какъ-бы про-себя, съ раздумьемъ произнесъ Парфенъ Митричъ.—А-ахъ, Иванъ Николаичъ уготовилъ иго, а все-бы о цѣнѣ-то, другъ! промолвилъ онъ.—Ну да ужь поклонимся, братцы, поклонимся! произнесъ онъ, обратившись къ толпѣ, такъ-же какъ и Ермилъ.

Ни одинъ земной владыка такъ горделиво не принялъ-бы отдаваемыхъ ему почестей, какъ принялъ ихъ Петръ Матвѣичъ отъ унижающихся бѣдняковъ.

— Поняли-ль теперь мою-то науку, а? строго спросилъ ихъ Петръ Матвѣичъ послѣ окончанія поклоновъ.

Всѣ замялись и молча робко посматривали другъ на друга.

— Какъ-же я теперь должонъ торговаться-то съ вами, вѣдь вы таперя во-о гдѣ сидите у меня всѣ? произнесъ онъ, показавъ имъ сжатый кулакъ. — Захочу я — и сыти будете, не захочу — и будете помнить каково съ Петромъ Матвѣичемъ шутки шутить! Три гривны съ пуда на свалъ, а-а?—И, весь избоченившись, онъ прищурилъ глаза и, ме-

*) Ступня ноги.

дленно отбивая тактъ ногой, смотрѣлъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ рѣчь его.

— Не пужай хошъ для Бога-то? отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ, заискивающимъ взглядомъ смотря на него.

— А не пужаю, если и отдашь?

— Отдашъ, а-ахъ и раззоришься, да отдашь! согласился онъ.

— Почувствовали таперя, што я такое?

— Пожалуй, што почувствовали, а-ахъ штобъ ему... эфтому Ивану Николаеву. Ну-у, будемъ помнить, почувствовали! снова повторилъ онъ.

— И помни, я вотъ и раззорить тебя могу, а не зорю... душа есть... я вотъ тебѣ полтину даю; снисхожденье-ли?

— Снисхождень, дай тебѣ Господи, а все-бы души-то во спасенье, семь гривенокъ положить-бы надоть, а?

— Рубь не хошь-ли?

— Не дашь вѣдь рубля-то, такъ только языкъ точишь, а помолились-бы, а-ахъ какъ. И денно-бы и ношно на молитвѣ!

— Ну молитвы-то энти до другого разу запаси, а нонѣ и за полтину благодарствуй.

— И за семь-бы гривенъ помолились, и ей-Богу. Мало полтины-то, сизый. Дыръ-то много, попробуй-ко заткнуть-то ихъ всѣ изъ полтины; для Бога-то хоша положь семь гривенокъ...

— Каждому-то для Бога расточать, и кармана не напасемъ, а мало тебѣ — я и не навязываюсь. Отъ щедрыны

Богъ ослобонилъ, ѣшь ее самъ!—И отвернувшись отъ нихъ, Петръ Матвѣичъ монотонно забарабанилъ по столу.

— Не человѣкъ ты, однако! всплеснувъ руками, произнесъ Парфенъ Митричъ.

— Обознался... Самый по образу и подобію...

— Не умолишь тебя никакой слезой.

— И не утруждайся... Не икона! Добръ-ли я вотъ, по вашему-то понятію? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, искоса поглядывая на нихъ.

— Взыщи тебя, Господи! Одно слово...

— Я вотъ не раззоряю, я вотъ шесть съ пятакомъ надкидываю, довольно-ли?

— Не далеко ужь до пятачка-то: надбавь, съ добродѣтели-то сжался! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ.

— И все вы въ безчувствіи! все мало?

— Нужа, родной, а-ахъ, нужа! Нашему брату и копѣйка дорога, не токма пятакъ!

— А ко мнѣ, по твоему, пятаки-то сами въ карманъ плывутъ, а?

— Сравнялъ! Твое дѣло и наше! Ты купецъ, куда не шагнешь—все деньги, а наше-то дѣло: гдѣ постоишь и тутъ протаешь!

Петръ Матвѣичъ снова отвернулся и задумчиво посмотрѣлъ въ уголъ.—Надо-бы васъ поучить исшо, да ужъ стихъ-то прошелъ, укротился я! вскользь замѣтилъ онъ.

— Поучилъ, чего исшо надоть? Понюхали, чѣмъ отъ сапогъ-то пахнетъ! также замѣтилъ ему и Ермилъ Васильевичъ.

— То-то, мало, говорю, нюхали-то, надоть-бы исшо, въ обоняніи штоба было! Ну, дамъ я вамъ пятакъ, надкину, што-жъ вы-то мнѣ чѣмъ за это отплатите, а?

— Въ ноги... отъ мужика одна плата!

— А ты говоришь, пахнетъ? съ ироніей спросилъ онъ.

— Понюхашь и вторительно... Нужа-то заставитъ!

— И только што понюхашь, будто болѣ и ничего, а?

— Господи! да чего-жь тебѣ исшо надоть? Ругалъ, ругалъ, исшо мало; ты пожалѣй, вѣдь и мы люди! вмѣшался Парфенъ Митричъ.—И въ насъ вѣдь душа...

— А на будущій годъ вы съизнова за энти пѣсни, а? Съизнова будете умъ показыватъ? спросилъ онъ.

— Живы-ли исшо будемъ!

— Ну коли живъ-то будешь?

— Умъ-то показывать? переспросилъ Парфенъ Митричъ.—Нѣтъ, пожалуй, што не мужичье дѣло!

— И завсегды это памятуйте!

— Оборони Господи! И безъ ума мужику горе, а съ умомъ вдвое, особливо учителя-то...

— Не потакаютъ, а-ахъ-ха-ха-а! Ну такъ вотъ за то, што будто я васъ уму поучилъ, дайте-ко мнѣ подписку, што обязуетесь на будущій годъ продать мнѣ всю вашу рыбу по моимъ цѣнамъ, а?

— Подписку-то?—И, почесавъ въ затылкѣ, Парфенъ Митричъ вопросительно посмотрѣлъ на остальныхъ.

— А ты не обидишь? спросилъ Ермилъ Васильичъ.

— Какой стихъ найдетъ!

— А-а-а! боязно... Экъ-то?

— Ты только будь въ покорствѣ, а отъ меня... окромя добра... поняли?

— О-охъ... оно... Штожъ, какъ други? обратился онъ къ остальнымъ. — И задаточку дашь? снова спросилъ онъ Петра Матвѣича.

— Снабжу!

— Пошли ему Господи, други, и-ей-Богу!.. добрый онъ! говорилъ, обратившись къ толпѣ, обрадованный Ермилъ Васильевичъ. — Дай тебѣ Господи! откликнулись на слова его и остальные, и на истомленныхъ, за часъ до того убитыхъ лицахъ засіяла радость.

Щедрою рукою далъ имъ Петръ Матвѣичъ задатокъ и часть денегъ, причитающихся за скупленную на свалъ рыбу до развѣса ея. И взяли они задатокъ, не думая о будущемъ: да имъ-ли, жившимъ день за день, было думать о будущемъ?

Въ тотъ-же вечеръ Романъ Васильевичъ утвердилъ своею печатью составленное условіе между Петромъ Матвѣичемъ и крестьянами, гдѣ были приписаны услужливымъ Борисомъ Федорычемъ непонятныя для послѣднихъ слова: „а въ случаѣ неустойки или упорства насъ, нижепоименованныхъ, воленъ онъ, Вѣжинъ, искать всѣ свои убытки съ нашего имущества, за смертью-же или неустойкою кого-либо изъ насъ, онъ воленъ искать свои убытки съ насъ, взаиморучателей“.

Когда Миронъ Игнатьичъ и Семенъ пришли изъ балагана къ вечернему чаю, Петръ Матвѣичъ молча подалъ Мирону Игнатьевичу составленное имъ условіе.

— Учись, Семка, у дяди, поколь живъ онъ! съ улыбкой обратился Миронъ Игнатьевичъ къ Семену послѣ прочтенія условія.—Съ энтакой наукой большія палаты наживешь... бо-ольшія!

Лицо Петра Матвѣича дышало горделивымъ довольствомъ. Лучшей похвалы для него и не могло быть.

Наступилъ и день открытія ярмарки. Послѣ молебствія на площади и водосвятья раскрылись балаганы, показавъ сложенныя въ нихъ богатства. На иныхъ взвились флаги, и густыя толпы народа, одѣтаго по праздничному, разсыпались по рядамъ. И какихъ только костюмовъ не мелькало въ этихъ шумно-волнующихся массахъ: и теплая безъ разрѣза малица *), съ такою-же шапкой и сапогами—остроумное изобрѣтеніе остяка,—и бѣлыя малки **), узорно вышитыя цвѣтною шерстью на спинѣ и на полахъ, и овчинные тулупы, одѣтые вверхъ мѣхомъ, и суконные зипуны. Матерчатые, яркихъ цвѣтовъ кацавеи на женщинахъ и шубки, опоясанныя алыми кушаками, еще болѣе разнообразили эту, и безъ того пестрѣющую всевозможными оттѣнками, картину, обливаемую яркими солнечными лучами. Неумолкаемо несшійся говоръ и хохотъ, иногда покрываемый рѣзкимъ визгомъ скрипки или гармоники, звонъ колокольцевъ и бубенчиковъ на лихихъ тройкахъ, заложенныхъ въ розвальни, съ гикомъ носившихся по улицамъ, хоровыя пѣсни

---

*) Оленья шуба съ двойнымъ мѣхомъ снаружи и внутри.

**) Оленья шуба съ однимъ мѣхомъ внутри.

катавшихся въ нихъ дѣвушекъ и парней, сливаясь въ одинъ общій нестройный гулъ, напоминали скорѣе прибой волнъ о прибрежныя скалы, чѣмъ человѣческую рѣчь.

У балагановъ, гдѣ шелъ оживленный торгъ, кипѣла разнообразная, полная наивнаго юмора жизнь, того юмора, которымъ такъ богата натура русскаго простолюдина, гдѣ вмѣстѣ съ дѣтскимъ міросозерцаніемъ его и незлобивой шутливостью, сливается и логичный умъ, и трезвый опытъ, выносимый изъ многострадальной жизни. Порою въ воздухѣ быстро мелькалъ аршинъ съ наматываемымъ на него ситцемъ, но расходилась за копѣйку цѣна, и торговецъ съ ругательствомъ складывалъ снова въ кусокъ отмѣрянный ситецъ, а покупательница, прищелкивая орѣхи, флегматично отговаривалась на укоры его: „поробь-ко съ мое и на копѣйку оглянешься!“ У одного изъ балагановъ пожилой мужичекъ болѣе часу вытягивалъ сыромятные ремни наборной сбруи, пробуя упругость ихъ и на колѣнѣ, и зубомъ, и все еще не убѣждаясь въ крѣпости, на всѣ увѣренія торговца приговаривалъ: „на жерновѣ, братъ, не выдержитъ!“

Изъ каждаго балагана слышался пробный звонъ колокольчиковъ, покупаемыхъ подъ дуги, щелканье ружейныхъ замковъ, тупой звонъ кострюль, происходящей отъ стука въ днища ихъ, или тонкое дребезжаніе чайниковъ и чашекъ, кидаемыхъ торговцами на прилавокъ въ удостовѣреніе прочности ихъ предъ покупателями, у которыхъ разбѣгались глаза на сверкающіе передъ глазами ихъ товары. Иной и ничего не покупалъ, а все-таки тѣснился у прилавка, примѣривая на свою голову различныя шапки и шляпы, при-

цѣниваясь и къ сапогамъ, и къ рукавицамъ, и ко всему, на что глаза глядѣли—и, махнувъ рукой съ видомъ недовольства, отходилъ къ сосѣднему балагану, гдѣ повторялись тѣ-же сцены.

Миронъ Игнатьевичъ терпѣливо увѣрялъ молодую, довольно красивую, женщину въ прочности торгуемаго ею шерстянаго платка.

— Ты, молодка, энтотъ платъ-то и въ тыщи годовъ не выносишь! говорилъ онъ, пока она съ боязливою нерѣшительностью мяла его въ рукахъ;—нить-то у него во-о-лосъ, будь безъ сумнѣнія! Што тѣ, молодчикъ? обратился онъ къ подошедшему крестьянину, облокотившемуся на прилавокъ.

— Што, говорю, покупаешь? снова повторилъ онъ.

— Я, братъ, струментъ выглядываю, да штой-то нѣтъ ровно экаго! отвѣтилъ онъ, зорко оглядывая полки.

— Плотничный аль кузнечный струментъ-то? спросилъ онъ.—Не сумняйтесь, молодка, то-ись за вѣрное говорю... вещь... статья! обратился онъ къ молодицѣ.—Какой струментъ-то, спрашиваю, званіемъ-то?

— Имя-то его, подь оно къ Богу, твердилъ, твердилъ... да провались оно...

— Мастерства-то ты какого?

— Столяръ! Избы рублю по деревнямъ-то!

— Рубанокъ?

— Сказалъ... хе... Этотъ струментъ я лонскаго года у городскаго мастера видѣлъ, не здѣшній, онъ сказывалъ! Вертитъ, вертитъ, да ахъ ты, братецъ, ну и струме-ентъ!

— Напарье, коль вертитъ?

— О-о! Напарье! Этотъ струментъ... слово... имя-то вотъ, подь оно, и твердилъ!

— Што цѣной-то? прервала его молодица, ощупавшая и тщательно осмотрѣвшая платокъ со всѣхъ сторонъ къ свѣту.

— Безъ лихвы, красавица, полтора рубля! Самую свою цѣну и, ей-Богу, себѣ дороже: ужъ такъ единственно за прелесть твою!

— О-отступись, за экой-то платъ?

— Безъ износа, лебедка, по-огронъ жизни и дѣткамъ въ придачу!

— Восемь гривенъ! произнесла она.

— Миронъ Игнатьевичъ молча сложилъ платокъ и, не обращая вниманія, отложилъ его въ сторону.

— Видомъ-то, говорю, каковъ струментъ-то? снова обратился онъ къ крестьянину.

— То-ись какъ-бы это тебѣ, братецъ, какъ шило, говорю, и съ такими это фигурами, а-ахъ-ты, чортъ возьми, и въ кою сторону ты имъ ни верни, все фигура, объяснилъ онъ.

— Продаешь, што-ль? прервала его молодица, все еще продолжавшая стоять въ раздумьи.

— Дешево покупаешь, только домой не носишь! отвѣтилъ онъ. — Хошь купить, вотъ тѣ рубль тридцать — послѣднее слово! И-и, такъ шило, говоришь?

— Шило, шило, совсѣмъ шило!

— Нѣту этого!

— И вижу, што нѣтъ! не видать, какъ ни приглядываю, а струме-ентъ, какъ ни изловчись имъ,—все фигура!..

— А-а, фигура?

— Фигура, фигура, другъ! И выдумали-же, говорю, а? А што-бы, къ примѣру, ты за экой самоваръ съ меня спросилъ? указавъ на средняго формата самоваръ, стоявшій на окраинѣ полки, спросилъ онъ.

— Десять рублевъ!

— Цѣна-же!

— А ты какъ полагалъ?

— Ну, да оно, извѣстно, всякому свое! Струменъ-то вотъ этотъ, братецъ, а? И твердилъ званье-то его лопнуть... и... и... ужь безъ уступочки за самоваръ-то?

— Гривну для почину!

— А-а! Ну да што говорить, одно слово вешшь. Дочку я замужъ сооружаю, вотъ дѣло-то!

— За кого?

— Вдовый мужикъ-то, братецъ, и да вотъ, поди ты, не пьющій, нѣтъ энтого баловства-то за нимъ! Ну такъ бабы-то говорятъ, вишь, самоваръ надоть да перину, а я-то, признаться, болѣ за струментомъ!

— У тебя деньги-то есть-ли? выслушавъ его, неожиданно спросилъ Миронъ Игнатьевичъ.

— Деньги-то? А нашто-бы это тебѣ?

— Любопытно-бы!

— Не полагай... Мы нонѣ съ деньгой!

— То-то, коли ты для одного разговору, такъ отваливай, и безъ тебя много шляющихъ-то! И ты, молодка

тожъ не затѣняла-бы свѣту, не по ндраву цѣна, ну и подь въ другое мѣсто, вѣрнѣй будетъ.

— Мужичокъ, сооружающій замужъ дочь, конфузливо почесавъ въ затылкѣ, безцѣльно посмотрѣлъ въ сторону.

— Сторони-ись! крикнулъ, оттолкнувъ ихъ отъ прилавка, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, въ новомъ зипунѣ, съ заломленной на затылокъ шапкой; въ лицѣ его сіяло самое веселое довольство.—Видалъ ты столько денегъ, а-а? обратился онъ къ Мирону Игнатьевичу, развернувъ руку и показывая ему скомканный въ ней пучекъ ассигнацій.—Много?

— Не считалъ! отвѣчалъ онъ.

Вслѣдъ за нимъ изъ-за угла быстро вывернулась молодая красивая женщина и, подхвативъ его подъ руку, съ силой оттащила отъ прилавка. Повернувшись къ Мирону Игнатьевичу, увлекаемый, среди общаго хохота сидѣльцевъ и толпившихся у балагановъ крестьянъ, только кивнулъ ему головою и крикнулъ: „знай!“

— Ай, баба! А-ахъ-ха-ха-а! Какъ она его! прыснулъ сѣдой, какъ лунь, старикъ въ поношенной малкѣ и, всплеснувъ руками, даже присѣлъ отъ удовольствія.—Ну-у, а што, купецъ, у васъ въ городахъ-то есть экія бабы? наивно обратился онъ къ Мирону Игнатьевичу.

— Худой-то посуды вездѣ много! отвѣтилъ тотъ.

— И, ей-Богу! А-ахъ, какъ ты вѣрно это, ну и купе-ецъ! Давай мнѣ за энто обутки, утрафилъ ты мнѣ энтимъ словомъ-то.

— По зубамъ дать помягче, аль по-фарсистѣй, кожанные съ подборомъ? спросилъ онъ.

— Свистунъ у меня, люби его Богъ, ноготь экой, въ палецъ ростетъ! пояснилъ онъ.

— И съ ногтемъ исшо, а-ахъ-ты, старый! Гляди-ко!

— Съ ногтемъ! А ты какъ-бы думалъ? гворилъ онъ, ощупывая поданные ему Мирономъ Игнатьичемъ кошомныя валенки.—А жидковаты ровно? спросилъ онъ.

— Внучаты доносятъ,—не ты!

— И робятъ-то што ись не было, вотъ, другъ, болѣзнь какая! пожаловался онъ.

— Што-жъ такъ обшрафился, а?

— И радѣлъ, сердцемъ радѣлъ,—не было! съ тоскою въ голосѣ отвѣтилъ онъ.

— Помочь-бы сдѣлалъ!

— А-а, на ложе-то это? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Худую-то полосу вѣдь завсегда помочью вспахиваютъ, и былъ-бы съ урожаемъ безъ горя, недогадался, старый, а? насмѣшливо спросилъ Миронъ Игнатьичъ.

— Строгоой я... о-о!

— А-а-а!

— На энти дѣла... у меня баба въ струнѣ.

— А старый, говоришь, а?

— Не диви... хе!.. старый... Ты, къ примѣру, што за обутки вотъ возьмешь, а? Мотри только, съ меня дешевле бери, старенькой я, убогой!

— Со старенькаго-то и взять надо дороже! Старому человѣку на што деньги; молодому, ну-у будто дѣвки блазнятъ, можно спускъ дать, а тебѣ нешто въ гробъ нести!

Ну да бери ужъ за семь гривенъ, што тебя обидѣть... И безъ того Богъ убилъ!

— О-охъ, убилъ! Вѣрно! А все гривенку сбрось за Божью-то обиду, а?

— Гривенку-то эту чья рука пообидѣла, та и пошлетъ!

— Не пошлетъ!

— Угнѣвилъ, значитъ, свѣчу!

— На свѣчу-то и выторговываю, снизойди.

— На свѣчу-ли, мотри, старый? наровишь-то одному Богу, а не поставь другому; туда вонъ, подъ ельникъ, а? спросилъ онъ. — Ну, да бери ужь за шесть, што съ тебя!

Старикъ, кряхтя, досталъ ситцевый кисетъ, истрепанный временемъ, какъ и самъ онъ, и, вынувъ изъ него пригоршню мѣдныхъ денегъ, долго пересчитывалъ ихъ, внимательно осматривая подслѣповатыми глазами каждую монету къ свѣту.

— Всѣ! произнесъ, наконецъ, онъ, кладя ихъ на прилавокъ. — Надоть-бы вотъ исшо пяточекъ съ тебя уторговать... ну... будто на слово боекъ, владай имъ! — и, махнувъ рукой, онъ отошелъ, бережно укладывая кисетъ за пазуху.

Крестьянинъ, торговавшій самоваръ, все время стоялъ за угломъ балагана, пережидая ухода старика, и едва тотъ отвернулся отъ прилавка, онъ снова подошелъ и облокотился на него.

— Болѣе гривенки уступочки съ самовара-то не будетъ, а? мягкимъ, заискивающимъ голосомъ спросилъ онъ. — Я-бы за восемъ-то рублевъ не постоялъ!

— И я не постою, коли деньги покажешь? отвѣчалъ ему Миронъ Игнатьичъ.

— Рази первѣй разговору деньги-то кажутъ, а?

— Не инако... потому съ покойной совѣстью будемъ языкъ трепать.

— Покажу, не сумняйся!

— Ну... ну... покажи.

— Заведенья-то вотъ нѣтъ, штобы на-перво, значитъ, казать-то ихъ. Може, мы и цѣной не выговоримъ!

— Не отниму, твое при тебѣ будетъ! Сойдемся — ладно, не сойдемся — прощенья просимъ, напредки порога не обивай!

— Не хорошо энто купецъ, неужь я-бы, къ примѣру, безъ денегъ пошелъ, а?

— Секундъ показать-то, долго-ль?

— Обида!

— Никакой, похвала скорѣй, исшо мужикъ и на шапкѣ заплаты, и полушубокъ дыра на дырѣ, а денежный, энто похвала-а-а!

— Не порядокъ! тѣмъ-же обидчивымъ тономъ отвѣтилъ онъ, отодвигаясь отъ прилавка и избѣгая глазами насмѣшливаго взгляда, какимъ провожалъ его Миронъ Игнатьичъ.

Пока Миронъ Игнатьевичъ хозяйничалъ въ балаганѣ, на широкомъ дворѣ занимаемой Петромъ Матвѣевичемъ квартиры подряженные для доставки рыбы возчики изъ ближнихъ къ Тобольску деревень, складывали и упаковывали ее, подъ наблюденіемъ Семена, въ розвальни и пошевни. Болѣе десяти возовъ были готовы къ отправкѣ. И

самъ Петръ Матвѣевичъ, одѣтый по дорожному, хлопоталъ на дворѣ съ Авдѣемъ около повозки, приготовляясь къ дальнѣйшему объѣзду деревень по Иртышу и Оби. Въ то время, какъ Авдѣй запрягалъ лошадей, онъ укладывалъ въ повозку дорожныя вещи, упаковывая ихъ въ сѣно.

Въ это время во дворъ вошли Кулекъ и Вялый.

— Зачѣмъ-бы пожаловали?.. насмѣшливо спросилъ онъ, увидя ихъ.

— Къ твоей милости! отвѣтилъ Кулекъ, стоя передъ нимъ безъ шапки. Въ наружности Кулька замѣтно было, что онъ похудѣлъ и какъ-будто съежился.

— Што-жъ-бы это отъ моей милости требовалось?

— Снабди насъ деньжонками, снизойди: у всѣхъ людей праздникъ, только у насъ будни, будь ты по душевному! Ты-жъ раззорилъ-то насъ, гляди, у всѣхъ взялъ рыбу-то по семи гривенъ, за што-жъ насъ-то по шести разсчиталъ? Вѣдь рыба-то у всѣхъ одна, изъ одной рѣки-то!

— Ты старый-то долгъ весь мнѣ отдалъ? спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— По твоему-то счету исшо въ недоимкѣ!

— А по вашему-то, какъ, а?

— По нашему-то, весь-бы!

— Такъ ты наперво донеси мнѣ по моему счету, а потомъ ужъ я погляжу, какъ вамъ додать по вашему!.. сухо отвѣтилъ онъ.

— Ро-одной, сдѣлл... ты милость!

— Съ котораго боку я тѣ родной-то, а? Ро-одной, а-ахъ-ха-а! Ты помнишь-ли, какъ ругался-то надо мной, а?

Аль это по родству-то? Зачѣмъ-же таперя къ человѣку, у котораго, по твоему, честь хуже бабьяго подола, кланяться-то пришелъ, а?

Вмѣсто отвѣта, Кулекъ только понурилъ голову.

— Отвѣдалъ; каково-то, а? Теперь умоли-ко.

— Тебѣ, ничаво, што мы плачемъ-то, не молитва.

— Поешь-ли ты, плачешь-ли, мнѣ это все единственно... тьфу! преизнесъ онъ, сплюнувъ на сторону. — Семка! крикнулъ онъ:—неси-ко, подь, подушку, да погребецъ!

Семенъ быстро побѣжалъ въ горницу.

— Отъ кого-жъ мы плачемъ-то, отъ тебя-же! угрюмо отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Эвтакаго тирана я-бъ за версту обошелъ, а ты ко мнѣ-же идешь, а?

— И обошелъ-бы, коли-бъ не нужа.

— А-а... нужа-то только гонитъ... ну такъ поголодай, испробуй, а я тѣ не кормилецъ!

Въ эту минуту мимо растворенныхъ воротъ неожиданно прошелъ Иванъ Николаичъ. Увидя на дворѣ Петра Матвѣича и Кулька, стоявшаго передъ нимъ безъ шапки, онъ остановился.

— Нонѣ и въ достоль заспѣсивѣлся, ну-у и шапки не гнешь? насмѣшливо крикнулъ ему Петръ Матвѣичъ, загребая въ сѣно, въ изголовьѣ повозки, принесенный Семеномъ погребецъ.

— Не видать никого имянитыхъ-то! отвѣтилъ онъ, входя во дворъ,—а-то снялъ-бы!

— А помнится, и мнѣ снималъ, а?

— За чесь чесью всегды расплачиваются!

— Стало-быть, я долженъ починъ-то сдѣлать, снять-то ее, а?

— А для ча и не снять-бы? Не свыше нашего брата, што въ лисьей-то шубѣ,—такъ вѣдь энто, Петръ Матвѣичъ, дѣло-то переходчивое: сегодня въ шубѣ, а завтра въ той-же дерюгѣ—не узнано!

— А ты, ровно, Иванъ Николаичъ, покруглѣй выглядишь: и ей-Богу, чать, рыбку почалъ? съ насмѣшкой спросилъ Петръ Матвѣичъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе своего противника.

— Пробую.

— И-и скусная, а?

— Отмѣнная: ты-бъ и языкъ сглонулъ!

— Ну, давай, давай Богъ! Проглони-ко лучше свой поспопутью—восте-еръ больно!

— Пригодится ко времю: пошто глотать!.. я и прикусывать-то его исшо не учился! совершенно спокойно отвѣтилъ Иванъ Николаичъ.

— А што, къ слову спрошу, по чьимъ цѣнамъ я нонѣ рыбку-то купилъ—слыхалъ, поди? спросилъ Петръ Матвѣичъ, насмѣшливо посмотрѣвъ на него.

Иванъ Николаичъ молча сложилъ на груди руки. Никакой тѣни неудовольствія не пробѣжало на открытомъ лицѣ его отъ колкаго замѣчанія Петра Матвѣича.

— И около ногъ-то моихъ чѣмъ пахнетъ, тоже, чать, сказывали тебѣ, а? снова спросилъ Петръ Матвѣичъ.

— Сказывали; а тебѣ и любо?

— А-ахъ-ха-ха-а! Съ дураковъ-то этакимъ манеромъ я и сбиваю спѣсь-то, понялъ-ли? гордо осмотрѣвъ его, спросилъ онъ.

— Понялъ! тѣмъ-же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ. — Только растолкуй ты мнѣ, кто изъ васъ дуракомъ-то выглядывалъ: ты-ли, какъ поклоны-то отбиралъ, аль мужики?

И Кулевъ, и Авдѣй, и Семенъ, слышавшіе отвѣтъ Ивана Николаевича, примѣтили, какъ кровь прилила къ лицу Петра Матвѣича и съузившіеся глаза его сверкнули недобрымъ свѣтомъ.

— Неужъ тебѣ чесь, што ты надъ нищими-то наломался? продолжалъ между тѣмъ Иванъ Николаичъ. — Молчалъ-бы ты, купе-ецъ, а не похвалялся! Дураками ты ихъ зовешь, да вѣдь ихъ нужа дурачитъ-то, а ты-бы спросилъ у добрыхъ людей, умнѣй-ли ты-ы?..

— Ужо дать рази гривну за дерюжный-то урокъ! отмахнувъ полу лисьей шубы и запустивъ руку въ карманъ, съ ироніей произнесъ Петръ Матвѣичъ; но замѣтно было, что въ ироніи его скорѣе проглядывало смущеніе, чѣмъ насмѣшка.

— Поберегм для себя: придетъ неравно часъ и самъ за грошемъ руку протянешь — сгодится! А вотъ лучше не обидь Кулька-то съ Вялымъ — вѣдь ты-жъ ихъ раззорилъ!

— Што за ходатель ты выискался, а!? крикнулъ невыдержавшій, наконецъ, Петръ Матвѣичъ. — Ты зачѣмъ ко мнѣ пришелъ, кто тебя звалъ-то?

— Я безъ зову, поглядѣть только, насколько ты подросъ отъ мужичьихъ-то поклоновъ.

— Уйди, говорю, слышь: не мозоль моихъ глазъ!

— Опомнись: дворъ-то не твой!

— Уйди безъ грѣха!—И плюнувъ съ сердцемъ въ сторону, Петръ Матвѣичъ выскочилъ изъ повозки, въ которой стоялъ, и спѣшно ушелъ въ горницу, но до ушей его все-таки долетѣлъ смѣхъ, какимъ проводилъ его Иванъ Николаичъ.

Послѣ полудня ярмарка достигла своего крайняго развитія. Все чаще и чаще по улицамъ села встрѣчались крестьяне съ нетвердою поступью; иной успѣлъ потерять и купленную шапку, и рукавицы. Кое-кто прилаживался и на покой у бревенъ, накатанныхъ у заборовъ. Съ выставокъ, открытыхъ на время ярмарки, давно слетѣли холщевые пологи, и самые шесты съ прибитыми на нихъ елками покачнулись отъ напора тѣснившагося народа. Шумнѣй и разгульнѣй становилось ярмарочное веселье, бойчѣе на слово громкая рѣчь. Порой, какъ вихрь, неслась по рядамъ толпа гулякъ, съ музыкантомъ впереди, сминая и отбрасывая въ сторону все попадавшееся навстрѣчу, и рѣзкая, разноголосная пѣсня ихъ заглушала и хохотъ провожающихъ ее крестьянъ, и визгъ смятыхъ и сшибенныхъ съ ногъ женщинъ. И далеко за полночь бродилъ еще по селу разгулявшійся людъ, забывъ свое горе и нужды; во всѣхъ избахъ виднѣлись огни, со всѣхъ перекрестковъ неслись неумолкающія пѣсни.

Но съ закатомъ солнца одинъ за другимъ стали закрываться балаганы, и, при свѣтѣ фонарей, въ нихъ снова пошла дѣятельная упаковка товара. И въ этотъ короткій промежутокъ времени наѣзжающіе торговцы выручаютъ до-

вольно значительныя суммы, которыя даютъ имъ возможность открывать впослѣдствіи обширные магазины въ городахъ и считаться „первостатейными“.

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

Въ к... уѣздѣ не нашлось-бы человѣка, не знавшаго крестьянина деревни Ш...ъ Данилы Иракліевича Безсомыкина или „Еракыча“, какъ называли его крестьяне, съ трудомъ выговаривающіе мудреныя имена. Извѣстностью Данила Иракліевичъ пользовался благодаря своему состоянію, которое измѣрялось народною молвой десятками тысячъ. Онъ имѣлъ обширныя пасеки, разведенныя въ горахъ, заросшихъ лѣсомъ, и въ лугахъ, мукомольную мельницу и воскобойню, въ которую со всѣхъ концовъ уѣзда крестьяне свозили воскъ для выдѣлки. Велъ онъ торговлю хлѣбомъ, доставляя его на винокуренные заводы и золотые пріиски; на послѣдніе онъ поставлялъ и мясо битаго скота. Доморощенные кони Данилы Иракліевича славились даже за предѣлами губерніи. И что это были за кони! Рослые, статные, сильные и большею частью, какъ на подборъ, гнѣдой масти. Они не даромъ составляли его гордость. Двухъ-этажный, обшитый тесомъ домъ, съ обширными вокругъ него пристройками, напоминалъ скорѣе домъ богатаго купца, живущаго по старинѣ, чѣмъ крестьянскій. Стѣны внутри его были оклеены обоями и увѣшаны портретами героевъ крымской компаніи и изображеніями тѣхъ „Мальвинъ“ и „Аделей“

съ соблазнительными формами, которыя составляютъ неизмѣнное украшеніе станціонныхъ домовъ и квартиръ холостыхъ чиновниковъ, получающихъ содержаніе не свыше 300 руб. въ годъ. Мягкіе, обитые ситцемъ стулья, ломберные столы и простѣночныя зеркала, въ потускнѣвшихъ отъ времени золоченыхъ рамахъ, дополняли домашнюю обстановку Данилы Иракліевича. Крестьяне, смотрѣвшіе на Данилу Иракліевича, какъ на человѣка, стоявшаго выше ихъ среды, привыкли и относиться къ нему не какъ къ равному лицу, а скорѣе, какъ къ своему помѣщику. Проходя мимо его дома, каждый изъ нихъ считалъ обязанностью снять шапку, хотя въ окнахъ его рѣдко можно было видѣть кого-либо изъ обитателей. Посидѣть въ избѣ Данилы Иракліевича (такъ-какъ комнаты предназначались только для начальствующихъ лицъ, которымъ постоянно и отводились въ домѣ его квартиры, для другихъ-же онѣ были закрыты), выпить поданный имъ своеручно стаканъ жиденькаго чая, а въ праздникъ густого медоваго пива — считалось за честь, выше которой они ничего не знали. И какъ-же иначе они могли относиться къ нему, когда въ виду ихъ толстую съ коротенькими пальцами руку Данилы Иракліевича пожимали и исправникъ, и мировой посредникъ, за-просто заѣзжавшіе къ нему въ гости, — лица, къ которымъ каждый крестьянинъ подходилъ съ просьбой не иначе, какъ крестясь и мысленно творя молитву; и тутъ-же, въ ихъ виду, сановникъ, проѣзжавшій на ревизію, предъ которымъ, въ свою очередь, и исправникъ, и мировой посредникъ стояли на вытяжку, подалъ Данилѣ Иракліевичу руку, благодаря его за гостепріимство.

Человѣкъ онъ былъ степенныхъ лѣтъ, небольшаго роста, еще болѣе скрадываемаго толщиною, придававшею его тѣлу овальную форму. Въ тяжелой развалистой походкѣ его отражалась самоувѣренность человѣка, привыкшаго относиться къ себѣ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, хотя наружность его не носила на себѣ печати этого достоинства. Она была мелка, если можно такъ выразиться. Сплюснутый лобъ не обѣщалъ особеннаго ума, широкая же и выдавшаяся впередъ нижняя челюсть выказывала основную черту характера — упрямство, соединенное съ лукавствомъ, свѣтившимся въ его живыхъ сѣрыхъ глазкахъ, бойко сверкавшихъ въ узенькихъ орбитахъ. Какъ и большинство ограниченныхъ людей, Данила Иракліевичъ былъ сильно упрямъ и въ тоже время самолюбивъ, такъ что, несмотря на свою скупость, готовъ былъ принести какія угодно жертвы для удовлетворенія своего тщеславнаго самолюбія. Отъ вліянія приближающейся старости онъ жилъ, по собственному выраженію его, на „спокоѣ“, т. е. предоставивъ веденіе хозяйства по дому, воскобойнѣ и мельницѣ своему племяннику, тихому и безотвѣтному человѣку; остальными-же торговыми операціями и сдѣлками у него заправлялъ однодеревенецъ его Трофимъ Кириловичъ Шебалинъ.

Говоря о Данилѣ Иракліевичѣ, нельзя не остановиться и на Трофимѣ Кириловичѣ. Они составляли одно цѣлое, нераздѣльное, при всей противуположности ихъ характеровъ и общественнаго положенія. Трофимъ Кириловичъ не наслѣдовалъ, какъ Данила Иракліевичъ, своего состоянія отъ родителей, а провелъ свое сиротливое дѣтство и молодость

въ городѣ, сначала въ качествѣ служки, а потомъ прикащика, что дало ему возможность, по возвращеніи на родину, заняться самостоятельнымъ дѣломъ. Онъ также, какъ и Данила Иракліевичъ, торговалъ хлѣбомъ, воскомъ, медомъ, скупалъ у крестьянъ ленъ и шкуры, но торговля его шла далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ у перваго, да и средства его были очень ограничены. У каждаго ловкаго человѣка, опытомъ пріобрѣтающаго житейскую мудрость и задавшагося цѣлью составить себѣ финансовую или служебную карьеру, всегда есть много услужливой и дальновидной вкрадчивости; въ совершенствѣ обладалъ ею и Трофимъ Кириловичъ. Хитрый и пронырливый, онъ въ то-же время умѣлъ казаться простодушнымъ и довѣрчивымъ. Уступалъ во всемъ людямъ болѣе его зажиточнымъ, часто въ ущербъ своимъ интересамъ, чтобы только не потерять ихъ довѣрія и упрочить за собою мнѣніе о своей простотѣ. Къ людямъ бѣднымъ онъ относился съ радушіемъ и участіемъ, при случаѣ наверстывая на нихъ свою уступчивость богатымъ, но наверстывалъ такъ, что бѣднякъ всегда считалъ себя одолженнымъ и искренно былъ признателенъ ему. Если-бы кто спросилъ у крестьянъ у—й волости мнѣнія о Трофимѣ Кириловичѣ, то навѣрное-бы получилъ въ отвѣтъ: „мужикъ, што говорить, душа!“ Благодаря неусыпной хлопотливости, дѣла Трофима Кириловича годъ отъ году шли лучше и лучше, но онъ тщательно скрывалъ это, жилъ бѣдно, ѣздилъ всегда на одной лошади въ телѣжкѣ-качалкѣ; костюмъ его никогда не отличался щеголеватостью, напротивъ, былъ простъ и даже убогъ: на немъ нерѣдко можно

было видѣть и прорванные, но починенные бродни, и усѣянный заплатами зипунъ. Въ общественныя дѣла онъ, какъ и Данила Иракліевичъ, не вмѣшивался и держалъ себя въ сторонѣ, но въ дѣйствительности всегда чутко прислушивался ко всему, что говорилось по волости, и зорко слѣдилъ за дѣйствіями и сельскихъ старостъ, и волостныхъ чиновъ. Когда спрашивали его мнѣнія о какой-нибудъ надбавкѣ сверхъ положеннаго оклада при сборѣ податей, онъ или молчалъ, или давалъ уклончивый отвѣтъ: „не мое-де это дѣло“! Но въ тихомолку предъ людьми *надежными* онъ порицалъ образъ дѣйствій и волостныхъ чиновъ, и мирового посредника, и земскихъ властей. Отъ надежныхъ людей подобныя мнѣнія его, какъ водится въ этихъ случаяхъ, разносились по волости; подъ вліяніемъ ихъ крестьяне тоже въ тихомолку поговаривали: „не гляди, што Шеболинъ-то тихоня мужикъ, а душа-а!“ Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣры и претензіи властей вызывали общее неудовольствіе, готовое перейдти въ ропотъ и неповиновеніе, Трофимъ Кириловичъ открыто сдерживалъ недовольныхъ, логично выясняя имъ всѣ послѣдствія, какія выйдутъ отъ того и всею силою обрушатся на нихъ-же. Это съ наилучшей стороны рекомендовало его во мнѣніи мѣстныхъ властей, и крестьяне, хладнокровно вдумавшіеся въ истину: „что плетью обуха не перешибешь“, снова говорили о немъ: „поди-ко мужикъ-то тихоня, простота, а ума — што въ писаной книгѣ“! Отзывы эти не могли не доходить до Трофима Кириловича, но онъ относился къ нимъ болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ не принадлежалъ къ разряду людей, мелочное самолюбіе которыхъ

удовлетворяется лестнымъ словомъ: задача его жизни, его планы шли далѣе этого.

Съ перваго-же времени переселенія въ деревню, онъ сталъ сближаться съ Данилой Иракліевичемъ, прибѣгая къ нему за совѣтами, какъ къ человѣку умному, опытному, давая чувствовать ему во всемъ превосходство надъ собой, и въ короткое время, благодаря умѣнью дѣйствовать на слабыя стороны его характера, пріобрѣлъ къ себѣ полное расположеніе его и довѣріе; оно простиралось до того, что Данила Иракліевичъ ввѣрялъ ему на руки тысячи, безконтрольно относясь къ его отчетамъ. И нужно отдать справедливость Трофиму Кириловичу: онъ не злоупотреблялъ его довѣріемъ, не изъ честности или привязанности къ нему, нѣтъ,—эгоистическія натуры не способны привязываться ни къ чему, кромѣ своей цѣли. Онѣ заискиваютъ въ людяхъ, дорожатъ ихъ расположеніемъ и довѣріемъ только во время надобности въ нихъ, и какъ только надобность миновала, онѣ сейчасъ-же готовы отвернуться отъ человѣка, которому наканунѣ пожимали руку, увѣряя въ искренности своихъ отношеній. Во имя своей цѣли Трофимъ Кириловичъ дорожилъ интересами Данилы Иракліевича, даже въ ущербъ своимъ: вліяніе его, какъ человѣка умнаго, не могло не отразиться на Данилѣ Иракліевичѣ. Дѣйствуя, повидимому, во всемъ самостоятельно, Данила Иракліевичъ и самъ не замѣчалъ, что находился въ полномъ распоряженіи Трофима Кириловича, былъ отголоскомъ его воли и мысли. Вліяніе это не ускользало и отъ наблюдательности крестьянъ, такъ что, имѣя постоянную нужду въ Данилѣ Иракліевичѣ, каж-

дый изъ нихъ шелъ прежде всего къ Трофиму Кириловичу и былъ вполнѣ увѣренъ, что просьба его будетъ исполнена, если онъ изъявлялъ на то согласіе. О согласіи Данилы Иракліевича никто и не спрашивалъ.

Въ описываемое время Данила Иракліевичъ, кромѣ обязательствъ съ винокуренными заводчиками и золотопромышленниками по поставкѣ хлѣба и мяса, взялъ еще обширный подрядъ на поставку въ казну хлѣба и крупы для мѣстныхъ войскъ. Операція эта обѣщала громадныя выгоды, и Трофимъ Кириловичъ принималъ въ ней дѣятельное участіе не въ качествѣ довѣрителя, но компаньона. Онъ ѣздилъ и на торги въ городъ Т. оставшіеся за нимъ по предложеннымъ имъ цѣнамъ. Отъ своего имени онъ внесъ въ обезпеченіе подряда 8000 рублей пятипроцентными билетами, врученными ему Данилой Иракліевичемъ, и самый контрактъ былъ заключенъ на его имя. Данило Иракліевичъ оставался въ сторонѣ и участвовалъ въ этомъ дѣлѣ только своимъ капиталомъ.

Въ небольшой комнатѣ, увѣшанной въ переднемъ углу иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, у стола на кованномъ сундукѣ, накрытомъ коврикомъ, сидѣлъ Данила Иракліевичъ, одѣтый по-домашнему въ халатъ изъ толстаго чернаго сукна; въ дни пріѣзда гостей онъ надѣвалъ длинно-полый тонкій сюртукъ съ воротникомъ, доходившимъ до ушей. Напротивъ его, облокотившись локтями на столъ, сидѣлъ Трофимъ Кириловичъ, только что возвратившійся изъ города. Сальная свѣча, вставленная въ деревянный подсвѣчникъ, тускло освѣщала лица собесѣдниковъ и окружа-

ющіе ихъ предметы; комната эта была „домашняя“ и отличалась отъ парадныхъ своею обыденною обстановкой. Задній уголъ ея занимала печь съ лежанкой, на которой въ зимнее время Данила Иракліевичъ отдыхалъ послѣ обѣда. У двери помѣщалась кровать съ горою пуховиковъ и подушекъ. Вмѣсто мебели, около стѣнъ стояли большіе кованые сундуки. Выбѣленныя стѣны были облѣплены золотыми бумажками и картинками отъ конфектъ, фактурками отъ ситцевъ, изображавшими зданія фабрикъ съ клубами дыма изъ безчисленныхъ трубъ; попадались среди ихъ фактурки и отъ сахарныхъ головъ съ надписью „Молво“ или „Кенигъ“. Но всего болѣе обращали на себя вниманіе стѣнные часы „съ кукушкой“; механизмъ ихъ отъ времени испортился и съ шумомъ выскакивавшая кукушка, вмѣсто ожидаемаго напѣва молча разѣвала передъ слушателями ротъ; эти часы утратили способность правильнаго опредѣленія времени, но все-таки ежедневно, аккуратно заводились самимъ Данилой Иракліевичемъ.

— Сокрушаюсь я все, Данила Ераклчъ, какъ-бы намъ, то-ись, не просчитаться? задумчиво говорилъ Трофимъ Кириловичъ съ соотвѣтствующимъ тону выраженіемъ на своемъ кругломъ, какъ шаръ, лицѣ, окаймленномъ черной окладистой бородой. Впрочемъ, лицо его способно было принимать, смотря по желанію, какое угодно выраженіе. Только глаза всегда исчезали при этомъ, точно прятались, оставляя наблюдателю окружающую ихъ сложную сѣть узкихъ морщинъ, выпуклыя румяныя щеки и толстый, нѣсколько аляповатый носъ.

— Въ чемъ сокрушенье-то? спросилъ, не глядя на него, Данила Иракліевичъ, слегка выворачивая пальцы правой руки, издававшіе при этомъ хрустъ.

— О подрядѣ-то говорю!

— Поперегъ горла онъ тѣ сталъ, штоль?

— То и говорю, што мое-то горло исшо большихъ-то кусковъ не глатывало, вотъ и боюсь, кабы, храни Богъ, вмѣсто выгоды-то убытокъ-бы не понесть? Подрядъ-то взять мы взяли, тѣмъ-же тономъ продолжалъ онъ,—разсчитывали таперича хлѣбъ-то закупить пятнадцать копѣекъ за пудъ, ну хорошо, а што какъ не скупимъ мы хлѣбъ-то за энту цѣну, а по двадцати, аль по двадцать двѣ—вотъ тѣ и убыль, а случай-то экой неровенъ!

— Случаю-то экому не къ чему быть, стало быть и сокрушенье-то твое што пустая пѣна съ браги! самоувѣренно отвѣтилъ ему Данила Иракліевичъ и, зѣвнувъ, перекрестилъ ротъ.

— Дай Богъ, кабы такъ-то да вишь скупшиковъ-то нонѣ много появилось.

— А тебя завидь взяла на нихъ, а?... Не крушись, на каждую долю Богъ пошлетъ, не обѣдняемъ!

— А коли цѣны-то набьютъ, тогда какъ?

— Не супротивъ-ли меня тягаться станутъ, а?..

— Съ тобой-ли тягаться, Данила Еракычъ? Ты рѣчь-то мою не въ ту сторону повернулъ! Я къ тому говорю, што цѣну-то у мужиковъ не набили-бы!

— Нѣшто мужики-то наши промѣняютъ меня на кого, а? Кто я имъ-то?

— Эвто опять другой разговоръ, про эвто чего говорить, я и нонѣ вотъ какъ ѣхалъ, разговаривалъ по деревнамъ-то: ужь вы, говорю, милые, держитесь Данила Еракыча, стѣна онъ ваша каменная, такъ погляди-ко, чего они заговорили: „о-отца не надоть, кабы не онъ, чего-бы, говорятъ, и было съ нами“.

— Это мужики-то?

— Ну да, вѣдь въ голосъ и старый, и малый!

— Чувствуютъ-же?..

— Какъ и не чувствовать-то!.. Э-эхъ, Данило Еракычъ, вѣдь мы всѣ почесть отъ тебя хлѣбъ жуемъ! Рази ты въ самомъ дѣлѣ мало для нихъ дѣлашь: они хоша и темный народъ-то, а тоже по своему-то понимаютъ!

Данила Иракліевичъ, вмѣсто отвѣта, тряхнувъ головой, молча погладилъ свою жиденькую бородку.

— Гдѣ это болѣе говорили-то? спросилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

— Гдѣ?.. Да вездѣ почесть и въ Т—ѣ, и въ З—ѣ, и въ И—ой, и въ Т—ъ заводѣ!

— Надоть-бы имъ какую ни на есть помогу! прервалъ его Данила Иракліевичъ. — Я вотъ люблю, гдѣ добро-то помнятъ, стало быть, совѣсть у человѣка есть, на такихъ-то можно и надежу положить, а есть вѣдь иные безчувственные!

— На міру-то всякаго добра много, Данила Еракычъ!

— Есть!.. Тѣхъ-то я не люблю!

— И тварь безсловесная отъ безчувственныхъ-то носъ воротитъ, сторонится! Да вотъ, Данила Еракычъ, ужь будто къ слову пришлось: поймалъ меня въ заводѣ-то Михѣй

Гавриловъ, онъ тѣ два года, сказывалъ, восемь рублей въ долгу состоитъ, такъ ужь изъ милости просилъ это обождать, походательствовать предъ тобой!

— А самому-то што-жъ-бы не придти съ повинной, аль нога не скользитъ?..

— Робѣетъ!

— Деньги-то брать не робѣлъ?

— Какъ, говоритъ, вспомню это предстать предъ него, продолжалъ между тѣмъ Трофимъ Кириловичъ, говоритъ убей лучше, такая робость настигнетъ, потому, говоритъ, не вынесу я, какъ это онъ взглянетъ!

Данила Иракліевичъ усмѣхнулся и снова провелъ правой ладонью по бородѣ.

— И то сказываютъ, самодовольно началъ онъ,—што не всякой-же ко мнѣ зря-то идетъ, а все болѣ съ робостью: глазу-то, говорятъ, боимся!..

— По душѣ и глазъ свѣтлый!..

— Пожалуй што! согласился съ нимъ и Данила Иракліевичъ.

Настала минутная пауза. Трофимъ Кириловичъ, поплевавъ на пальцы, снялъ ими вмѣсто щипцовъ нагаръ со свѣчи и обтеръ ихъ о полу зипуна. Данила Иракліевичъ, склонившись локтями на колѣни, молча пощелкивалъ пальцами.

— Ну, и та исшо опаска беретъ, снова началъ Трофимъ Кириловичъ, — насчетъ энто хлѣба-то, кабы насъ Егоръ-то Бычковъ не подъѣлъ?

— Энтотъ съ чего-бъ, Бычковъ-то Егоръ? Къ которому ты это колесу примкнулъ-то его?

— Старшиной-то какъ выберутъ!

Данила Иракліевичъ, изумленно поднявъ голову, пристально посмотрѣлъ на собесѣдника,

— Отколь ты это взялъ-то? спросилъ, наконецъ онъ.

— Нѣшто ты не слыхалъ? спросилъ его въ свою очередь; Трофимъ Кириловичъ.—Слава тебѣ Господи... гладико по деревнямъ-то только и говору, што Егора да Егора!..

— А-а-а!.. Полюбился онъ имъ; ну, да што-же, и то сказать надоть, мужикъ добрый.

— Мужикъ, што говорить, Данила Еракычъ, по правдѣ живетъ, душа-то у него совѣстливая! Я говоритъ, по волости не пушшу этихъ порядковъ, штобы міръ зорить! многозначительно какъ-то произнесъ Трофимъ Кириловичъ.— Не стану, говоритъ, какъ энти волостные, дѣлать, што-ба хлѣбные мангазеи стояли въ-пустѣ, хлѣбъ-бы весь въ недоимкѣ на міру числился, а въ самомъ-то дѣлѣ только-бъ скупшики его скупали и наживалися, а какъ придетъ голодъ—и надѣвай людъ суму.

Данила Иракліевичъ задумался, медленнѣе вытягивая пальцы. Морщины на лбу его сдвинулись и лицо выразило напряженное усиліе уловить еще невыяснившуюся мысль.

— Стало быть, онъ въ одинъ годъ хочетъ собрать всю хлѣбную недоимку, штоль? спросилъ онъ.

— Не то у него на умѣ! Эфтимъ-то онъ хочетъ только угоду мужикамъ сдѣлать! Къ примѣру взять: вотъ мы съ тобой зададимъ впередъ деньги по пятнадцати копѣекъ за

пудъ. Ну, придетъ пора къ разсчету, мужикъ, извѣстно, первое дѣло въ слезы: „вотъ такъ-де и такъ, надбавь, хлѣбъ-то-де въ цѣнѣ дороже стоитъ!“ Ты, извѣстно, въ волость къ старшинѣ, а старшина-то за-одно съ нимъ, его поддержитъ: стой-де на немъ, исшо хлѣбной недоимки много, коли не хошь взять по его цѣнѣ, такъ онъ и остановитъ хлѣбъ-то въ казну или тебя заставитъ разсчитать мужика по его цѣнѣ! Вотъ я про то и опасаюсь—подъѣстъ онъ насъ эфтимъ-то!

— Рано онъ экіе порядки-то задумалъ, выберутъ-ли исшо?..

— Выберутъ,—помяни...

Настало продолжительное молчаніе. Дверцы у часовъ съ шумомъ распахнулись и выскочившая кукушка молча позѣвала на собесѣдниковъ. Трофимъ Кириловичъ искоса наблюдалъ за Данилой Иракліевичемъ, сидѣвшимъ все также опершись на колѣни и потягивая пальцы.

— Данила Ераклычъ! внезапно окликнулъ онъ.

Тотъ молча поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Не погнѣвись ты на меня: я все, глядя на тебя, дивуюсь, ей-Богу дивуюсь! Какой ты такой человѣкъ есть? началъ онъ:—это я-бы таперича съ твоимъ умомъ да капиталомъ, то ись, и а-а-ахъ ма-а-а!

Не докончивъ своей рѣчи, Трофимъ Кириловичъ тряхнулъ головой и, повернувшись внезапно бокомъ къ хозяину, уперъ локоть правой руки въ столъ.

— Не токма-бы, то ись волосью, у-уѣздомъ-бы тресъ!

заключилъ онъ, пока Данила Иракліевичъ смотрѣлъ на него съ самодовольной усмѣшкой.

— И то сказываютъ, што не по уму это я тихъ-то! погладивъ бороду, отвѣтилъ замѣтно оживившійся Данило Иракліевичъ.

— По о-околебалъ-бы!.. Одно, ума твоего нѣтъ! — и Трофимъ Кириловичъ, съ видомъ отчаянія, хлопнулъ себя лѣвой рукой по бедру.

— За немногимъ дѣло-то стало, а-а-ахъ-ха-ха-а!.. Нѣтъ, Трофимъ, не берись, большой умъ на энто надоть, бо-о-ольшой!.. А я-бы вотъ таперича, къ слову, если-бъ взыгралъ, пошла-бъ волна-а? съ усмѣшкой спросилъ онъ.

— Я-бы, Данила Еракычъ, на твоемъ-бы мѣстѣ, да съ твоимъ умомъ, кто-бы мнѣ любъ, того-бъ и въ старшины посадилъ, ей-Богу, а міръ-бы у меня за все въ уздѣ былъ!

— Тихъ я, Трофимъ, потому и покоенъ! отвѣтилъ ему Данила Иракліевичъ. — Э-эхъ, Трофимъ, Трофимъ! снова началъ онъ послѣ непродолжительной паузы, — доживи до моихъ лѣтъ, устанешь, особливо, если въ тебѣ ума избытокъ!...

— Оно должно, въ тяготуже умъ-то, Данило Еракычъ? спрятавши глаза въ сѣть морщинъ, съ неуловимою улыбкою спросилъ его Трофимъ Кириловичъ.

— Съ умомъ человѣку, Трофимъ, надоть за все провидѣть!

— Не легко-же!

— Пришелъ вотъ ты ко мнѣ, а я тебя ужъ вижу насквозь, всю твою душу, всякой таперя фальшъ!

— Откровеніе-то, а?

— Чистъ ты и душа у меня къ тебѣ лежитъ; безъ ума ты этого не можешь?

— Безъ ума, Данила Ераkычъ, послѣднее дѣло!

— Ты вотъ мнѣ задалъ задачу, продолжалъ между тѣмъ, прервавъ его, Данила Иракліевичъ,—а я ужь и провидѣлъ; я таперя што скажу тебѣ: не бывать Егору Бычкову старшиной, слышалъ ты это?..

— Добрый онъ мужикъ-то, Данила Ераkычъ, обидѣть-то-бы его...

— И пообижу... потому я провидѣлъ, што онъ не другъ мнѣ!

— На все твоя власть, извѣстное дѣло!

— По-о-бижу! Коли ты супротивъ меня измыслилъ што и таперича я прозрѣлъ, и не быть тебѣ! Вотъ тебя старшиной посажу!

— Што ты, што ты, Данила Ераkычъ! даже какъ-будто попятившись съ испугу, произнесъ Трофимъ Кириловичъ,— да я, съ моимъ умишкомъ!..

— И сиди, прервалъ хозяинъ,—худой-ли у тебя умишко, хорошій-ли—мнѣ знать!

— Не натворить-бы, говорю...

— Помогу!.. Мой-то умъ на што, а?..

— А-а-ахъ, вотъ какъ ты меня усуслонилъ энтимъ... индѣ въ потъ кинуло, говорилъ Трофимъ Кириловичъ, обтирая лобъ, но если-бы человѣкъ болѣе проницательный

взглянулъ въ это время въ глаза его, то замѣтилъ-бы странную противоположность въ выраженіи ихъ съ выраженіемъ въ лицѣ. Они сверкали сарказмомъ и вмѣстѣ радостью, знакомой каждому при исполненіи его затаенной мысли.

— Оно-бы штожъ. продолжалъ онъ, — съ твоимъ-то умомъ я-бъ и въ старшинахъ высидѣлъ! Да вѣдь какъ общество-то, Данила Еракычъ?

— Общество-то? А што оно мнѣ, общество-то?.. Тьфу-у.. вотъ я на общество-то! Чей оно хлѣбъ-то ѣстъ, а?.. Мо-ой!.. Только само будто сѣетъ его, да жнетъ! О-общество!.. Оно ужь душу-то мнѣ свою прозаклало, я вотъ имъ двѣ копейки надбавлю на пудъ хлѣба, да Амфимку работника въ старшины-то посажу; онъ и будетъ сидѣть, да судить ихъ!— и Данила Иракліевичъ, оживившись, приподнялъ повыше колѣна спустившіяся на полъ полы халата и засучилъ рукава.—А начальство-то наше, снова началъ онъ послѣ минутной паузы,—все въ моихъ рукахъ, не я къ нему, а оно ко мнѣ ѣдетъ съ поклономъ, оно мной живетъ, — живетъ мной, слышалъ ты это?.. — И Данила Иракліевичъ даже привсталъ при послѣднихъ словахъ, но, подобравъ полы у халата, снова сѣлъ.—На чьихъ лошадяхъ оно ѣздитъ?.. На мои-ихъ!.. Все мои дары! Чей мѣдъ ѣстъ?.. Мо-ой!.. И печенымъ и варенымъ везутъ отъ меня-жь! Сотнямъ-то, што за ними плаваютъ въ долгахъ, я и счетъ потерялъ, такъ неужь оно моей воли не исполнитъ, а?.. Моя на все воля, Трофимъ, моя-я! заключилъ, наконецъ онъ,—а ты мнѣ не перечь!..

— И въ помыслѣ-то у меня не было, началъ было Трофимъ Кириловичъ.

— Сиди старшиной, коли сажу!.. прервалъ его Данила Иракліевичъ,—ума не хватитъ—моимъ живи... и не разговаривай!.. А мужикамъ денегъ не задавай, я самъ имъ задамъ: исшо старыхъ счетовъ много!

— Къ чему-бъ тебѣ затрудняться-то съ ними?

— Нѣшто считать не умѣю, штоль?

— А-а-ахъ, Данила Ераклычъ, поспѣшно прервалъ его Трофимъ Кириловичъ,—все ты какъ-то не то, точно я тѣ сопротивникъ какой! Тебѣ-ли, говорю, съ экимъ капиталомъ, экія хоромины наживши, да не умѣть считать?

— То-то!

Я къ тому говорю, што утруждаться-то тебѣ при твоихъ таперя преклонныхъ лѣтахъ не кстати-бы... я вотъ къ чему!..

— Деньги-то считать, Трофимъ, не трудъ; другое што — оно точно... а энто болѣ баловство!..

— Слава тѣ Господи, Данила Ераклычъ, што баловать-то есть чѣмъ, а все съ умомъ, за умъ все энто Творецъ многомилостивый... Я вотъ таперя, грѣшный человѣкъ, въ ину пору и подумаешъ: дастъ-же это Господь такой благодати въ одну голову, а нѣтъ, штоба по частямъ между всѣми-бы, ну да опять и то, какъ въ размышленіе-то войду, зазнались-бы! Каждый-бы не почиталъ превышихъ себя, старшихъ-бы не было и было-бы кромѣшное!.. Вотъ теперя къ слову, коли ты деньги будешь задавать, и твоя воля, твоя рука владыка! Почтителенъ кто, во всемъ

въ послушествѣ,—отъ щедрыни, гляди, и себѣ въ ущербъ да 20 на пудъ положишь!

— Положу, отъ меня это за все...

— А воспротивился, набрался этой гордыни губительной, ну и...

— Гложи ее гордыню-то, скусна-ли, а-ахъ, ха-ха-ха-а! прервалъ его со смѣхомъ Данила Иракліевичъ, — и сиди голодомъ.

— Я завсегда мужикамъ-то говорю: цѣните, говорю его; души-то, говорю, вы его не знаете, худа онъ вамъ не пожаждетъ, а ужъ чего онъ хочетъ, стало быть, вашу-же пользу провидитъ, вамъ-же добро!

— Не понять имъ этого... темные!

— Понимаютъ!

— А-а!.. Ну, видать, нонѣ свѣтъ къ тому, а ты учи ихъ, молоденца-то научитъ уму—угодно Богу!

— Учу, за все учу ихъ, Данила Еракычъ.

— Учи! Предъ Господомъ все взыщется! докторальнымъ тономъ заключилъ хозяинъ. — Учи, штобъ не противились мнѣ, не люблю вотъ я энтого супротивства! Сдѣлалъ ты по-моему я завсегда для тебя ничего не пожалѣю, усчастливлю всякаго... Таперя вотъ я тебя за всю твою службу мнѣ, за твое покорство, въ старшины сажу и сиди и будь ты старшиной и пушшай міръ видитъ, какъ Данила Ераковъ награждатъ за службу! А денегъ мужикамъ не задавай, ко мнѣ шли, я самъ задамъ, посмотрю, нѣтъ-ли исшо въ нихъ строптивости!..

— Я, Данила Еракычъ, хотѣлъ-бы исшо съ тобой на

тотъ случай потолковать, началъ, выслушавъ его, Трофимъ Кириловичъ, — не присогласить-ли намъ, къ поставкѣ-то хлѣба, кой-кого изъ нашихъ торгующихъ крестьянъ, а?... Оно-бы и разноголосицы не было, а всѣ-бы въ купѣ, хошабы вотъ Макара Вешнякова, мужикъ обстоятельный, Пруткова Финогена, Абросима Иволгина, оно-бы шибко способно по-моему-то и на руку-бы намъ!

— Энто, пожалуй, што ты дѣло говоришь!..

— Резонтъ-то имъ-бы можно подогнать, къ примѣру сказать-бы: што, молъ-де, коли вы порадѣете, возьмете по 15 съ пуда, такъ какая отъ подряда будетъ прибыль по частямъ-бы подѣлили!..

— Это я сталъ-бы свое кровное дѣлить! съ удивленіемъ произнесъ Данило Иракліевичъ:—да ты што съ радости-то свихнулъ, што-ль?..

— Да это-бы посулить только имъ!

— И сулить не хочу!

— Воля твоя!.. А я-бы посулилъ, Данила Ераклычъ; не во гнѣвъ тебѣ, хлѣбомъ-то они торгуютъ ходко, особливо Вешняковъ, индѣ въ другихъ округахъ его скупаетъ... Присогласи его на дѣлежъ-то, онъ и поддастся, а опосля вѣдь все въ твоей волѣ: отъ посула-то до дѣла пѣсня длинна. Оно-бы можно опосля и того... на дверь показать!..

— Стало быть, надуть, а-а-ахъ ха-ха-а...

— Къ тому и говорю, дѣло торговое!

— Энтакъ-то я согласенъ надуть-то, а-ахъ ха-а... энто ты по моему. Ну, ну, полакомь ихъ посуломъ, а опосля...

— И облизнутся! со смѣхомъ прервалъ его Трофимъ Кириловичъ.

— У-утрафилъ ты мнѣ энтимъ, Трофимъ, какъ это они облизнутся вмѣсто барыша-то, а-а-ахъ-ха-ха-а-а...

И Данило Иракліевичъ, точно вообразивъ комически плачевныя мины облизнувшихся компаньоновъ, залился радушнымъ, веселымъ хохотомъ. Трофимъ Кириловичъ, тоже довольный своею мыслью, вторилъ ему изъ уваженія, пуская свой смѣхъ нотой ниже.

— Энтакъ-то я согласенъ, дѣлай: оно и намъ-то менѣ хлопотъ, а опосля мы имъ и того-о... а-ахъ-ха-хъ-а! взамѣнъ барыша-то по губамъ рукотерникомъ!.. заключилъ, наконецъ, онъ.—Торговое дѣло, Трофимъ, та-же война, продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья, — таперя завсегды надоть такъ пригонять, што-бы ты за все всѣхъ обманывалъ, а тебя-бы никто! На то вотъ и умъ Господь даетъ, вотъ тутъ-то за все и надоть провидѣть! Умъ, Трофимъ, это бо-о-ольшое дѣло, молодъ ты исшо!..

— Ужъ супротивъ тебя мнѣ не гнаться, Данила Ераклычъ!

— И не гонись, не догонишь, а поколь живъ я—учись! Нау-у-ука это, Трофимъ, наука!..

— Отплатить-то вотъ чѣмъ мнѣ тебѣ за все твое добро радѣнье-то ко мнѣ, вѣдь ты мнѣ отецъ!

— Мнѣ твоей отплаты, Трофимъ, ненадоть! Будь только за все въ покорствѣ, и усчастливлю, гордыни штобы только этой...

Но Трофимъ Кириловичъ не далъ ему докончить и,

быстро вставъ, нагнулся и поцѣловалъ его руку. Неожиданное доказательство такого уваженія до того взволновало Данила Иракліевича, что онъ только потрясъ отъ избытка чувствъ головою. „Ну, Трофимъ, ты для меня и взаболь сынъ“! произнесъ онъ. — „А-а-ахъ...“ и, закрывъ голову рукой, онъ задумался.

Въ деревнѣ все спало глубокимъ сномъ, когда изъ калитки дома Данилы Иракліевича вышелъ Трофимъ Кириловичъ и направился къ избѣ своей, стоявшей на концѣ улицы. Темнота не дозволяла видѣть выраженія его лица, но по быстрой и легкой походкѣ его можно было догадаться, что умъ его волновали самыя отрадныя мысли.

Опасеніе Трофима Кириловича о выборѣ въ волостные старшины Егора Бычкова раздѣляли въ описываемое время всѣ зажиточные крестьяне у—ой волости, ведущіе различные торговые обороты. Выборъ старшины составляетъ весьма важное явленіе въ быту крестьянъ; отъ нравственныхъ достоинствъ избираемаго зависитъ многое и въ административномъ, и въ экономическомъ положеніи ихъ. Тутъ нужно имѣть умъ, распорядительность, пониманіе и охраненіе интересовъ общества въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сталкиваются съ требованіями административныхъ властей, т. е. земской полиціи и мирового посредника, имѣющихъ прямое и въ большинствѣ случаевъ неограниченное надъ ними вліяніе. Нужна честность отношеній избраннаго старшины къ самому обществу, обусловливаемая нетолько неспособностью старшины къ лихоимству и къ злоупотребленіямъ, какія постоянно допускаются волостными начальниками при сборѣ податей, и

вообще въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по волости,— нужно пониманіе условій, связывающихъ взаимныя отношенія крестьянъ въ общежитіи. Необходима безпристрастность отношеній его равно и къ богачу и бѣдняку, что рѣдко встрѣчается въ этомъ темномъ и бѣдномъ мірѣ; а главное, что еще рѣже или никогда почти не встрѣчается, но что должно-бы составлять неотъемлемую обязанность старшинъ и волостныхъ начальниковъ, защита слабыхъ отъ произвола и насилій, какіе часто позволяютъ въ отношеніи къ нимъ люди зажиточные, тѣмъ болѣе, что, въ силу многихъ обычаевъ, подобнымъ отношеніямъ придается законный видъ, со стороны не только волостныхъ начальниковъ, но и самыхъ представителей болѣе высшей администраціи. Говорю „законный“ не безъ основанія! Многимъ-ли извѣстна система законтрактовыванія, къ какой постоянно прибѣгаютъ для успѣшнаго, бездоимочнаго сбора податей съ крестьянъ? Въ э тхъ случаяхъ часто половина населенія деревни или села отдается въ полную зависимость людей зажиточныхъ, противъ которой бѣдняки лишены всякаго права протеста. Окладной сборъ податей обыкновенно раздѣляется для большей легкости взысканія на двѣ половины. Первая половина за первое полугодіе производится въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ, вторая за второе полугодіе по окончаніи полевыхъ работъ и по наступленіи хорошаго саннаго пути. Но, не смотря на эти видимыя облегченія, немногіе изъ бѣдняковъ, какихъ всегда бываетъ большинство, могутъ приготовить къ извѣстному времени требуемую сумму, и для того, чтобы не допустить наростанія недоимки при сборахъ податей, часто прибѣгаютъ

и къ насильственнымъ мѣрамъ: во-первыхъ, къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія и чаще всего къ самому наказанію, выправляя имъ деньги, которыя, по понятію многихъ причастныхъ къ сбору лицъ, крестьяне скрываютъ, не желая платить. Иногда при этомъ продаютъ лишнюю скотину или пристройки при домѣ—амбарушку или сарайчикъ на сломъ, пополняя вырученными за нихъ деньгами требуемую сумму продаютъ хлѣбъ и другіе хозяйственные продукты *). Но чаще всего уговариваютъ какого-нибудь зажиточнаго крестьянина внести за неисправнаго плательщика подать, давая ему тѣмъ безконтрольное право выбирать внесенную сумму или личнымъ трудомъ законтрактованнаго, или продуктами его хозяйства. Мы не будемъ говорить о томъ, что крестьянинъ, попавши разъ въ подобную зависимость, долго, а иногда всю жизнь не можетъ оправиться, если только его не выручитъ какой-нибудь особенно благопріятный случай. Да и какъ ему поправиться? Допустимъ, что у него благодарный урожай, который при другихъ обстоятельствахъ могъ-бы поправить его хозяйство продажею избытка хлѣба въ постороннія руки по существующимъ на него цѣнамъ. Но внесшій за него подать крестьянинъ не допуститъ его до этой продажи и, по цѣнѣ, всегда самовольно назначаемой

*) Многіе мелкіе городскіе торговцы, такъ называемые «прасолы» при наступленіи времени сбора податей, всегда уѣзжаютъ въ деревни и часто даютъ довольно значительныя взятки волостному начальству именно за то, чтобы при сборѣ податей и недоимокъ оно не допускало отсрочекъ и продавало скотъ, хлѣбъ и другіе продукты, которые они скупаютъ, пользуясь этимъ благопріятнымъ для нихъ случаемъ, за крайне-ничтожныя цѣны. Что терпитъ отъ этого крестьянинъ, предоставляю судить читателю.

заберетъ хлѣбъ въ свою пользу, въ пополненіе долга. Допустимъ, что бѣднякъ избыткомъ хлѣба уплатилъ весь долгъ ему; но наступаетъ новый сборъ податей—и у него снова нѣтъ средствъ внести ихъ, такъ какъ весь его заработокъ употребленъ на пополненіе стараго долга, и снова поневолѣ онъ прибѣгаетъ къ помощи своего благодѣтеля, выжимающаго изъ него послѣдніе соки, или сами волостные чины принимаютъ на себя эту миссію... Кромѣ того, въ Сибири существуетъ еще обыкновеніе законтрактовывать неисправныхъ плательщиковъ податей и недоимокъ въ работы къ лицамъ, постороннимъ крестьянскому міру,—такъ, напр., на золотые пріиски или на суда и рыбныя ловли промышленниковъ по рѣкѣ Оби.

Даже изъ этого бѣглаго очерка допускаемыхъ мѣръ для бездоимочнаго сбора податей каждый убѣдится, какъ легко и скоро наживаются крестьяне, занимающіеся торговлей, какъ самыя мѣры эти распложаютъ кулачество возводятъ его на степень законнаго явленія, вмѣсто того, чтобы бороться съ нимъ, какъ со зломъ, разъѣдающимъ экономическое благосостояніе народа и самую нравственность его. И не одни торгующіе крестьяне богатѣютъ, благодаря этимъ мѣрамъ, но и городскія торговыя сословія,—мѣщане, купцы средней руки, вступающіе въ различные подряды, съ казной, и особенно крупные рыбопромышленники тобольской и томской губерній; богатѣютъ отъ этого и сами волостные власти и особенно волостные писаря, и только одинъ крестьянинъ выноситъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этихъ

мѣръ и, невидя просвѣта отъ тяжелаго труда, обогащающаго другихъ, самъ остается въ нищетѣ.

Мѣстные торгующіе крестьяне дѣлаютъ еще проще, не ожидая и вмѣшательства волостныхъ чиновъ. Когда приближается время взноса податей, они задаютъ впередъ деньги нуждающимся въ нихъ бѣднякамъ,—отъ которыхъ, конечно, не бываетъ отбоя,—подъ хлѣбъ и другіе необходимые для ихъ торговыхъ операцій продукты, понижая, конечно, цѣнность ихъ до того минимума, далѣе котораго нельзя идти. И бѣднякъ, подталкиваемый безвыходною нуждою и предстоящими для него непріятностями, неминуемыми въ случаѣ неуплаты податей, соглашается на всѣ ихъ условія. Нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ лица, задающія имъ деньги, и не выясняютъ своихъ условій:—„послѣ-де сочтемся:“—и потомъ уже ничѣмъ не ограничиваютъ своего произвола. Конечно, крестьяне всегда-бы могли встрѣчать и даже, по смыслу существующихъ законоположеній, должны были-бы находить охраненіе своихъ интересовъ въ лицѣ стоящихъ надъ ними волостныхъ начальниковъ—людей, избираемыхъ изъ ихъ-же среды, ближе всѣхъ знакомыхъ съ ихъ жизнью, со всѣми условіями, стѣсняющими или благопріятствующими благосостоянію ихъ, но рѣдкій волостной начальникъ соотвѣтствуетъ своему назначенію, не потому, чтобы въ народѣ не находилось людей, одаренныхъ умомъ, яснымъ пониманіемъ дѣла, энергіей, необходимой для борьбы съ существующими злоупотребленіями,—нѣтъ: подобныхъ людей много въ средѣ нашего народа но они всегда остаются въ тѣни, наперекоръ желанію боль-

шинства, указывающаго на нихъ. Вотъ почему вопросъ о выборѣ старшины, о честности и нравственныхъ качествахъ его составляетъ такое важное явленіе въ быту крестьянъ.

Къ числу такихъ излюбленныхъ народомъ личностей принадлежалъ крестьянинъ деревни Бурановой, Егоръ Семеновичъ Бычковъ. Никто не обладалъ такимъ здравымъ пониманіемъ дѣла, какъ онъ, соединеннымъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, энергіей, не знающей препятствій. Онъ казался страшенъ своимъ вліяніемъ на народъ не однимъ міроѣдамъ, видѣвшимъ въ немъ непреодолимую, неподкупную оппозицію, но и мировому посреднику, которому онъ казался человѣкомъ крайне-опасныхъ. Егоръ Семеновичъ былъ человѣкъ небогатый,—правда, онъ имѣлъ обширную пасеку и пользовался репутаціей опытнаго пчеловода, имѣлъ необходимый для веденія обширнаго хозяйства скотъ, но ограничивался тѣмъ посредственнымъ достаткомъ, какой дается въ быту крестьянъ неутомимымъ, усиленнымъ трудомъ. Ему было болѣе пятидесяти лѣтъ; старшему сыну его шелъ уже двадцать-третій годъ; но, несмотря на такія, повидимому, преклонныя лѣта, въ немъ много сохранилось и свѣжести, и мужественной красоты. Казалось, ни тяжелая трудовая жизнь, ни время не производили разрушительнаго вліянія на могучій организмъ его. А могучъ былъ этотъ организмъ! И громадный ростъ, и соотвѣтствующая ему физическая сила вошли въ к...омъ округѣ въ пословицу. Въ народѣ называли его „медвѣжьимъ пугаломъ“ съ тѣхъ поръ, какъ, подкарауливъ у своей пасеки медвѣдя, онъ, безоружный, кинулся въ погоню за

нимъ. Въ наружности его было странное свойство наводить робость, но робость, вытекавшую не изъ страха, а изъ уваженія, изъ инстинктивнаго сознанія богатства внутренней силы въ немъ. Старый и малый, при встрѣчѣ съ нимъ, снимали шапки и кланялись, и начальствующія лица, при разговорѣ съ Егоромъ Семеновичемъ, невольно понижали тонъ изъ повелительнаго въ ласкающій. Они боялись его, боялись большихъ чорныхъ глазъ, съ свѣтившимся въ нихъ лукавымъ юморомъ, смотрѣвшихъ смѣло, гордо и, казалось, заглядывавшихъ въ душу, читая въ ней самыя сокровенныя мысли. Полное, смуглое лицо его дышало крѣпостью и здоровьемъ; высокій, съ характерными выпуклостями лобъ, широкій въ вискахъ, оттѣненный чорными прямыми волосами, дополнялъ общее впечатлѣніе, говорившее о сильномъ, прямомъ характерѣ, о саркастическомъ умѣ, чаще всего встрѣчающемся у русскихъ простолюдиновъ, такъ что трудно рѣшить, составляетъ-ли этотъ сарказмъ свойство русскаго человѣка или развивается въ немъ подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождаютъ его незавидную долю. Егоръ Семеновичъ постоянно улыбался и улыбка его оставляла каждаго въ напряженномъ ожиданіи ѣдкаго словца. Онъ много умѣлъ говорить своей улыбкой и люди, стоявшіе несравненно выше его по своему развитію, при видѣ этой улыбки невольно взвѣшивали свое слово, свою мысль прежде, чѣмъ высказать ее передъ этимъ простымъ, неграмотнымъ человѣкомъ. Даже въ чертахъ лица его, въ голосѣ, въ манерѣ, обращеніи съ людьми, какъ и въ улыбкѣ, проглядывало что-то

ѣдкое и въ то же время сухое, отчего и самая личность его казалась на первыхъ порахъ не симпатичной. Въ немъ не было и тѣни привлекательнаго добродушія,—удѣла чаще всего натуръ слабыхъ и безхарактерныхъ; къ нему никто не рѣшался обратиться за помощью, хотя были случаи, что людямъ, впавшимъ въ бѣдность по несчастію, онъ помогалъ, не ожидая ихъ просьбъ, нерѣдко удѣляя даже рой пчелъ на разживу, вопреки предразсудкамъ, существующимъ у пчеловодовъ *). Но не отталкивала отъ него окружающихъ эта черствость обращенія съ ними, а, напротивъ, привлекла ихъ къ нему. Не эта-ли скрытая въ немъ сила и побуждала все слабое и униженное искать въ немъ опоры для себя, выдвигать его изъ своей среды, какъ надежную защиту своихъ интересовъ и нуждъ.

Само собою, что подобная личность не могла не обратить на себя враждебнаго вниманія лицъ, возводящихъ въ принципъ безмолвную покорность крестьянъ къ ихъ несправедливостямъ. Еще до введенія мировыхъ учрежденій, когда Алтай находился въ безусловномъ завѣдываніи горнаго вѣдомства, Егоръ Семеновичъ терпѣлъ гоненія отъ мѣстнаго начальства за то, что отъ имени крестьянъ подалъ просьбу,

---

*) Отдача роя пчелъ, по мнѣнію пчеловода, ведетъ за собою раззоренье, а именно: пчелы перестанутъ водиться и перейдутъ всѣ къ тому, кому отданъ рой. Также точно ни одна домовитая хозяйка-простолюдинка не отдастъ гнѣзда отъ домашняго уксуса, по той-же причинѣ, что уксусъ непремѣнно испортится, не будетъ болѣе водиться въ домѣ. Ни одна изъ нихъ не дастъ и остатка «опары», на которой замѣшиваются хлѣбы, иначе хлѣбы скиснутся и выйдутъ неудачные, съ закаломъ подъ верхней и нижней коркой.

въ которой были выведены всѣ злоупотребленія горныхъ управителей, урядниковъ, наряжавшихъ на работы, и подрядчиковъ, бравшихся за крестьянъ доставлять на заводы уголь и другіе матеріялы и раззорявшихъ край. Какъ и слѣдовало ожидать, своимъ усиленнымъ, энергичнымъ ходатайствомъ Егоръ Семеновичъ, не принеся пользы и облегченія крестьянамъ, навлекъ на себя гоненіе, которое, по всей вѣроятности, кончилось-бы для него весьма дурно, еслибъ подоспѣвшая реформа не спасла лично его и не сняла этого гнета съ крестьянъ. Народъ ожилъ и въ первый разъ вздохнулъ свободно, въ надеждѣ на лучшее будущее. Но отъ дурного примѣненія и выбора лицъ прекрасная сама по себѣ и много обѣщающая реформа теряла во многомъ свое обновляющее значеніе.

Въ людяхъ съ характеромъ Егора Семеновича часто вмѣстѣ съ практической, житейской положительностью соединяется несовмѣстная съ нею поэтическая экзальтація, дѣйствующая въ нихъ наперекоръ тому, что диктуетъ имъ ихъ-же собственный жизненный опытъ. Они хорошо, напримѣръ, сознаютъ истину, что плетью обуха не перешибешь, и все-таки бьютъ по обуху, не замѣчая, что наносимые ими удары, въ силу отраженія, падаютъ на нихъ-же съ двойною силою. Но таково ихъ свойство души! Они всецѣло отдаются своему дѣлу, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не щадя себя; въ нихъ много неискоренимой вѣры въ правду и они доискиваются ея всѣми путями; они незнакомы съ разочарованіемъ, хотя жизнь на каждомъ шагу наталкиваетъ ихъ на него, и когда передъ ними закрываются всѣ пути, ве-

дущіе къ ихъ цѣли, они пробиваютъ новые и все-таки идутъ, идутъ къ ней, пока не падутъ подъ бременемъ неравной борьбы. Съ первыхъ-же лѣтъ послѣ реформы Егоръ Семеновичъ вооружилъ противъ себя и новое волостное начальство, и писаря, и мирового посредника. Конечно, шедшая между ними борьба была мелочна, жалка по своимъ причинамъ и результатамъ; но вѣдь и окружающая жизнь была также мелочна и жалка, а кто-же не знаетъ, что житейскія мелочи сильнѣе стѣсняютъ людей, чѣмъ великія, міровыя событія. Во главѣ всего крестьянскаго общества онъ первый поднялъ голосъ противъ поборовъ. Мировой посредникъ настоялъ, чтобъ каждый крестьянинъ обязательно доставилъ по лѣсинѣ на домъ волостнаго писаря, особенно его любимца. Егоръ Семеновичъ на сходѣ заявилъ, что пусть мировой посредникъ заплатитъ по полтора рубля съ лѣсины, работать-же даромъ на писаря, на ихъ-же наемника, у крестьянъ ни времени, ни лошадей нѣтъ. И писарь вынужденъ былъ закупить лѣсъ въ другой волости. Вскорѣ послѣ этого мировой посредникъ обложилъ каждаго крестьянина-пчеловода обязательной доставкой полупуда меда для себя, и снова Егоръ Семеновичъ выдвинулся изъ толпы съ протестомъ, и общество, руководимое имъ, не дало меда, несмотря на всѣ настоянія и даже насиліе волостныхъ. Слишкомъ-бы много и долго-бы пришлось перечислять подобные факты и столкновенія, нерѣдко вызывавшіе въ крестьянской средѣ ропотъ. Мы не беремся описывать негодованіе мироваго посредника, когда волостной писарь привезъ ему извѣстіе, что на мѣсто волостнаго старшины,

отданнаго подъ судъ за намѣреніе скрыть убійство съ корыстною цѣлью, общій голосъ народа избираетъ Егора Семеновича—человѣка, такъ много нанесшаго ему чувствительныхъ уколовъ. Мы отчасти знаемъ, какъ смотрѣли на выборъ его богатые крестьяне, зная его умъ, непреклонную волю и честность, вошедшую въ такую-же пословицу, какъ ростъ и сила. Но что чувствовалъ писарь, это было-бы трудно и выразить, онъ чуть-ли не лучше всѣхъ зналъ, что былъ за человѣкъ Егоръ Семеновичъ и чего онъ долженъ былъ ожидать отъ него.

Недѣли черезъ двѣ послѣ разговора, происшедшаго между Данилой Иракліевичемъ и его кліентомъ, въ ворота двухъ-этажнаго каменнаго дома, единственнаго въ городѣ К., въѣхала телѣжка, запряженная парою рослыхъ гнѣдыхъ лошадей. Правившій ими пожилой крестьянинъ, одѣтый въ куцый армякъ поверхъ овчинной шубы, остановилъ ихъ у крыльца флигеля, стоявшаго посреди двора; сидѣвшій въ телѣжкѣ Данила Иракліевичъ, вынувъ зарытый въ сѣно холщевый мѣшокъ, лежавшій около объемистой бадьи, повидимому, съ медомъ, вылѣзъ изъ телѣжки и вошелъ съ мѣшкомъ въ рукахъ на крылечко флигеля. Домъ этотъ занималъ мировой посредникъ Клементій Ивановичъ Шлепфельдъ. Пока лакей его, бойкій мальчикъ, съ наивнымъ лицомъ и вороватыми ухватками, въ будни ходившій въ засаленомъ тиковомъ пиджакѣ и въ шароварахъ, запущенныхъ въ длинныя голенища стоптанныхъ сапогъ, въ празд-

ники-же одѣваемый казачкомъ, побѣжалъ изъ флигеля, въ которомъ помѣщалась кухня и жилье для прислуги, доложить барину о пріѣздѣ Данилы Иракліевича, мы дозволимъ себѣ познакомить читателя съ личностью Клементія Ивановича. Ему было около сорока лѣтъ, росту онъ былъ выше средняго, стройный, съ пріятной полнотой въ лицѣ и фигурѣ, обличавшей здоровье и избытокъ силъ. Черты лица его были правильны и можно-бы сказать красивы, если-бы общаго впечатлѣнія производимаго ими, не портило выраженіе большихъ зеленыхъ глазъ и тонкихъ, постоянно сжатыхъ губъ, обрамленныхъ рыжими усами и окладистой бородой. Что-то злое и вмѣстѣ нахально-насмѣшливое было розлито въ нихъ, невольно заставлявшее каждаго сторониться отъ него и быть осторожнѣе въ его присутствіи. И небольшое бюрократическое общество городка К. не только сторонилось отъ него, но и боялось его, отдавая ему дань наружнаго почтенія, боялось его способности къ инсинуаціямъ, къ умѣнью сплетать всякую быль съ небылицей, и, благодаря этой способности, Клементій Ивановичъ съ изумительнымъ тактомъ умѣлъ поставить себя во главѣ общества, принять надъ нимъ начальственный, повелительный видъ. Съ такимъ-же тактомъ онъ велъ и дѣла свои, не заводился благопріобрѣтеннымъ, не вступалъ, какъ сослуживцы его, мировые посредники, ни въ какія торговыя операціи и, громко возвышая свой голосъ противъ нихъ, рисовался на фонѣ заводимыхъ ими фермъ, домовъ и мельницъ своимъ сомнительнымъ безкорыстіемъ. Онъ никогда не рѣшался ѣздить одинъ въ свой участокъ, а всякій разъ приглашалъ съ собой исправника или засѣдателя для защиты своей

особы отъ постоянно-ожидаемыхъ непріятностей. Вниманіемъ его и лаской, выражавшейся въ насмѣшливо-формальномъ обращеніи, пользовались только богатые крестьяне; они имѣли къ нему свободный доступъ, онъ подавалъ имъ руку, останавливался всегда у нихъ во время своихъ разъѣздовъ, по деревнямъ, не брезговалъ принимать на себя роль свата, устраивая браки своихъ писарей на ихъ дочеряхъ, и помогалъ имъ своимъ вліяніемъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. Ни въ одномъ участкѣ не было развито такого шпіонства, какъ у него: онъ зналъ всѣхъ своихъ враговъ изъ народа. Иногда самого ничтожнаго повода было достаточно для Клементія Ивановича, чтобы искоренять подобныхъ людей: ихъ позорили тѣлеснымъ наказаніемъ, отнимая тѣмъ возможность служить когда-либо по выборамъ и пользоваться незапятнанной репутаціей, садили въ волостныя тюрьмы и держали тамъ нерѣдко по нѣскольку мѣсяцевъ, приводя тѣмъ хозяйство ихъ въ упадокъ, или запутывали въ какія-нибудь дѣла, влекущія за собой содержаніе въ острогѣ, пока бѣднякъ не догадывался наконецъ, и не выселялся въ другой округъ, спасая себя отъ худшей доли. Много возникало жалобъ со стороны крестьянъ на Клементія Ивановича, но всѣ онѣ не достигали своей цѣли, порождая въ народѣ грустное сознаніе о своей беззащитности.

При входѣ въ обширную залу, Данило Иракліевичъ засталъ Клементія Ивановича за его любимымъ занятіемъ бездѣльнаго хожденія изъ угла въ уголъ съ руками, заложенными въ карманы домашняго пальто.

— А, Данила Иракліевичъ или, какъ креетьяне-то

называютъ тебя Еракычъ! любезно встрѣтилъ его Клементій Ивановичъ, подавая ему руку,—ну, что новаго, а? спросилъ онъ, предложивъ ему сѣсть на стоявшій у порога стулъ.

— Много-бы новаго-то, Клеменъ Иванычъ, отвѣтилъ онъ, заворотивъ сначала сзади полы своего сюртука и потомъ бережно опустившись на стулъ.—Наша сторона такая: новинокъ, што мухъ, не оберешься! Не погнѣвись, Клеменъ Иванычъ, на гостинцахъ-то; рябковъ *) нонѣ закупилъ нарошно для тебя!

— Свѣжіе?

— Самые нонѣшняго убоя... неужь тебѣ тухлыхъ привезу, ну да медку, чѣмъ богатъ, ужь не погнѣвись, говорю!..

— Медъ-то твой вѣдь я знаю... прелесть!

— Ме-едъ, это точно... не поскучаю на Бога, тебѣ-жь я липоваго привезъ самой слезы!..

— Ну, ну, хорошо, спасибо!.. Попробуемъ, я твои меда люблю: противъ твоихъ едва-ли и въ уѣздѣ найдешь, а?.! съ ироніей спросилъ онъ, задѣвая самую чувствительную струну его самолюбія.

— По-о-ищешь!.. не безъ гордости отвѣтилъ Данила Иракліевичъ.—Лонись я исправнику бадеечку далъ... такъ онъ, а-ахъ будь ты грѣхъ!..

— Что-жъ?.. — и Клементій Ивановичъ остановился противъ него въ вопросительной позѣ.

— Припрыгъ ажъ!..

— Съ радости?..

*) Рябчики.

— Неужь съ горя! Да зацѣпилъ это меду-то на пальцы, да съ пальцевъ-то такъ и лижетъ, такъ лизмя и лижетъ, ну, и смѣ-ѣхъ же!

Клементій Ивановичъ улыбнулся и молча посмотрѣлъ на него.

— А что, какъ твои дѣла идутъ? спросилъ онъ послѣ минутной паузы.

— Дѣла-то?.. Да какія-бы дѣла-то у меня, рази вотъ подрядъ-то?..

— Ну, подрядъ-то?..

— Орудую, слава тѣ, Господи!

— Много надѣешься барыша зашибить, а?

— Барыша-то?.. Да вѣдь какъ оно Господь дастъ, неузнано! Торговое-то дѣло, Клеменъ Иванычъ, потьма: гдѣ набредешь, а гдѣ и мимо пройдешь, все въ Божьей волѣ, да надоть-бы, по моему-то счету, тыщъ-бы десять взять!

— Одного барыша?..

— За труды-бы будто!

— Куда ты, Еракычъ, и съ деньгами-то это, а?.. снова съ той-же иронической улыбкой спросилъ онъ.

— Съ деньгами-то?.. съ улыбкой самодовольствія на лицѣ переспросилъ и Данило Иракліевичъ.

— Не лопни, смотри, съ надсады...

— О-о... я-то будто...

— Тебя и то ужь горой дуетъ! съ насмѣшкой прервалъ его Клементій Ивановичъ;—смотри, вѣдь сюртукъ-то годъ тому назадъ шилъ, а ужь онъ не сходится!.. произнесъ онъ, указывая на разстегнутый сюртукъ его, изъ-подъ

котораго виднѣлась бархатная, съ крупными алыми и синими цвѣтами жилетка.—Тебѣ-бы ходить больше нужно, продолжалъ онъ,—а ты все лежишь!

— Подъ меня и подъ лежачаго плыветъ! самодовольно отвѣтилъ онъ и, покачавъ головой, засмѣялся.—Ну и шутникъ-же ты, пра-аво шутникъ, куды говоришь, съ деньгами, а?.. хе!.. Деньгамъ-то на бѣломъ свѣтѣ мѣсто найдется, скучать это нечего, а вотъ безъ денегъ-то, а-а-хъ... худо!.. заключилъ онъ, покачавъ головой.

— Худо, Ераклычъ, правда, вотъ какъ мое теперь дѣло!

— Неужь-ты безъ денегъ сидишь, а?.. Коль надоть, возьми-и, сочтемся когда ни на есть, свои люди-то!

— Я пошутилъ!.. Только тебя пощупать хотѣлъ, каковъ ты, добрый-ли?..

— Я добрый!.. ужь и щупать-то меня нечего... щупаный, што добрая курица за все съ яйцомъ!..

— Кѣмъ-же, а?..

— Всѣмя понемножку! Тоже вѣкъ-то не даромъ прожилъ! А коли и взаболь тебѣ, Клеменъ Иванычъ, деньги надоть, такъ ты чего робѣшь, слава тѣ Господи, я тѣ за твою хлѣбъ-соль и за всю милость...

— Отдай-ко вотъ гнѣдка-то мнѣ, а?.. неожиданно прервалъ хозяинъ его монологъ.

— Гнѣдка-а... какого это гнѣдка?..

— Помнишь, что ты казалъ мнѣ съ бѣлой-то пятинкой на лбу!..

— Э-э-э... ка-акой ты... съ удивленіемъ протянулъ

онъ,—ай-яй, куды мѣтнулъ хе-е... вѣдь энтотъ конь-то у меня тыща рублевъ.

— Ужь и тысяча!..

— Святъ Богъ!.. Безъ отмѣну говорю: тыща! Этотъ конь-то кра-а-аса!

— Красивъ-то красивъ, правда! Только вѣдь и ты ужь хватилъ, братъ, тысячу рублей, легко сказать... и триста-то за глаза, я триста и далъ-бы!.. произнесъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на него...

— О-охъ-хо-хо-о... Ну, Клеменъ Иванычъ, и легка-жь, братъ, у тебя рука коней покупать... съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ.

— А что?..

— Ничаво... я къ слову говорю...

— Что-жъ... мало, что-ли... иль много по твоему, а?..

— Ужь такъ надоть сказать, што ты совсѣмъ это зря говоришь, необдумамши, обидчиво произнесъ онъ.—Триста рублевъ, эка штука: за экого коня да триста рублевъ, а?.. Да я тѣ за триста рублевъ, што ись, и пѣгаго не отдамъ, а пѣгой, сказать тебѣ, супротивъ гнѣдка, што ворона супротивъ сокола, и ей-Богу, экой конь, да триста рублевъ, а?..

— Что-жъ онъ у тебя, особенность какая, что-ли?.. насмѣшливо подстрекнулъ его Клементій Ивановичъ.

— Особенность!

— Какая-же?..

— А такъ, въ масть! Да касательно чего не возьми, во всемъ особенность, хоша-бы вотъ плевое дѣло хвостъ, и то, ей-Богу, што пухъ! То-ись у этого коня чего ты не

возьми... а-а-ахъ ты, братецъ, да и говорить-то... вѣдь энтотъ конь...

— Ну, что-жъ, конь какъ конь! насмѣшливо прервалъ Клементій Ивановичъ.

— О-обчелся!.. Энтотъ конь... а-а-ахъ, да не вводи ты меня...

И, вставъ со стула, онъ вышелъ въ переднюю и, высморкавшись при помощи пальцевъ, досталъ изъ кармана клѣтчатый платокъ и вытеръ имъ носъ и пальцы.—Право, грѣховодникъ, шутливо-заискивающимъ тономъ произнесъ онъ, возвращаясь въ залу.—За экого коня триста рублевъ, а?.. Ужъ лучше даромъ отдамъ его, чѣмъ триста рублевъ возьму, пра-аво!

— И триста рублей деньги!

— Не видывалъ я денегъ, што-ли... да мнѣ и тыщато, то-ись, тьфу-у... не токмо триста! А ужъ триста рублевъ за экаго коня за одинъ конфузъ не возьму, ей-Богу: владай ужъ лучше даромъ.

— Я не хочу даромъ!

— О-о! Штожъ такъ, отъ меня-то можно-бы!

— А что-же ты такое, что отъ другихъ нельзя, а отъ тебя можно, а?.. Развѣ тоже особенность какая?

— Ну, Клеменъ Иванычъ, скажу я тебѣ на эфто такое слово, што другаго такаго Данилу Ераkыча, ты свѣтъ изойди, не сыщешь! самоувѣренно произнесъ онъ.

— Это правда! насмѣшливо отвѣтилъ тотъ.

— И-и-и, вѣрно говорю, не сыщешь! Потому, я скажу, человѣкъ, братецъ ты мой!

— Съ головы до пятъ вижу!

— Вѣрно!

— И слава Богу!

— И это ты въ точности Его Многомилосливаго долженъ, за все молить! Его окомъ превознесенъ, и ей-Богу!.. Ну, а ужъ будто што поспорили, расквилилъ вотъ ты меня, владай гнѣдкомъ!—И, взявъ полу сюртука въ руку, онъ подалъ ее ему.

— Ты что-жъ это и въ самомъ дѣлѣ даришь!.. съ удивленіемъ, въ свою очередь, спросилъ его Клементій Ивановичъ.

— Дарствую!

— Полно... полно, вѣдь я пошутилъ!

— Бери, коль даютъ!

— Ты, Еракычъ, сдурѣлъ никакъ?

— И дурь да моя! А коли даютъ, бери, а то осержусь.

— Посердись... ну, ну... погляжу я, каковъ ты въ сердцѣ-то?

— Бѣ-ѣдовый! Крутой я, Клеменъ Ивановичъ, человѣкъ, такъ тебѣ скажу! Вотъ ты хоша и посредственникъ, начальство, а уважилъ ты меня лаской и я тебѣ... то ись вотъ... въ лучшемъ видѣ все предоставлю! Денегъ-ли, коня-ли, по моему богатству не постою то ись... тьфу... вотъ какъ, ей-Богу!.. только уважь ты меня, хоша я вотъ и мужикъ, а уважь, потому мнѣ уваженье дорого... и я за все за это...

— Какъ-же тебя уважить-то, Еракычъ, если я гнѣдка возьму, а?..

— Сдѣлай только по-моему!

— Что-жъ тебѣ сдѣлать-то: на божничку тебя посадить, а?..

— Нѣтъ, ты меня въ экое мѣсто не сади.

— Боишься упасть, а?..

— Энтимъ, братъ, мѣстомъ грѣхъ глумить, Клеменъ Иванычъ, грѣ-ѣхъ; а ты вотъ только не сади намъ въ старшины Бычкова Егора.

— То-олько!.. Ну, а если посажу, тогда ты и гнѣдка отберешь, а?

— Гнѣдка-то!.. Вотъ ты мнѣ задачу-то задалъ, а?.. шутливо произнесъ онъ, почесавъ въ затылкѣ.

— Што-жь: говори, отберешь или нѣтъ?..

— По-одумаю... постой!..

— Ну... ну, утѣшься... не ломай напрасно головы, пригодится еще... насмѣшливо началъ онъ; такъ и быть, уважу тебя... не бойси, не сядетъ онъ въ старшины, будь покоенъ: или ужъ меня не будетъ, или Бычкова, понялъ?.. спросилъ онъ, остановившись противъ него.

— Это-то я вотъ понялъ! За эфто спа-асибо, а то съѣстъ онъ насъ!

— Развѣ вы боитесь его, а?..

— Властный онъ мужикъ-то, Клеменъ Иванычъ, и небогатый-бы, а гляди-жъ, какую силу имѣетъ, въ пору што съ тыщами человѣкъ, любятъ его мужики-то!

— Гм... ну, а что-жъ-бы онъ могъ тебѣ, напримѣръ, сдѣлать, если-бъ старшиной былъ: вѣдь ты его не боишься, а?..

— Не боюсь... я... я... не боюсь!..

— Такъ чѣмъ-же онъ съѣлъ-бы тебя, а?

— А съѣлъ-бы!.. Онъ, Клеменъ Иванычъ, всякую-бы торговлю нашу съѣлъ! Вѣдь онь, послушай-ко, чего разводитъ: я, говоритъ, этихъ хлѣбныхъ скупщиковъ-то, што міръ зорятъ, не пушшу въ народъ-то наживаться на его слезы...

— А-а... такъ онъ ужъ и порядки новые думаетъ заводить?.. съ нервной дрожью въ голосѣ спросилъ Клементій Ивановичъ.

— Заводитъ! А заводы-то его, Клеменъ Иванычъ, не скоро расхлебашь... не такой онъ! Ослобони ужъ ты насъ отъ него, сдѣлай милость; а тутъ такія дѣла пойдутъ, што и не оберешься! Уважь ты насъ ужъ, хочу я тѣ въ ноги поклониться, посади ты въ старшины-то намъ Трофима Шебалина, ду-ушевный мужикъ-то и тебѣ-то служить-то съ нимъ по-овадно-бы было!

— Шебалинъ... это... это што у тебя-то?

— Его самаго!..

— Гм!.. И Клементій Ивановичъ учащенно зашагалъ по залѣ, навивая на пальцы свою бородку,—обыкновенный жестъ, доказывавшій его раздумье.—Я знаю его! заговорилъ наконецъ онъ,—онъ кажется, толковый мужикъ-то, а съ народомъ-то каково онъ, живетъ, а?..

— О-обходительный мужикъ, скажу тебѣ!

— Ума много надо старшиной-то служить, Ераклычъ!

— И энтого ему не занимать!.. Таперя посмотри, какую онъ торговлю ведетъ, хоша-бы и у меня дѣлами орудуетъ, безъ ума не наорудуешь?

— Правда!

— У него ума, безъ лихвы скажу, Клеменъ Иванычъ, па-алата! И изъ твоей-то воли онъ не выйдетъ: ужъ я, говоритъ, за Клемена Иваныча душу положу; ужъ изъ-за него ты за все-бы за волость-то спокойнымъ духомъ былъ, ей-Богу; ужъ я тебѣ худа не пожелаю, вѣрь!

Клементій Ивановичъ продолжалъ ходить все въ томъ-же раздумьи.

— Уважъ ты меня, сле-езница это моя предъ тобой!.. А мужиковъ-то мы подладимъ, Егора-то сшибемъ съ ихъ совѣсти и тебѣ-то покойно будетъ; а то съ Егоромъ-то, Клеменъ Иванычъ, мно-о-ого тебѣ возни будетъ—мучикъ съ норовомъ; а энтотъ Трофимъ-то совсѣмъ особь статья, энтотъ изъ твоей воли и за тыщи не выйдетъ, ей-Богу, и намъ-то рука-а-бы...

— А знаешь ты, что я и самъ на него мѣтилъ, а?..

— О-о-о!.. съ радостнымъ удивленіемъ протянулъ онъ,— вотъ это ужъ ты уважилъ меня!..

— И другаго гнѣдка не пожалѣешь, а?..

— Ну... оно того... пока и одного будетъ, Клеменъ Иванычъ! пугливо отвѣтилъ онъ.

— А ты-же сказалъ, что за уваженье все отдашь а?..

— На-а-акладно ужъ все-то! Вѣдь энтотъ конь-то сказать тебѣ, и-и-и одинъ чего стоитъ!

— Это ужъ я слышалъ!

— То-то конь: и въ губерніи, братъ, рты-бы разинули... и въ упряжи-то идетъ, а-а-ахъ ты, мать моя... кра-аса!

— Спасибо, спасибо!.. Теперь ужъ я твой должникъ!

— Со-о-очтемся!.. А конь, другъ, ну-у... только тебѣ одному и пожертвовалъ, а другому-бы, то-ись, и рукъ полой марать не сталъ, ей-Богу! Такъ ужъ это што-жъ, Клеменъ Иванычъ, выходитъ: о Трофимѣ-то порѣшенное дѣло, а?..

— Подготовьте народъ!.. Подлецы вѣдь!

— Унастуе-емъ!.. Противъ меня мужики-то! Отецъ вѣдь я имъ!..

— Скажи имъ, что, если они будутъ за Бычкова стоять, то... ну, да объ этомъ послѣ... да пошли ко мнѣ писаря, какъ поѣдешь!..

Данила Иракліевичъ всталъ и пошарилъ около себя на стулѣ, ища шапку.

— Ты куда... сиди, чаю съ твоимъ медомъ отвѣдаемъ, посмотримъ, какого ты привезъ, можетъ быть, говоришь только липоваго, а онъ и дрянь!

— Энто мой-то медъ-бы, а?.. ну, нѣ-ѣтъ: это ты, Клеменъ Иванычъ, только зря языкъ чешешь, ей-Богу, шу-утникъ ты! Ужъ посижу- вотъ, хоша-бы ѣхать и надо, а погляжу, какъ ты у-ухлебывать начнешь его, дрянной-то медъ!..

Поздно вечеромъ изъ воротъ дома Клементія Ивановича выѣхала таже телѣжка, сопровождаемая всей дворней его, которой подгулявшій нѣсколько Данила Иракліевичъ пожертвовалъ отъ щедротъ своихъ три рубля.

Обратный путь Данилы Иракліевича продолжался нѣсколько дней, благодаря внимательному и радушному пріему его въ лежащихъ по дорогѣ деревняхъ. Онъ останавливался только у зажиточныхъ крестьянъ, съ перваго-же слова давая

замѣтить каждому изъ нихъ о чести, оказанной имъ своей остановкой. „Ждалъ-ли ты экаго-то гостя?“ обыкновенно спрашивалъ онъ, слѣзая съ телѣги, и на увѣренія хозяевъ о радости видѣть его у себя, самодовольно улыбался, поглаживая бороду. Едва вѣсть о пріѣздѣ его облетала деревню, къ нему собирались крестьяне, знавшіе отъ Трофима Кириловича о взятомъ имъ подрядѣ,—собирались съ цѣлью вывѣдать, будетъ-ли онъ закупать хлѣбъ, по какимъ цѣнамъ, къ какому сроку нужна будетъ поставка его и будетъ-ли онъ задавать впередъ деньги или нѣтъ. Въ разговорахъ съ ними объ этомъ предметѣ Данила Иракліевичъ какъ-бы вскользь намекалъ имъ, „что онъ нонѣ порѣшилъ съ мировымъ посредникомъ кой-кого потревожить и деньги подъ хлѣбъ задастъ только тѣмъ мужикамъ, которые не выйдутъ изъ его воли“! Сначала крестьяне недоумѣвали, слушая его, но скоро, впрочемъ, смекнули, кого мировой посредникъ порѣшилъ съ Данилой Иракліевичемъ потревожить, благодаря неосторожно-выраженному имъ неудовольствію на глупость народа, поддавшагося вліянію такого человѣка, какъ Егоръ Бычковъ. Нигдѣ такъ быстро не разносятся новости, какъ въ деревняхъ, и всегда почти съ различными варіаціями и предположеніями, на какія весьма податливы крестьяне; такъ и слова Данилы Иракліевича быстро разнеслись по у...ой волости и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, возбудивъ много говора, еще рельефнѣе выставили въ мнѣніи народа личность Бычкова и сильнѣе укрѣпили крестьянъ въ мысли держаться его, въ немъ одномъ видѣть свою опору. О кандидатурѣ Трофима Кириловича они и не догадывались. Данила Иракліевичъ

умалчивалъ объ ней. Какъ онъ ни былъ простъ, но все-таки понималъ, что въ виду предстоящей борьбы противъ Бычкова выставить имя кандидата взамѣнъ желаемаго народомъ значило заранѣе вооружать общественное мнѣніе противъ себя, посредника и Трофима Кириловича, заставить его предполагать какія-нибудь недобросовѣстныя цѣли; а что народъ вездѣ и во всемъ, что касается его, видитъ однѣ недобросовѣстныя цѣли, то это мнѣніе въ немъ упрочиваетъ постоянный опытъ жизни.

По пріѣздѣ домой, Данила Ираклiевичъ засталъ у себя неожиданныхъ гостей: Макара Васильевича Вешнякова, Анфиногена Борисовича Пруткова и Амвросія Николаевича Иволгина, тѣхъ самыхъ хлѣботорговцевъ, участіе которыхъ въ подрядѣ Трофимъ Кириловичъ находилъ необходимымъ. Теперь не лишнимъ будетъ выяснить цѣль, какой руководился Трофимъ Кириловичъ, приглашая ихъ къ участію въ подрядѣ. Они нисколько не могли вредить скупанію хлѣба поднятіемъ цѣнъ на него, какъ объяснялъ онъ Данилѣ Ираклiевичу, и послѣдній справедливо замѣтилъ ему, что народъ не промѣняетъ его на другихъ, не потому, чтобы народъ любилъ его, а по той простой причинѣ, что онъ былъ богаче остальныхъ торгующихъ крестьянъ и, сравнительно съ ними, далеко сговорчивѣе и уступчивѣе въ цѣнахъ. Кулаковъ-крестьянъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: на сытыхъ и голодныхъ, или на нажившихся и наживающихся. Для первыхъ не представляется уже особенной надобности выжимать послѣднюю копѣйку у мѣстнаго населенія. Достигши своего, нажившись, они если не изъ чувства добра, то изъ

тщеславія способны разыгрывать изъ себя благодѣтелей для окружающихъ, и нерѣдко дѣйствительно помогаютъ бѣднымъ; бываютъ случаи, что подобные люди прощаютъ крестьянамъ ихъ мелкіе долги, выкупаютъ особенно несчастныхъ изъ какихъ-нибудь обязательствъ и часто для того, чтобы получить высочайшую благодарность, вносятъ иногда крупныя суммы въ пополненіе недоимки, накопившейся на той волости, къ которой принадлежатъ они. Подобный кулакъ гонится болѣе за почетомъ, и весьма основательно, что бѣдный людъ всегда крѣпче держится ихъ, нежели кулаковъ другой категоріи, т. е. голодныхъ, которые еще разживаются, и самыхъ худшихъ изъ людей этого разряда; для нихъ нѣтъ ничего святого и всякое человѣческое чувство порабощено одной страстью къ деньгамъ. Къ этому разряду людей и принадлежали приглашенные Трофимомъ Кириловичемъ компаньоны. При другихъ обстоятельствахъ онъ не только не нуждался-бы въ участіи ихъ, но если и была-бы въ этомъ необходимость, то постарался-бы отклонить ее, но цѣль его заключалась въ привлеченіи ихъ къ своимъ интересамъ: всѣ они въ своемъ кругу были люди весьма вліятельные и отъ голоса ихъ зависѣло многое въ порабощаемомъ ими народѣ. Онъ зналъ всѣ опасенія, какія волновали ихъ при извѣстіи о выборѣ въ старшины Бычкова, и понималъ, что, пообѣщавъ имъ кой-какія выгоды отъ участія въ подрядѣ, пріобрѣтетъ себѣ не только вѣрныхъ сотрудниковъ къ достиженію своей цѣли на выборахъ, но и такихъ людей, которые могутъ пригодиться ему и на будущее время.

Попасть въ волостные старшины было давно задуманнымъ желаніемъ Трофима Кириловича. Онъ изучилъ среду, въ которой жилъ, въ совершенствѣ постигъ систему веденія дѣлъ мѣстной администраціи, уловилъ характеръ ея отношеній къ народу и народа къ ней, и въ этомъ омутѣ ему, какъ человѣку предпріимчивому и оборотливому, представлялось широкое поле дѣятельности. Онъ зналъ, что какъ ни хитеръ Клементій Ивановичъ, но, благодаря его непониманію народной жизни и даже боязни народа, его легко можно будетъ вводить въ ошибки и заблужденія, отвлекать его вниманіе отъ темныхъ сторонъ своей дѣятельности и, ловко раздражая и ту, и другую сторону, являться посредникомъ между ними, склоняясь къ интересамъ той изъ нихъ, которая дастъ болѣе выгодъ. Трофимъ-же Кириловичъ только и жилъ для выгодъ, и мысль пріобрѣсти прочное состояніе и выбраться когда-нибудь изъ деревни въ городъ и приписаться въ купцы, — была его завѣтная мысль.

Приглашая рекомендованныхъ имъ компаньоновъ отъ имени Данилы Ираклiевича для свиданія съ нимъ, онъ умолчалъ о главной своей цѣли, — содѣйствіи ихъ къ своему выбору въ старшины, предоставляя выразить ее Данилѣ Ираклiевичу и тѣмъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо честолюбивыхъ намѣреніяхъ; но онъ много говорилъ о выгодахъ, какія ожидаютъ ихъ отъ этого участія въ ихъ подрядѣ, и говорилъ такъ хорошо, такъ основательно высчиталъ всѣ дивиденды, что у одного изъ компаньоновъ, Макара Васильевича Вешнякова, потекли даже слезы. Это былъ весьма оригинальный человѣкъ не только по натурѣ,

но и по наружности: худой, низенькій, съ жидкой бородкой и воспаленными вѣками у узенькихъ глазъ, онъ, не смотря на завидный капиталъ, ходилъ всегда оборванцемъ и жилъ до того скупо, что въ особо-чтимые праздничные дни отказывалъ своей семьѣ въ пшеничной булкѣ, хотя громадные амбары, примыкавшіе къ старому, покосившемуся отъ времени дому его, ломились отъ ржаного и пшеничнаго хлѣба. Торговые обороты его шли весьма хорошо, но онъ постоянно жаловался на убытки, на раззоренье и бѣдность. Человѣкъ онъ былъ не глупый, но въѣвшееся въ натуру его ханжество дѣлало его не только смѣшнымъ, но и отвратительнымъ. Онъ всегда, напримѣръ, оттягивалъ взносъ слѣдующихъ съ него податей хуже самаго горькаго бѣдняка, жаловался на волостныхъ, обличавшихъ его во лжи, и нерѣдко, чтобъ доказать имъ свою бѣдность, при нихъ продавалъ корову или лошадь и вносилъ вырученныя деньги, такъ что у крестьянъ, когда достаточный человѣкъ жаловался на нужду, сложилась особая поговорка: „Макарова бѣдность подъѣла!“ Если крестьянинъ обращался къ нему за деньгами и онъ находилъ, что для извлеченія своихъ выгодъ необходимо дать, то, отдавая деньги, выбиралъ самыя ветхія, истрепанныя ассигнаціи, божился, что отдаетъ послѣднія и не свои, а занятыя, снималъ въ оправданіе своихъ клятвъ икону со стѣны, которая, спеціально для этого и не была приколочена, а висѣла на веревочкѣ для большаго удобства; на узенькихъ-же, воспаленныхъ вѣкахъ всегда сверкали при этомъ слезы. Крестьяне, съ свойственною имъ наблюдательностью быстро подмѣчать въ человѣкѣ

смѣшное и мѣтко опредѣлять его, ветхія ассигнаціи называли не иначе, какъ „Макаровы слезы“. Но горе было бѣдняку, если, забравъ деньги у Макара Васильевича, онъ не отдавалъ ихъ въ срокъ или не поставлялъ условленные продукты; въ подобныхъ случаяхъ онъ настойчиво вытягивалъ у крестьянина послѣднія крохи и вытягивалъ не насиліемъ или жалобами — нѣтъ, у него была особая система взимать долги и едва-ли не самая вѣрная изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ. Онъ не давалъ прохода своему должнику, обливаясь горькими слезами, укорялъ въ неблагодарности за свои благодѣянія, кланялся ему въ ноги, слѣдилъ всюду за нимъ, какъ тѣнь, безропотно выносилъ толчки, несмущаясь, вытиралъ полой зипуна плевки съ физіономіи и нылъ до того, что выведенный изъ всякаго терпѣнія должникъ продавалъ послѣднюю скотину, зипунъ, шубу или входилъ въ новый долгъ, чтобъ только отдѣлаться отъ преслѣдованій плачущаго отъ зари и до зари человѣка. Анфиногенъ Борисовичъ Прутковъ и Амвросій Николаевичъ Иволгинъ много уступали ему въ своихъ средствахъ, можетъ быть, отчасти потому, что не обладали его умѣньемъ безвыходно запутывать людей въ свое финансовыя сѣти. Прутковъ только въ послѣднее время начиналъ расторговываться и самолюбію его льстило участіе съ Данилой Иракліевичемъ въ подрядѣ; это былъ пожилой человѣкъ съ формирующимся брюшкомъ и сознаніемъ, что и онъ есть нѣчто. Обыкновенно подобное сознаніе, являющееся у людей, привыкшихъ до этого только пресмыкаться предъ другими, и отодвигать себя

на задній планъ, кладетъ на нихъ и на всѣ ихъ дѣйствія своеобразный отпечатокъ. Все ихъ стремленіе заключается въ одномъ: дать замѣтить всѣмъ и каждому, что они не то уже, чѣмъ были. Если подобный человѣкъ промѣняетъ зипунъ или чуйку на сюртукъ, то и сюртукъ его не будетъ походить покроемъ своимъ на покрой другихъ сюртуковъ: въ немъ непремѣнно окажется какой-нибудь своеобразный придатокъ. Смѣялся-ли онъ прежде тенороиъ, то съ перемѣной его положенія и самый смѣхъ измѣнится въ басовой, торопливая походка превратится въ солидную и даже въ свою рѣчь онъ постарается онъ впутать отборныя выраженія, порою и самъ не понимая значенія ихъ. Подобные люди всегда тяжелы и непріятны въ общежитіи; привыкши унижаться, они становятся дерзкими и заносчивыми и, оскорбляя людей сами, становятся крайне чувствительными къ малѣйшему невниманію, оказанному особѣ ихъ. Какъ товарищи, они невыносимы, какъ орудія въ рукахъ другихъ, необходимыя при достиженіи какихъ нибудь цѣлей, они вѣрны и надежны, если только съумѣютъ взяться за ихъ чувствительныя мѣста.

Исключеніе изъ всей этой компаніи составлялъ Амвросій Николаевичъ Иволгинъ, человѣкъ простой и крайне-добродушный. По своему увлекающемуся характеру и особенной наклонности къ загулу, онъ едва-ли бы составилъ себѣ состояніе и, вѣрнѣе всего, лишился-бы и наслѣдственнаго, если-бы судьба не послала ему въ бѣдной сиротѣ, дочери бывшаго дьякона мѣстной церкви, умную, съ твердымъ характеромъ и грамотную жену. Она орудовала и домомъ, и

торговыми оборотами, и даже деревней. Писала письма отъ крестьянъ сыновьямъ ихъ, забраннымъ въ солдаты, находила время за плату учить читать и писать дѣтей ихъ, и даже, какъ носилась молва, и въ тяжебныхъ, и слѣдственныхъ дѣлахъ принимала дѣятельное, хотя и косвенное участіе, составляя крестьянамъ черновыя просьбы и научая ихъ изворотливымъ отвѣтамъ на вопросы слѣдователей. Амвросій Николаевичъ скорѣе походилъ на ея прикащика, чѣмъ на самостоятельное лицо. Какъ человѣкъ неглупый, онъ уважалъ ее, понимая, что всѣмъ обязанъ ей, даже почетомъ, какой оказывали ему, какъ супругу Дарьи Семеновны, и въ тоже время боялся ея. Въ веселомъ настроеніи онъ не осмѣливался показаться и на глаза ей, изъ опасенія домашнихъ мѣръ, какими она отрезвляла его. И народъ, нуждавшійся въ деньгахъ Амвросія Николаевича, и купцы, скупавшіе у него хлѣбъ, медъ и шкуры, всегда обращались въ дѣлахъ своихъ къ Дарьѣ Семеновнѣ, а не къ нему. Къ Дарьѣ Семеновнѣ отнесся и Трофимъ Кириловичъ съ предложеніемъ участія въ подрядѣ. Нужно сказать, что смѣтливой и дальновидной Дарьи Семеновны онъ боялся болѣе всѣхъ; привлечь ее на свою сторону значило многое, и бѣлая шерстяная шаль съ каймой изъ цвѣтовъ, привезенная нарочно для нея изъ города, послужила началомъ къ сближенію ихъ и какъ-бы залогомъ того, что Амвросій Николаевичъ былъ отпущенъ лично увѣриться отъ Данилы Иракліевича въ тѣхъ дивидентахъ, какими онъ умѣлъ польстить ея коммерческой натурѣ.

Данила Иракліевичъ остался доволенъ извѣстіемъ, что

его другой день ожидаютъ пріѣхавшіе къ нему гости, остановившіеся у Трофима Кириловича. Ему пріятно было подѣлиться съ ними вывезенными имъ впечатлѣніями, и въ тотъ-же вечеръ, въ знакомой намъ комнатѣ, около того-же стола, накрытаго на этотъ разъ бѣлою скатертью, сидѣлъ Данила Иракліевичъ и Трофимъ Кириловичъ съ своими гостями. На столѣ передъ ними стоялъ графинъ съ водкой и бутылка съ ратафіей, окруженные наложенными на блюдахъ ломтиками пастилы, грецкими орѣхами, пряниками и тарелкой съ солеными груздями. Изъ избы, отдѣленной отъ горницы теплыми сѣнями, поминутно приходила жена племянника Данилы Иракліевича, худощавая женщина, съ лицомъ, усѣяннымъ веснушками, то поднося гостямъ чай, то подбирая опорожненныя ими чашки, чтобы снова наполнить ихъ этимъ любимымъ напиткомъ сибирскихъ крестьянъ, гдѣ ихъ только развѣ у горькаго бѣдняка не найдется самовара и другихъ чайныхъ принадлежностей. Жена Данилы Иракліевича никогда не показывалась гостямъ по причинѣ непомѣрной тучности и одышки, захватывавшей ее на каждомъ шагу; исключеніемъ пользовались только исправникъ и мировой посредникъ, привозившіе ей гостинцы изъ города.

По краснымъ, вспотѣвшимъ лицамъ собесѣдниковъ можно было заключить, что не одна чашка чаю выпита ими и одинаково оказано вниманіе и стоявшему на столѣ графину. Анфиногенъ Борисовичъ, одѣтый въ коричневый сюртукъ и пеструю рубаху-косоворотку, выпущенную подъ нимъ поверхъ плисовыхъ шароваръ, давно проявлялъ желаніе распустить

поясокъ, но видимо стѣснялся, и только заложивъ за него пальцы рукъ, незамѣтно оттягивалъ его отъ живота.

— Не возьму, говоритъ, ни за што! Што-жъ, говорю, ты такъ робѣешь-то? Тебя, говоритъ, робѣю! А-а-а! Да меня-то чего-жь-бы, нѣшто мы не друзья, говорю, а?.. А потому, говоритъ, робѣю, што ты мужикъ-то не другимъ чета... особенный! Ну, ну, говорю, полно, вѣдь я свой человѣкъ, изъ избы сору не вынесу,—такъ насилу, насилу взялъ! разсказывалъ между тѣмъ, Данила Иракліевичъ внимательно слушавшимъ гостямъ сцену подарка гнѣдка Клементію Ивановичу.

— А взялъ-таки? прервалъ его Макаръ Васильевичъ, одѣтый на этотъ разъ въ суконный зипунъ и пившій чуть-ли не двѣнадцатую чашку чаю. Онъ любилъ чай, но пилъ его только въ гостяхъ, дома-же отговаривался, что этой блажью не занимается.

— Взялъ?

— За што ты ему гнѣдка-то всучилъ, Данила Еракычъ? спросилъ его Анфиногенъ Борисычъ.

— Тебѣ этого и знать не слѣдуетъ! строго остановилъ его самолюбивый хозяинъ.

— Все-жь любопытно-бы! Конь, говоришь, тыща рублевъ, а ты такъ ни за што, почитай, на вѣтеръ?

— Э-эхъ, Борисычъ, Борисычъ! съ приниженіемъ въ голосѣ обратился къ нему Макаръ Васильичъ.—Данилы-то Еракыча дѣло — што широкая рѣка, не то, што наше съ тобой, мелкоплесье...

— Вѣрно ты это говоришь, Макаръ, што вамъ ко-

пѣйка, то тыща мнѣ; а ты и учись, ты молодой исшо парень, тебѣ наука надоть! наставительно обратился онъ къ Анфиногену Борисычу.—Ты вотъ только исшо въ люди идешь, и учись, говорю, какъ начальство чтить: ты его почтишь и оно къ тебѣ съ уваженіемъ. Вонъ онъ меня-то не зналъ, куда и посадить, на божничку-бъ, говоритъ, посадилъ, такъ высоко, неравно исшо упадешь, храни Богъ, зашибешься. Вотъ ты и знай это. Я вотъ все могу дѣлать, чего захочу, а ты не можешь, потому у тебя исшо силы-то этой нѣту!

— Я и не говорю.

— И не говори! быстро прервалъ онъ:—говорить-то надоть, когда за каждое слово заплатить можешь, а коли исшо денегъ въ обрѣзъ, и молчи!

Уколотый этимъ намекомъ, Анфиногенъ Борисовичъ замолчалъ и неловко замялся на стулѣ.

— И угощалъ-же это онъ меня—насилу вырвался! снова началъ Данила Ираклiевичъ послѣ минутной паузы.—Ѣхать, говорю, надо, пусти! Си-иди, говоритъ: я, говоритъ, тебя-то ждалъ не дождался, да взялъ этто шапку-то мою, да спряталъ, ско-о-олько было смѣху-то, шу-утникъ вѣдь. Ты, говоритъ, у насъ одинъ только такой-то и есть!

— Пожалуй, што одинъ, тѣмъ-же тономъ подтвердилъ Макаръ Васильевичъ, кончившій чаепитіе и отирая клѣтчатымъ платкомъ свое лицо,—ровняться-то не съ кѣмъ, зато и честь!

— Есть за што и уважить-то, Макаръ Васильичъ;

слава Богу, только Данилой Ераклчемъ и живутъ! обратился къ нему молчавшій все время Трофимъ Кириловичъ.

— Мной, это онъ правду говоритъ!

Сочтите-ко, продолжалъ Трофимъ Кириловичъ,—вѣдь што ни шагъ, то подарокъ... а за што—единственно по добротѣ!

— Это точно! Трофимъ-то ужъ знатъ, какой я добрый, снова подтвердилъ онъ,—начальство-то наше по добротѣ-то моей шибко мнѣ на шеѣ сидитъ!

— Оно радо добру-то, это чего говорить! отозвался Прутковъ.

— Радо! согласился съ нимъ и Данила Иракліевичъ.— Ну, да тутъ-же межъ словами и спрашиватъ:—снова началъ онъ, увлекаемый воспоминаніемъ визита къ Клементію Ивановичу,—сколь, говоритъ, ты лихвы-то отъ подряда возьмешь? Тысячъ десять, говорю, возьму... такъ его индѣ въ потъ кинуло съ энтого-то слова-то, а-ахъ-ха-ха-а!!.

— Вспо-отешь, Данила Ераклчъ, съ экихъ-то денегъ: де-есять тыщъ, ай-я-яй!.. протянулъ, оживившись и Амвросій Николаевичъ,—што ись, и меня отъ этого-то слова ошибло!

— Ошибло-же? съ ироніей спросилъ самодовольно усмѣхнувшись Данило Иракліевичъ, вытягивая и щелкая пальцемъ правой руки.

— Ошибе-етъ! протянулъ и Макаръ Васильевичъ,— Господи, какія деньги!

— Не заплачь, мотри, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— А-ахъ, Данило Ераклчъ, и радъ-бы ину пору смѣяться, да житье-то мое...

— Голодно тебѣ, а?

— Кабы сыто-то было и не хлопоталъ-бы, говорю! Вотъ твое-то сытое-то дѣло: ты и живешь-то не другимъ чета, слава тебѣ Господи... и почетъ отъ всякаго!

— Почетъ-то не за ѣду, Макаръ, а за умъ!

— За умъ, извѣстно... глупому человѣку капитала не сорудовать! А мое-то дѣло: бьешься, бьешься, и все-то у тебя въ нить тянется, все убыль, все-то одна убыль, говорю, куда не кинь... Ахъ, ты Господи!.. Вотъ ты теперь не гнушаешься насъ къ своему дѣлу пристягнуть, а я вотъ сижу, да и думаю: не дастъ онъ, поди, насъ въ обиду-то? заключилъ онъ, искоса посмотрѣвъ на хозяина.

— Спроси Трофима, какъ я обижаю-то!

— Не тебѣ-бы, Макаръ Васильичъ... укоризненно началъ было Трофимъ Кириловичъ.

— Знаю, знаю, болѣзный ты мой? поспѣшно прервалъ его Макаръ Васильевичъ, глаза котораго заслезились и самый голосъ понизился,—знаю, что не захочетъ онъ у нищаго-то...

— Не ты-ли это нищій-то?

— Не вѣрьте, берите грѣхъ на душу!

— Макаръ! остановилъ его Данила Иракліевичъ

— Я... я Макаръ... што-жь, душевный ты человѣкъ?

— Глянь-ко на божницу!

— На божницу?.. што-жь... зачѣмъ на божницу?

— Погляди, говорю: аль совѣсть зазритъ?

— Што-жъ, погляжу, пошто совѣсти зазрить, Данило Ераклычъ... всѣ подъ Богомъ и по Его закону живемъ! то-

ропливо говорилъ онъ, умильно глядя на передній уголъ, блиставшій золотыми и серебряными ризами на иконахъ.

— Покрѣпче, мотри, гляди-то!...

— Гляжу, родной!.. што-жь, во всѣ глаза гляжу: вижу, благословилъ тебя Богъ всѣмъ! говорилъ плакавшій Макаръ Васильевичъ, не зная еще, къ чему клонится рѣчь Данилы Иракліевича.

— Слѣпнешь, а все на Бога покленъ кладешь! внушительно заговорилъ онъ;—не мы грѣхъ-то на душу беремъ, а ты-ы!.. Нѣшто у тебя мало добра-то, а? Кого ты обманываешь? Ишь какой нищій нашелся... э-э-эхъ, Ма-акаръ, Макаръ! укоризненно покачавъ головой, заключилъ Данила Иракліевичъ. — Теперь ты моего-то чаю напился, всю недѣлю, поди, проплачешь! и, довольный своей остротой, засмѣялся.

Въ лицѣ Макара Васильевича мелькнуло что-то въ родѣ. стыда. Онъ, понуривъ голову, глубоко вздохнулъ.

— Не мѣшай ему, Данила Ераклычъ, пущай проплачется: можетъ, ему и легче станетъ—привыкъ вѣдь ужъ онъ къ глазной-то насмокѣ! подтрунилъ надъ нимъ и Анфиногенъ Борисовичъ, обведя довольнымъ взглядомъ улыбающагося Амвросія Николаевича и сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Трофима Кириловича. Послѣдній не смѣялся, а, понурившись, мялъ пальцами уголъ скатерти. Онъ зналъ, что, не смотря на самоуниженіе, въ Макарѣ Васильевичѣ таилось много самолюбія и злости, затрогивать которыя было-бы неудобно.

— Много у тебя, Макаръ, хлѣба-то запасено? снова

спросилъ у него Данила Иракліевичъ, не обративъ вниманія на остроту Анфиногена Борисовича,—хоша-бы ржи, а?

— Сотень шесть пудовъ наберется, поди!

— А бѣдный, говоришь, голоденъ, а? Э-э-эхъ! снова покачавъ головой, протянулъ онъ: — гнѣвишь ты только Бога, гнѣ-ѣвишь ты Его, Макаръ!

— Въ долгъ, въ долгъ все набрано, Данила Ераклычъ, вѣрь, не вѣрь, Богъ порука: вотъ и думаю, какъ на рукахъ-то сядетъ, а-а-ахъ! Торговое-то дѣло безъ капиталу-то и не слезьми—кровью всплачешь: вотъ я и говорилъ Трофиму-то Кирилычу, што съ радостью отдамъ его тебѣ!

— А почемъ съ пуда отдашь на радостяхъ-то, а?

— Напередъ ты бы намъ сказалъ, какое твое награжденье будетъ, Данила Ераклычъ? обратился къ нему Прутковъ,—тогды бы ужъ мы обчій разговоръ повели, обчее-то дѣло вести и тебѣ-то подручнѣй-бы и намъ-то лестно-бъ, а только все-бы допрежъ польстить насъ надоть, а?

— Изъ экого-то барыша—десять тыщъ?.. есть бы чѣмъ и польстить-то насъ! произнесъ, глубоко вздохнувъ, Амвросій Николаевичъ: — Трофимъ-то Кирилычъ сулилъ намъ, што ты барышъ-то пополамъ съ нами подѣлишь, а? вкрадчиво спросилъ онъ.

— Онъ тебѣ это сулилъ-то?

— Съ-обча всѣмъ... ну, и мнѣ!

— Трофимъ, ты ему объ этомъ говорилъ, а? съ ироніей спросилъ его Данила Иракліевичъ.

— Оно точно, съ твоихъ словъ я говорилъ имъ, уклон-

чиво отвѣтилъ тотъ,—какъ промежъ насъ, значитъ, было условлено!

— Я спрашиваю, ему ты говорилъ, штоль?

— Разговоръ-то, пожалуй, болѣ съ Дарьей Семеновной былъ! отвѣтилъ онъ, догадавшись, наконецъ, къ чему ведутъ распросы хозяина.

— А-ахъ-ха-ха-а!.. такъ ты што-жь, Абросимъ, говоришь, што онъ съ тобой разговаривалъ, а? Вотъ ты-бы допрежъ изъ подъ бабьей-то понявы выбился, да опосля ужъ того... слово-то о барышѣ велъ! Бары-ы-ши протянулъ онъ, глядя на смущеннаго Амвросія Николаевича. — Ишь какъ вы на барыши-то падки, а? Не поймали, а ужь ощипали! А вы, коли хотите барышъ получить, заслужите его. Польстить я польщу, я не даромъ зову, я и барышъ подѣлю; да вы на-перво скажите-ка, почемъ мнѣ хлѣбъ поставите, а то на-а... съ перваго слова и за барышъ!

— Коли на то ужъ разговоръ, други, пошелъ, вмѣшался Трофимъ Кириловичъ, все время молчавшій, пока дѣло не коснулось этого вопроса,—такъ ужъ и я вамъ, съ своей стороны, одно скажу: неужь вы впервой Данилу-то Ераклича знаете, што въ сумнѣніи о награжденіи-то его, хошабы вотъ ты, Макаръ Василичъ, аль ты, Финогенъ Борисычъ! Неужь таперя экій человѣкъ, съ экимъ почетомъ, съ капиталомъ, какой у него, да на обманъ пойдетъ, а-а-ахъ! заключилъ онъ, качая головой.

— Не въ эфтомъ рѣ-ѣчь, сердешный ты другъ, началъ было Макаръ Васильичъ.

— Вѣдь я таперича съ его-же слова говорилъ, про-

должалъ, не слушая его, Трофимъ Кириловичъ, — не отъ себя выдумывалъ, не мое вѣдь это дѣло-то, а его, а Данило-то Ераkычъ по губерніи извѣстный, не токма въ округѣ... на его-то словѣ можно стѣну класть! Такъ неужь онъ васъ таперича въ обманъ вовлечетъ, а? А-ахъ, и говорить-то душа болитъ—ей-Богу! Говорено вѣдь было: хлѣбъ по своей цѣнѣ ставить, у кого въ какой препорціи; коли деньги ты будешь задавать, то задавай съобча, штобъ обчему дѣлу не вредить, и гни пятнадцать копѣкъ за пудъ, пятнадцать и ни почемъ болѣ! А выручку нашу съ казны мы, какъ сказано, подѣлимъ обоюдно; ну, чего-жь исшо, о чемъ-же разговоръ-то?

— Объ обманѣ, нѣшто не понимашь! прервалъ его Данила Ераkычъ, — ишь, вотъ Данила Ераковъ ихъ обманывать станетъ, а-ахъ-ха-ха-а... и ума-же...

— Што ты на обманъ-то все сводишь, Данило Ераkычъ; не объ обманѣ и рѣчь-то моя идетъ, и ты вотъ, Трофимъ Кирилычъ... придвигая стулъ ближе къ столу, началъ Макаръ Васильевичъ,— мы эвто слышали, што ты говорилъ-то намъ...

— А слышалъ, такъ чего исшо языкъ-то мозолишь, аль чешется? грубо прервалъ его Данила Иракліевичъ.

— О своемъ добрѣ у всякаго языкъ зачешется, и тебя-бы коснись...

— Отнимаютъ его у тебя, штоль, добро-то твое? А-ахъ-ха-ха-а, не ты-ль сейчасъ клялся, на божницу глядѣлъ, што тѣ ѣсть нечего, такъ о какомъ это у тебя добрѣ-то зачесалось?

— Ты выслушай...

— Не хочу и слушать! Слушать-то нечего, тошнота беретъ, какъ ты ноешь-то!

— Не ною я, милый ты человѣкъ!

— Ну, коли ныть не будешь, говори; посмотрю я, сколь въ твоей головѣ ума-разума!

— Я говорю... снова началъ Макаръ Васильевичъ.

— Слышу, што не молчишь; а ты съ дѣла начинай, а то я говорю, да я говорю, а разговоръ—што телѣга безъ колесъ, ни съ мѣста!.. ну!

— И крутъ-же, а-ахъ ты напасть, никакъ ты и не угодишь на него... Ну, Данила Еракычъ, говорить съ тобой надоть воды въ ротъ набрамши!

— Понялъ-ли ты теперь, што я за человѣкъ? а-а?

— По-онялъ! Ни за што обругашь всякаго!

— Уму учу, а не ругаюсь; взялся коли ты говорить, говори основательно, што-бы дѣло твое было прямо, какъ свѣча! А словами энтими не тумань, не закидывай ими! Ну, о чемъ началъ рѣчь, говори,—слушаю.

— Ты сулишь барышъ подѣлить намъ?..

— Барышь-то все мучитъ, а? Ну, да ладно, скажу ужъ тебѣ, коли заслужишь—подѣлю, за заслуги я награждаю! Спроси-ко вотъ Трофима, какое я кладу награжденье за службу! Я вотъ тебѣ исшо съ лихвой подѣлю его, отъ себя прикину, а твое дѣло заслужить!

— Дай тѣ Богъ, што ты на бѣдность нашу, да только... и Макаръ Васильевичъ запнулся, и продолжалъ уже мягкимъ умильно-слезливымъ тономъ,—да только вѣдь это

все, што ты говоришь, Данила Ераклчъ, не во гнѣвъ сказать тебѣ, на словахъ, а ты-бы намъ на всякой случай, потому всѣ мы подъ Богомъ, неравно, храни Богъ, не къ ночи, ко дню сказать, умрешь... лѣта-то преклонныя, и заботъ-то не мало, аль дѣло не потрафитъ, такъ штобъ маленькимъ людямъ раззоренья не было... условьице на бумагѣ-бы... И кончивъ это трудное объясненіе, онъ вынулъ платокъ изъ-за пазухи и отеръ имъ потъ, крупными каплями выступившій на лбу.

— На бумагѣ? переспросилъ Данила Иракліевичъ, глядя въ полъ.

— Ну, ну, што такъ и такъ молъ, за забранный хлѣбъ разсчетъ особый, а потому какъ онъ по своей цѣнѣ поставленъ, то въ награжденье барышъ какой будетъ обоюдно!

— Контрактъ это, штоль? снова съ той-же миной спросилъ онъ.

— Обязательство-бы на бумагѣ... просто условьице, а волость-бы засвидѣтельствовала, единственно только, и говорю, на всякій случай, потому ты самъ, Данила Ераклчъ, торговый человѣкъ—тебя не учить, порядки-то знашь!

— Слышалъ ты это, Трофимъ, а?

— Э-э-эхъ, Макаръ Васильичъ, Макаръ Васильичъ! укоризненно, качая головою, отвѣчалъ Трофимъ Кириловичъ:—не отъ тебя-бы этого ждать, не отъ тебя-я-бы!

— Другъ, мы не изъ сумнѣнья, а всякій себя бережетъ, на всякой случай говорю, торговое-то дѣло ты самъ знашь!

— Обманъ, штоль?

— Бываетъ... случается и это!

— Это ты вотъ самъ-то, темная твоя душа, мужиковъ-то какъ путашь, за-все у тебя на языкѣ имя-то Божье всуе, такъ думашь, штобъ и я съ тобой пачкаться сталъ, а?

— Мужиками што-жь меня корить и всѣ-то не меньше грѣшны! въ наживѣ около ихъ!

— Чего-о?

— Не сами, говорю, денегъ-то наковали, а изъ ихъ-же кармановъ выгребли, а што точно по слабости человѣческой завсегда на Божье имя душу кладу! смиренно отвѣтилъ Макаръ Васильевичъ.

— Што ты это разговариваешь-то, што ты это, я тебя спрашиваю, разговорился, а? Ты гдѣ, у кого ты сидишь,— опомнись, ровня-ли я тебѣ? весь вспыхнувъ и съ несвойственнымъ оживленіемъ взбросивъ голову, крикнулъ на него Данила Иракліевичъ.

— Гдѣ-ѣ ужъ ровняться, Данила Ераклычъ: наше дѣло, аль твое; наше-то дай-бы Господи сытымъ быть, а ты вонъ и тыщи кидашь!

— И кидаю! А у тебя што, слюни на нихъ текутъ? О-обманывать это вотъ я ихъ сталъ, а? Ха-ха-ха-а! Да чѣмъ вы всѣ тутъ и глядите, такъ мнѣ не попахнетъ! Это вотъ смотрите-ко, добрые люди, Данила Ераковъ созвалъ таперича экихъ богачей, штобъ обманывать, а-а-ахъ-ха-ха-а!.. Своего, вишь, капиталу не стало, обнищалъ, ѣсть нечего, такъ на обманы пошелъ, ха-ха-ха-а! Трофимъ, напиши имъ условье клиномъ на берестѣ, слышь?

— Пошто-же такъ-то клиномъ-то на берестѣ?

— Слышь, Трофимъ, клиномъ на берестѣ, говорю тебѣ, напиши, на берестѣ клиномъ: другого имъ и не будетъ условья отъ меня, и мараться не хочу!

— Эхъ, Макаръ Васильичъ, совсѣмъ это неосновательное дѣло затѣялъ! со вздохомъ произнесъ Трофимъ Кириловичъ.

— И не разговаривай съ нимъ, слышь, молчи!

— За штожъ ты осерчалъ-то, Данила Еракычъ, ахъ, ахъ-а-ахъ, ка-акой ты тугой! ну-у, качая головой, произнесъ затѣявшій неосновательное дѣло Макаръ Васильевичъ, изподлобья переглянувшись и съ другими компаньонами.

— Мо-олчи, говорю, слышь! Ты въ моемъ домѣ, меня и слушай, а не хошь, поди за порогъ, тамъ и разговаривай, вонъ съ Анфимкой работникомъ разговаривай, а я тебя не хочу слушать.

— Ну, идти велишь и пойду!

— Поди, съ глазъ моихъ поди! Экому честному человѣку, какъ ты, съ такимъ таперя обманщикомъ, какъ Данила Ераковъ, да я бы за одно вниманье не взялъ въ избѣ-то сидѣть... Пилъ ты чай?

— Благодарю покорно... угошшался!

— До сыта?

— Доволенъ! што-жь исшо, чего надоть...

— И поди, ступай со Христомъ!

Макаръ Васильевичъ всталъ и, переминаясь съ ноги на ногу, запахнулъ зипунъ на груди. Настало продолжительное и самое тяжелое молчаніе. Склонившись руками на колѣни, Анфиногенъ Борисовичъ сидѣлъ насупившись; Ам-

вросій Николаевичъ нерѣшительно и боязливо поглядывалъ на расходившагося Данилу Иракліевича, который то отиралъ потъ со лба, то натягивалъ на колѣно постоянно спадавшую съ него полу халата, открывая зрителямъ полосатые, тиковые штаны. Трофимъ Кириловичъ сидѣлъ, тоже видимо смущенный, и, понурившись, мялъ концы скатерти.

— Условье, контрахтъ, связался-бы это я, снова началъ Данила Иракліевичъ, все еще не отдѣлавшись отъ мучившей его мысли, разбивавшей заранѣе составленные имъ планы.—Што, обѣднялъ? я обнищалъ, штоль? Хлѣба мнѣ не закупить безъ васъ иль ума, прости Господи, не хватитъ этимъ дѣломъ съорудовать!.. Гляди-ко какіе компаньоны нашлись, а? Ха-ха-ха-а... исшо дѣла и на грошъ не сдѣлали, а ты имъ ужъ условье пиши, што барышъ пополамъ, а? Да нѣшто у меня своихъ кармановъ не хватитъ, куда экой-то барышъ скласть, а? Ну, нѣ-ѣ-ѣтъ, этакъ дѣла дѣлать—я себѣ не ворогъ; я и самъ все обдѣлаю: мнѣ этихъ-то компаньоновъ и на дворъ ненадоть! Пиши условье, ха-ха-ха-а,—и Данила Иракліевичъ закачалъ головой,—я-же по добротѣ хотѣлъ людямъ хлѣбъ насущный дать, потому ужъ ста-а-аръ, хошь и въ три горла хватай, такъ всего, чѣмъ Господь взыскалъ по щедротамъ своимъ, не перехватаешь, класть ужь некуда! Коли-бъ дѣти были, и дѣтямъ-то не прожить-бы и внукамъ-то што ись: дай, думаю, другихъ усчастливлю, поминъ по душѣ оставлю! А они условье, ха-ха-ха-а-а, у-условье! Экого барышника, прости Господи, нашли, а? Не надоть-же, никого мнѣ не надоть, въ гробъ съ собой все велю сложить, а никому ни копѣйки.

— Што-жь, Данила Ераклчъ, серчать-то, не убилъ вѣдь я тебя эвтимъ словомъ-то! снова слезливымъ голосомъ спросилъ его Макаръ Васильевичъ. И въ этихъ словахъ, помимо его воли, сказалось и раскаяніе, и уничиженіе, и эгоистически-жадная натура его, не знающая, какой путь вѣрнѣе избрать, чтобъ не упустить своей цѣли.

— Убилъ! дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Данила Иракліевичъ,—это штобъ я, при моихъ теперь лѣтахъ, въ обманъ, а-а?

— А-а-ахъ, ты Господи, вотъ напраслина-то! Да нѣшто я сказалъ это, други? вопросительно обведя всѣхъ, оправдывался онъ.

— Насквозь вижу всю твою душу, Макаръ!

— Ну, не хошь условія, и не надоть: по чести дѣло поведемъ!

— Есть-ли исшо она у тебя, честь-то, спросилъ-бы ты, а?.. Нѣшто это честь, што ты за добро за мое, за мое расположенье, што я вотъ не забылъ васъ, самъ Трофима послалъ,— са-амъ: поѣзжай, говорю, зови, дадимъ и имъ хлѣбъ, не все-же однимъ ѣсть; а ты мнѣ экіе выводы сталъ дѣлать, а?! Да кто я-то?..

— Ну, обмолвился... не по душѣ тебѣ — и прости... смиренно произнесъ Макаръ Васильевичъ, присаживаясь на стулъ.

— О-обмолвился—ха, ха, ха! Несмышленочекъ, обмолвился онъ! Скажи лучше по душѣ: самъ хотѣлъ, по своей привычкѣ, обмануть?

— Ужъ это совсѣмъ ты напраслину, Данила Ераклчъ,

и-ей-Богу! По моему худому уму; однако, исшо и не родился такой человѣкъ, што тебя обманетъ.

— Не родился, вотъ это ты вѣрно сказалъ, — што вѣрно, то вѣрно, не потаю.

— Отъ Данилы Ераклча не скроешься, Макаръ Васильичъ, это точно: на-а-асквозь онъ видитъ всякую фальшь! уставивъ глаза въ потолокъ и поглаживая бородку, вмѣшался Трофимъ Кириловичъ.—А што размолвился онъ съ тобой, продолжалъ онъ, — такъ и я скажу, хоша-бы и до кого доведись, обидно недовѣріе-то ваше, особливо въ теперешнее время, што настало,—тя-я-желое время: всѣмъ-бы надоть вкупѣ быть, сообча, подружнѣй, а вы все врозь да врозь, а-а-а...

— Время, што сказать, трудное! грустно отозвался и Макаръ Васильевичъ:—народъ все своеобышнѣе становится, все мѣтитъ, какъ-бы нагрубить и обмануть... говорю, волю-то вотъ дали ему совсѣмъ не ко времю...

— Не ко времю; пожалуй-што отъ мужика ужъ нонѣ не жди добра, подтвердилъ слова его Анфиногенъ Борисовичъ, увѣсисто выпрямившись на стулѣ,—не-е жди-и!

— Ты слыхалъ-ли, кто нами нонѣ править-то будетъ, законы-то уставлять? спросилъ его Данила Ираклiевичъ.

— Окромя начальства кому-жъ-бы? съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на него, спросилъ Макаръ Васильевичъ въ свою очередь,—кому-же болѣ-то?

— Начальство!.. да кто начальствомъ-то этимъ будетъ надъ нами—старшиной-то нашимъ, къ кому вотъ ты должонъ будешь съ поклономъ-то идти?

— Въ народѣ-то поговариваютъ про Бычкова Егора...

— Ну, любъ онъ тебѣ?

— Не знаю я, Давила Еракычъ, какъ тебѣ потрафить-то, а сказалъ-бы, што съ экимъ старшиной окромя бѣды ничего міръ не наживетъ.

— Што-жъ онъ не по тебѣ пришолся, а?

— Не мнѣ одному онъ солонъ-то! со вздохомъ отвѣтилъ онъ.

— Ха-ха-а! што-жь такъ?—мужикъ-бы всѣмъ взялъ, сказываютъ, што и медвѣдей пугаетъ... а-ахъ-ха-ха-а! Ты, Макаръ, поди, боишься?

— Бояться его мнѣ нечего, Данила Еракычъ, я вѣдь не медвѣдь. а только скажу, что при прежнемъ горномъ начальствѣ энтому-бы не бывать. А што-жъ ты не скажешь намъ, вкрадчиво спросилъ онъ, впившись въ него своими подслѣповатыми глазами,—тебѣ-то онъ любъ-ли?

— Я-то?—я люблю его.

— О-о? Вѣдь, вишь, вотъ ты какой: съ тобой не знашь, какъ и говорить: тебѣ скажешь одно, а ты въ сердце войдешь да на другое своротишь. Можетъ, ты и любишь его, Данила Еракычъ, кто тебя знаетъ! говорилъ онъ, все также пытливо глядя на него, — а я на одномъ постою: сѣетъ онъ въ народѣ смуту, совсѣмъ неподходящую. Нашъ алтайскій мужикъ и то ужъ совсѣмъ отъ рукъ отбился: начальству шапки не гнетъ, не токма простому человѣку; отъ грубостей-то проходу нѣту, да исшо старшину-то себѣ экаго подберетъ, такъ и изъ волости вонъ бѣги,—вѣрное слово тебѣ говорю, побѣжишь! Какой тебѣ ждать управы

отъ старшины, што самъ на ножъ лѣзетъ? Ты погляди-ко, чего у нихъ въ Бурановой-то дѣется: староста-то для одного названья сидитъ, а всѣмъ Бычковъ заправляетъ. Прошлой весной, скажу тебѣ, чего это онъ съ горнымъ чиновникомъ сдѣлалъ, такъ вѣдь вчужѣ смѣхъ, и-ей-Богу! Пріѣхалъ тотъ скликать народъ на опалку *); староста и наряди, и народъ собрался, а на ту пору изъ тайги и вынеси нелегкая этого самаго Егора; видитъ, мужики ѣдутъ. „Куда?“ спрашиваетъ. — „Да на опалку“. — „Што вы, молодцы, какая теперь, говоритъ, опалка, когда свѣжая трава, почесть, по лодыжку поросла, аль рубли въ карманѣ зудятъ?“ Ну, мужики-то и говорятъ ему: „требуютъ, самъ чиновникъ вонъ сзади насъ ѣдетъ“. — „А вотъ, говоритъ,

*) Алтайскіе лѣса составляютъ собственность кабинета Его Имп. Вел. и, для предохраненія ихъ отъ пожаровъ, особенно часто свирѣпствующихъ въ Сибири, ежегодно весною по деревнямъ разъѣзжаютъ особо отряжаемые отъ горнаго вѣдомства чиновники или урядники, на обязанности которыхъ лежитъ «опаливаніе лѣсовъ», т. е. выжиганіе на извѣстномъ пространствѣ осенней травы на поляхъ, примыкающихъ къ лѣсамъ. Такъ какъ у сибирскихъ крестьянъ существуетъ обыкновеніе, для лучшаго урожая травъ весною пускать на сѣнокосныя поля «палъ» для выжиганія прошлогодней травы, если около лѣса не было произведено предварительной опалки, огонь отъ опаловъ, доходя до лѣса, воспламеняетъ и его,—по крайней мѣрѣ, большинство лѣсныхъ пожаровъ приписывается этой случайности. Но выяснимъ фактъ, какъ производятся эти опалки. Отряжаемые для этой цѣли чиновники или урядники, пользуясь своимъ правомъ, требуютъ по деревнямъ для этой операціи гораздо болѣе народа, чѣмъ его нужно въ дѣйствительности, и въ дорогое для крестьянъ время «запашки полей», когда дорога каждая рабочая сила въ семьѣ, держутъ ихъ на этой операціи какъ можно дольше съ цѣлью взять съ нихъ откупное, смотря по уговору. И часто сами крестьяне, чтобы избавиться наконецъ, отъ этой ежегодной дани, зажигаютъ прилегающіе къ ихъ деревнѣ лѣса. Другое средство избавленія для нихъ не всегда доступно.

къ посреднику предоставить его аль въ горное-правленье, такъ вѣрнѣй дѣло-то будетъ; пусшай, коли опаливать надоть, такъ ѣдетъ во-время, а не теперь, когда и палить нечего". А мужики-то вѣдь горой за него, — и послушай его, вернись; чего-жъ? — вѣдь и чиновникъ-то ничего съ нимъ не подѣлалъ: кричалъ, кричалъ, грозилъ ему, грозилъ, а онъ одно, сказываютъ,—стоитъ да смѣется; такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ, и съ рукъ сошло—вотъ вѣдь диво-то! Ужъ коли онъ вотъ съ чиновникомъ экой порядокъ завелъ, такъ чего-жъ съ мужикомъ-то будетъ, а? Совсѣмъ это, говорю, напрасно Клеменъ Иванычъ даетъ рости ему: выростетъ онъ ему на шею; помяни мое слово, Данила Еракычъ, што и въ волость не пуститъ его, даромъ-што онъ посредникъ!

— Станется: мужикъ самостоятельный! прервалъ его Анфиногенъ Борисовичъ:—съ нимъ не скоро сговоришь, и-и умный-же!

— Ума его, Финогенъ Борисычъ, никто не шевелитъ, какой-только умъ-то это? Другое дѣло, если у человѣка есть умъ да въ тихости онъ живетъ—сторонится отъ всего, а не мутитъ, — это у-у-умъ! А што и въ умѣ томъ, если онъ только норовитъ, какъ-бы вредъ тебѣ сдѣлать да смуту? По правдѣ, говорятъ, живетъ; да его-ли дѣло правду-то заводить? Правдой-то должно начальство вѣдать, а не мужикъ: мужичье дѣло—покорись, а не строптивься!

— Мужику, Макаръ, должно быть завсегда въ покорствѣ... правда! Надоть-бы спѣсь-то эту съ Егора-то сбить, надоть-бы!

— Не намѣ сбивать ее, Данила Ераклчъ! Погляди, какъ онъ объѣхалъ мужиковъ-то: гдѣ-бы чего по волости не стряслось, все къ нему бѣгутъ, все къ Егору Семенычу за совѣтомъ! Силе-енъ, какъ-же ты собьешь-то его, а? Его шесть тысячъ душъ слушаютъ, а ты-то оди-инъ?

— Съ де-еньгами все можно!

— Деньги, што сказать, и камень точатъ, а все скажу: о-ой... не въ этакомъ дѣлѣ, а можетъ, ты и лучше знаешь, поучи!

— Для того вотъ я тебя и позвалъ, вотъ я и барышъ съ тобой дѣлю, што-бы всѣмъ вмѣстѣ быть съ-обча! Ты знашь-ли, што онъ замышлятъ, Егоръ-то этотъ: всѣхъ хлѣбныхъ скупщиковъ прекратить; ты вотъ съ меня условье запросилъ, а? съ волненіемъ въ голосѣ продолжалъ онъ,—а я вотъ коня посреднику подарилъ, а за што-о?.. За васъ, за вашу наживу, а-а?.. Ты слышалъ-ли это?

Какъ ни привыкли присутствующіе ко всѣмъ выходкамъ Данилы Иракліевича, но все-таки послѣднее извѣстіе его было до того неожиданно, что даже узкіе глаза Макара Васильевича расширились и точно съ непривычки, точно свѣтъ отъ оплывшихъ сальныхъ свѣчъ, рѣзалъ ихъ: они заморгали, но все-таки усиливались хотя на нѣкоторое время сохранить это новое для нихъ положеніе.

— Што глядишь-то?... Коня отдалъ, коня што тыщу рублевъ мнѣ стоитъ, штобъ только Егора вашего сократить, и не будетъ его, помяни меня не будетъ!

— За это Данила Ераклчъ... точно... можно сказать... дай тебѣ Богъ! произнесъ, наконецъ, Макаръ Васильевичъ,

—и не я скажу, а всякой кто потолковѣй, смута-то эта не по душѣ всякому, а чего-жь Клеменъ-то Иванычъ говоритъ, а-а? тихо спросилъ онъ.

— Сказалъ, што не будетъ!

— Радѣетъ онъ о мірѣ-то, душу-то его спаси Господи!

— Аль меня, говоритъ, не будетъ, аль Бычкова... его слово...

— Экой неосновательный мужикъ, какъ подумаю, а?.. и навяжется-же этакой! качая головой, съ раздумьемъ началъ Анфиногенъ Борисычъ.—Тревоги-то сколько и начальству, и міру ну-у... о двухъ головахъ, о-одной давнобы не сносить! Не выдадутъ только мужики-то его, Данила Ераклычъ?

— Лѣса-то исшо не всѣ выгорѣли, ха-ха-ха-а... на науку-то хватитъ.

— Ха-ха-а... такъ-то, пожалуй!

— Трофимъ будетъ старшиной, это вотъ слышали-ли, а-а? обведя ихъ самодовольнымъ взглядомъ, спросилъ онъ.

— О-о!.. Ну Данила Ераклычъ, у тебя што ни часъ, то новинка. Го-о-осподи, да энто ты съ чего? изумленно взглянувъ на него, испуганнымъ голосомъ произнесъ Трофимъ Кирилычъ:—да неужто это изъ шести-то тысячъ народу-то въ волости и лучше-то не найдется? Слышали, други! обратился онъ къ остальнымъ собесѣдникамъ, также изумленно поглядывавшимъ на Данилу Иракліевича, сидѣвшаго улыбаясь и пощелкивая пальцами.

— Испугался, ха-ха-а...

— Дро-огнешь, ай-яй, и шу-утникъ-же только ты... погляжу я!

— А почему-бы и не быть тебѣ, Трофимъ Кирилычъ, старшиной, началъ съ раздумьемъ Макаръ Васильевичъ.— Чего-жь-бы пугаться-то: по крайности, ужъ человѣкъ вашей масти, пра-аво!

— Легко сказать это, Макаръ Васильевичъ, старшиной, да я...

— Служатъ-же другіе, вступился и Анфиногенъ Борисычъ, — неужто ты хуже того-же Егора. Ужъ тутъ, по крайности знать будешь, што точно надъ тобой старшина сидитъ, какое дѣло, не дастъ тебя въ обиду, не засвиститъ изъ чужихъ губъ.

— Не засвиститъ, правда, Финогенъ, подтвердилъ Данила Иракліевичъ.— А чего-жь ты-то испугался? обратился онъ къ Трофиму Кириловичу.

— А-ахъ, Данила Еракычъ, и умный ты человѣкъ, а какъ ты это судишь, плаксиво отозвался онъ.—Дѣло мое маленькое, самъ ты знаешь, какіе мои капиталы, черезъ пень тычинка! Хорошо, што ты хлѣбъ даешь, пошли тебѣ Богъ: тобой и я и семья сыты! А старшиной-то быть вѣдь надо послѣдняго лишишься, чего и есть, гдѣ-бы у тебя въ ину пору спѣшное дѣло по домашности, а тебя оторвутъ, то туда поѣзжай, то въ другое мѣсто —раззоренье одно! И што-жь нѣтъ у насъ людей, што-ли? Можно сказать, въ тыщу кратъ достойнѣй, Макаръ Василичъ.

— Не тѣ года, Трофимъ Кирилычъ, и не суй меня въ эту кашу!

— Ну ты не хошь,—Финогенъ Борисычъ... тоже слава Богу... есть-бы изъ чего.

— Спа-асибо... это штобъ... нѣ-ѣтъ, Трофимъ Кирилычъ, не мое это дѣло!.. качая головой, отвѣтилъ тотъ.

— А-а-а, видите, всѣмъ вотъ нелюбо, всѣ себя стерегутъ, а што-жь-бы Амвросу Николаичу, слава Богу— не послѣдній человѣкъ: можно сказать, изъ первыхъ.

Амвросій Николаевичъ только, засмѣявшись, махнулъ рукой и отвернулся.

— И домомъ-то баба управляетъ, а то исшо волостью, а-а-ахъ ха-ха...— и Данила Иракліевичъ захохоталъ.

Остальные, кромѣ Трофима Кириловича, тоже засмѣялись.

— Слабъ, слабъ и-и самъ знаю, што слабъ, тряся головой и махая руками отозвался незлобивый Амвросій Николаевичъ.

— Всѣ вотъ вы въ сторону пятитесь, а за што-же это меня-то въ эту петлу суете, аль што побѣднѣй, изъ чужихъ рукъ гляжу! обидчиво началъ Трофимъ Кирилычъ.

— Коли тебя самъ начальникъ садитъ, такъ ты молчи! крикнулъ на него Данила Иракліевичъ,—Клеменъ Иванычъ самъ мнѣ сказалъ: я, говоритъ, буду за все покоенъ!

— И правда! въ одно почти слово отозвались и Макаръ Васильевичъ, и Анфиногенъ Борисовичъ.

— Правда... я его знаю!.. А ты молчи, сытъ будешь; не выходи только изъ моей воли, плакаться на нужу нечего, служи-и, а мы вотъ къ тебѣ съ поклономъ будемъ за

все ходить, потому ты старшиной нашимъ будешь, судить насъ будешь, а-а-ахъ, ха-ха-а-а...

— Служи, Трофимъ Кирилычъ, служи-и, доброе это дѣло, человѣкъ ты тверезый, ума не занимать, Богъ тебѣ далъ на твою долю, за все ты будешь въ порядкѣ и-и-и любое дѣло, и намъ-то изъ за тебя сподручнѣй! наставительно ласкающимъ тономъ говорилъ ему Макаръ Васильеличъ,—право, лю-юбое дѣло!

— Своей масти человѣкъ, чего-жь исшо лучше-то! правду ты давѣ сказалъ, Макаръ Василичъ.

— Служи-и съ Богомъ, поддержимъ гдѣ надоть, не выдадимъ! и насъ кое-кто послушатъ, порадѣемъ за тебя!

— Вотъ энто и я говорю, началъ Данила Ираклiевичъ,—што надоть энтаго Егорку сбить съ мужичьей совѣсти, и Клеменъ Иванычъ это наказалъ! Таперя мы въ обчемъ дѣлѣ порѣшено, такъ съ обча и дѣлать будемъ! Условье энто ты выбрось изъ головы, обратился онъ къ Макару Васильичу, — я тѣ и безъ условья съ лихвой награжу, мнѣ и своего хватать некуда, а то я-бы исшо твое сталъ хватать, а?.. и ты, Финогенъ, и ты вотъ, Амвросъ, скажи это мое слово своей Дарьѣ, она и баба, да у ней ума-то болѣ другого мужика, она дѣло-то понимаетъ, человѣка-то, говорю! Вотъ я и сказываю, будете вы деньги задавать, то давай только тому мужику, што съ понятiемъ, што тебя будетъ слушать, копѣйку ему надбавь, другую, въ убыткѣ не будешь... награжу, а заставь собя слушать, штобъ онъ изъ твоей воли не выходилъ! А энтаго Егора штобы и въ поминѣ не было; чего ты не сдѣлашь — я сдѣ-

лаю, не сдѣламъ мы, посредникъ сдѣлатъ, а ужь не бывать Егору моимъ старшиной, не бывать! Анфимкѣ, въ ноги поклонюсь, а не ему, не его гордынѣ! Чего тамъ будетъ, доложь мнѣ, а ужь посредникъ нашъ за меня, говорю, што посадить-то вотъ меня куда не зналъ... особенный, говоритъ, мужикъ-то ты, а?.. Мотри-жь, говорю, штобъ это слово мое крѣпко было! А опосля, можетъ быть, я тѣ и условье дамъ... Слышали вы это: дамъ условье, штобъ души-то ваши не бились, какъ рыба въ сѣти, што Данила Ераковъ вашего добра хочетъ... только не выходи никто изъ моей воли, не серди меня!..

И долго еще говорилъ на эту тему Данила Иракліевичъ съ своими компаньонами. При первыхъ пѣтухахъ только скрыпнула калитка въ воротахъ дома его, запираемая заспавшимся Анфимомъ за ушедшими гостями. Въ весеннемъ, но еще морозномъ воздухѣ звучно раздавались и шаги ихъ и говоръ. „А-а-ахъ, какъ вы это говорите, служи-и-и... не знамши чужого-то дѣла, да неужь лучше-то человѣка нѣтъ, а?“ слышался пѣвуче-жалобный голосъ Трофима Кириловича. — „Богъ милостивъ, сте-ер-пи, авось опосля и слюбится?“ утѣшалъ его Макаръ Васильевичъ.

Насколько искренно довѣряли компаньоны Данилѣ Иракліевичу трудно было рѣшить, по крайней мѣрѣ относительно Вешнякова, настолько знавшаго людей, чтобъ не полагаться въ денежныхъ дѣлахъ на одни слова, неподкрѣпленныя формальными обязательствами, и опытомъ жизни убѣжденнаго

въ истинѣ, что обстоятельства, чаще всего складывающіяся помимо воли людей, иногда, при всемъ искреннемъ намѣреніи послѣднихъ исполнить свое желаніе, лишаютъ ихъ этой возможности. Но какъ-бы то ни было, они все-таки разстались съ своимъ благодѣтелемъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. особенно съ Трофимомъ Кириловичемъ, печальное настроеніе котораго, вызванное извѣстіемъ о возлагаемыхъ на него обязанностяхъ старшины, было такъ натурально, что и наблюдательные, хотя и подслѣповатые, глазки Макара Васильевича не открыли въ немъ ни одной черты, выдававшей дѣйствительность. Благодаря его ходатайству, Данила Иракліевичъ, тоже, въ свою очередь, безъ всякихъ росписокъ собственноручно выдалъ имъ по 200 руб. на задатки крестьянамъ и, въ знакъ особеннаго благоволенія къ супругѣ Амвросія Николаевича, благоволенія, вызваннаго также ходатайствомъ Трофима Кириловича, послалъ ей 50 руб., поручивъ „орудовать“, какъ выразился онъ, заготовкой кулей для поставки хлѣба. Нечего и говорить, что Дарья Семеновна осталась весьма довольна подобнымъ порученіемъ: ей представилась возможность, во-первыхъ, сбыть старые залежавшіеся холсты, во вторыхъ, въ видахъ того, что кули ей сошьютъ даромъ дѣвочки, обучавшіяся у ней грамотѣ и рукодѣльямъ, она пріобрѣтетъ безъ всякой затраты двѣ, три сотни рублей, поставивъ на счетъ за шитье каждаго куля по три копѣйки.

Мартъ мѣсяцъ близился къ концу; стоявшая все время ясная, теплая погода быстро сгоняла снѣгъ съ полей и горъ. Наступленіе весны всегда вызываетъ по деревнямъ

оживленіе, призывая населеніе ихъ не къ отдыху, а къ труду, обезпечивающему годовое существованіе. Весна въ то-же время и самая тяжелая пора для крестьянина. Она отражается въ быту его недостаткомъ хлѣба, истомленіемъ скота, высунувшіяся ребра и понуренныя головы котораго краснорѣчиво говорятъ объ упадкѣ силъ вслѣдствіе дурного и недостаточнаго корма. Приходитъ время запашки полей, а у иного изъ крестьянъ и орудія испорчены, и требуютъ, если не ремонта, то полнаго обновленія: и зубья у бороны вывалились, и насошникъ у сохи треснулъ и искривился. „Терпитъ время-то, авось къ веснѣ Богъ дастъ и поправлюсь!“ думалъ онъ всю зиму, заглядывая подъ сарайчикъ, гдѣ хранились орудія; но приходитъ весна, не принося ожидаемой поправки въ хозяйствѣ, и, повѣся голову, осматриваетъ мужичокъ испортившійся насошникъ и пустыя ячейки отъ зубьевъ въ боронѣ. А не приведи Богъ, если еще падетъ скотина, вчера такъ печально глядѣвшая на него своими тусклыми, слезящимися глазами и тихо-тихо шедшая къ проруби на водопой. Скотина-же чаще всего и падаетъ весной отъ безкормицы и истощенія. И если падетъ она, то вся семья въ голосъ оплачетъ ее, а болѣе всѣхъ бѣдный, потерявшій голову хозяинъ, на плечахъ котораго лежатъ всѣ заботы.

Вдоволь похлопаетъ онъ себя, разводя руками по бедрамъ... „А-а-ахъ, ну-у! вздыхаетъ онъ не день, не два, изъ глазъ же катится горькая слеза, неутираемая и жосткимъ кулакомъ, онъ и нечувствуетъ ее. А гдѣ-же было взять хорошаго сѣна или другаго корма, чтобъ спасти пѣгашку или

карьку привычнаго его сотрудника отъ преждевременной смерти, когда и семья-то его доѣдаетъ послѣдній хлѣбъ, смѣшанный съ отрубями, съ ячменемъ и со всякой шелухой, да еще и этотъ-то хлѣбъ взятъ въ долгъ подъ проценты полпуда на пудъ изъ свѣжаго умолота или купленъ на деньги, вырученныя отъ продажи чего-нибудь необходимаго въ его хозяйствѣ. „Надоть купить скотину“, поминутно гогоритъ онъ, „на одной-то и сохѣ до поля не довезешъ ишъ обезсилѣлъ скотъ-то!“ А на что купить? звучитъ въ тоже время въ умѣ его, и самой худой лошади не найдешь дешевле двѣнадцати рублей, и гдѣ-же взять такую громадную для него сумму? „А-а-ахъ! ну, и жи-исть!“ говоритъ онъ, только всхлопывая рукам и победрамъ. Умретъ въ тоже время грудной ребенокъ, сосавшій у матери, истощенный скудною пищею вмѣсто молока сыворотку, какой не вынесъ его нѣжный желудочекъ вмѣстѣ съ грубой кашей и отваромъ изъ мѣшаннаго хлѣба, даваемаго ему изъ вонючаго коровьяго сосца, и надъ нимъ никто уже не плачетъ, развѣ позеленѣвшая отъ истощенія мать проронитъ слезинку, да тутъ-же и скажетъ: „Слава Богу, што и прибралъ Господь, мало-бы тоже радости-то видѣлъ на вѣку!“ Да почешетъ затылокъ отецъ, почешетъ съ горя, что волей-неволей подай тридцать копѣекъ—за отпѣванье, а гдѣ ихъ взять?.. и мѣдная-то копѣйка давно уже небывалая въ домѣ гостья, и кожаный-то кошель съ ремнями и кольцами на немъ, куда-то пропалъ изъ глазъ, затерянный дѣтьми игравшими имъ.

Въ эту-же тяжелую для него пору того и гляди за-

глянетъ въ избу староста съ сельскимъ писаремъ. Развернетъ послѣдній передъ вздыхающимъ мужичкомъ „сборную податную книгу“ и неторопливо высчитаетъ передъ нимъ цифру слѣдующую съ него къ взносу за текущее время и много говорящую цифру старой недоимки. Молча выслушаетъ онъ его... и не разбирая вѣрно или не вѣрно высчитаны слѣдующія съ него суммы: въ подушный окладъ, въ оброчный и въ различные капиталы, молча позалится старостѣ въ ноги, прося отсрочки. И хорошо, если староста благоволитъ къ нему, тогда обойдется дѣло однимъ куражемъ надъ нимъ, да нотаціей: „что лѣность есть мать всѣхъ пороковъ!“ хотя и самъ староста хорошо знаетъ, что утренняя заря выгоняла, а вечерняя загоняла его въ домъ отъ безпрерывной работы. Но безъ нотаціи нельзя обойтись; на то онъ и начальство, „чтобъ вразумлять подчиненныхъ и порядокъ блюсти“. Но горе мужичку, если онъ чѣмъ-нибудь пообидѣлъ старосту или не уважилъ его— горе!.. Тогда одни только горькія слезы всей семьи, униженно валяющейся въ ногахъ его, могутъ вымолить отсрочку на недѣлю, а что-же будетъ черезъ недѣлю, если не внесетъ онъ,—мы отчасти уже знаемъ...

И вотъ, одѣвшись почище, т. е. въ сѣрый заплатанный кругомъ зипунъ и въ баранью шапку, также обильно украшенную ими, сотворивъ земной поклонъ передъ почернѣвшей отъ времени и изъѣденной тараканами иконой, висящей въ переднемъ углу душной избы его, онъ идетъ къ какому-нибудь „благодѣтелю“ съ своей слезной просьбой о помощи, провожаемый напутственными благословеніями

домочадцеяъ. „Выручи, оте-е-ецъ, выручи: Вотъ какая нужа-а-ахъ... штобъ ее и жисть эту, мертвому позавидуешь и-ей Богу!“ со слезами говоритъ онъ и говоритъ горькую истину. Не одинъ изъ нихъ, узнавъ о смерти какого-нибудь Памфила Карпыча и придя проститься съ нимъ, долго стоялъ, глядя на спокойное лицо умершаго, лежащаго на лавкѣ подъ образами, съ подложеннымъ въ голову полѣномъ и накрытаго вмѣсто покрова холстомъ, глядѣлъ на руки его, лежавшія на груди съ растопыренными пальцами, не сложившимися въ крестъ, какъ ни старались родные согнуть ихъ, ихъ не согнула и смерть, и она была не въ силахъ размягчить обратившіяся въ кость мозоли, отнявшія подвижность въ сочлененіяхъ. Глядѣлъ, глядѣлъ, да и не вытерпѣлъ: съ тяжелымъ вздохомъ прямо изъ души вырвались слова:„ э-эхъ, Памфилъ Карпычъ, тебѣ-то исшо-бы можно пожить, а вотъ мнѣ-бы умереть-то, такъ лучше-бы было!“

Не объясняется-ли подобными побужденіями то грустное апатичное равнодушіе къ жизни, какимъ отличается русскій простолюдинъ, не въ нихъ-ли искать объясненія и того давно подмѣченнаго факта: „что онъ не любитъ умирать своей смертью!“ То срубитъ онъ въ лѣсу дерево и, видя, что оно прямо падаетъ на него, не догадывается отскочить въ сторону, и пришибетъ его деревомъ. Другой съ высокаго стога сѣна покатится... прямо на вилы—стоящія около его... и навылетъ пропоретъ ими животъ. И нужно посмотрѣть потомъ, какъ умираетъ онъ. Вы не услышите ни одного стона, ни одной жалобы или

сожалѣнія о преждевременной угасающей жизни; только предъ священникомъ, привезеннымъ для напутствованія его, и предъ собравшимися мірянами онъ тихо проговоритъ: „чтобъ никого не обвиняли въ его смерти.“ Подобныхъ случаевъ, гдѣ человѣкъ какъ будто бы нарочно напрашивается на смерть, ищетъ только удобнаго повода къ ней, слишкомъ много... и что болѣе всего бросается въ глаза людей, близко знакомыхъ съ бытомъ народа—это то, что всѣ они повторяются чаще всего весной, въ самое тяжелое въ быту его время *.)

И много, много подобныхъ бѣдняковъ, застигнутыхъ разными невзгодами, шло и ѣхало изъ деревень и селъ и къ компаньонамъ Данилы Иракліевича, и къ самому Данилѣ Иракліевичу. Много горя давило и умъ, и душу каждаго изъ нихъ, и, говоря не утаивая истины, всему этому люду въ эти минуты было не до того, чтобъ разбирать — кто будетъ надъ ними старшиной—Бычковъ или Шебалинъ. „Выручи только, о-о-отецъ... выручи! Вотъ какая нужда, а-а-ахъ!“

— Нонѣ не прежняя пора: я денегъ зря не задаю! говорилъ обыкновенно Данила Иракліевичъ, когда къ нему собирались подобные просители, предварительно побывавшіе у Трофима Кириловича съ просьбой о ходатайствѣ его. Но и съ Трофимомъ Кириловичемъ про-

---

*) Превосходную характеристику такихъ будто-бы случайныхъ смертей могутъ дать дѣла и производимыя дознанія о каждой изъ нихъ. Въ нихъ слишкомъ ясно очерчивается порою вся безвыходность положенія умершаго отъ несчастной случайности.

изошла непонятная для всѣхъ перемѣна. „Я нонѣ этихъ дѣловъ не касаюсь; идите, просите сами, а я втунѣ“, отвѣчалъ онъ на всѣ поклоны ихъ. И вотъ шли они къ самому Данилѣ Иракліевичу, съ понурыми головами, спрятавъ рукавицы и шапки за пазуху, шли и въ одиночку, шли и гурьбой, человѣкъ по шести, по десяти, какъ приводилось. И гурьбой шли чаще, чѣмъ въ одиночку: „все легче, а-то одному-то и не сговорить“. И съ первыхъ-же словъ его у каждаго изъ нихъ холодѣло сердце.

— Что-жь ты это нонѣ завсюю-то милость къ намъ на гнѣвъ смѣнилъ? спрашивалъ его иной, болѣе другихъ находчивый на слово, проситель.

— Порядки не тѣ, какъ гляжу! сумрачно отвѣчалъ онъ, гладя бороду или вытягивая пальцы и прищелкивая ими.

— Нѣшто мы угнѣвили чѣмъ? печально допытывалъ проситель. — Кажись-бы, брали чего, такъ не стояло за нами — завсе то-ись первому несли, и молитва-то-бы наша только за тебя и была...

— И безъ вашихъ молитвъ мнѣ не холодно: живу, терпитъ исшо Богъ!

— Съ молитвы, што и говорить, извѣстно, не грѣетъ! все-жь предъ Богомъ-то...

— Слышалъ вотъ я нонѣ, прерывалъ онъ,—ума у васъ много стало.

— А-а-а! Да отколь-же-бы это? удивленно спрашивали они:—какой былъ, ровно тѣмъ и живемъ.

— Прибавилось, слухъ есть.

— Отколь-же-бы надбавкѣ-то быть? съ недоумѣніемъ

спрашивали просители, не зная, чему приписать подобныя выраженія.

— Учитель, вишь, сказываютъ, выискался: учитъ васъ новымъ порядкамъ! Съ вами-бы вотъ теперь и разговаривать-то къ примѣру, надоть-бы не сидѣмши, а стоя. Лихо, что въ избѣ, а то-бы и шапку снялъ! насмѣшливо продолжалъ онъ.

— Часъ отъ часу не легше, ей-Богу! произносили просители, переминаясь съ ноги на ногу и съ недоумѣніемъ посматривая другъ на друга. — Да ты намъ назови хошь его, учителя-то этого, все-жь-бы знать стали, а то экъ исшо на улицѣ его встрѣтишь и не поклонишься.

— И Егора Семеныча Бычкова знать перестали, а-а?

— Вона на кого мѣтитъ! Да што-жъ намъ Бычковъ, чему онъ насъ научилъ?

— На-аучитъ исшо, старшиной-то посадите.

— За добрую-то науку да слово мы и всякому, Данила Еракычъ, поклонъ отдадимъ. А Бычковъ Егоръ, сказать къ примѣру такъ-бы надоть, худу не научитъ, и самъ знашь. Мужикъ онъ обстоятельный, завсе въ порядкѣ, худого про него и по волости не слыхивано. А только сказать, не тая правду, ничему исшо онъ не училъ насъ, напрасно ты это.

— На-а-учитъ, сказываю тебѣ, старшиной-то будетъ когда!

— Давай Богъ! отъ доброй науки никто въ отпоръ не пойдетъ.

— И поди къ нему, у него и учись, какъ жить. Мо-

жетъ, онъ тѣ съ наукой-то вмѣстѣ и денегъ дастъ, а у меня нѣту, сурово уже отвѣчалъ Данила Иракліевичъ.

Недоумѣніе просителей возрастало прогрессивно съ каждымъ его словомъ. Каждый изъ нихъ терялся, доискиваясь въ умѣ, чего-же, наконецъ, хочетъ онъ? Какъ вести себя передъ нимъ? Какъ приноравливать свое слово въ угоду своеобычнаго хозяина, чтобы не потерять въ немъ своей послѣдней опоры? И, тоскливо посматривая другъ на друга, они чесали затылки и, вздыхая, переминались съ ноги на ногу.

— У меня капиталъ наживной, снова начиналъ Данила Иракліевичъ, прерывая тяжелое молчаніе, — мнѣ зря кидать его не приходится. Стало быть, по пустякамъ и разговаривать нечего. Дашь этакъ вамъ на нужу-то вашу, да опосля при вашемъ-то новомъ старшинѣ — при Егорѣ-то, говорю — и наплачешься съ вами не хуже Макара.

— Разѣ онъ старшиной исшо?

— Будетъ; сказываю тебѣ, что будетъ: такъ чего-жъ ты допытываешь-то, аль нужой-то уши заложило, не слышишь!

— Чѣмъ-же-бы онъ-то помѣха въ эвтомъ дѣлѣ, Данила ты Еракычъ? Разсуди, нѣшто онъ...

— Помѣха, круто прерывалъ просителя Данила Иракліевичъ.

— Господи твоя воля! Часъ отъ часу не легше!

— Помѣха, слышалъ ты это? Я-бы тѣ сейчасъ безъ сумнѣнья сто рублевъ далъ, кабы зналъ, что ты вотъ не учишься у него его-то порядкамъ, потому зналъ-бы, што ты

моего слова сталъ-бы слушать, а ты его слушашь: ну къ нему и за деньгами иди.

— Господи твоя воля! снова въ голосъ произносили просители, разводя руками и хлопая ими по бедрамъ. — Вездѣ-то напасть, куда ни сунься! Да нѣшто ты видѣлъ, што мы ходили къ нему за наукой какой, а?

— Я все знаю: и не гляжу, да вижу.

— Господи Боже мой! Ну-у, други, и время-же нонѣ стало!

— То и говорю, прерывалъ онъ,—што не прежня пора не тѣ порядки вы завели, а про новые-то про ваши у меня денегъ нѣтъ. Я себѣ не ворогъ! Это я и задавай-бы вамъ деньги, а они себѣ въ старшины Бычкова посадятъ, Егора Семеныча,—а давно-ль онъ исшо Семенычемъ-то сталъ? Кто его взвеличалъ исшо Семенычемъ-то? постепенно входя въ экстазъ и возвышая голосъ, говорилъ онъ.—Мужику только и клички было, Егорка да Егорка а тутъ, на-а-а, и въ Семеныча выросъ! Какже, мужикъ горой за васъ стоитъ,—какъ, говорю, и не взвеличать! Я, говоритъ, и Данилу Еракова и всѣхъ экихъ-то съ земли сотру, не дамъ міра въ обиду, чтобы на его слезы наживались. А кто-жъ-бы и наживался на ваши-то слезы, а? Нѣшто вотъ я къ вамъ пришела денегъ-то просить, а? Нѣ-ѣ-ѣтъ, вы-же сами пришли — нужа, вишь, заѣла! Я вотъ виноватъ, што ихъ нужа заѣла! такъ зазывалъ вотъ, вишь, стоя на перекресткѣ: идите, молъ, ко мнѣ, я на ваши слезы хоша копейку наживу, а-ахъ-ха-ха-а! Порядки! И задавай я это деньги тому, кто слушатъ его, да потакатъ ему, да норовитъ набольшимъ сдѣлать, стар-

шиной, ха-ха-а! Нѣтъ, други. подите-ка со Христомъ, мотайте свою-то нужу Егору Семенову на уши, онъ-же васъ и въ обиду-то не хочетъ давать, чтобъ на ваши-то слезы наживались. Ну-у, можетъ самъ у всѣхъ и утретъ ихъ, а я свои деньги только тѣмъ даю, кто меня слушаетъ, изъ моей воли не выходитъ.

— Нѣшто мы причинны въ этомъ, Данило Еракычъ? Егоръ говоритъ, а мы повинны, а? Да мнѣ первому што его слушать—не напоитъ, не накормитъ; міръ его старшиной садитъ, такъ мы-то при чемъ-же? И-и диво-же, братцы, и-ей-Богу, диво! Ну, научи ты насъ, чего намъ дѣлать, мы и не выйдемъ изъ твоей воли.

— Не выйдете? болѣе уже смягченнымъ голосомъ спрашивалъ онъ.

— Говоримъ, што опричъ твоего слова и слушать не будемъ, какого-же исшо тебѣ покорства?

— Ты поешь-то на энтотъ голосъ, пока вотъ тѣ деньги надоть, а отхлынетъ отъ спины нужа-то и зачнете опять умъ показывать.

— Што нашъ умъ, коли ѣсть нечего. Данило Еракычъ! Нужа-то заставитъ забыть, какъ и зовутъ-то тебя.

— Спознались-таки, а? И будь-бы вы это богаты, чего-бы это и было съ вами, поглядѣть-бы! Энто-бы никакъ и набольшихъ-то не было надъ вами, а? съ ироніей говорилъ онъ.—Го-о-ордыни-то-бы это одной не обобрался, ха-ха-а-а! Нужа-то вотъ только смиряетъ, то вамъ Господь-то и поправы не даетъ, што бодливой коровѣ роговъ, ха-ха-а! Вотъ я и говорю, ужь коли вы и взаболь смирились,

хотите моего добраго слова слушать, такъ кого тебѣ начальство садитъ въ старшины, того и держись, а не токма, штобъ на свой голосъ пѣть, вотъ и порядокъ будетъ.

— Што-жъ намъ? — кого не сади, все единственно: Егоръ-ли Семеновъ, другой-ли кто, порядокъ-то все одинъ будетъ—не напоятъ, не накормятъ, вольготы при нужѣ не дадутъ. Такъ чего-жъ ты на насъ-то серчаешь, причемъ мы тутъ, скажи намъ?

— Слышали-ли вы, што Шебалина Трофима міръ-то выбираетъ, а?

— Што-жъ, давай Богъ, — мужикъ тоже, худа не скажешь.

— И стой за него, а не за Егора, коли хошь моихъ денегъ.

— Постою-то нашего не спрашиваютъ, Данило Ераклчъ. Постой-то заказывай богатымъ, а мы што-о: кто насъ слушатъ-то, да глядитъ-то на насъ? Намъ все единственно, кто ни будь надъ нами,— вѣдь легче не будетъ!—а ужъ выручи ты насъ, выручи: вотъ какъ намъ, а-ахъ, другъ ты сердешный, будь отецъ!

И подолгу длились подобныя сцены съ различными увѣщаніями и наставленіями Данилы Ираклiевича, пока не достигали пріятнаго для просителей результата полученія денегъ отъ него. Но не всегда они и кончались такъ: находились люди, несмотря на крайнюю нужду, выказывавшіе самостоятельность. Особенно памятны остались для Данилы Ираклiевича двое просителей, крестьяне деревни Г...ой, Ефимъ Крючковъ и Матвѣй Тарасовъ. Первый былъ когда-

то мастеровымъ упраздненнаго Т...го завода, теперь-же занимался хлѣбопашествомъ; второй и самъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, но потеря въ бытность сельскимъ старостой денегъ трехъ съ половиной тысячъ рублей, собранной съ крестьянъ подати, раззорила его и довела въ послѣднее время до крайней нищеты.

Данила Иракліевичъ принялъ ихъ весьма любезно, не ожидая просьбы, предложилъ денегъ Матвѣю Степановичу Тарасову, къ которому онъ благоволилъ, помня его хлѣбъ-соль и хорошее житье въ двухэтажномъ обшитомъ тесомъ домѣ, проданномъ, какъ весь скотъ и хозяйство, съ аукціона на пополненіе потерянной имъ суммы. Случай этотъ, разбившій благосостояніе Матвѣя Степановича, надломилъ и характеръ его. Въ былое время всегда веселый, немного даже безпечный человѣкъ, но ведшій трезвую, степенную жизнь, онъ сдѣлался угрюмымъ, раздражительнымъ и въ послѣднее время сильно придерживался чарочки, хотя отъ него нельзя было отнять ни силы воли, ни ума и ума далеко недюжиннаго, Данила Иракліевичъ не зналъ одного обстоятельство изъ жизни его: Матвѣй Степановичъ былъ много обязанъ Бычкову, не матеріяльной, но въ нравственной поддержкѣ. Когда сдѣлалась извѣстной потеря денегъ и наряжено было слѣдствіе, въ средѣ крестьянъ родилось сомнѣніе, перешедшее въ общій говоръ, что онъ скрылъ ихъ. Одинъ Бычковъ заступился за него, пристыдивъ односельчанъ его въ несправедливыхъ нападкахъ на человѣка и безъ того убитаго несчастіемъ и, благодаря его справедливому голосу при повальномъ обыскѣ, о поведеніи Тара-

сова слышались одни одобрительные отзывы объ немъ, вслѣдствіе чего и самое дѣло о потерѣ имъ денегъ прекратилось съ пополненіемъ суммы, безъ всякихъ другихъ послѣдствій.

Зная слабость Матвѣя Степановича, Данила Иракліевичъ угостилъ его водкой и за чаемъ, также нарочно приготовленнымъ для него, незамѣтно отклонился отъ разговора о домашности, къ интересовавшему его дѣлу предстоящаго выбора старшины.

— Не тѣ ужь нонѣ порядки, Матвѣй, какіе, говорю, допрежъ были! дружески жаловался онъ.—Нонѣ ужь всякъ наровитъ своимъ умомъ жить, незнать набольшихъ!

— На то и умъ данъ отъ Бога каждому, штобъ жить имъ! Чего-жъ скучать-то это, и худой умъ, да все свой, чѣмъ и добрый, да чужой!

— Отъ ума-то непорядки одни, непорядки, говорю! Есть вотъ тутъ учитель такой, выискался народъ мутитъ!

— Кто-жъ бы?

— Неужъ не слыхалъ про Бычкова?

— Егора-то Семеныча, штоль? спросилъ Матвѣй Степановичъ, прищурившись, и пристально глядя на Данилу Иракліевича.

— Ну, ну Семеныча-то этого, што прежде все Егоркой кликали, а нонѣ и въ Семенычи произвели!

— Знаю его, какъ не знать! А чему-жь онъ учитъ-то? вкрадчиво спросилъ Матвѣй Степанычъ, съ какою-то двоедушною улыбкою въ лицѣ.

— Бо-ольшія науки-то его, разсказывать-то всѣ и языкъ свихнешь!

— Не слыхивалъ!.. Объ чемъ-же это онъ, любопытно-бъ?

— Насъ сократить хочетъ—торгующихъ!..

— О-о!.. За што-жъ такъ взъѣлся?

— Міръ, говоритъ, зоримъ, ха-ха-а... Вишь на мірскія слезы палаты наживаемъ, а мужикъ робитъ на насъ, што на баръ!

— Гля-яди-жъ!.. И-и не слыхивалъ, а чемъ-же это онъ сократить-то хэчетъ?

— Старшиной, вѣдь, сядетъ, такъ какъ-же иначе-то, у старшины власти много, ну, и хочетъ всѣ хлѣбные мангазеи пополнить, недоимку собрать, а скупщикамъ, раззорителямъ-то, и ходу въ міръ не давать! И посредника-то говоритъ сокращу съ писаремъ, недокуда имъ народомъ-то помыкать, што не путной овцой, всякую правду установитъ, а-а-ахъ-ха-а.

— И установитъ, отъ него станется! прервалъ его Матвѣй Степановичъ.

— Онъ-то?.. Да ты думашь, такъ онъ и сядетъ въ старшины-то, а? Нѣтъ, Матвѣй, дай Богъ здоровья Клемену Иванычу—истинно начальникъ!.. Не пуститъ онъ экаго блуда въ міръ... или меня, говоритъ, не будетъ, аль Бычкова со-о-отру! А старшиной-то мой Трофимъ будетъ!

— О-о!.. Ну это худо! внезапно измѣнившимся тономъ отвѣтилъ Матвѣй Степанычъ.

— Чего худо? съ изумленіемъ глядя на него, спросилъ онъ.

— Этакого-то человѣка, какъ Егоръ Семенычъ да стереть, продолжалъ Матвѣй Степановичъ укоризненно качая головой—ху-удо, это худо, Данила Еракычъ, што нашелся че

ловѣкъ по волости съ умомъ, да съ чистой совѣстью, такъ его и стереть, а? Э-эхъ, не мнѣ-бы слушать, а не тебѣ-бы говорить это! заключилъ онъ.

Данила Иракліевичъ съ минуту смотрѣлъ на него, среди наступившаго молчанія, съ глубокимъ недоумѣніемъ. Крючковъ, торопливо допивавшій чай, спѣшно накрылъ чашкой блюдце, положивъ оставшійся сахаръ на донышко ея и, лукаво покрякивая, смотрѣлъ на безмолвную, происходящую предъ нимъ, сцену.

— Чего-то я слушаю, да и не вѣрю, ушамъ-то своимъ, говорю, не вѣрю! произнесъ Данила Иракліевичъ,— никакъ и ты съ его голоса запѣлъ, а?..

— Неужто правду-то поютъ только съ чужого голоса, а?.. спросилъ его въ свою очередь Матвѣй Степанычъ.

— Пра-авда! да гдѣ она, правда-то эта?.. Чѣмъ онъ человѣкъ-то, по твоимъ словамъ, съ умомъ, да съ совѣстью— нут-ко?..

— Э-эхъ, Данило Еракычъ!.. Этотъ человѣкъ, если сказать тебѣ, то всѣ–то мы, сколько и ни есть насъ, пяты его не стоимъ?

— А-а!.. Эвона ка-а-акъ!.. И я-бы это...

А штожъ-бы ты такое, какая особица-то?..

— Никакъ ты, Матвѣй, погляжу я, опъянѣлъ, аль такъ ужь съ нищеты-то забылся! изумленно расширивъ глаза, произнесъ Данила Иракліевичъ.

— Передъ кѣмъ-бы это мнѣ забыться-то, а? Што ты нищетой-то меня коришь? весь вспыхнувъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, заговорилъ Матвѣй Степановичъ.—

Божья воля была дать мнѣ—въ Его волѣ и отнять! О-опьянѣлъ!.. Аль правду-то, думашь, только пьяные говорятъ, а-а? И ты теперь грѣха не знашь, на экаго человѣка, какъ Бычковъ, поклепъ нести, а, Што онъ тебѣ сдѣлалъ худого? Учитъ онъ міръ добру, а не худу и слава тѣ Господи, што слушаютъ его. Мно-ого Богъ далъ ему и ума, и совѣсти!

— А-а-ахъ, Матвѣй, Матвѣй, съ улыбкой сожалѣнія, качая головой, прервалъ его Данила Иракліевичъ,—связался я съ тобой, какъ съ путнымъ по душѣ... было...

— А я, вишь, и не путный, а-а, што не потрафляю твоимъ-то словамъ! Есть у тебя кому потрафлять-то имъ и безъ меня, правды-то только тебѣ никто не скажетъ!

— А-а... такъ не ты-ль это меня учить-то пріѣхалъ? съ ироніей спросилъ онъ.

— По Божьи, слѣпому завсегды дорогу укажу!

— Это я слѣпой-то?

— Ты!

— Ну, нечего дѣлать, надоть экому зрячему человѣку, што на путь направляетъ, пониже поклониться, и, вставъ съ сундука, Данила Иракліевичъ съ глубокой насмѣшкой поклонился ему.—До-о-оволенъ-ли, а? спросилъ онъ, садясь,—я все думалъ, въ простотѣ-то, што дальше всѣхъ гляжу, а на дѣлѣ-то и слѣпой оказался, а-а-ахъ хаха-а... И дуракъ-же ты, дуракъ! качая головой, началъ онъ,—да тебѣ-ли съ твоимъ умомъ учить-то меня, а-а?..

— Ты свою-то болѣзь, Еракычъ, на чужу голову не

складывай! ужь коли пошло на правду, такъ знай, што дуракъ-то не я, а ты-ы, да еще непочатый дуракъ? то...

— Да... да... да... ты што это, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ ужь забылся...

— Скажи ты на милость, што ты за человѣкъ за такой, што съ тобой и не разговаривай, што ты за особь, што всѣхъ ругашъ, а тебя и не тронь... такой-же мужикъ какъ и я, какъ и всѣ мы, што деньгами начиненъ, какъ постный пирогъ кашей, про-ости меня Господи! такъ вѣдь деньги-то ума не даютъ, а погляжу на тебя, такъ и послѣдній-то какой былъ отнимаютъ! Ужь больно ты не въ мѣру зазнался! Вбилъ тебѣ Трофимка твой въ голову, што ты уменъ, штобы крѣпче тебя дурачить, да обокрасть, а ума въ тебѣ и совсѣмъ нѣтъ... дурь одна... замѣсто его! Неужъ, кабы у тебя умъ-то былъ, такъ сталъ-бы ты мѣнять такого человѣка, какъ Егоръ Семенычъ, на своего Трофимку! Твой-то Трофимка все-свѣтный мошенникъ, подхалимъ, только дурачитъ всѣхъ!.. Неужъ, ты думаешь, мы и не знамъ, што ты посреднику коня свелъ, штобъ его въ старшины посадить, а?.. Штобъ легче вамъ всѣмъ народъ-то грабить...

— Я... я... и Данила Иракліевичъ побагровѣлъ и, захлебнувшись отъ душившаго его волненія, закашлялся и, качая головой, схватывался отъ удушья за грудь.

— Што-о не-ершитъ?.. По-о-годи, не такая исшо перхоть тебя отъ Трофимки-то возьметъ! Наплюетъ онъ тебѣ въ карманы-то! При-идетъ пора-а-а вспо-омнишь, Еракычъ, и Матвѣя Тарасова, вспомнишь его слова! Богъ меня подъ

старость нищетой убилъ, съ дрожью въ голосѣ говорилъ онъ, колотя себя въ грудь,—да не отнялъ ни ума, ни совѣсти, а съ ними можно и нищимъ жить.

— Ефимъ!.. крикнулъ, наконецъ, Данила Иракліевичъ сквозь кашель, обращаясь къ Крючкову: — выгони его!

— Не пойду исшо!.. Я вотъ тѣ прежде образумлю отъ твоей-то дури, што ты затѣялъ съ посредникомъ-то своимъ! Неужъ будетъ путь, коли твой Трофимка въ старшины сядетъ! И безъ того мужику ни у кого пристанища нѣтъ, да исшо и старшину-то ему на шею садите, што за грошъ душу продастъ, а?

— Поди изъ моего дома вонъ, и не знай его, иди... иди! оправившись, наконецъ, отъ кашля крикнулъ Данила Иракліевичъ, вскочивъ съ сундука. Лицо его было багрово, глаза слезились отъ недавняго напряженія и рука, захватывавшая полу халата, дрожала. — Иди... Иди! кричалъ онъ, намѣреваясь схватить за руку Матвѣя Степановича, но послѣдній всталъ, не ожидая этой любезности!

— У-уйду! произнесъ онъ, направляясь къ двери, вмѣстѣ съ Крючковымъ, на лошади котораго и пріѣхалъ въ Ш...ъ.—Погоди исшо, Данило, вспо-о-мнишь ты меня! говорилъ онъ, спускаясь съ крыльца.—Трофимъ-то тебѣ протретъ глаза, што и правду увидишь тогда и поумнѣшъ а мнѣ плевать на тебя и съ твоими деньгами.

Но Данила Иракліевичъ уже не слушалъ его. Захлопнувъ дверь, онъ напустился на племянницу, прибиравшую со стола чайную посуду, за то, что взякую свинью поятъ чаемъ, забывъ, что въ домѣ все дѣлалось по его приказа-

нію; за подобное расточительство не ею нажитаго добра онъ грозилъ ее выгнать вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми вонъ изъ дома. И весь тотъ день бушевалъ, Данила Иракліевичъ, находя поминутно предлоги ругать то безотвѣтнаго племянника, то работника Анфима, дюжаго и угрюмаго человѣка имѣвшаго странную привычку сморкаться въ рукава рубахи, то страдавшую одышкой и сидѣвшую неподвижно на полатяхъ супругу. И даже, чего никогда не случалось съ нимъ, выгналъ вонъ Трофима Кириловича, пришедшаго было къ нему за какимъ-то совѣтомъ.

Въ то время, какъ дѣйствующія лица описанныхъ сценъ отвлекали крестьянъ отъ лучшаго изъ нихъ и уважаемаго ими человѣка, избравъ своимъ орудіемъ деньги, противъ него давно шла агитація, направленная совершенно съ другой стороны. Послѣ свиданія волостнаго писаря съ Клементіемъ Ивановичемъ, по волости неожиданно разнеслись слухи, Богъ вѣсть, гдѣ взявшіе свое начало, волнуя и тревожа умы крестьянъ. Такъ говорили, что во время проѣзда черезъ К. уѣздъ одной весьма важной особы, Бычковъ подговаривалъ крестьянъ представить мирового посредника и чиновъ земской полиціи проѣзжавшей особѣ, какъ людей, угнетающихъ разными прижимками народъ и всѣмъ обществомъ на колѣнахъ просить у особы защиты отъ нихъ и наказанія ихъ за угнетенія... Говорили также, что когда, въ ожиданіи проѣзда особы, по волости шла экстренная и дѣятельная поправка дороги, то Бычковъ уговаривалъ кресть-

янъ бросить работу, увѣряя ихъ, что поѣздка особы есть ложно выдуманный слухъ посредникомъ и земскими властями, съ цѣлью, оторвавъ народъ, въ дорогое для него время полевыхъ работъ, собрать съ него крупную взятку за увольненіе отъ исправленія дороги, и многіе крестьяне потому только своевольно бросали поправку дороги и уѣзжали въ деревни, что слушали Бычкова. Когда-же слухъ о проѣздѣ особы подтвердился, то Бычковъ, въ оправданіе себя предъ народомъ, говорилъ, что дороги приказано править за деньги, для чего и отпущено изъ казны 30,000 руб., но деньги эти посредникъ и земскія власти скрыли, подѣливъ между собой, народъ-же заставляютъ править дороги безплатно. И, благодаря подобнымъ завѣреніямъ его, крестьяне противились свозить лѣсъ, необходимый для мостовъ и перилъ къ нимъ, и для перилъ къ оврагамъ и спускамъ съ крутыхъ и обрывистыхъ горъ. Что тотъ-же Бычковъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ А—ъ, передъ проѣздомъ особы, разъѣзжали по деревнямъ, уговаривая народъ къ подачѣ прошеній на посредника, и А—ъ, какъ грамотный, самъ сочинялъ ихъ отъ имени крестьянъ, выдумывая на послѣдняго различныя, небывалыя преступленія по должности.

Передавать все то, что говорилось въ это знаменательное время по У... волости, гдѣ дѣйствующимъ лицемъ вездѣ являлся Бычковъ, было-бы лишнимъ... Достаточно сказать, что всѣ слухи заканчивались зловѣщею угрозой, что Бычкова привлекутъ къ слѣдствію и посадятъ въ острогъ. Какъ дѣйствовали всѣ эти новости на крестьянъ, особенно съ придаткомъ въ заключеніе ихъ слѣдствія и

острога, я также не считаю нужнымъ разъяснять. Люди, сколько-нибудь знакомые съ жизнью нашего народа и со всѣми формальностями стараго судопроизводства, поймутъ это и безъ посторонних разъясненій. Скажу только одно, что въ понятіи народа вкоренено тяжелыми, вѣковыми испытаніями убѣжденіе, что всякое слѣдствіе равносильно само по себѣ полному раззоренію и гибели человѣка, острогъ-же—только достойный начала финалъ.

Конечно, большинство крестьянъ, выслушавъ все это отъ какого-нибудь словоохотливаго, заѣзжаго мужика, скептически покачивая головами, прибавляло: „да не подвохъ-ли исшо это подъ Егора-то? Мужикъ-то онъ основательный, тоже, братъ, зря-то въ омутъ не кинется!“ и тѣмъ чаще мысль эта появлялась у нихъ, что по волости давно не составляло секрета, какъ Безсомыкинъ, Вешняковъ и другіе задаютъ деньги только тѣмъ изъ крестьянъ, которые обѣщаютъ держать сторону Трофима Кириловича. „Но, какъ знать, тутъ-же съ раздумьемъ и добавляли они:—чужая душа потемки! А что Бычковъ съ начальствомъ мужикъ зазористый, не потаишь грѣха!“ Находились и такіе, болѣе любопытные люди, что, имѣя какое-нибудь дѣло въ волости между разговоромъ закидывали писарю вопросъ: „правдилувсе это въ народѣ про Бычкова-то говорятъ?“ и получали отъ него лаконическій отвѣтъ, отъ котораго не одного любознателя кинуло въ дрожь, „при слѣдствіи-де все раскроется!“ „Ой-ой!“ тихо толковали крестьяне, выслушивая любознателей и чувствуя такое-же впечатлѣніе на себѣ, какое охватывало и ихъ отъ фразы писаря,—„творится

чего-то не на шутку, братцы... Ой, таперя надоть языкъ-то покрѣпче за зубами держать, да почаше оглядываться!“ Въ возможности-же подобнаго слѣдствія нельзя было сомнѣваться; всему уѣзду было извѣстно, что въ одной изъ волостей болѣе мѣсяца жилъ особо присланный чиновникъ, производя изслѣдованіе по дѣлу въ родѣ такого-же.

Въ болѣе развитой средѣ всегда-бы родилась при этомъ мысль: „да кому-же все это говорилъ Бычковъ, кто видѣлъ, что онъ мутилъ крестьянъ противъ посредника? Какихъ деревень крестьяне, послушавъ единственно его, съѣзжали самовольно съ дорогъ, бросая поправку ихъ и т. д.“ Но это возможно было-бы тамъ, гдѣ существуетъ общественное мнѣніе, гдѣ дорожатъ имъ, какъ лучшей гарантіей общежитія, гдѣ каждый человѣкъ находитъ въ немъ нравственную опору. А возможно-ли оно въ средѣ полутемнаго міра?

Долетали эти слухи и до Бурановой и не могли не доходить до Егора Семеновича. Не смотря ни на какую обстановку, различіе условій и положеній, человѣкъ всегда и вездѣ обладаетъ одинаковыми недостатками. Кто откажетъ себѣ въ удовольствіи не передать подъ формою доброжелательства своему ближнему всего, что говорятъ про него дурнаго?.. И, несмотря иногда на всю мѣру уваженія, къ подобному человѣку, у кого не появляется какое-то злорадное желаніе: „а ну-ко-де, посмотрю я, какъ это передернетъ тебя?“ И тѣ-же самые люди, если не утаятъ, то передадутъ вамъ съ крайнею неохотою все хорошее, касающееся васъ, нерѣдко у самыхъ добродушныхъ и даже нравственно раз-

витыхъ людей, является при этомъ что-то въ родѣ зависти. Такъ и среди односельчанъ Егора Семеновича находились такіе доброжелатели, передававшіе ему, нерѣдко съ добавленіями своего собственнаго измышленія, все, говорившееся про него. Какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка съ твердымъ характеромъ, Егоръ Семеновичъ относился къ слухамъ про него болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ смѣялся, узнавши о гоненіи, воздвигнутомъ на него Данилой Иракліевичемъ съ компаніонами и уговаривалъ болѣе бѣдныхъ крестьянъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для поправленія стѣсненныхъ обстоятельствъ. „Теперь они и по двадцати копѣекъ на пудъ надбросятъ, такъ чего-жъ зѣвать-то: съ паршивой овцы и шерсти клокъ—прибыль!“ И тѣмъ съ большимъ равнодушіемъ онъ относился къ проискамъ ихъ, что не только не добивался званія старшины, хорошо сознавая тяжелое положеніе, въ какое будетъ поставленъ, и для него, какъ для человѣка небогатаго, всякая общественная служба должна была повлечь, если не полный, то значительный упадокъ хозяйства; но когда ему передавали общее желаніе волости имѣть его старшиной, то онъ говорилъ: „не пойду!“ и говорилъ это такъ-же искренно, какъ искренно желалъ добра каждому... Смѣялся Егоръ Семеновичъ надъ слухами и предостереженіями односельчанъ „почашше поглядывать около себя!“ до тѣхъ поръ, пока не сталъ замѣчать, что за нимъ дѣйствительно наблюдаютъ, слѣдятъ каждое его слово, каждый шагъ. Все чаще и чаще въ удаленную Буранову стали навѣдываться то волостные чины, то мужички, пользующіеся репутаціей

„пріятеля писаря“. И мало того: вся родня его, всѣ его свояки и братья подвергались такимъ-же наблюденіямъ и даже притѣсненіямъ. Такъ родной братъ его, человѣкъ совершенно съ другимъ складомъ характера, скромный и безотвѣтный, выселившійся при жизни отца изъ Бурановой въ село Т—ъ, пріѣхалъ однажды къ нему, со слезами, жалуясь на незаслуженныя гоненія. Писарь настаивалъ, чтобъ онъ разобралъ избушку, выстроенную будто-бы на чужой землѣ и снесъ самый домъ, выдававшійся изъ линіи улицы. Избушка была поставлена уже нѣсколько лѣтъ и никто не изъявлялъ претензіи на землю подъ ней, какъ и на то, чтобъ выдававшійся домъ его портилъ линію улицы или планъ села. Этого факта было достаточно, чтобъ Егоръ Семеновичъ перемѣнилъ взглядъ на дѣло, сначала казавшееся шуточнымъ. онъ понималъ, что можно относиться равнодушно ко всему, касающемуся личныхъ интересовъ его, но не тогда, когда страдательными лицами являются люди ни въ чемъ неповинные. Онъ понялъ и то, что для него настала минута борьбы, и борьбы не шуточной, въ которой каждая ставка этой темной игры должна повлечь за собой раззореніе не одного его, но и другихъ лицъ, причастныхъ къ нему или узами родства или дружбы. И изчезла улыбка съ лица его, все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился онъ, при каждомъ долетавшемъ до него слухѣ, хотя какъ ни сильно было сознаніе своей собственной правоты въ его возмущенной душѣ. Многое онъ понималъ слишкомъ ясно, для простаго, развитаго только опытомъ ума, но не понималъ одного, что подобное сознаніе—весьма слабая гарантія

въ борьбѣ человѣка, какъ-бы онъ ни былъ нравственно высокъ, какой-бы не обладалъ энергіей, противъ интриги. на сторонѣ которой были люди, болѣе сильные, чѣмъ онъ, И кто-же онъ, въ сравненіи съ ними? Простой и даже небогатый крестьянинъ, самая жизнь котораго всегда можетъ дать случай смять, уничтожить его безъ всякихъ усилій. И гдѣ-же искать защиты? У кого? Какое начальство возьметъ сторону крестьянина въ борьбѣ съ посредникомъ и съ своимъ-же братомъ, богатымъ мужикомъ?

На другой-же день, послѣ пріѣзда брата, Егоръ Семеновичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ село Т—ъ, гдѣ находилось волостное правленіе, считая нравственною обязанностію заступиться за него. Притѣсненія брата были открытый вызовъ, брошенный ему писаремъ. Онъ зналъ, что писарь есть источникъ всѣхъ слуховъ, распространяемыхъ про него и нерѣдко намекалъ крестьянамъ при разговорѣ: „что щепки-то отъ купленныхъ лѣсинокъ далеко летятъ!“ Догадывались и крестьяне, на что намекалъ онъ. День былъ праздничный, когда, пріѣхавши въ Т—ъ, онъ пошелъ въ волость къ писарю. Въ праздничные дни въ волостныхъ правленіяхъ всегда бываетъ болѣе дѣла и народа, особенно весной, лѣтомъ и осенью, когда будни посвящаются полевымъ работамъ. Въ праздничные дни сельскіе старосты спѣшатъ сдавать деньги, собранные въ подать, въ эти-же дни наѣзжаютъ вызываемые по разнымъ дѣламъ и справкамъ крестьяне, и нерѣдко для экзекуцій, по рѣшеніямъ окружного суда по малозначительнымъ дѣламъ, о покражѣ бадейки меду, двухъ, трехъ копенъ сѣна и т. п., по дѣ-

ламъ, тянувшимся лѣтъ по шести, по семи, о которыхъ и преступники, всегда круглые бѣдняки, забыли давно. Въ праздничные дни въ волости тѣснятся и мѣстные крестьяне, заходя посмотрѣть, что дѣлается въ ней, послушать что говорятъ для нихъ волость, и почерпаемыя въ ней свѣденія замѣняютъ журналы и газеты.

Писарь и помощники его занимались подготовленіемъ вѣдомостей о количествѣ выданнаго въ ссуду хлѣба изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ для засѣва полей. Одни богатые крестьяне засѣваютъ поля своимъ зерномъ. Большинство-же беретъ для этого въ ссуду изъ магазиновъ, и нерѣдко въ весеннее время ими разбирается весь хлѣбъ, пополняемый потомъ осенью изъ свѣжаго умолота и тѣми полупудками, какой обязанъ вносить ежегодно каждый крестьянинъ, для составленія основного хлѣбнаго капитала *). Появленіе Егора Семеновича въ волости, благодаря всеобщему говору про него, придало къ нему еще болѣе вниманія, чѣмъ прежде. Въ тѣснящейся кучкѣ крестьянъ все стихло и инстинктивно разступилось, очистивъ ему путь къ писарскому столу и затѣмъ плотною стѣною окружило ихъ.

---

*) Въ средѣ алтайскихъ инородцевъ, вносящихъ подать ясакомъ, не существуетъ этого благодѣтельнаго учрежденія, хотя большинство ихъ давно ведетъ осѣдлую жизнь и занимается хотя и небольшимъ хлѣбопашествомъ, насколько дозволяютъ имъ условія гористой мѣстности, и большинство ихъ «аиловъ» или «улусовъ» не уступаетъ въ обстройкѣ деревнямъ. Благодаря недостатку этого учрежденія, они постоянно входятъ во время голодовъ съ ходатайствомъ о ссудѣ ихъ хлѣбомъ изъ крестьянскихъ запасныхъ магазиновъ, что соединяется съ большою проволочкою времени и часто вызываетъ печальные случаи смертностей, буквально, съ голода.

Десятки глазъ впились въ высокую, сановитую фигуру его, одѣтую въ нанковый халатъ, опоясанный кумачнымъ кушакомъ, въ выразительное лице, полное самообладанія при взглядѣ на писаря, съ изумленіемъ поднявшаго при видѣ его голову. Моментъ былъ достойный наблюденія, и стоявшіе въ заднихъ рядахъ крестьяне поднимались на носки, наваливались на плечи переднихъ и жадно глядѣли и слушали, хотя ничего еще не было слышно, въ воцарившейся кругомъ тишинѣ. Они подмѣтили только, какъ писарь незамѣтно отодвинулся подалѣе отъ стола и на худощавомъ, постоянно блѣдномъ лицѣ его выступилъ румянецъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, высокаго роста, съ флегматической походкой и жестами, вызываемыми скорѣе болѣзненностью, чѣмъ привычками, въ которыхъ-бы отражался сформировавшійся характеръ. Житье Петра Степановича, было очень завидное по своей комфортабельности и приволью. Въ непродолжительное время служенія онъ выстроилъ домъ изящной, игрушечной архитектуры, напоминавшей флигеля, примыкавшіе къ капитальнымъ постройкамъ въ усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ. Обстановка внутри дома также напоминала скорѣе помѣщичье житье, чѣмъ житье волостнаго писаря съ тремя стами рублей содержанія. Съ крестьянами онъ велъ себя недоступно, удостоивая пожатіемъ руки одного волостнаго старшину, съ чинами земской полиціи гордо и самонадѣянно, относясь къ нимъ скорѣе, какъ равный, чѣмъ подчиненный. Эта-же самонадѣянность и гордость проглядывала и въ отношеніяхъ его къ Шлепфельду и, повидимому, нисколько не смущала послѣд-

няго, хотя въ другихъ случаяхъ онъ относился весьма чувствительно ко всему, что затрогивало его самолюбіе. Проѣзжали-ли когда по участку значительныя лица, Клементій Ивановичъ всегда приказывалъ приготовлять квартиру и обѣдъ для лицъ у Петра Степаныча, причемъ и представлялъ его лицамъ, какъ достойнаго по своимъ качествамъ писаря. Достоинства эти и отражались во всѣхъ служебныхъ дѣйствіяхъ Петра Степаныча въ формѣ „превышенія власти“ и впослѣдствіи разбили его карьеру.

Не скоро овладѣлъ собою Петръ Степанычъ; съ лихорадочною торопливостью перебирая книги и вѣдомости, къ какой безсознательно прибѣгаютъ люди, замаскировывая непріятное впечатлѣніе, вызванное чьимъ-нибудь посѣщеніемъ и желая собрать въ это время во что-нибудь опредѣленное парализованныя мысли. Торопливость эта еще болѣе возбуждалась у него инстиктивнымъ чувствомъ на себѣ спокойнаго и наблюдательнаго взгляда противника и обращенныхъ на него взглядовъ посторонними зрителями. Ему въ то-же время было и досадно, что онъ выдалъ себя этимъ непрошеннымъ смущеніемъ предъ человѣкомъ, котораго ненавидѣлъ, но хорошо сознавалъ, что не можетъ первенствовать надъ нимъ.

— Ты долго, Петръ Степанычъ, будешь разбираться съ бумагами-то? съ характерной улыбкой спросилъ его Егоръ Семенычъ, заткнувъ пальцы рукъ за кушакъ.

— Отчетъ обязанъ я тебѣ отдавать, што-ли, долго-ли чего буду дѣлать? дрожащимъ и задорливымъ съ досады голосомъ отвѣтилъ онъ, не глядя на него.

— Отчета мнѣ въ эвтомъ отъ тебя и не надоть, а я-бы въ другомъ кое-чемъ хотѣлъ поспрошать его!

— Начальникъ ты мой, што-ль? спросилъ онъ, весь вспыхнувъ и гордо взглянувъ на него, — ты зачѣмъ сюда пришелъ-то, что тебѣ нужно?

— Что мнѣ надоть не утаю, на то и спрашиваю: дѣламъ-то твоимъ не мѣшаю-ли, а то я и обожду, коли тебѣ къ спѣху, мнѣ-то время терпитъ!

— Если тебѣ што... нужно... дѣло какое, говори!

— Што мнѣ надо-то? Мнѣ много, Петръ Степанычъ, надо! Я вотъ терпѣлъ, терпѣлъ, да и счеты свесть пріѣхалъ, недоимка-то на тебѣ ужъ большая накопилась. Пора ее и съ косточекъ скинуть! неторопливо, но полнымъ аргументаціи голосомъ, отвѣтилъ онъ.

Петръ Степанычъ поблѣднѣлъ. Фигура говорившаго была такъ внушительна, что, въ дополненіе къ слышанному, въ умѣ его внезапно промелькнула мысль: „медвѣжье пугало“!

— Наперво, скажи-ко ты мнѣ, тихо продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта,—изъ какихъ порядковъ ты моему брату велишь избушку-то снести и домъ-то сломать, а?

— Ты что-жь это допрашивать пріѣхалъ меня? снова вспыхнувъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ писарь.

— Аль ужъ ты такой недотрога, што тебя и не спроси, а? Ты въ сердце-то не входи, Петръ Степанычъ, а разговаривай-то потише, да толкомъ! Я вѣдь не пужливый, штобъ предъ тобой-то сробѣть, а на сердце-то и у меня сердце найдется, да только ловко-ли оно будетъ тебѣ, коли я-то его показывать стану? Такъ ты, говорю, потише будь,

ты вѣдь не начальство какое, а писарь! Нонѣ и начальство-то съ нашимъ братомъ разговариваетъ, такъ ужь тебѣ-то заѣдаться совсѣмъ не къ лицу! Я вотъ затѣмъ и пріѣхалъ, штобъ спросить тебя, а ты и отвѣть мнѣ тихимъ манеромъ, коли на этакой порядокъ есть законъ, я и замолчу, а коли нѣтъ, такъ ты мнѣ резонъ укажи, а не серчай!

— Это по приказанію посредника дѣлается! отвѣтилъ Петръ Степановичъ, покраснѣвъ и потупившись.

— Бумагу онъ тѣ далъ на это какую, што-ли?

— Словесно!..

— Што-жь это онъ такъ тебѣ-то приказалъ это, а? Вѣдь, на то старшина есть волостью-то править. Ну, старшины нѣтъ теперь, такъ кандидатъ по немъ до время правитъ! А коли онъ тебѣ приказалъ, такъ тебѣ-бы, по моему, въ этакое дѣло, што тебя не касающее и не лѣзть-бы, а передать-бы старшинѣ его приказъ! А то вишь и старшина, и староста всѣ молчатъ, а ты одинъ грозишь своей рукой разметать по бревнамъ! А посреднику-бы она чѣмъ помѣшала, коли никому другому не мѣшаетъ? Изба и домъ почесть двадцать лѣтъ стоятъ на мѣстѣ, никому не мѣшали, а нонѣ посреднику, што за полтораста верстъ отъ насъ въ городѣ живетъ помѣшали, и-и диво, ей-Богу, диво!..

Въ толпѣ прокатился смѣхъ. Обвернувшись, Егоръ Семеновичъ съ ироніей посмотрѣлъ на нее, и смѣхъ усилился и превратился въ дружный хохотъ, кой-гдѣ и съ отрывочными фразами: „ва-а-жно... лло-овко парень! и т. д. Писарь тоже оглянулся и прищурившись, долго пристально смотрѣлъ на толпу, какъ-бы желая запомнить физіономіи,

мелькавшія въ ней. И точно понявъ его намѣреніе, задніе внезапно съ пустились съ носковъ и скрылись за рядами переднихъ, передніе-же замолкли, неловко переминаясь.

— Такъ ужъ ты, Петръ Степанычъ, снова началъ Егоръ Семенычъ, до-время-то не струни моего брата, мы и сами посредника-то спросимъ, въ чемъ ему помѣхой изба его, по какимъ порядкамъ ломать крестьянскія избы, да дома, што по двадцати лѣтъ на мѣстѣ стоятъ, никому не мѣшаютъ! А таперя, вторительнымъ дѣломъ, скажи ты мнѣ: што тебѣ тоже посредникъ наказалъ, што-ли, экіе-то страхи про меня разсказывать, а? и онъ пристально взглянулъ на него.

Какъ ни оправился Петръ Степанычъ, но вопросъ Егора Семеновича, касавшійся весьма щекотливаго дѣла, кольнулъ его, и вызвалъ въ лицѣ багровыя пятна.

— Какіе страхи? съ плохо замаскированнымъ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Ты лучше знашъ, такъ чего-жъ спрашиваешь какіе? Неужъ ты думашь, Петръ Степанычъ, што мы ужь такіе дураки, што и, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ, отколь какой вѣтеръ дуетъ, а? Ну-ко, скажи ты мнѣ теперь, какое слѣдствіе надо мной-то будетъ, по какимъ-такимъ причинамъ?..

— Я съ тобой, Бычковъ, не намѣренъ разговаривать, слышишь! отвѣтилъ писарь, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Што-жь такъ, аль ты только выдумывать, да разсказывать умѣшь, а отвѣтъ держать не твое дѣло?

— Скажи ты мнѣ, Бычковъ, что тебѣ нужно отъ меня, что ты привязываешься ко мнѣ? снова тѣмъ-же задорливымъ тономъ спросилъ Петръ Степанычъ.—Про него тамъ гово-

рятъ, а онъ ко мнѣ лѣзетъ, да ты съ чего это взялъ-то, что я выдумываю про тебя?

— Не серчай, ой, не серчай и сердце свое спрячъ, прервалъ его Егоръ Семеновичъ.—Знаю я тебя давно, ты свиснешь, а я ужь смыслю! Молодъ ты исшо въ эти-то игры играть, не обожгись, мотри! Ишь вотъ ты какой покосникъ, не хуже кошки, только заячьей-то трухи въ тебѣ не по норову много! Ты разсказывалъ и встрѣчному, и поперечному, што надо мной слѣдствіе будетъ, всякія угрозы на меня наводилъ, а до дѣла дошло и отъ своихъ словъ отперся... Бе-езтыжіе твои глаза! И неужь ты думалъ напугать меня слѣдствіемъ-то, да каторгой. Видалъ ужь я, Петръ Семенычъ, слѣдствій-то, не напужаешь меня ими, къ чистому-то грязь не шибко льнетъ! Въ каторгу-то тоже, братъ, зря не отправятъ, много надоть дѣловъ-то надѣлать, штобъ до каторги-то дойти, да не изъ тѣхъ я, што экія-то дѣла дѣлаютъ! А вотъ ты исшо мо-о-олодъ, ты-бы допрежъ, чѣмъ на другого экой-то ремешокъ надѣвать, по своимъ-бы плечамъ его примѣрилъ — не придется-ли исшо тебѣ въ пору! Што-жь ты молчишь, языкъ-то прикусилъ, а? Вотъ, братцы, обратившись къ стоявшимъ сзади ихъ крестьянамъ, произнесъ онъ,—людская-то совѣсть, а? Всѣ вы, почесть, знаете, чего только про меня не говорятъ? И слѣдствіемъ-то всякимъ и каторгой-то уграживали, а дошло до дѣла... пришелъ прямо свидъ на лицо и первый выдумщикъ языкъ прикусилъ. Гдѣ-жь она, правда-то, опосля этого, а?..

— Бычковъ, объ одномъ прошу тебя: уйди лучше отсюда! произнесъ, весь поблѣднѣвъ, Слатвинскій.

— И не любъ сталъ, какъ правду-то заговорилъ, а?..

— Въ твоей правдѣ не нуждаются, никто ея не спрашиваетъ отъ тебя, слышишь, а время придетъ—все докажется! произнесъ писарь съ многозначительнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

— Што-жь докажется-то?

— Говорю, такъ знаю что!

— Это ты правду сказалъ, Петръ Степанычъ, што правда, то правда! Придетъ это время, што все докажется! Докажется, какъ ты и медъ силой сбиралъ, и всякіе твои денежные поборы съ волости! Докажется, Петръ Степанычъ, какъ вы и воровъ, да убійцъ за деньги прикрываете! Ты погляди-ко: ни одного слѣдствія по воровству большому, да убійству не пройдетъ, штобъ вы его на-перво не спутали, да не прикрыли, а? Чижовки-то у васъ въ волости только отъ честнаго люду ломятся, одни воры, да мошенники безъ страха по свѣту гуляютъ! Къ вамъ въ волость-то безъ денегъ мужикъ и не заглядывай, хоть ходи не ходи, толку не добьется, только рубли вамъ ротъ-то отворяютъ, да руки шевелятъ! Ты посмотри-ко, сколько на міру-то однихъ фальшивыхъ бумажекъ расплодилось, а отколь все идутъ — отъ волостныхъ, гдѣ-бы выводить экихъ мошенниковъ, а вы прикрываете, коли земскіе съ обыскомъ ѣдутъ къ экому плуту, а вы стороной даете знать ему: „припрячься-де, обыскивать ѣдутъ!“ А какой ни на есть безталанный мужикъ, по простотѣ, ничего не вѣдамши, попадается съ ней, такъ ку-уда тѣ, сичасъ оберете, а коли взять нечего, такъ въ полицію предоставите, купайся-де тамъ!

— Ребята, слышите, что онъ говоритъ—будьте свидѣтелями! обратился писарь къ молчавшей толпѣ.

— Слышутъ, какъ имъ не слыхать, съ ироніей прервалъ его Егоръ Семеновичъ, — на то и говорю, штобъ все слышали, да въ свидѣтели шли!

— Ну, Бычковъ, отвѣтишь ты за все это!

— Отвѣчу! снова прервалъ онъ.—Я не въ тебя, прятаться не стану; чего я, Петръ Степанычъ, говорю такъ знаю! Я вотъ на то и говорю, штобъ отвѣтить! Позаочь человѣка неповиннаго я не стану марать, да выслѣживать всякую прихвосню, хоша и мужи-икъ я не грамотный, да у меня совѣсть есть. Я Бога помню. А коли знаю, чего сказать, такъ скажу въ глаза при всѣхъ, потому правду говорю! Ты зачѣмъ вотъ со старшиной-то Клестеринымъ лонскаго года деньги собиралъ съ мужиковъ, штобъ имъ ихній-же хлѣбъ на посѣвъ изъ магазеевъ выдать, а? Кто вамъ денегъ давалъ, такъ вы тому первому и выдавали, а кому нечего было дать, такъ того и волочили до самаго знику-дѣ, иной исшо такъ и уѣзжалъ, обливаясь вмѣсто хлѣбнаго-то зерна слезами, а? Ну, што и это не правда, што-жь ты не спрашивашь мужиковъ-то, слышали-ли они, да не ставишь ихъ въ свидѣтели, а?

— Бычковъ...

— Я Бычковъ, ну што-жь?

— Чего ты хочешь, на что ты напрашиваешься?

— На правду!

— Кто ты такой, что такъ много-то берешь на себя? Куда ты пришелъ-то, опомнись...

— Въ волость! А што много беру, такъ и сдюжу! По росту, да дородству человѣкъ и ношу на плечи беретъ, на міру-то говорятъ, а вотъ ужь ты на себя забралъ, Петръ Степанычъ, такъ совсѣмъ не по фигурѣ!

— Я тебѣ одно говорю, Бычковъ: опомнись, гдѣ ты! сдержанно-дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ слышались слезы, прервалъ его Слатвинскій.

— Помню, въ волости!

— А знаешь ли ты, что такое волость, какое-же ты имѣешь право говорить дерзости въ присутственномъ мѣстѣ! Ты вотъ понимаешь-ли, что это стоитъ? И писарь указалъ на зерцало.

— А-а-а, во-онъ оно што-о! Ты вотъ меня и зерцаломъ угрозилъ, што при немъ и говорить ничего нельзя, такъ стало быть и худого-бы дѣлать при немъ ничего не надоть, а пошто-же ты взятки-то здѣсь при немъ берешъ, а-а? Аль это ничего, такъ и въ законѣ прописано, што только за правую рѣчь при зерцалѣ отвѣчаютъ, а не за пакость, а? Только правды говорить не велѣно, а дѣлай чего хочешь, а?

Въ толпѣ снова прокатился задавленный смѣхъ.

— Совсѣмъ ты малъ молодецъ, Петръ Степанычъ, какъ погляжу я, иронически качая головой, продолжалъ онъ,— только вотъ пакосникъ-то не по лѣтамъ, рано ужь ты больно за эвто-то рукомесло взялся, не порѣжься! Ишь вотъ ты теперь и стоишь и хлопаешь глазами, то рдѣешь, какъ кумачъ, то бѣлешь, што холстъ, и не знашь куда кинуться. Чего-бъ тебѣ сказать, чѣмъ-бы угрозить, зажать-

бы ротъ, штоба правды-то про тебя не говорили. Совѣсть это въ тебѣ стучитъ, Петръ Степанычъ... и пакосникъ хоша ты, а все человѣкъ, и въ тебѣ есть энтотъ молотокъ-то, только не за все ты ему ковать-то по своей душѣ даешь... А лучче-бы было, кабы ты по почашше слушалъ, чего онъ тебѣ наколачиватъ-то!.. Э-э-эхъ, поумнѣй-то, да почеснѣй-то человѣкъ не пригоденъ-бы, вишь, ты былъ на твоимъ-то мѣстѣ, вотъ и сажаютъ на наши-то головы такихъ, какъ ты! А лежалъ-бы ты, Петръ Степанычъ, на полатяхъ, разводилъ-бы съ бабами горохъ; вотъ это-бы твое дѣло было самонастоящее, а то влѣзъ ты въ чужу кашу, да не знашь исшо, какъ ее расхлебывать! Ты вотъ одумался-ли чего затѣялъ, аль одуматься-то некогда... съ чужого голоса пѣлъ свои-то рѣчи, а? Вѣдь теперь ужь ты не утаишь, вся волость знаетъ, чего ты плелъ на меня-то: и посредника-то я хотѣлъ извести, и народъ-то смутилъ на дорогахъ; съ моего, вишь, голоса онъ съ работъ съѣзжалъ, а вы на Троицынъ день со старшиной его за деньги распустили, такъ объ этомъ вотъ ты мо-олчишь! Я-то и про тыщи народу наговаривалъ, да я вотъ, вишь, и съ А—ъ ѣздилъ, училъ міръ прошенья на посредника подавать. Да нѣшто самъ-то міръ не знаетъ, чего вы дѣлаете, своихъ-то глазъ, да ушей нѣтъ у него, а? А все ему чужая наука надоть! Молчитъ вѣдь онъ, Петръ Степанычъ, молчитъ, да вѣдь молчитъ-то до время! Придетъ пора и заговори-и-тъ! Придетъ эта пора, сами вы заставите міръ-то заговорить своимъ голосомъ, только любы-ли вамъ будутъ тогда рѣчи-то его? А то я вотъ всему, вишь, всѣхъ учу, а?.. Да если-бъ и училъ,

да коли вы по правдѣ... по закону-то живете и дѣлаете, такъ чего-жъ-бы вамъ чужихъ-то наукъ бояться, а? Вѣдь правда-то, што масло, въ водѣ ты его не утопишь—выплыветъ! Плелъ ты, Петръ Степанычъ, плелъ, страшшалъ ты, страшшалъ и слѣдствіемъ, и каторгой, а слѣдствія все нѣтъ, да нѣтъ! Такъ что-жъ пужать-то меня, Э-эхъ, Петръ Степанычъ, Петръ ты Степанычъ, да вѣдь коли-бъ слѣдствіе-то было, такъ вѣдь ты-бы первой его испужался! Неужъ ты думашь, если-бы пріѣхалъ къ намъ путный-то чиновникъ, аль начальство какое, што правду-то захотѣло-бы видѣть, да знать чего, въ самомъ дѣлѣ, въ мужичьемъ-то житьѣ-бытьѣ дѣлается, такъ народъ-то-бы таить сталъ а? Такъ ужь ты и не пужай меня, и народъ-то занапрасно, за тѣмъ вотъ я и пріѣхалъ къ тебѣ, да и брата-то не шевель моего! А теперь прости Христа ради, не серчай, што поговорили! Коль умнѣй ты будешь, Петръ Степанычъ, на уши намоташь и языкъ прикусишь, на предки хоша съ наукой будешь, а не поумнѣшь коли, такъ и другу дорогу найдешь на умъ-то направить!..

И, необративъ болѣе вниманія на Петра Степановича и на окружающихъ, онъ вышелъ изъ волости, также среди почтительно разступившихся предъ нимъ крестьянъ.

Сильно было впечатлѣніе, произведенное на окружающихъ этой встрѣчей. „Ну, и мужи-и-икъ, а-ахъ ты, братъ!“ „Экого не запужаешь!“ говорили крестьяне, выходя изъ волости, и, покачивая головами, повторяли, какъ-бы въ отвѣтъ на затаенныя мысли: „нѣ-ѣ-ѣтъ, не запужаешь!“ Много говору понеслось по селамъ и деревнямъ, вполнѣ

возстановившаго въ самыхъ легковѣрныхъ правоту Бычкова: „Кабы зналъ за собой грѣхъ, не заговорилъ-бы этакъ-то, не приструнилъ-бы такъ писаря-то!“ толковали они тѣмъ болѣе, что все, что ни сказалъ онъ, повторялось почти отъ слова до слова въ каждой избѣ, въ каждомъ селеніи и деревнѣ. Встрѣча эта произвела не менѣе сильное впечатлѣніе и на Петра Степаныча; онъ дня два не выходилъ изъ дома, избѣгая встрѣчи съ крестьянами, когда-же встрѣчался съ кѣмъ, то невольно краснѣлъ и вращалъ глазами по сторонамъ. Урокъ былъ силенъ для его самолюбія и гордости, и болѣе чувствителенъ еще отъ сознанія, что онъ растерялся, и растерялся такъ мелочно и глупо. Сначала съ горяча онъ написалъ посреднику рапортъ и хотѣлъ составить актъ, скрѣпивъ его подписью всѣхъ бывшихъ въ волости крестьянъ „о безчинствахъ и возмутительныхъ противъ правительства рѣчахъ насильно ворвавшагося въ волость Бычкова“. Но послѣ нѣкотораго раздумья отложилъ и рапортъ, и вчернѣ составленный актъ въ сторону и отправился въ городъ для личнаго свиданія и переговоровъ съ Клементіемъ Ивановичемъ.

Выборъ старшинъ и прочихъ волостныхъ начальниковъ производится не балотировкой, а открытой подачей голосовъ. По закону, наличное число избирающихъ должно составлять не менѣе двухъ третей всего населенія волости, имѣющихъ право на подачу голоса, т. е. совершеннолѣтнихъ и самостоятельныхъ домохозяевъ. Подобные сходы всегда бываютъ шумны, благодаря партіямъ, предъявляющимъ своихъ

кандидатовъ на то или другое званіе. Каждая партія считаетъ себя въ правѣ разбирать при этомъ удобномъ случаѣ достоинства и недостатки кандидата и, конечно, за каждымъ изъ нихъ послѣднихъ качествъ всегда оказывается болѣе, чѣмъ первыхъ. Здѣсь считается умѣстнымъ высказать все, что знаютъ про человѣка, и высказать какъ можно болѣе рѣзко и сильно. Сами кандидаты рѣдко посѣщаютъ эти сходы,—кому-же пріятно выслушивать про себя горькія и всегда почти правдивыя мнѣнія!

Не ранѣе конца апрѣля, по приказанію Клементія Ивановича, съѣхались въ Т...ъ крестьяне У... волости для выбора старшины. Слатвинскій и не приступалъ къ своей обязанности провѣрить наличное число собравшихся. Напротивъ, его удивило единодушіе, охватившее на этотъ разъ крестьянъ, несмотря на то, что наступило рабочее время, въ которое они дорожатъ не только днемъ, но и часомъ. Въ средѣ ихъ не слышалось оживленныхъ толковъ и предположеній, какіе бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда еще неизвѣстно, за чьимъ именемъ останется перевѣсъ. Все было тихо, спокойно; болѣе говорили о своихъ домашнихъ дѣлахъ, чѣмъ о животрепещущемъ вопросѣ, для рѣшенія котораго собрались они, точно вопросъ этотъ давно уже былъ рѣшенъ всѣми и оставалось только оформить его. Конечно, и за Трофима Кириловича слышалось много голосовъ, принадлежавшихъ не однимъ крестьянамъ, подготовленнымъ антагонистами Бычкова: большинство зажиточныхъ людей, интересы которыхъ вынуждали имѣть въ главѣ своей человѣка своей среды, также стояли за него. Упоминалась отрывками и фа-

милія кандидата по старшинѣ, правившаго въ настоящее время волостью, и еще двѣ-три фамиліи, но все это были какіе-то неясные, лишенные опредѣленной цѣли, звуки, или безслѣдно замиравшіе, не находя себѣ отголосковъ въ большинствѣ, или вызывавшіе общій смѣхъ, конфузившій говорившихъ. Чего никогда не бывало, на сходъ пріѣхалъ и Данило Иракліевичъ, остановившійся у писаря, около котораго группировались и компаньоны его, кромѣ Трофима Кириловича, уѣхавшаго по дѣламъ подряда въ Т... Егоръ Семеновичъ не пріѣхалъ, но ко дню пріѣзда посредника, желавшаго присутствовать на сходѣ, за нимъ посланъ былъ нарочный съ приказаніемъ явиться въ волость. Шлепфельдъ остался доволенъ, что Слатвинскій не донесъ офиціальнымъ рапортомъ о поступкѣ Бычкова. Начать слѣдственное дѣло было-бы неумѣстно: тогда-бы дѣйствительно раскрылись многія темныя стороны дѣйствій волостныхъ чиновъ, и дѣло, начавшееся со снѣжинки, по мѣрѣ своего развитія, превратилось-бы въ лавину, смявъ и уничтоживъ своимъ стремительнымъ потокомъ все попадающееся на пути. Кончить дѣло домашнимъ, келейнымъ образомъ онъ находилъ и выгоднѣе, и безопаснѣе. Вечеромъ наканунѣ дня, назначеннаго для схода, Клементій Ивановичъ пріѣхалъ въ Т... въ щегольской бричкѣ, или, правильнѣе, полуколяскѣ. Завидѣвъ издали экипажъ его съ опущеннымъ фордекомъ, красный околышъ на фуражкѣ и сіяющую на груди цѣпь, народъ, тѣснившійся кучками по улицамъ, снимая шапки, низко кланялся ему, не получая на свою почтительную вѣжливость никакого отвѣта. Остановившись на этотъ разъ на земской

квартирѣ, Клементій Ивановичъ послалъ за писаремъ и, узнавъ, что пріѣзда Бычкова можно ожидать не ранѣе слѣдующаго дня, остался недоволенъ его медленными распоряженіями.

На другой день, съ восходомъ солнца, волость постепенно наполнялась собиравшимся въ нее народомъ. Стеченіе его вызвало оживленіе въ селѣ, напоминавшее что-то праздничное. День былъ тихій, теплый, одинъ изъ тѣхъ, какими часто даритъ жителей сѣвера рано начавшаяся весна. Прилегающіе къ селу луга и поля зеленѣли сочными побѣгами свѣжей травы. Холмы напоминали видомъ шахматную доску: правильными квадратами чернѣли по склонамъ ихъ полосы, вспаханныя подъ яровые хлѣба, перемежаясь то ярко-желтой, прошлогодней, полосой пашни, оставленной на отдыхъ, то зеленѣющими озимами. На озерахъ, оставшихся отъ разлива рѣки, и на самой рѣкѣ, вошедшей въ русло, кишѣли стаи домашнихъ утокъ и гусей, оглашая воздухъ своими радостными криками. Пестрѣющія толпы народа, одѣтаго наряднѣе, чѣмъ въ обычные дни, дополняли эту картину. Онѣ осаждали и длинное одноэтажное зданіе волостнаго правленія, и крылечко, и рѣшетку, обносившую примыкавшіе къ нему садъ и домъ священника, стоявшіе рядомъ съ волостью, и зеленѣющую лужайку около каменной церкви, стоявшей наискось волости. Примыкавшіе къ этой мѣстности три кабака еще наканунѣ, съ утра, были закрыты, какъ требуется это закономъ, на время волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Въ самой волости была невыносимая духота и давка, несмотря на раскрытыя настежь двери и окна. Красныя лица

тѣснившихся, съ крупными каплями пота на лбу и носу, лучше всего говорили о непріятномъ положеніи ихъ, изъ котораго нельзя было и выйдти, чтобъ протолкаться въ толпѣ, тѣмъ болѣе, что густыя массы народа тѣснились и у входа къ двери, и снаружи у оконъ. Въ народѣ мелькали и знакомыя намъ лица: подслѣповатые глазки Макара Васильевича Вешнякова слезились болѣе, чѣмъ когда-либо,— жаръ растравлялъ и безъ того слабые глазные нервы его. Какъ носимый волною, колыхался сжатый въ толпѣ Анфиногенъ Борисовичъ Прутковъ. Широкое лицо его приняло сине-багровый цвѣтъ и было усѣяно потомъ, какъ передъ утромъ листья лопушника росой, толстыя-же губы вздулись и были полуоткрыты. Изъ дальняго угла тоскливо выглядывалъ прижатый къ стѣнѣ Амвросій Николаевичъ Иволгинъ. По странному-ли стеченію обстоятельствъ или съ предположенной заранѣе цѣлью, передніе ряды толпы, примыкавшіе къ дверямъ, ведущимъ въ волостную присутственную комнату, исключительно состояли изъ бывшихъ мастеровыхъ упраздненнаго Т... завода—самаго безпокойнаго элемента населенія, выработаннаго печальными условіями жизни. Всѣ они съ дѣтства выросли подъ игомъ обязательныхъ работъ и суроваго дисциплинарнаго обращенія, закалившаго ихъ до полной безчувственности къ физическимъ страданіямъ. Тяготѣвшій надъ ними въ былые дни гнетъ не забилъ ихъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, но развилъ въ каждомъ изъ нихъ стойкую самостоятельность, готовность оппозировать не тупо, а во имя убѣжденія, выработаннаго осмысленнымъ пониманіемъ дѣла. Этотъ, за немногими исклю-

ченіями, грамотный народъ, озлобленный экономическими условіями, въ какія онъ былъ поставленъ, былъ не безопасенъ. Народъ этотъ говорокъ и говорокъ, какихъ мало; ни къ кому такъ не подойдетъ пословица: „за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“, какъ къ нему. Отъ большинства его отступились и мировые посредники, и земская полиція, и названіе „заводскій“ умаляетъ въ каждомъ изъ начальствующихъ пылъ строптивости и побуждаетъ обходить ихъ, какъ людей „отпѣтыхъ“.

Комната, въ которой происходило свиданіе Егора Семеновича съ писаремъ, на этотъ разъ была чисто вымыта и убрана, на столы было постлано красное сукно и самый орелъ на зерцалѣ стоялъ прямо, прикрѣпленный воскомъ. Въ ней, кромѣ писаря съ помощниками, собрались и волостные чины въ суконныхъ зипунахъ и тиковыхъ халатахъ, съ привѣшенными на груди мѣдными знаками ихъ достоинства. Въ кругу ихъ стоялъ и Данило Иракліевичъ—въ силу почета, придаваемаго ему капиталомъ. Часу въ десятомъ пришелъ и Клементій Ивановичъ, чрезъ особенную дверь, прямо въ присутствіе. Выраженіе лица его было насмѣшливо, какъ и всегда, но въ глазахъ, сверкавшихъ изъ-подъ густой складки нависшихъ надъ ними бровей, выражалось слегка возбужденное состояніе. Съ появленіемъ его все стихло, и толпа глухо отозвалась на его привѣтствіе. Болѣе четверти часа прошло среди невозмутимой тишины. Народъ молчалъ, ожидая его слова; молчалъ и Клементій Ивановичъ, приготовляясь къ этому слову. Отъ вниманія его не ускользнула случайность, замѣченная и нами, что въ переднихъ рядахъ

стояли одни „заводскіе“, которыхъ онъ ненавидѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Но нужно сказать, что чувство это было взаимно и выражалось послѣдними въ каждой мелочи къ нему, даже въ такой мелочи, что когда проѣзжалъ онъ, то ему нарочно подпрягали худыхъ, изнуренныхъ лошадей, останавливавшихся на отдыхъ на каждой верстѣ, что было мучительно, при длинной и гористой дорогѣ, и—всегда приводило его въ бѣшенство.

— Ну, молодцы, кого-жъ вы надумали въ старшины себѣ? подходя къ дверямъ, у которыхъ стѣснился народъ, спросилъ онъ мягкимъ, насмѣшливо-заигрывающимъ голосомъ.

Въ толпѣ пронесся сначала гулъ, напоминавшій глухіе, сдавленные раскаты грома, какіе всегда предшествуютъ сильнымъ бурямъ, и вслѣдъ за нимъ зашумѣли и раскатились крики: „Бы-ычкова“! — „Шебалина-а“! послышался точно оторванный, но не менѣе сильный ударъ расходившейся грозы.—„Ащеулова“! внезапно крикнулъ гдѣ-то дискантъ, заглушенный общимъ хохотомъ массы и новыми криками: Бы-ычкова-а“!

— Къ лѣшему огуменника Шебалина, Еракову подпорку!...

— Медвѣдей пужать, што-ль, Бычкова-то садите? выразилось нѣсколько сильныхъ голосовъ.

— Плутовъ, што не плошъ медвѣдя зорятъ! Бы-ычкова-а! загудѣло и въ волости, и на улицѣ, подъ окнами вокругъ дома.—Шебалина-а! застонало не менѣе сильно въ ней, снова покрываемое неистовымъ ревомъ и съ улицы, и внутри.—Бы-ычкова-а! Бычкова-а-а!

Въ этой бушующей сценѣ было много и комическаго. Потныя, раскраснѣвшіяся отъ духоты и волненія лица дѣйствовали не однимъ горломъ. Колыхаясь въ тѣснотѣ и напирая то взадъ, то впередъ, сотни рукъ, поднимаясь вверхъ, упираясь и въ плечи, и въ головы впереди стоящихъ; каждый выкрикивалъ своего кандидата. Среди общаго рева нельзя уже было слышать, но можно было только догадываться по страдающему выраженію нѣкоторыхъ лицъ объ отдѣльныхъ вопляхъ: „о-ой сдавили!“, „а-а-ахъ, штобъ тѣ! ногу отнялъ... то-о-шнехонько“! Едва-ли найдется сила, которая-бы заставила смолкнуть говоръ и ревъ взволнованнаго народа. Какъ ни горячился, какъ ни топалъ ногами выходившій изъ себя Клементій Ивановичъ, все было напрасно: толпа и не замѣчала его, она и забыла о немъ, увлеченная своимъ дѣломъ, и голосъ его безслѣдно терялся въ этомъ хаосѣ, какъ теряется отдѣльная нота въ волнахъ звуковъ, несущихся изъ оркестра. Крики „Бычкова“! все болѣе и болѣе подавляли своимъ сильнымъ большинствомъ кандидатуру Шебалина и незамѣтно почти сливались въ одинъ общій голосъ.

Много прошло времени прежде, чѣмъ утихло вызванное волненіе.

— Отъ вашего реву не поймешь, кого вы больше хотите! заговорилъ Клементій Ивановичъ, когда впереди все утихло и только въ заднихъ рядахъ, да на улицѣ несся еще говоръ.—Ну, ты кого хочешь? спросилъ онъ стоявшаго впереди крестьянина, угрюмо, въ упоръ смотрѣвшаго на него.

— Бычкова! рѣзко отвѣтилъ тотъ.

— А ты? обратился онъ къ стоявшему рядомъ съ нимъ.

— Бычкова!

— Оно, ваше высокоблагородье, такъ надоть сказать, въ голосъ заговорили вдругъ въ переднихъ рядахъ, а вслѣдъ за ними и въ заднихъ,—што опричь Бычкова намъ никого не надоть.

— Шебалина, вашскоблагородье: о-обходительнѣй дѣло-то! раздалось вслѣдъ за тѣмъ въ толпѣ.

— Ераково прихвосье галдитъ вѣдь это, вашскоблагородье! снова подхватили впереди.

— Мо-о-олчало-бъ заводское мѣсиво, бродило-бъ въ своей пустой корчагѣ!..

— Аль березова-то каша не пріѣлась исшо? а-а-ахъ-ха-а!..

— Почемъ съ души Данило-то покупалъ васъ, а? закричали въ отвѣтъ передніе.

— Съ пуда онъ ихъ нонѣ купилъ, а не съ души...

— Нонѣ они въ цѣнѣ, парень, были: по копейкѣ со всѣми потрохами и требухой, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— Душу-то продавши и дерете горло за Шебалина: кабы свой голосъ-то былъ, такъ пожалѣли-бъ, а то чужой теперь, такъ чего жалѣть?—вотъ и натруждаете! неслись въ народѣ похвальныя другъ другу рѣчи, безъ какихъ, какъ мы и сказали ранѣе, не обходятся подобные сходы.

— Тсс... мо-олчать! Что это за перебранка? крикнулъ на нихъ, топнувъ ногой, Клементій Ивановичъ, — здѣсь сходъ, а не базаръ... мужичье!

Толпа притихла.

— Кто за Шебалина—поднимай вверхъ правую руку!

Болѣе сотни рукъ поднялось въ серединѣ толпы и заторчало въ воздухѣ. Остальные стояли неподвижно. По этому, принятому въ крестьянской средѣ, обычаю онъ увидѣлъ, что дѣло желаемаго имъ кандидата плохо. Большинство голосовъ оставалось за Бычковымъ.

— Остальные за Бычкова? спросилъ онъ.

— Бычкова! прогудѣло въ отвѣтъ ему.

— Хорошо! Слушайте-же, молодцы. Измѣнять ваше желаніе въ этомъ дѣлѣ никто не имѣетъ права...

— Благодаримъ покорно... дай вамъ Господи!.. пронеслось въ толпѣ.

— Мо-олчать, слушать, что я говорю! крикнулъ онъ.— По смыслу закона, началъ онъ, когда толпа стихла,—волостной сходъ обязанъ постановлять свои рѣшенія и выбирать волостныхъ начальниковъ не иначе, какъ съ согласія и утвержденія мироваго посредника; тѣмъ болѣе требуется это въ выборѣ волостныхъ старшинъ. Въ волостные начальники должны избираться лица съ безупречнымъ поведеніемъ, свободныя отъ всякихъ нарѣканій, и только тогда они утверждаются начальствомъ въ должностяхъ, въ какія избраны, когда посредникъ аттестуетъ ихъ достойными. Иначе кого-бы сходъ ни выбралъ, но если на утвержденіе его нѣтъ требуемаго закономъ согласія посредника, тогда избранный сходомъ человѣкъ отстраняется отъ должности—поняли?

— Поняли! пронеслось въ толпѣ.

— Мировой посредникъ обязанъ слѣдить за всѣми дѣйствіями волостныхъ начальниковъ, съ разстановкою продолжалъ онъ послѣ минутной паузы,—слѣдовательно на него должна падать и отвѣтственность за допущеніе къ этимъ должностямъ людей, которые хотя-бы и не бывали подъ судомъ и слѣдствіемъ, но почему-либо могутъ быть неблагонадежны. Поэтому законъ, давая вамъ полную свободу избирать изъ среды себя волостныхъ начальниковъ, какихъ вы сами желаете, въ то-же время требуетъ и согласія мироваго посредника на утвержденіе ихъ, какъ лица, непосредственно поставленнаго надъ вами, который, въ видахъ охраненія вашей собственной пользы, долженъ допускать въ волостные начальники людей дѣйствительно благонадежныхъ и достойныхъ этого званія, то-есть людей, которыхъ онъ находитъ достойными и благонадежными—поняли? снова спросилъ онъ.

— По-о-оняли! такъ-же отвѣтила толпа.

— Вы и сами знаете, молодцы, снова началъ онъ,—что до сихъ поръ наши выборы были неудачны: выбирали мы людей, кажись-бы, хорошихъ, а все подъ-конецъ они оказывались негодями...

— Это такъ точно, вашвыскоблагородье, пронеслось въ толпѣ,—справедлива рѣчь ваша!..

— Сами вотъ знаете, слѣдовательно и учить васъ нечего. Выбрали мы Клестерина,—мужикъ былъ прекрасный, честный, а теперь достойно и праведно сидитъ въ острогѣ; да и рѣдкій кончалъ благополучно: или, не дослуживъ срока, былъ выгоняемъ, или попадалъ подъ судъ. Такъ теперь ужъ,

молодцы, для вашей-же пользы я не допущу въ старшины человѣка, неблагонадежность котораго напередъ знаю. Мнѣ надоѣли ужь постоянныя ваши жалобы на волостныхъ начальниковъ и жалобы на нихъ полицейскихъ чиновниковъ; мировой съѣздъ заваленъ жалобами, да дѣлами о подсудности ихъ—это кладетъ черное пятно и на васъ, и на меня: на васъ потому, что какъ-будто по волости дѣйствительно нѣтъ хорошихъ людей, а на меня—что я смотрю сквозь пальцы и допускаю выбирать только однихъ негодяевъ. Отнынѣ этого не будетъ! Я Бычкова знаю лучше васъ, знаю, какія онъ заводитъ по волости пакости и кляузы, вооружаетъ васъ противъ властей, прикидывается честнымъ, желающимъ вамъ добра, для того, чтобъ пробраться въ старшины, да нажиться на вашъ-же счетъ. Этотъ человѣкъ извѣстенъ былъ за негодяя еще при горныхъ управителяхъ, и въ мое время успѣлъ уже показать себя. Бычкову не быть вашимъ старшиной, слышите? Мѣсто его не въ старшинахъ, а въ острогѣ, и онъ попадетъ въ него, это я вамъ говорю,—слышите?

— Слышимъ! пронеслось въ толпѣ.

— Ну, такъ я еще повторю вамъ, что онъ не будетъ старшиной: я не допущу этого; вы не пѣняйте на меня—я вамъ-же желаю добра; не хотите если Шебалина, хотя мужикъ этотъ, по моему мнѣнію, хорошій, умный, честный и вполнѣ достоинъ быть старшиной, — но если ужь не хотите его и не хотите ссориться со мной, а хотите послушать моего добраго слова, такъ выбирайте другаго, кого хотите, но только, еще разъ повторяю вамъ, не Бычкова!

Кончивъ свой длинный монологъ, Клементій Ивановичъ

вынулъ изъ кармана платокъ и вытеръ имъ засохшія отъ жара губы. Въ толпѣ царила мертвая тишина, не нарушаемая продолжительное время ни звукомъ, ни шелестомъ. Всѣ стояли неподвижно, или склонивъ головы, или переглядываясь другъ съ другомъ. Доводы Клементія Ивановича были такъ рѣзки, хотя и бездоказательны; но, главное, теперь вполнѣ выяснился передъ народомъ взглядъ его на человѣка, котораго онъ тайно ненавидѣлъ, и ненависть его была извѣстна только какъ слухъ, не подтверждаемый никакими фактическими доказательствами.

— Ну, что-жъ, молодцы, кого-жъ вы надумываете, а? снова спросилъ онъ, подходя къ нимъ.

Изъ переднихъ рядовъ выдвинулся впередъ, къ двери, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ лица, слегка испорченнаго оспой. Остановившись передъ Клементіемъ Ивановичемъ, онъ молча поклонился ему.

— Сказать что-нибудь хочешь, а? ласково спросилъ Клементій Ивановичъ, пристально осмотрѣвъ его рваный зипунъ, запачканный дегтемъ, и неказистые, перетянутые бичевками бродни.

— Съ вашего-бы дозволенія, вашвыскоблагородье, слова-бы два перемолвить! съ поклономъ отвѣтилъ тотъ.

— По своему дѣлу или сходъ тебѣ поручилъ говорить?

— Какія по нашему-то по хрестьянству порученія, вашскаблагородье? — назудитъ на душѣ-то, такъ и безъ разговоровъ знамъ, о чемъ міръ-то думатъ...

— Ну, говори, произнесъ онъ, снова пристально всмот-

рѣвшись въ фигуру мужика,—о чемъ міръ-то думаетъ, послушаемъ! съ ироніей добавилъ онъ.

— Одна у міра-то дума была, когда ты говорилъ-то намъ, што кабы эти слова-то твои, да Богу въ уши, штобы и взаболь завсе у насъ волостные-то были честные, да правдивые люди и начальство-то-бы завсе сажало намъ такихъ. Да нѣтъ, видно мы исшо не замолили у Господа Бога грѣховъ-то нашихъ, вашвыскоблагородье! со вздохомъ заключилъ онъ.

— Молитесь и отпустятся! съ ироніей отвѣтилъ ему Клементій Ивановичъ.

— Молимся, вашвыскоблагородье Клеменъ Иванычъ, и... и... слезно молимся, да все не угодимъ никакъ! Кто вотъ по нашему-то худому уму плутъ, такъ, вишь, тотъ тебѣ нравится, а путные-то изъ насъ тебѣ плутами кажутся, вотъ мы никакъ и не сведемъ концовъ, стало-быть и не терпитъ Господь грѣхи наши!

Клементій Ивановичъ покраснѣлъ и прикусилъ верхнюю губу.

— Объ энтомъ вотъ, вашвыскоблагородье, вся и дума мужичья, снова началъ онъ послѣ короткаго перерыва.— Вотъ мы слушали твои рѣчи про Егора-то Семеныча Бычкова, да по темнотѣ-то нашей никакъ въ толкъ не взяли, пошто онъ мошенникъ-то такой, по-твоему, какіе такіе грѣхи-то за нимъ?..

— Если я говорю, такъ, значитъ, знаю! сердито отвѣтилъ ему Клементій Ивановичъ.

— Оно извѣстно, ты — начальникъ; кому-же и знать

мужичью душу, какъ не начальству? съ смиренной, но худо скрытой ироніей отвѣтилъ крестьянинъ.—Не оставь ужь ты насъ, вашвыскоблагородье, своей милостью! съ низкимъ поклономъ продолжалъ онъ: — желательно-бы вотъ и міру-то знать, какіе такіе грѣхи-то за нимъ водятся? Міръ-то вотъ говоритъ, что и подъ присягу пойдетъ, што окромя путныхъ-то рѣчей ничего отъ него не слыхивалъ.

— Вотъ эти-то путныя, по-вашему, рѣчи его и непутны! тѣмъ-же тономъ прервалъ его Клементій Ивановичъ.

— Статься можетъ; а по нашему, по-мужичьи, такъ онѣ-бы ровно и шибко путны, вашвыскоблагородье! Точно, когда Петръ Степанычъ захотѣлъ-было съ міру по лѣсинкѣ на домъ сколотить, — говорилъ, что будто ты это наказывалъ, — ну, такъ Егоръ Семенычъ и поговорилъ съ нимъ тогды, штобъ онъ энту блажь выкинулъ, што у мужиковъ и лошадей нѣтъ даромъ лѣсъ возить на писарскій домъ. Такъ неужъ эта рѣчь и непутна была, вашвыскоблагородье? съ ироніей посмотрѣвъ на него, заключилъ крестьянинъ.— Оно точно, не потаимъ, снова продолжалъ онъ, съ тою-же ироніею глядя на покраснѣвшаго и кусавшаго губы Клементія Ивановича,— когда и медокъ стали-было на твою милость съ мужиковъ собирать, ну, такъ онъ сказалъ и тогды, што коли-де кто сладко ѣсть хочетъ, такъ пусшай и деньги на то припасаетъ; што пчела коли сладко ѣстъ, такъ она и робитъ досыта, а трутней-то, што даромъ къ меду ея лѣзутъ, убиватъ! Такъ неужъ и энта рѣчь его непутна была, вашвысокоблагородье?..

Звучный смѣхъ, прокатившійся въ толпѣ, прервалъ его.

— А ужь опричь его, вашвыскоблагородье, мы и не знамъ человѣка-то, снова началъ онъ;—отъ него мы за всегды и охрану-то видѣли... Оно точно, мы слыхали, што писарь да мужики-то, што по-богаче, шибко не долюбливаютъ его... Мно-ого тутъ они про него росказней-то пускали въ народъ, только все это, вашвыскоблагородье, по-нашему фальшъ одинъ, а на міру говорятъ, что на чужой ротокъ не накинешь платокъ... Мы ужъ изъ милости будемъ просить тебя, Клеменъ Иванычъ, не ломай ты нашей воли—дай намъ его! снова съ низкимъ поклономъ заключилъ онъ.

— Ты заводскій? вмѣсто отвѣта спросилъ Клементій Ивановичъ.

— Оно такъ точно: изъ мастеровыхъ.

— Знаю! Для того-то, вѣрно, и хлопочешь о немъ, что когда проворуешься иль набуйствуешь, такъ чтобъ онъ прикрылъ тебя. Знаю, знаю, что вы по себѣ его выбираете, сверкнувъ глазами и съ сильнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ, произнесъ онъ.—Вамъ честнаго не нужно, а мошенника, который-бы потакалъ вамъ, да прикрывалъ васъ!

— Мошенниковъ-то, ты вашвыскоблагородье около себя пошарь, скорѣе въ нихъ завязнутъ руки-то! „вырвалось вдругъ изъ толпы въ отвѣтъ ему“: тебѣ это честныхъ-то не надо, а не намъ!..

— Что-о-о?.. „протянулъ поблѣднѣвшій клементій Ивановичъ...“ это кто тамъ говоритъ поди сюда!..

— Чей-бы языкъ не сказалъ все равно... была-бы правда!.. пронесся тотъ-же голосъ... среди общаго мертваго молчанья.

— Поди сюда!.. Кто это тамъ, ребята, говоритъ... обратился онъ къ толпѣ... голосъ его дрожалъ... и даже... повсему тѣлу было замѣтно пробѣжавшая отъ сдавленнаго бѣшенства дрожь.

Толпа молчала и не шевелилась.

— Васъ я спрашиваю или нѣтъ, што-жъ вы молчите, мерзавцы!.. не владѣя уже собою, крикнулъ онъ.

— Ты не ругайся, вашвыскоблагородье! за кипѣло вдругъ среди взволновавшагося, народа „здѣсь сходъ", аль по твоему мы не люди, што, окромя брани, съ нами и рѣчи нѣтъ!

— Што ты ругашь-то насъ... снова вырвался изъ толпы тотъ-же одинокій голосъ „всѣ-то у тебя мошенники, да подлецы, только и словъ слышно... за што ты поносишъ-то?... Неужъ ты начальствомъ-то на то и приставленъ... штобы только ругать, да лаять...

Клементій Ивановичъ стоялъ, совершенно парализованный предъ волнующейся толпой. Долго-ли-бы продолжалась и чѣмъ-бы кончилась эта сцена—трудно сказать. Въ эту минуту... крайне напряженныхъ съ обѣихъ сторонъ отношеній толпа внезапно смолкла, заколыхалась и налегла на дверь, уступая дорогу... пріѣхавшему въ волость Егору Семеновичу. Съ усиліемъ протѣснившись въ ней онъ сталъ впереди и поклонился Клементію Ивановичу. На немъ былъ тотъ-же халатъ, опоясанный кумачнымъ кушакомъ и тоже неизмѣнно-спокойное, самообладающее выраженіе въ лицѣ. Онъ стоялъ предъ нимъ цѣлою головою высясь надъ толпой, затихшей сзади его.—Клементій Ивановичъ молча обмѣрялъ его взглядомъ,

не предвѣщавшимъ ничего хорошаго, въ немъ промелькнуло со всею силою то выраженіе, какое невольно побуждало каждаго сторониться отъ него, опасаться его.

— Ты зачѣмъ сюда пришолъ... что тебѣ нужно? тихо сдержанно спросилъ онъ, забывъ о своемъ приказаніи.

— Нарочный сказывалъ... што вы требовали меня къ вашей милости!...

— А-а да-да... хорошо!.. Ты што это голубчикъ творишъ тутъ, а?.. тѣмъ-же сдавленно-притихшимъ голосомъ спросилъ онъ... ты по какому праву врываешься въ волость, когда тебя не требуютъ... и дозволяешь себѣ безчинства въ ней, а?..

— Я... въ первой отъ васъ... о безчинствахъ-то и слышу вашевыскоблагородье!.. изумленно глядя на него... отвѣтилъ онъ.

— Ты имѣешь право, а?.. прежде суда и слѣдствія порицать предъ народомъ дѣйствія волостныхъ начальниковъ, писаря и мои?.. не слушая его, снова спросилъ онъ.

— Всякой человѣкъ, кажись, вашевыскоблагородье... воленъ говорить о томъ чего знаетъ и видитъ!.. Неужъ въ энтомъ и безчинство мое, што я съ писаремъ ономнясь поговорилъ!.. съ иронiей спросилъ онъ...

— Не въ томъ, что ты съ писаремъ поговорилъ... говорить съ нимъ никому не воспрещается, а въ томъ, о чемъ ты поговорилъ съ нимъ!..

— Объ однихъ плутняхъ его... только.

— Въ толпѣ прокатился смѣхъ.

— Безчинникомъ я вашевыскоблагородье не былъ...

да можетъ Богъ сохранитъ и не буду имъ!.. продолжалъ между тѣмъ Егоръ Семеновичъ. Вотъ онъ и опять сплутовалъ, што не такъ на жалобился вамъ, какъ бы слѣдовало. Вѣдь тутъ народъ былъ, вашевыскоблагородье, видѣлъ, врывался-ли я носильно въ волость, а о чемъ я говорилъ съ нимъ, такъ я вашвыскоблагородье не отопрусь, а коли вашей милости будетъ угодно и тепереча при всемъ честномъ народѣ повторю!..

— Ну, я съ тобой объ этомъ не буду разговаривать... съ тобой поговоритъ объ этомъ судъ!..

— Судъ такъ судъ, на все Божья воля... да начальства вашевыскоблагородье... не привыкать ужъ мнѣ къ энтимъ-то угрозамъ... съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ онъ.

— А-а!.. Такъ ты думаешь, што я только грожу?..

— Сами вашвыскоблагородье изволили сказать, что я подъ судъ пойду, вотъ я и спрошу вашу милость не во гнѣвъ вамъ, за што-же энто подъ судъ-то меня отдадутъ, какія провины-то мои, што угнетенія-то на меня такія?..

— Ну... мы потомъ поговоримъ, теперь не время...

— Нѣтъ вашвыскоблагородье теперь и самое время... Пусть весь честный народъ слышитъ, въ чемъ мои провины, убилъ-ли я кого, своровалъ-ли што, непокорство-ли какое предъ начальствомъ сдѣлалъ?.. Пустай всѣ слышутъ за што я изъ мошенниковъ мошенникъ сталъ, неужъ вы думаете вашвыскоблагородье, дрожащимъ уже голосомъ говорилъ онъ, што я мужикъ, такъ у меня и душа не болитъ, какъ порочатъ-то меня, какихъ только каторгъ мнѣ не насулили, да цѣпей...

— И надѣнутъ, будь увѣренъ... свое найдешъ... произнесъ, прервавъ его Клементій Ивановичъ, надѣнутъ!.. стиснувъ уже зубы повторилъ онъ...

— Э-э-эхъ вашвыскоблагородье... суди меня Богъ и великій государь, коли ужъ есть вины за мной, много честнаго народу въ цѣпяхъ-то ходитъ, не я первый буду, не я послѣдній...

— Што-о-о... што... што-о... повтори!... протянулъ Клементій Ивановичъ... остолбенѣвъ... и растерявшись... „взять его“! крикнулъ наконецъ онъ, обратившись къ неменѣе растерявшимся волостнымъ начальникамъ и писарю, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него послѣдними словами Бычкова.

Одинъ изъ волостныхъ засѣдателей, повинуясь приказанію его—подошелъ къ Бычкову и взялъ его за руку...

— Я и самъ пойду, куда велятъ! спокойно отвѣтилъ онъ и сдѣлалъ шага два отъ толпы... но въ толпѣ въ это время точно что-то дрогнуло...

— За што это брать его... куда! раздались голоса въ ней, и толпа внезапно налегла на дверь...

— Чего онъ такое сдѣлалъ, што взять его!.. все громче и громче заговорили впереди ея... напирая къ двери, нѣтъ живаго-то человѣка мы хоронить не дадимъ... ты на перво скажи намъ, за што его взять велишъ, аль што міръ захотѣлъ честнаго мужика надъ собой имѣть, охрану въ немъ видѣть правды на рубли не покупать, такъ и брать его и сажать... за то вѣрно онъ и мошенникъ, што писарю воровать не даетъ да надъ бѣдностью... богатымъ глумиться...

што по двугривенному мужичьи души покупали... за энто мы рыть живаго человѣка не дади-имъ. Ты допрежъ цѣпи-то да острогъ для писаря припаси съ его богатой прихвосней...

Растерявшись слушалъ эти энергичные... сыпавшіеся градомъ крики... Клементій Ивановичъ... и не дослушалъ ихъ, блѣдный отъ безсильной злобы, надѣлъ фуражку и быстро вышелъ изъ волости, сопровождаемый писаремъ. Съ уходомъ его сходъ зашумѣлъ неудержимымъ потокомъ, и никто не замѣтилъ, что Клементій Ивановичъ, приказавъ писарю и кандидату по старшинѣ не распускать схода впредь до особаго распоряженія, уѣхалъ обратно въ городъ, миновавъ волость, окольной дорогой.

Похожій на бѣгство отъѣздъ его произвелъ на крестьянъ сильное впечатлѣніе, особенно распоряженіе его не распускать схода. „Какъ-же это, братцы? чего-же будетъ съ нами, чего это дѣется на свѣтѣ-то? Ну, и поря-я-дки!“ говорили они, съ изумленіемъ похлопывая руками по бедрамъ. — „Кто-же теперя старшиной-то будетъ? диво-же это!“ спрашивали они другъ друга. Другіе-же, болѣе положительные, присоединяли къ этому и другой вопросъ: „докуда-же намъ жить-то? Ѣхали на день, а живемъ три, а все исшо никакого распорядка нѣтъ! А теперь время такое, что и минута дорога; пропустишь ее, такъ опосля ни за какія деньги не купишь!“ И шолъ у нихъ въ этихъ взаимныхъ вопросахъ, да разсужденіяхъ день за днемъ, а распоряженія относительно схода и утвержденія старшины все еще не выходило. Не послѣдовало никакого распоряженія и о Бычковѣ, и на другой день онъ уѣхалъ домой, но послѣ этого

столкновенія мрачныя предчувствія о своемъ будущемъ не обманывали его.

Прошло шесть дней въ этомъ съ часу на часъ ожиданіи, что вотъ-де скажутъ-же что нибудь, но все напрасно Писарь заперся и не показывался народу. Скучали вмѣстѣ съ народомъ и волостные чины. Погода все время стояла ясная, жаркая—самая благопріятная для работъ. У каждаго оставались вспаханныя, но незасѣянныя поля, а кто засѣялъ, тотъ не успѣлъ заборонить, и зерно, оставаясь наверху, дѣлалось добычею птицы. У каждаго было вдоволь работъ; уѣхать-же самовольно удерживалъ страхъ отвѣтственности; конечно, нашлись такіе смѣльчаки, что уѣхали втихомолку, махнувъ рукой и на мірское дѣло: „что, вѣдь міръ не напоитъ, не накормитъ, поля засѣять не поможетъ, какъ время-то упустишь!“ Но большинство все-таки ждало, становясь въ тягость своякамъ и знакомымъ, у которыхъ нашло пріютъ. „Да—докуда-жъ это будетъ, чего-жъ это дѣютъ-то съ нами, братцы?“ все громче и громче раздавалось среди нихъ, и на седьмой день это неудовольствіе перешло въ открытый ропотъ. Собрался сходъ въ волость и послалъ за писаремъ. Писарь не пошолъ, отозвавшись болѣзнью. Послали въ другой разъ—тотъ-же отвѣтъ. Пошло человѣкъ семь крестьянъ къ нему на домъ.

— Чего-жъ это дѣете съ нами? докедова-жъ это держать-то насъ будете, скажи ты намъ? спросилъ вышедшаго къ нимъ съ обвязанной головой Петра Степановича тотъ самый энергичный говорокъ, слова котораго такъ сильно повліяли на Шлепфельда.

— Я ничего не знаю: вы сами знаете, что вѣдь это не въ моей волѣ, отвѣтилъ онъ.

— Ты не знашъ, другой не знатъ, такъ кто-жъ знать-то будетъ? Чего-жъ вы держите насъ, вѣдь теперь, ты самъ знашь, какое время-то: не токма день, а часъ-то дорогъ, а вѣдь ужь вотъ, слава, тѣ Господи, сегодня семой денекъ ни за што проѣдаемся! А што какъ непогодь ударитъ, какъ ты робить-то будешь тогда? а упустишь ты время, да неурожайно отъ этого будетъ, такъ кто насъ кормить-то опосля станетъ, а?..

— Што-жъ вы ко мнѣ-то пристаете—развѣ это моя вина? оправдывался писарь.

— Ты—писарь?

— Што-жъ, што писарь?

— Какъ, што? Ты заодно съ посредникомъ дѣла-то дѣлашь, ты и должонъ знать, чего онъ насъ держитъ, чего добиватся-то отъ насъ.

— Спросите его, а я ничего не знаю!

— Такъ энто исшо къ нему въ городъ ѣхать?

— Конечно, ѣхать въ городъ; выберите кого-нибудь, да и пошлите къ нему, а я ничего не знаю.

— Энто ты исшо пошлешь къ нему, а онъ возметъ, да въ острогъ посадитъ?.. пытливо допрашивали они.

— И этого ничего не знаю, посадитъ или нѣтъ, сами лучше должны знать.

— Ну, и порядки, а-ахъ ты, братецъ, а? Вотъ тѣ и поря-я-ядки! хлопая руками по бедрамъ, говорили депутаты, возвратившись на сходъ. Но дѣло отъ этого все-таки не

подвинулось впередъ. Много и шумно говорили они, шумно до того, что другой и самъ не слыхалъ своихъ словъ, пока порѣшили послать за спросомъ къ Клементію Ивановичу. Налегъ сначала міръ съ своей просьбой ѣхать на кандидата по старшинѣ, но тотъ, какъ человѣкъ весьма тактичный, притворился больнымъ до того, что не могъ слѣзть съ печи; на-силу удалось уговорить имъ одного изъ волостныхъ засѣдателей и двухъ выбранныхъ общимъ голосомъ крестьянъ принять на себя эту миссію.

Прошло еще пять дней въ мучительномъ ожиданіи отвѣта. А сходъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ замѣтно рѣдѣлъ отъ самовольно отъѣзжавшихъ крестьянъ, махнувшихъ, наконецъ, рукой „на всѣ эти порядки“. Но большинство все еще ждало, тоскливо посиживая съ утра и до ночи у волостнаго крылечка и у церковной ограды и поглядывая на дорогу, узкой лентой вившуюся въ гору. Заходили другіе и къ мѣстному священнику, отцу Ефиму, поговорить о своемъ мірскомъ дѣлѣ и послушать его совѣта. Но отецъ Ефимъ былъ человѣкъ осторожный и не податливый, въ подобныхъ дѣлахъ, на совѣты. Онъ или молчалъ, съ улыбкой посматривая на волнующихся крестьянъ, или отклонялъ разговоръ на посторонніе предметы. И уходили они отъ него, говоря, втихомолку, „што тугой-же на—слово человѣкъ отецъ Ефимъ, ой-оой!“ Ночью на шестые сутки возвратились посланные, и на утро передали съ нетерпѣніемъ собравшемуся сходу немногословное рѣшеніе Клементія Ивановича.

— Когда хотятъ выбрать Шебалина, то пусть выби-

раютъ и разъѣзжаются. Бычкова-же я не допущу и донесу начальству объ ихъ неповиновеніи.

Молча выслушалъ сходъ эти полновѣсныя слова и задумался. Да и было надъ чѣмъ. Не обошлось, конечно, и безъ говора, и говора рѣзкаго, желчнаго, не обошлось и безъ аханья, и безъ любимаго, многовыражающаго у крестьянина жеста—похлопыванья себя руками по бедрамъ. Но все это въ концѣ концовъ привело къ тому, что многіе уѣхали молча, другіе-же подали свой голосъ за Трофима Кириловича, и къ вечеру того-же дня шумное село опустѣло, и всѣ дороги и тропинки усѣялись народомъ; ѣхавшимъ по домамъ и громко толковавшимъ о наставшихъ порядкахъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ выбора старшины, какъ по волости распространилась вѣсть объ арестѣ Бычкова, и снова разлились въ народѣ тѣ-же зловѣщіе слухи и предвѣщанія, на этотъ разъ небезосновательные. Онъ, дѣйствительно, былъ посаженъ въ тюрьму при волости, по приказанію Шлепфельда. Къ нему не допускали для свиданія ни жены, ни сына, не говоря уже о другихъ родныхъ и постороннихъ лицахъ, сохранившихъ къ нему привязанность. Арестъ его поразилъ всю семью, заживо оплакивавшую его. и губительно отразился на хозяйствѣ. Произвелъ онъ впечатлѣніе и на народъ. „Ну-у таперя попалъ въ руки, такъ ужъ...“ и не договаривали крестьяне, а только съ сожалѣніемъ покачивали головами. Про себя, втихомолку,

другой и прибавлялъ: „съѣли-де мужика, ни за што съѣли“, но о защитѣ его никто изъ нихъ не смѣлъ и думать. Насколько сильно было въ массѣ участіе къ нему, настолько сильна была и радость враговъ его, особенно Слатвинскаго, гордо поднявшаго голову и возвысившаго голосъ послѣ выборовъ. И чего ему было опасаться теперь, когда старшиной сидѣлъ Трофимъ Кириловичъ, человѣкъ кроткій и податливый на всякіе совѣты, съ которымъ онъ и ранѣе находился въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ? Произволъ Слатвинскаго, вытекавшій изъ мщенія Бычкову, простирался до того, что доставляемыя ему родными его пища и бѣлье не доходили по назначенію; ему не передавали даже и подаяній, какія приносили къ нему крестьяне, помнившіе его хлѣбъ-соль и уважавшіе его. Сама стража къ нему была приставлена, по выбору писаря, изъ людей надежныхъ, которые ни въ чемъ не нарушали предѣловъ данной имъ инструкціи. Егоръ Семеновичъ, какъ и всѣ арестанты, питался на мірской счетъ *) Вообще арестанты, содержащіеся при волостныхъ тюрьмахъ, терпятъ чуть-ли не худшую

---

*) Продовольствіе арестантовъ, содержащихся при волостныхъ правленіяхъ, производится двоякимъ образомъ. Иногда, при отдачѣ обществомъ съ торговъ земской гоньбы и земской квартиры для остановокъ чиновниковъ, общество обязываетъ этихъ подрядчиковъ за ту-же сумму продовольствовать волостныхъ сотниковъ, состоящихъ при волости для развозки почты, для разсылки нарочными и для составленія стражи при арестованныхъ, а также продовольствовать и самихъ арестованныхъ. Если-же не существуетъ подобнаго уговора съ подрядчиками, то арестованные въ такихъ случаяхъ продовольствуются всею деревнею по-очередно, т. е. сегодня у одного крестьянина, завтра у другого. Нечего и

долю, чѣмъ въ острогахъ, не отъ одного недостатка въ пищѣ, но и отъ помѣщеній,—узкихъ, низкихъ, лишенныхъ свѣта, едва-проходящаго чрезъ маленькое, загороженное рѣшоткою, отверстіе въ двери. Обыкновенно подъ тюрьму отдѣляется обширная комната, раздѣленная перегородкою на-двое; въ перегородкѣ этой и устраиваются двери, ведущія въ казематы, похожіе скорѣе на клѣтки, чѣмъ на комнаты. Арестантъ можетъ только сидѣть въ ней или лежать, потому что отъ наръ, замѣняющихъ ему койку, до двери пространства не болѣе шагу; въ другой половинѣ комнаты помѣщается стража, и часто вся-то эта комната освѣщается однимъ окошкомъ съ двойными рамами, безъ всякихъ признаковъ форточки или другихъ вентиляторовъ, о которыхъ не имѣютъ и понятія сельскіе архитекторы. Вонь, духота отъ махорки, а зимою отъ прѣющей одежды, просушиваемой у печи, и постоянный угаръ,—вотъ что вдыхаютъ въ себя несчастные узники. Мы не говоримъ о паразитахъ, массами развивающихся отъ нечистотъ, въ какія брошены заключонные **); для пойманныхъ бродягъ, содержащихся

говорить, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продовольствіе ихъ бываетъ скудное, состоящее изъ щей съ крупой, да капустой, а иногда и просто изъ кваса съ лукомъ, да молока. Положеніе этихъ арестантовъ было-бы ужасно, если-бъ всегда добрый, всегда сочувствующій несчастію простолюдинъ не облегчалъ его своими подаяніями.

**) Автору нерѣдко приводилось видѣть на тѣлѣ подсудимыхъ, содержащихся при волостныхъ тюрьмахъ, раны, происходящія отъ скопленія паразитовъ; единственная мольба этихъ несчастныхъ съ перваго-же слова заключалась въ дозволеніи сходить въ баню и дать хоть какое-нибудь подобіе рубахи для перемѣны.

иногда мѣсяцъ два прежде, чѣмъ произведется слѣдствіе, волостная тюрьма есть чистилище, предшествующее переходу его въ рай, т. е. въ острогъ. Тамъ по крайней мѣрѣ, онъ не лишенъ свѣта да и представляется возможность ходить; тамъ ему дадутъ рубаху и другое бѣлье, взамѣнъ истлѣвшаго на немъ и потерявшаго всякое подобіе бѣлья. И, что всего ужаснѣе, эти тюрьмы лишены всякаго контроля и вниманія: въ нихъ никто и никогда не заглядываетъ!

Напрасно протестовалъ Егоръ Семеновичъ, требуя къ себѣ писаря, чтобъ узнать, наконецъ, въ чемъ его вина, за что онъ содержится, наконецъ, будетъ-ли какое слѣдствіе и судъ, чтобъ прекратить томительную пытку заключенія въ тѣсной и смрадной тюрьмѣ, — томительную тѣмъ болѣе, что онъ ничего не зналъ о своихъ домашнихъ: живы-ли они, здоровы-ли? Какъ идетъ хозяйство? Для домовитаго крестьянина въ этомъ вопросѣ заключается все его насущное, и тѣмъ болѣе для него, для пчеловода, оторваннаго въ дорогую пору роенія пчелъ. Все было напрасно: писарь не шелъ и окружающіе его оставались глухи на всѣ его просьбы и мольбы. Напрасно прибѣгали съ слезной просьбой къ писарю жена его и сынъ, давали ему деньги, чтобъ допустить для свиданія съ нимъ. Онъ не взялъ и денегъ. Ѣздили они и въ городъ съ тою-же просьбою къ Шлепфельду, но ихъ и не допустили до него. Нерадостныя-бы вѣсти передали они Егору Семеновичу. Хозяйство падало, лишенное такихъ сильныхъ рабочихъ рукъ, какъ его. Много пчелъ сгибло, вслѣдствіе вкравшейся отъ недосмотра неопыт-

наго въ этомъ дѣлѣ сына болѣзни, среди крестьянъ извѣстной подъ названіемъ „гнилецъ“. Рои удались, но большая часть ихъ, также отъ недосмотра, слетѣла въ тайгу. Одному сыну и невозможно было слѣдить въ одно и то-же время и за пасекой, находившейся въ пятнадцати верстахъ отъ деревни, и заниматься лежавшими на немъ полевыми работами; нанять-же въ помощь работниковъ не было средствъ. Подать просьбу?—но кому и о чемъ—они и не знали еще, да и опасались, чтобы не надѣлать чего-нибудь для него худшаго своими жалобами. Про него-же говорилось такъ много, а почемъ-же имъ было знать, правъ онъ или виноватъ? Егоръ Семеновичъ не любилъ дѣлиться съ ними своими тайнами.

Болѣе всѣхъ торжествовалъ Данило Иракліевичъ. Самолюбіе его было вполнѣ удовлетворено избраніемъ Шебалина. Радовался онъ и аресту Егора Семеновича, который лично для него не сдѣлалъ ничего дурнаго. Но таково ужь свойство человѣческой природы—радоваться несчастію людей, въ которыхъ можно предвидѣть своихъ враговъ, радоваться паденію правды и добра, выступающаго еще ярче отъ сознанія въ самомъ себѣ однѣхъ темныхъ сторонъ.

— А-а-ахъ-ха-ха-а-а! говорилъ онъ каждому, навѣщавшему его,—съ кѣмъ выдумалъ тягаться, съ Клеменомъ Иванычемъ, а?! Да его што-ись и чиновники-то опасаются, потому съ силой онъ человѣкъ, а то мужикъ, а-а-ахъ-ха-ха-а-а! Посиди-ко вотъ теперь, извѣдай, каково оно супротивъ начальства-то строптивиться!

Добившись своей цѣли, Трофимъ Кириловичъ не выра-

жалъ явно своего удовольствія. По возвращеніи изъ города, узнавъ о своемъ выборѣ, онъ поѣхалъ представиться Шлепфельду и удостоился лестнаго и многоназидательнаго пріема. Сознавая, что онъ избранъ противъ воли и желанія народа, Трофимъ Кириловичъ употребилъ всю свою тактичность, чтобъ загладить въ немъ это непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что оно родилось противъ него въ виду происковъ Данилы Иракліевича, изъ антагонизма посреднику и писарю и отъ сопоставленія его съ личностью Бычкова, любимаго и желаемаго народомъ. Собственно противъ него, какъ мы видѣли и ранѣе, большинство крестьянъ не имѣло ничего и даже всегда отзывалось о немъ съ хорошей стороны. Людей, какъ Матвѣй Степановичъ Тарасовъ, глубже глядѣвшихъ и вдумывавшихся въ дѣйствія его и, слѣдовательно, составившихъ о немъ должную оцѣнку, было немного, да и народъ-то этотъ былъ несильный, невліятельный, чтобъ вредить ему своими вѣрными заключеніями. И вотъ Трофимъ Кириловичъ первые шаги своей дѣятельности началъ съ горькихъ жалобъ предъ крестьянами: „что его посадили насильно, что онъ Богъ знаетъ чего-бы не далъ, чтобъ только снять съ себя это иго! Слышалъ народъ эти жалобы при всякомъ удобномъ случаѣ, видѣлъ печаль, какою убивается человѣкъ, да и началъ вѣрить: „что, и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-же виноватъ мужикъ-то, коли насильно посадили?.. вишь вѣдь порядки-то наши какіе!“ О томъ-же, какъ Данило Иракліевичъ съ компаньонами задавалъ деньги, чтобъ привлечь крестьянъ на его сторону, Трофимъ Кириловичъ молчалъ, какъ-будто все это дѣлалось безъ его вѣдома, на-

родъ-же толковалъ и вкривь и вкось, никакъ не дого ва риваясь до дѣла. Въ первоначальной дѣятельности его крестьяне также не замѣчали ничего дурнаго; его внимательность къ каждой мелочи, касающейся ихъ, къ каждой ихъ просьбѣ, обѣщала имъ толковаго и правдиваго старшину, и заговорили крестьяне: „мотри-ко, Трофимъ-то, пожалуй-што, и выровняется, мужикъ-то и добрый будетъ!“ Скоро заговорили съ удивленіемъ про него и зажиточные крестьяне, радовавшіеся старшинѣ изъ своихъ: удивленіе ихъ вызывала изумительная дѣятельность его. Онъ вездѣ поспѣвалъ: во-время велъ и свои дѣла, и дѣла Данилы Иракліевича, и въ то-же время его постоянно можно было встрѣтить въ волости. Въ какой-бы дальней деревнѣ какое-бы ни случалось происшествіе, онъ первый пріѣзжалъ туда, едва узнавалъ о немъ. „Вотъ это старшина!“ говорили они; то-же повторяли и земскіе чиновники. Трофимъ Кириловичъ ловко умѣлъ предугадывать ихъ желанія и, не роняя своего достоинства и достоинства мироваго посредника, дѣлалъ все угодное для нихъ. Ихъ лестные отзывы о немъ вызывали на уста Клементія Ивановича самодовольную улыбку. Но болѣе всѣхъ былъ доволенъ новымъ старшиною Данило Иракліевичъ: добившись почетнаго званія, онъ не только не забылся передъ нимъ, но сдѣлался болѣе услужливымъ и почтительнымъ къ нему.

— Ну, Трофимъ, усчастливилъ-ли я тебя теперича, а?.. часто спрашивалъ онъ его въ порывѣ самодовольства.

— А-ахъ, Данило Ераклычъ, то-ись ты мнѣ такое те-

перича дѣло сдѣлалъ, што и-и слова-то такого не подберешь какъ и чевствовать тебя!

— И чевствуй! а ты исшо не хотѣлъ служить, а?.. Ужь ты должонъ-бы знать, што коли я чего дѣлаю, такъ стало-быть хорошо!

— Энто ину пору, Данило Ераклчъ, пораздумаешься, да вспомнишь все-то, всю-то твою милость, снисхожденье-то ко мнѣ, такъ индѣ сердце взыграетъ!.. чѣмъ это, думаю, только заслужить-то мнѣ?

— Будь, говорю, только завсе въ покорствѣ, Трофимъ, почтителенъ, и не такъ исшо усчастливлю я тебя!

Когда къ Данилѣ Иракліевичу обращался кто-нибудь изъ крестьянъ съ просьбою, то, выслушавъ его, онъ многозначительно произносилъ: „поди къ Трофиму, къ старшинѣ-то вашему, скажи, што я ему приказалъ сдѣлать это тебѣ!“ Крестьянинъ, конечно, шелъ къ старшинѣ и буквально передавалъ ему эти слова. И Трофимъ Кириловичъ исполнялъ подобныя начальственныя приказанія Данилы Иракліевича. Послѣднему льстила болѣе всего такая покорность старшины, выказываемая ему передъ другими. Но какъ-же былъ доволенъ онъ, когда въ одно изъ посѣщеній Шлепфельдъ высказалъ ему: „а твой Трофимъ, братъ, молодецъ: имъ всѣ довольны!“

— Што не говорилъ-ли я тебѣ, Клеменъ Иванычъ, што экого мужика поискать, да и поиска-ать, а?

— Молодецъ!

— Вотъ ты и должонъ теперь знать, што ужъ коли я чего тебѣ говорю, такъ стало-быть ужъ добро. Добра,

говорю, желаю, а ты только слушай меня, въ накладѣ не будешь! хвастливо говорилъ онъ.

Но Клементій Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, только съ ироніей посмотрѣлъ на него.

Въ такомъ, пріятномъ настроеніи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ Бычкова, прошло около пяти мѣсяцевъ. Съ компаньонами Трофимъ Кириловичъ, со времени послѣдняго свиданія съ ними, сближался все тѣснѣе и тѣснѣе, отчасти посвящая ихъ и въ свои дальнѣйшіе планы, особенно Вешнякова. Они поняли другъ друга, обоюдность своихъ интересовъ, и объ условіи болѣе не было и помину. Поставка хлѣба отъ нихъ шла дѣятельно, а осенью и крестьяне, забравшіе деньги, постепенно подвозили его. Были и въ этотъ разъ, какъ всегда, случаи, что иные изъ нихъ поставляли половину, другіе и третью часть, взамѣнъ условленнаго количества и забранныхъ впередъ денегъ, но Трофимъ Кириловичъ не налегалъ на подобныхъ недоимщиковъ и отнесся къ нимъ съ большею снисходительностью, чѣмъ въ былое время. Ему нужно было укрѣпиться, заискать расположеніе къ себѣ и у этихъ бѣдняковъ.

Только положеніе Егора Семеновича не измѣнилось: несмотря на всѣ его протесты, онъ содержался уже пятый мѣсяцъ, и о немъ какъ-будто забыли. Здоровый, крѣпкій организмъ его пошатнулся наконецъ. Онъ похудѣлъ, сгорбился, въ волосы прокралась сѣдина, и морщины одна за другой пролегали на лбу его. И, вѣроятно, долго-бы еще содержался онъ, если-бъ не выручилъ его случай. Тайно, чрезъ какого-то благодѣтельнаго сотника, ему удалось вы-

просить свиданіе у проѣзжавшаго на слѣдствіе засѣдателя. Тотъ посѣтилъ волость и, къ крайнему удивленію Слатвинскаго, спросилъ: гдѣ и за что содержится крестьянинъ Бычковъ?—и получилъ въ отвѣтъ: по распоряженію мирового посредника. Никогда и никому не кланялся въ ноги Егоръ Семеновичъ, но тутъ поклонился и со слезами на глазахъ просилъ заступничества, разсказавъ свою незамысловатую исторію. Тронула-ли исторія его засѣдателя, или, какъ молодой человѣкъ, неуспѣвшій еще опуститься и не только неподдавшійся вліянію Клементія Ивановича, но, напавъ при слѣдственныхъ дѣлахъ на слѣды многихъ неблаговидныхъ дѣйствій волостныхъ чиновъ и зная источникъ ихъ, слегка подбиравшійся и къ самому Клементію Ивановичу, засѣдатель обратился къ нему отношеніемъ: „за что именно содержится крестьянинъ Бычковъ подъ строжайшимъ арестомъ, такъ-какъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, находящихся въ производствѣ у него, никакого дѣла о Бычковѣ, влекущаго за собой мѣры лишенія свободы, не имѣется?“ Клементій Ивановичъ, опираясь на свой авторитетъ, отношеніе его оставилъ безъ всякаго отвѣта. Презрительное молчаніе его, длившееся болѣе мѣсяца, затронуло самолюбіе засѣдателя и онъ вошелъ вторично съ тѣмъ-же вопросомъ, только добавивъ, что, въ противномъ случаѣ, имъ, помимо окружнаго стряпчаго, будетъ донесено объ этомъ губернскому прокурору и губернатору, такъ-какъ подвергать такому долговременному заключенію безъ суда и слѣдствія въ законѣ нѣтъ указаній. Послѣдняя угроза подѣйствовала на Шлепфельда: онъ струхнулъ и далъ отвѣтъ, достойный своей

политики: „что ему ничего неизвѣстно, за что, кѣмъ и когда посаженъ подъ арестъ крестьянинъ Бычковъ“. Возникшія между властями пререканія и спасли его. Его выпустили. Но гоненія этимъ не кончились: не въ характерѣ Клементія Ивановича было забывать и оставлять въ покоѣ человѣка, нанесшаго ему какое-нибудь оскорбленіе. Мы не будемъ говорить о томъ, что почувствовалъ Егоръ Семеновичъ при видѣ своего упавшаго хозяйства, возстановить которое въ прежней полнотѣ нужны были годы усиленнаго труда и сбереженій. Не будемъ говорить и о томъ, какой нравственный переломъ произвелъ на него арестъ. Онъ не лишился уваженія и сочувствія окружающихъ, потому что не въ натурѣ русскаго простолюдина отталкиваться отъ несчастія, но боязливость и таинственность, въ какой выражались они изъ опасенія вызвать преслѣдованія и на себя, — больнѣе отдавались въ немъ, чѣмъ если-бъ и совсѣмъ ихъ не было. Явно, отъ него сторонились, какъ отъ зараженнаго, не рѣшаясь переступить и порога всегда привѣтливаго дома его. Подобныя отношенія неминуемо развиваютъ въ людяхъ болѣзненную наблюдательность и неизмѣнную съ нею мнительность, гдѣ каждому слову, взгляду, жесту невольно придается особый смыслъ, нерѣдко совершенно ошибочный, въ каждомъ человѣкѣ видится скорѣе врагъ, чѣмъ другъ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, избѣгалъ людей, опасаясь самыхъ ничтожныхъ столкновеній съ ними. Онъ не вступался горячо, какъ прежде, не обращалъ болѣе вниманія на мелкія придирки и притѣсненія, какими преслѣдовали его и волостные чины, и писарь, и вновь из-

бранный сельскій староста, точно сберегая свои силы для того, чтобы вынести послѣдній ударъ, поразившій его въ самое больное мѣсто. Онъ имѣлъ только одного сына и любилъ его, какъ надежную опору своего хозяйства, своей старости, и этого-то сына-одиночку, по настоянію Шлепфельда и писаря, на волостномъ сходѣ включили въ списокъ рекрутовъ при первомъ-же рекрутскомъ наборѣ, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что отецъ его еще въ порѣ лѣтъ, силенъ и человѣкъ не бѣдный, тогда какъ часто зачисляются въ рекрута одиночки изъ семей бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Что могъ сказать народъ въ защиту Бычкова при видѣ этой явной несправедливости? Да, подобныя дѣла только и могутъ свершиться въ захолустьяхъ, гдѣ подъ давленіемъ силы гибнутъ люди, ни въ комъ и нигдѣ не встрѣчая защиты! Ударъ былъ силенъ: въ нѣсколько дней онъ состарилъ и сломилъ окончательно эту сильную энергичную натуру и сломилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее благосостояніе его. Все было продано имъ, что только можно было продать и выручить хотя копѣйку. Оказалась необходимой и посторонняя помощь, и человѣкъ, всегда находившій опору только въ собственномъ трудѣ, неприбѣгавшій въ жизни своей даже къ мелочному займу, пошелъ по роднымъ и знакомымъ, со слезами умаливая о ссудѣ. И никогда ни въ чемъ не выражалась такъ сильно любовь къ нему, какъ при этомъ случаѣ: каждый съ безграничнымъ довѣріемъ отдавалъ ему все, что могъ. Съ вырученными деньгами онъ поѣхалъ въ Т. и тамъ удалось ему пріобрѣсти рекрутскую квитанцію и выручить тѣмъ забритаго уже сына. Послѣ этой ката-

строфы для него не оставалось иного выхода, какъ выселиться въ другой округъ и снова начать терпкую, трудовую жизнь, чтобъ расплатиться съ долгами и не умереть въ нищетѣ. Но и это оказалось для него дѣломъ нелегкимъ. Большихъ трудовъ и усилій стоило ему выхлопотать увольнительный приговоръ для причисленія къ одной изъ деревень Б... округа. Много времени прошло въ различныхъ оттяжкахъ въ формѣ справокъ: не существуетъ-ли на немъ казенныхъ взысканій, нѣтъ-ли прикосновенности къ какимъ-нибудь дѣламъ и т. п. Клементію Ивановичу не хотѣлось такъ дешево разстаться съ Бычковымъ, выпустить изъ своихъ рукъ убитую, но все еще недобитую жертву своего мщенія. Ему хотѣлось сдержать свое слово, „что онъ будетъ въ острогѣ и въ цѣпяхъ.“ Но, къ счастію Бычкова, несмотря на всѣ усилія, не встрѣтилось ни одной уважительной причины, чтобъ задержать его, и Шлепфельдъ, скрѣпя сердце, утвердилъ увольнительный приговоръ.

Много раздалось въ средѣ крестьянъ У... волости чистосердечныхъ напутственныхъ желаній Бычкову при извѣстіи о выселеніи его. Вдоволь поплакала его семья надъ старымъ, родовымъ своимъ пепелищемъ; сверкали слезы и въ глазахъ Егора Семеновича. Все имущество когда-то зажиточнаго семейства уложилось теперь на одну телѣгу, накрытую холстиннымъ пологомъ. Изъ скота осталась одна лошадь, и бодро везла она свой нетяжелый грузъ. Вѣрный старинному русскому обычаю, онъ не забылъ завязать въ мѣшечекъ земли съ могилъ своего отца, матери и дѣда, и будетъ она висѣть у иконы, напоминая ему его родину и

теплое, когда-то зажиточное, гнѣздо. Вся деревня далеко за околицу со слезами провожала этотъ скромный караванъ; каждая семья радушно принесла свою хлѣбъ-соль—послѣдній даръ отъѣзжающему земляку. Не обошлось и безъ горькихъ рыданій при послѣднемъ „прости“ и съ родимыми мѣстами, и съ людьми, съ которыми сжились они съ дѣтства. Когда кибитка скрылась изъ виду за горой, односельчане грустно разошлись по домамъ, вспоминая о Бычковѣ, и долго слышалось еще послѣ того по У... волости: „добрый былъ мужикъ; правды-то въ немъ много было, да такъ вотъ ни за што сгубили человѣка!“

Не погибъ Егоръ Семеновичъ. На мѣстѣ своего новаго жительства онъ встрѣтилъ себѣ достойную оцѣнку. Черезъ два года послѣ переселенія его, крестьяне той волости, къ которой приписался онъ, единодушно выбрали его въ волостные старшины.

Наступило время и выполненія подряда, взятаго Данилой Иракліевичемъ. Въ началѣ декабря Трофимъ Кириловичъ взялъ на мѣсяцъ увольненіе и уѣхалъ въ Т. принимать отправленные съ хлѣбомъ обозы и сдавать ихъ въ казну. Сдача шла быстро, благодаря подачкѣ тѣмъ лицамъ, которыя завѣдывали пріемкою. Поставленный хлѣбъ оказался хорошъ и въ томъ количествѣ, какое значилось въ контрактѣ. За три дня до новаго года ему выдали разсчетную квитанцію и талонъ на полученіе залога и денегъ, причитающихся съ казны. Подрядъ принесъ значительныя выгоды,

хотя и не такія, какими ласкалъ себя Данила Иракліевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій возвращенія своего довѣреннаго. Въ успѣшномъ выполненіи дѣла онъ не сомнѣвался. „Не такой парень Трофимъ-то, штобы сплоховать!“ говорилъ онъ, но его мучило желаніе, знакомое однимъ подрядчикамъ, да различнымъ концессіонерамъ, — желаніе скорѣе осязать въ рукахъ плоды своихъ предпріятій. Каково-же было изумленіе его, предоставляю судить читателю, когда онъ узналъ, что Трофимъ Кириловичъ, возвратившись ночью въ Ш., на другой день рано утромъ уѣхалъ. Прошелъ день, два самаго мучительнаго ожиданія, а Трофима Кириловича нѣтъ, да нѣтъ.

— Чего-жъ-бы это, а?.. Неужъ это онъ... да нѣ-ѣ-ѣтъ, не такой онъ парень, штоба экъ-то сдѣлать, обмануть-то, говорю! успокаивалъ онъ себя предъ своими домашними, не менѣе его удивлявшимися загадочному отсутствію его довѣреннаго. Но удивленіе его возросло еще болѣе, когда возвратившійся Трофимъ Кириловичъ не пошелъ къ нему, а послалъ за нимъ, прося его къ себѣ.

— Это чего исто онъ выдумалъ, штобъ я къ нему на поклонъ шолъ, што-ль? взбѣлѣнился-было онъ, но одумался: коммерческій умъ его начинали тревожить серьезныя опасенія, возбужденныя поведеніемъ Трофима Кириловича; онъ понялъ, что находится теперь въ рукахъ когда-то бывшаго покорнаго его слуги. Первое впечатлѣніе, произведенное на него встрѣчей съ нимъ, успокоило его самолюбіе, и если не разсѣяло, то значительно ослабило родившееся опасеніе. Трофимъ Кириловичъ встрѣтилъ его съ почтительной покор-

ностью, какъ и всегда; въ чисто прибранной горенкѣ его, на столѣ, накрытомъ скатертью, была приготовлена закуска. Жена хлопотала съ самоваромъ.

— Ты чего это, Трофимъ, никакъ дурѣть начинаешь, а? строго спросилъ онъ, усаживаясь въ передній уголъ передъ столомъ,—аль ужь я опостылъ, што ты и заглянуть съ пріѣзда-то не захотѣлъ ко мнѣ, а?

— Э-эхъ, Данило Еракычъ, ты и не думай про меня этого. Дѣла-то, подь они къ Богу: совсѣмъ замотался съ ними, просто ни день, ни ночь вздыху не знаю! жаловался тотъ, оправдывая свое отсутствіе.

— То-то, а я ужь было и ни вѣсть чего надумалъ! прервалъ онъ.

— И въ помыслѣ ничего не было... што ты это, Господь съ тобою! Да мнѣ-ль супротивъ тебя идти? а што къ тебѣ-то не пошолъ, а тебя теперича потревожилъ, такъ вѣдь и то надоть сказать, Данило Еракычъ, не все твою хлѣбъ-соль ѣсть; слава-тѣ Господи, поѣли, пора и честь знать и къ себѣ зазвать добрыхъ людей, а такъ-то-бы ты когда-поди собрался, кабы не этотъ случай-то!

— Такъ ты вонъ это съ чего!.. ну, ну, я неспѣсивый! Вотъ, вишь, и у тебя въ гостяхъ, угошшай, коли такъ! совсѣмъ уже успокоенный, самодовольно говорилъ онъ: — ну что, все ладно сошло, а? Говори скорѣй, не мучь! торопилъ онъ.

— Такъ надоть сказать, што совсѣмъ слава Богу!

— Ну, и слава тѣ Господи! И деньги всѣ получилъ?

— Сполна, какъ есть! По моему счету, тысячъ шесть зашибли барыша-то, Данило Ераклчъ!

— Шесть тысячъ!.. удивленно произнесъ онъ, вперивъ въ него глаза:—да што такъ мало?

— Какъ мало? — вѣдь это ужь совсѣмъ чистыя Богъ послалъ!..

— Мало; я болѣ думалъ: я думалъ тысячъ десять придетъ! Да ты вѣрно-ль считалъ?

— Не учиться, на этомъ и взросли!

Жена Трофима Кириловича въ это время съ низкимъ поклономъ поднесла Данилѣ Иракліевичу рюмку краснаго вина и чашку чаю.

— Ма-ало! въ раздумьѣ произнесъ онъ, принимая съ подноса и чай, и рюмку. Экъ я вдругорядь и не возьмусь ни за што; хлопочи, убивайся съ утра до ночи, да есть изъ чего — за экое награжденье! съ неудовольствіемъ ворчалъ онъ, — безъ мала почесть годъ возился, да я-бъ на эти деньги-то...

— По-моему, и за энто-бы благодаренье Господу! прервалъ его Трофимъ Кириловичъ.

— Это за шесть-то тысячъ?—есть за што!

— Нѣшто не капиталъ?

— По-твоему — такъ, а по-моему — и связываться не стоило! Какъ я ихъ теперь долженъ распредѣлить? Вотъ поди и ты награжденья запросишь, а изъ чего... изъ чего, говорю, мнѣ дать энто-то награжденье? Чего я дамъ изъ шести-то тысячъ? энто и моего-то расходу не покроетъ...

Трофимъ Кириловичъ, спрятавъ глаза въ окружающія ихъ морщины, пристально смотрѣлъ на него.

— — Да вѣдь я говорю тебѣ, Данило Еракычъ, што вѣдь это барышъ ужь, барышъ, снова повторилъ онъ,—тѣ, што мы израсходовали, само-собой воротились!

— Все-таки мало, не покроетъ! Ты почемъ знашь, какіе исшо у меня расходы были? можетъ, у меня ихъ на двадцать тысячъ было. Гдѣ они, деньги-то, давай-ко я исшо самъ провѣрю,—можетъ, и просчетъ гдѣ ни на есть.

— Вѣрно сосчитаны и провѣрять нечего!

— Твои они што-ль, стоишь-то за нихъ такъ? грубо спросилъ онъ.—Я хозяинъ-то, коли говорю давай, такъ ты и должонъ безъ слова выложить!

— А по-моему, такъ они не твои, Данило Еракычъ, а общія.

— Съ чего ты взялъ общими-то ихъ считать? изумленно спросилъ онъ,—нѣшто ты клалъ въ нихъ чего?

— По совѣсти-то говоря, такъ не мало и моихъ!

— Твоихъ?

— Такъ точно!

— Трофимъ... ты што-жъ это: никакъ и ты забылся, а?..

— И въ помышленіи не было, Данило Еракычъ, а говорю только, какъ оно на дѣлѣ было. Половина хлѣба почесть закуплена на мои деньги. Свои деньги я и Вешнякову, и Пруткову, и Иволгину задавалъ; нѣшто каждый изъ нихъ хлѣба-то только на тѣ 200 рублевъ поставилъ, што ты далъ имъ? Ты вотъ, Данило Еракычъ, говоришь-же, што убивался, убивался съ утра до ночи въ хлопотахъ, а какія

твои-то хлопоты были?—только будто съ лежанки на сундукъ перейдти, а съ сундука на лежанку. А што я ни день, ни ночь покою не зналъ, загонялъ въ разъѣздахъ-то всю скотину свою, сколько разъ въ городъ ѣздилъ, проживался все изъ своего кармана, такъ пошто-жъ ты этого ничего не считаешь?.. Стало быть, твоего тутъ, Данило Еракычъ, совсѣмъ немного, будто залоги одни... ну и возьми ихъ, они твои! А ужь энти деньги, Данило Еракычъ, не погнѣви на меня, за все мое утружденье и какъ, стало быть, за всю мою службу тебѣ... я себѣ возьму, тебѣ и считать ихъ нечего! твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, въ которомъ не слышалось и тѣни прежняго подобострастія, отвѣтилъ Трофимъ Кириловичъ.

Данило Иракліевичъ сидѣлъ какъ оглушенный громомъ. Нѣсколько разъ ротъ его раскрывался, какъ-бы желая произнести что-нибудь, но видно еще парализованный неожиданностью умъ не нашелъ соотвѣтствующаго положенію его слова.

— Да што-жъ винца-то не пригубишь, Данило Еракычъ? съ ироніей произнесъ Трофимъ Кириловичъ,—я вѣдь за всю твою хлѣбъ-соль... отъ чистаго сердца... не погнушайся... я то-ись завсегды...

— Такъ ты эвона какъ, за все-то мое довѣріе, за добро-то мое платишь! качая головой и надорваннымъ голосомъ прервалъ Данило Ераклiевичъ,—вѣдь это ты што-жъ затѣялъ, грабежъ?

— Зачѣмъ ты экія-то слова, Данило Еракычъ, говоришь? укоризненно отвѣтилъ тотъ,—гдѣ-жъ онъ, грабежъ-то?

— Ты... ты... вѣдь воръ опосля того!

— Оборони Господи!

— Ты... ты што-жъ это со мной-то дѣлашь? продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, то блѣднѣя, то краснѣя, — ты въ гробъ меня уложить хошь, а?.. въ гробъ?

— И въ помышленіи не было: живи, Господь съ тобой, што ты это? на свѣтѣ всѣмъ мѣста будетъ, я тѣ не помѣха! снова съ ироніей отвѣтилъ онъ, успокоивая его.

— Трофимъ!

— Чего-съ?

— Погляди ты на меня.. въ глаза-то мнѣ!

— Я за-все, Данило Еракычъ, съ моимъ удовольствіемъ... што-жъ... особливо, какъ за всю вашу хлѣбъ-соль... отрывисто говорилъ онъ, смотря, повидимому, прямо на него спрятанными въ морщинахъ глазами.

— Ты... ты, можетъ, пошутилъ это, а? тѣмъ надрывающимся отъ слезъ, но заискивающимъ голосомъ спросилъ Данило Иракліевичъ, какимъ часто спрашиваютъ дѣти и женщины, не желая вѣрить печальному извѣстію, хотя въ душѣ они и увѣрены, что это вовсе не шутка, а правда.

— Нѣшто дѣломъ-то шутятъ, Данило Еракычъ? серьезно спросилъ Трофимъ Кириловичъ: — стало быть и ты пошутилъ, сказамши, што тебѣ и подѣлить не изъ чего за мое утрудженье, а?

— Пошутилъ, Трофимъ, ей-Богу, это пошутилъ... дай, молъ, чего будетъ! Я съ тобой подѣлю, — только съ тобой, слышь, болѣ ни съ кѣмъ! Вѣдь это, Трофимъ, а-а-ахъ,

вѣдь это кровное мое, не обидь ты меня, старый вѣдь я человѣкъ-то!..

— Я и не обижу, а энто, по-моему, ближай обида, што вы таперича видѣли, какъ человѣкъ убивается за вашу прибыль — можно сказать, не токма своихъ крохъ аль животины, души-то не щадилъ: сколькой годъ всѣмъ вашимъ дѣломъ орудовалъ, помыкали вы, значитъ, мной, какъ послѣднимъ батракомъ: и туда поди Трофимъ и въ друго мѣсто съѣзди! Што-жъ вѣдь я не рабъ вашъ! Дѣлалъ вамъ все, а жалованья не получалъ. А сколько вы изъ-за меня прибытковъ-то имѣли, во всю-то мою службу, а вѣдь ни разу не сказали, дай-де награжу... и я-то спроста не просилъ, все думалъ: ну, пороблю, пороблю, авось человѣка и совѣсть возьметъ — заплатитъ... ну, вотъ и заплатите!

— Я заплачу, Трофимъ, я тыщу тебѣ дамъ... ну, Богъ ужь съ тобой, коли ты меня, старика...

— Тыщей-то не стоитъ и рукъ пачкать! глядя въ сторону отвѣтилъ онъ,—я вамъ почесть десять лѣтъ служилъ, мыкался; по 600 рублей въ годъ положьте, вотъ и шесть тысячъ, а я, можетъ, каждый годъ прибыли-то приносилъ вамъ не на двѣ, не на три тыщи, — такъ энто и не въ счетъ по-вашему?

— А кто усчастливилъ-то тебя, Трофимъ, а? по чьей ты милости старшиной-то сидишь, о-опомнись!

— Обчество посадило, да Клеменъ Иванычъ, такъ полагаю...

— Обчество-о?.. Посадило-бы тебя обчество, коли-бъ я

коня не свелъ!.. Кого обчество-то садило, забылъ развѣ, а? Тебя нѣшто?

— Не мое это дѣло...

— Не твое? Не за тебя-ль я дары-то дарилъ, хлопоталъ, убивался; мало тебѣ, а?

— Свою охоту тѣшили: я не просилъ даровъ-то раздаривать и отъ старшинъ-то крестомъ и пестомъ отмаливался; вы-жъ упрашивали—служи, да служи, такъ чѣмъ-же тутъ оно попрекать-то?

— А-а-ахъ, Трофимъ, Трофимъ! забылъ ты нѣшто, какъ руки-то мои цѣловалъ, отцомъ-то кликалъ, а?

— Я и теперь... я и завсе... то-исъ... съ моимъ удовольствіемъ. — Да што-жъ вы хоша-бы чайку-то аль винца-бъ...

— Трофимъ, отдай ты мнѣ мое-то... плача говорилъ Данило Иракліевичъ, утирая глаза клѣтчатымъ платкомъ.

— Денежка счетъ любитъ, Данило Еракычъ.

— Мое... вѣдь... это кровное... не грабь ты меня, есть-ли у тебя Богъ-то?...

— Вы-бы себя спросили наперво, Данило Еракычъ, у васъ-то онъ есть-ли? покраснѣвъ, какъ кумачъ, заговорилъ онъ,—не вы-ль бѣдность-то зорите, да помыкаете ей, да ругаете ее, такъ неужъ вы-то Бога помните? Мало рази вы народу-то пустили по міру, опомнитесь-ка? Што я свое беру отъ васъ за всю свою службу, такъ у меня Бога нѣтъ! А што вы помыкали мной, да ругались, да не придержи я энтихъ денегъ, такъ, стало-быть послѣднія-бы мои крохи отжилили, такъ у васъ и Богъ есть? Не вы-ль таперича,

Данило Еракычъ, уговаривали меня обмануть хоша-бы тогоже Вешнякова, Пруткова, да Иволгина за то, што они объ вашемъ-же дѣлѣ радѣли, такъ энто ничего-о?.. Такъ сталобыть я и себѣ должонъ былъ эту-же участь провидѣть. Ну, я только, значитъ, первѣй всѣхъ опомнился... оно и чище дѣло... оно стало-быть и квитъ... А за вашу хлѣбъ-соль я то-ись и завсегды съ моимъ удовольствіемъ!

Данила Иракліевичъ не выдержалъ и заплакалъ горькими слезами,—заплакалъ въ первый разъ въ жизни. Родные не узнали его,, когда онъ возвратился домой отъ Трофима Кириловича. Лице его осунулось, глаза потускли; шатаясь добрался онъ до лежанки и молча упалъ на нее. Болѣе недѣли хворалъ онъ и, оправившись, поѣхалъ въ городъ съ жалобой и съ просьбой о заступничествѣ къ Шлепфельду. Но не помогъ ему и Шлепфельдъ, какъ ни уговаривалъ Трофима Кириловича честно раздѣлаться съ своимъ патрономъ. Онъ не только остался при своемъ, но совсѣмъ отперся отъ всякаго барыша. Онъ возвратилъ ему только залоги, да деньги, причитавшіяся за хлѣбъ, поставленный изъ его запаса; точно такъ-же онъ поступилъ и съ компаньонами, кромѣ Вешнякова, на котораго разсчитывалъ въ будущемъ болѣе всѣхъ. Подалъ Данило Иракліевичъ и просьбу, а вслѣдъ за нимъ и Дарья Семеновна Иволгина, обманутая въ своихъ надеждахъ, завела ожесточенную тяжбу, но и ей, и Данилѣ Иракліевичу было отказано, по неимѣнію документальныхъ доказательствъ. Много произвела смѣха и говора въ средѣ крестьямъ исторія разссорившихся кулаковъ. Горько жаловался Данило Иракліевичъ на неблаго-

дарность Трофима, поздно вспоминая правдивыя рѣчи Тарасова, умершаго въ тотъ-же годъ, но въ тайнѣ онъ все-таки сожалѣлъ о „своемъ Трофимѣ“. Съ отсутствіемъ этого дѣятельнаго сотрудника дѣла его пошли все хуже и хуже. За то разцвѣлъ и усилилъ свои обороты Трофимъ Кириловичъ. „Плутъ, плутъ, но умный плутъ!“ отзывался о немъ Шлепфельдъ, и ничего не могъ сдѣлать съ нимъ, несмотря на громкій, годъ отъ году возвышавшійся, ропотъ и жалобы крестьянъ, поздно почувствовавшихъ на себѣ желѣзную и крайне нечистую руку изворотливаго старшины и съ тяжелыми вздохами вспоминавшихъ честнаго и правдиваго Егора Семеновича.

МІРСКОЙ УЧЕТЪ.

Максимъ Ареѳьичъ Ознобинъ, собираясь вывозить изъ тайги лѣсъ, заготовленный съ весны на срубъ для амбара, сколачивалъ на дворѣ дровни, когда пріѣхавшій изъ волости сотникъ сообщилъ ему, что онъ избранъ обществомъ въ учетчики и долженъ явиться въ волость. При взглядѣ на Максима Ареѳьича, ему никто не далъ-бы болѣе пятидесяти лѣтъ: до того онъ былъ бодръ и свѣжъ на видъ, хотя ему давно было за семьдесятъ. Темнорусые волосы на головѣ не имѣли ни одной сѣдины и подстриженные спереди въ скобку обрамливали прямой, широкій лобъ, прорѣзанный крупной морщиной, нависавшей надъ бровями, когда онъ задумывался. Лицо его было одно изъ тѣхъ, какія не часто встрѣчаются въ жизни. Особеннаго въ немъ ничего не было, но всмотрѣвшись пристальнѣе, вы замѣчали подъ наружною грубостью душевную теплоту и спокойную ясность, выражающія лучше словъ и дѣйствій нравственную жизнь человѣка. Въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ, смотрѣвшихъ нѣсколько изъ подлобья, проглядывала иронія и вмѣстѣ сосредоточенность мыслящаго человѣка. Онъ былъ не словоохотливъ, угрюмъ, но когда говорилъ, то рѣчь его была тиха, обдуманна и выказывала опытный, наблюдательный

умъ, спокойно взвѣшивающій каждое явленіе прежде, чѣмъ произнести объ немъ рѣшительное слово. Онъ былъ не общителенъ и точно сторонился отъ людей. Соберутся, бывало однодеревенцы его въ праздничный день около какой-нибудь избы, кликнутъ и Максима Ареѳьича примкнуть къ бесѣдѣ ихъ, но молча махнетъ онъ рукой вмѣсто отвѣта и примется за работу. А работу онъ всегда находилъ себѣ, и не вѣрилъ, чтобъ у человѣка не могло найдтись дѣла. Только неутомимымъ трудомъ онъ и не допускалъ нужды въ избѣ своей. Не любилъ онъ вмѣшиваться въ дѣла и въ жизнь сосѣдей и давать совѣты прибѣгающимъ за ними, говоря, „что свой умъ въ головѣ лучшій совѣтчикъ, а у кого нѣтъ его, тому чужой не поможетъ!“ Не любилъ выслушивать толки и пересуды крестьянъ другъ про друга, на которые такъ-же падки обитатели утлыхъ, убогихъ деревенекъ, какъ и шумныхъ столицъ и городовъ. По волости знали его за человѣка глубоко-честнаго, добраго, хотя уклончиваго. Но уклончивости въ немъ, собственно говоря, не было, и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ, онъ всегда приходилъ на сходы и молча выслушивалъ всѣ толки, особенно же толки крикуновъ, которыми одинаково изобилуютъ всѣ слои общества. Онъ никогда не возвышалъ противъ нихъ своего голоса, зная по опыту, что мнѣнія подобныхъ людей лопаются какъ мыльные пузыри отъ столкновенія съ дѣйствительностью. Иногда и онъ высказывалъ свое мнѣніе, и многимъ приходилось оно по душѣ, по ясному пониманію дѣла, изощреннаго опытнымъ и наблюдательнымъ умомъ.

Извѣстіе о выборѣ въ учетчики было не совсѣмъ пріятно для Максима Ареѳьича. Кромѣ того, что это отвлекало отъ хозяйства, онъ зналъ съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, и заранѣе былъ увѣренъ въ неблагопріятномъ исходѣ его... Но все-таки въ тотъ-же день, прибравшись по домашности, уѣхалъ вмѣстѣ съ сотникомъ въ село Бог.....ъ, гдѣ находилось волостное правленіе.

Учетчики избираются крестьянами при вступленіи на службу вновь избранныхъ волостныхъ начальниковъ и при смѣнѣ выслужившихъ сроки. Учетчики, какъ и волостные начальники, приводятся къ присягѣ, прежде, чѣмъ приступить къ своей обязанности учета правильнаго сбора податей и денежныхъ и хлѣбныхъ недоимокъ съ крестьянъ. Въ учетчики всегда избираются крестьянами люди испытанной честности, но не всегда грамотные, и, не смотря на это послѣднее обстоятельство, учеты производятся до мельчайшихъ подробностей. Путемъ соображенія при подушномъ раскладѣ, они высчитываютъ съ такою вѣрностью не только восьмыя, но и шестнадцатыя доли копеекъ, какой позавидовалъ-бы любой контрольный или интендантскій чиновникъ. Ни одинъ учетъ не обходится безъ открытія крупныхъ злоупотребленій и начетовъ на волостныхъ начальниковъ, но въ большинствѣ случаевъ они проходятъ для нихъ безнаказанно и падаютъ всею своею тяжестью на тѣхъ-же крестьянъ.

За долго до смѣны выслужившихъ срокъ волостныхъ начальниковъ Бог.....ой волости, раздавался ропотъ на тяжесть поборовъ и злоупотребленія сбираемыми суммами.

Волостной голова, Акинфъ Васильичъ Сабынинъ пользовался хорошей репутаціей, но будучи человѣкомъ болѣзненнымъ и недалекимъ, онъ не понималъ своего назначенія, не вникалъ въ дѣла и не рѣдко по мѣсяцу не показывался въ волость, которою управлялъ засѣдатель по хозяйственной части, Николай Семенычъ Харламовъ. Болѣе всего смущало крестьянъ и наводило на мысль о злоупотребленіяхъ, что Николай Семенычъ, человѣкъ болѣе, чѣмъ бѣдный, со времени выбора его въ хозяйственные засѣдатели сталъ быстро поправляться. Сначала онъ прикупилъ лошадей, потомъ подъ предлогомъ, что служба отнимаетъ много времени и хозяйство приходитъ въ упадокъ, нанялъ двухъ работниковъ и увеличилъ запашку хлѣба. Затѣмъ и изба его показалась ему мала и черезъ годъ наемными рабочими онъ выстроилъ чистенькій домикъ съ обширными амбарами. „Растетъ Семенычъ не по днямъ, а по часамъ!“ шептали, покачивая головами, крестьяне, но откуда брался ростъ у Семеныча, для многихъ все еще оставалось загадкой. Какъ человѣкъ, онъ былъ ласковъ и уступчивъ; сбирая подать, не прибѣгалъ къ насиліямъ, и терпѣливо ожидалъ, когда недоимщики справятся съ деньгами и сами внесутъ ее. А чаще всего за бѣдныхъ и случайно подвергшихся несчастіямъ крестьянъ онъ вносилъ свои деньги. Подобные должники расплачивались съ нимъ по частямъ хлѣбомъ, льномъ, лыкомъ, кедровымъ орѣхомъ или заработывали ему свой долгъ. Вставши въ болѣе близкія отношенія къ нему, они, хотя и замѣчали за нимъ кое-что, но изъ чувства благодарности и зависимости должны были молчать. Дога-

дывались объ источникахъ его обогащенія и тѣ изъ крестьянъ, которые были побогаче и не имѣли съ нимъ обязательныхъ отношеній, но тоже молчали, зная, что онъ былъ нужный для нихъ человѣкъ. Николай Семенычъ умѣлъ жить съ ними, потакая ихъ произволу относительно бѣдняковъ. Онъ впрочемъ со всѣми умѣлъ жить, зная людей и быстро подмѣчая слабыя струны каждаго и обходя все, что могло раздражать и вызвать неудовольствіе. Благодаря этому такту, онъ такъ обстановилъ себя, что и неодобрительные отзывы про его дѣятельность раздавались не иначе, какъ шопотомъ. Его боялись, несмотря на видимую уживчивость, тихій нравъ и мягкую до приторности наружность. Живые каріе глазки его всегда такъ лукаво ласкали, пѣвучій голосокъ пріятно щекоталъ слухъ и казалось вкрадывался въ душу; небольшое круглое лицо съ острымъ вздернутымъ носомъ и пухлыми румяными губами, обрамленными черною бородкой и усами, привлекало своей миловидностью, а въ особенности характерною улыбкой, выражавшей не то иронію, не то внутреннее довольство собой. Отъ этой улыбки и пѣвучаго ласкающаго голоса люди, знавшіе его ближе, всегда чувствовали инстинктивную робость и стѣсненіе. Убаюкавъ своею предупредительною услужливостью умъ и волю волостнаго головы, онъ постепенно отстранилъ его отъ дѣлъ, и, осторожно прослѣдивъ всѣ дѣйствія волостнаго писаря, поставилъ его въ безвыходную зависимость отъ себя.

Игнатій Петровичъ Коробовъ, допущенный въ волостные писаря изъ ссыльно-поселенцевъ, по первымъ пріемамъ его догадался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и, послѣ непродолжитель-

наго объясненія, происшедшаго между ними на первыхъ-же порахъ, они поняли другъ друга, и превратились въ закадычныхъ друзей. Съ этого времени и начались по волости небывалые прежде поборы, порождавшіе даже въ легковѣрныхъ умахъ сомнѣніе въ законности и необходимости ихъ.

Быстро прошло трехлѣтіе, быстро оперился и Николай Семенычъ, превратившійся изъ бѣднаго человѣка въ зажиточнаго. Онъ замѣтно пополнѣлъ и солиднѣе обложился подбородокъ его пушистой окладистой бородкой. Голосъ, сохранивъ все тотъ-же пѣвучій тонъ, пріобрѣлъ увѣренность, свойственную людямъ, сознающимъ свое финансовое или бырократическое превосходство. Знакомство онъ повелъ съ людьми зажиточными, принимая только ихъ въ своихъ чистыхъ горницахъ. Бѣдняки-же, обращавшіеся къ нему съ просьбами, нерѣдко по часу, по два, ожидали его на дворѣ или въ черной жилой избѣ. Около дома его, съ рѣзными воротами и подъоконниками, останавливались и повозки заѣзжавшихъ къ нему въ гости купцовъ. Привыкъ онъ и къ незнакомымъ ему до того удобствамъ жизни: и къ чаю, и къ къ телѣжкѣ съ кованными окрашенными колесами на длинныхъ дрожинахъ. Въ разговорахъ онъ пріобрѣлъ привычку многозначительно задумываться, заложивъ пальцы рукъ за алый кумачный кушакъ, тянуть слова и слова не простыя, а все болѣе отборныя, неслыханныя: „резонтъ“, „атшлифовка“, „пальтурный человѣкъ“, „фартибликація“ и т. п. И дивились, слушая его, простодушные крестьяне, откуда у Семеныча столько ума вдругъ взялось? Выросъ за это время и у Игнатія Петровича на концѣ села домикъ

съ антресолями на выточенныхъ колонкахъ, и взялъ онъ на себя подрядъ отъ крестьянъ села Бог.....го содержать земскую квартиру для пріѣзжающихъ властей. И полюбили его власти, потому что нигдѣ такъ пышно не взбивались для нихъ пуховики, нигдѣ не пекли такихъ сочныхъ и вкусныхъ рыбныхъ пироговъ, не жарили такъ мастерски цыплятъ, какъ у Игнатія Петровича. И въ какую-бы пору ни пріѣзжали исправникъ или засѣдатель, у Игнатія Петровича всегда находился для дорогихъ гостей и ямайскій ромъ, и густыя домашнія наливки, а въ частую и бутылочка, другая шампанскаго. Кромѣ хлѣбосольства, исправника привлекали къ нему чорные глазки и свѣжія пухленькія щечки его дочери. Игнатій-же Петровичъ былъ такъ преданъ начальству, что не имѣлъ отъ него ничего завѣтнаго. Не меньшимъ расположеніемъ властей пользовался и Николай Семенычъ. Исправникъ объѣзжалъ волость не иначе, какъ въ сопровожденіи его и постоянно въ одномъ тарантасѣ съ нимъ, что еще болѣе сковывало возникавшій противъ него ропотъ крестьянъ. На сельскихъ сходахъ исправникъ постоянно высказывалъ крестьянамъ мысль объ избраніи Николая Семеныча головой. И дѣйствительно, передъ выборами по деревнямъ, сильные своимъ вліяніемъ богачи подстрекали крестьянъ на выборъ Николая Семеновича, такъ что выборы долго колебались между имъ и другимъ кандидатомъ, Антономъ Аверьяновичемъ Бобовымъ. Но сверхъ всякаго ожиданія, приниженная и задавленная бѣдность подняла на этомъ сходѣ громкій ропотъ о злоупотребленіяхъ, и головой былъ избранъ Бобовъ.

Подобный оборотъ выборовъ засталъ Николая Семеныча и Игнатія Петровича въ расплохъ, неподготовленными къ смѣнѣ и учету Неодобрительно взглянуло на исходъ выборовъ и земское начальство, но воспрепятствовать утвержденію вновь избранныхъ волостныхъ начальниковъ не могло, безъ особенно уважительныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что избранный голова слылъ за человѣка умнаго и не замаравшаго себя никакими предосудительными поступками.

Настали тяжелые дни для Николая Семеныча и Игнатія Петровича, который дни и ночи провѣрялъ и перебѣливалъ черновыя денежныя книги и тетради, составлялъ изъ нихъ выписки и вѣдомости. Николай Семенычъ безвыѣздно жилъ въ волости, забывъ о домѣ и хозяйствѣ. Нерѣдко, вдвоемъ, запершись на глухо, они совѣтовались между собой, и Николай Семенычъ замѣчалъ, что, въ присутствіи новыхъ волостныхъ начальниковъ, Игнатій Петровичъ постепенно охладѣвалъ къ нему, и изъподтишка наводилъ ихъ на слѣды злоупотребленій. Черезъ мѣсяцъ послѣ выборовъ, изъ губернскаго правленія былъ присланъ указъ объ утвержденіи въ должностяхъ избранныхъ волостныхъ начальниковъ и о приводѣ ихъ къ присягѣ. Но прежде, чѣмъ вступить въ должности и принять денежные документы и суммы, новый голова собралъ сходъ для выбора учетчиковъ, и общій голосъ крестьянъ палъ, какъ мы видѣли, на Максима Ареѳьича.

— И чего-бы усчитывать-то! раздраженно говорилъ Николай Семенычъ, пришедшій къ Максиму Ареѳьичу, не

успѣвшему еще обогрѣться съ дороги по пріѣздѣ въ Бог...ъ— Дѣла свѣтлѣй солнца, безъ хвастни сказать, такъ нѣтъ, усчитывать, кричатъ, надоть! Что-жъ, и усчитывайте, говорю, коли вѣры нѣтъ, не сами мы волостными сѣли, вы-жъ, говорю, общественники, выбрали. Ахъ! да грѣхи одни обсказывать-то! заключилъ онъ, махнувъ рукой, и быстро, но пристально окинулъ взглядомъ Максима Ареѳьича, сидѣвшаго напротивъ его у печи, какъ-бы желая уловить вѣчатлѣніе, произведенное на него рѣчью.

— Порядокъ-то одинъ вѣдь, не тебя перваго—всѣхъ усчитываютъ!.. отвѣтилъ Максимъ Ареѳьичъ, облокотившись руками на колѣни и глядя въ полъ.

— Считай! Да до времени, говорю, не порочь человѣка—вотъ что!

— А развѣ несутъ на тебя?

— Послушай-ко, чего поютъ-то?.. Плутъ изъ плутовъ сталъ. Вона до какой чести дожилъ за мое-то радѣнье! Да пошли имъ Господи за ихнее-то спасибо!..

— Диво, что безпричинно-то это?

— Кабы причина была, душа бы не болѣла, Орефьичъ! зналъ-бы, что за грѣхъ отвѣтъ несу!..

— И не убивайся до время, коли совѣсть чиста!..

Николай Семенычъ пристально посмотрѣлъ на него, и на губахъ его мелькнула неуловимая улыбка.

— И въ самомъ дѣлѣ, ты въ правду говоришь, снова началъ онъ послѣ минутной паузы:—и то, не съ чего убиваться-то! Бѣдко только, говорю, что за мою-то добродѣтель экая отплата! Спроси-ко теперь по волости, кто бѣдность-то въ

нужѣ выручалъ—я! У инаго-бы за подушную-то послѣднюю лошадь, аль корову съ двора свели, а свелъ ли у кого я? Никто не скажетъ! Бывало, послѣднія свои деньги внесешь. только-бъ не зорить! И теперича за кого кровь-то свою сочилъ — на тебя-же орутъ, за добро-то мое! Развѣ это не бѣдко, Орефьичъ?

— Бѣдко-то бѣдко... да чего-жь дѣлать, стерпи!..

— Не легко терпѣть-то оно! Не мои-бы годы, а инде слеза бьетъ!

— Увидятъ, неправду несутъ, и образумятся, имъ-же стыднѣй!..

— Радъ вотъ я, что ты въ учетчики-то попалъ. Ты не то, что другіе, ты обсудишь! Теперя, къ слову сказать, и въ самомъ дѣлѣ, коли гдѣ недочетъ — вѣдь неграмотное дѣло-то, кажную-то копейку въ памяти не удержишь! Посуди ты, чѣмъ я-то повиненъ! Я и самъ человѣкъ подначальный былъ! Голова, что прикажетъ, бывало, то и дѣлалъ, ты и спрашивай съ головы! А поютъ, вишь, что голова-то зналъ пролежни на бокахъ ростить, а волостью-то ты, говорятъ, заправлялъ, порядки-то всякіе велъ!

— Оно и въ правду вѣдь, Николай Семенычъ, чего-жь таиться-то?.. спросилъ его Максимъ Ареѳьичъ, послѣ короткаго раздумья.

— Не отопрусь! Да вѣдь я про то говорю, что еслибъ и ты былъ въ подначалѣ у кого, и сказали-бы тебѣ: энто ты вотъ такъ сдѣлай, а энто этакъ, кто-жь должонъ, по твоему, въ отвѣтѣ быть, разсуди...

— По моему-то? не погнѣви, на мой-бы умъ тотъ, кто дѣлалъ...

— А съ какого-жъ бы резенту?

— Коли неправду какую тебѣ наказываютъ — отшатнись, на мой умъ, не примай и грѣха на душу!

— А опосля-бъ того, за непокорство къ суду иди?

— Иди!.. Коли ты съ чистой совѣстью, нигдѣ не пропадешь, а все твоя правда сыщется, свѣчей загоритъ!

— Вонъ оно какъ по твоему-то! Ну, а какъ теперича, ты вотъ это дѣло разсудишь? — Скажу, не таясь, есть у насъ недочетъ. Еще лонского году какъ-то исправникъ наказалъ справить дорогу въ Со... но, Акинфъ-то Василичъ съ горяча тогда и оповѣстилъ ихъ: вашъ, говоритъ участокъ! *) правьте!.. Ну, Со... цы то и приговорили въ то время наймомъ выправить, и деньги собрали, и приговоръ на это есь! Ладно. — Храню эти деньги, при общей поправкѣ, думаю, приложу и ихъ: за одно ужъ труситься-то! Только и придись намъ вносить подать, а мы въ тѣ поры, какъ на грѣхъ, много не добрали. Акинфъ-то Василичъ и говоритъ: „взропчетъ начальство, что мало собрали, приложь-ко, говоритъ, къ ней и энти деньги, все, говоритъ,

---

*) Исправленіе дорогъ въ Сибири составляетъ одну изъ натуральныхъ повинностей крестьянъ. По общему размежеванію, производимому крестьянскими обществами—дорога распредѣляется участками по деревнямъ и потомъ посаженно распредѣляется на каждую душу въ семьѣ. Иногда крестьяне сами выѣзжаютъ на поправку своихъ участковъ. Чаще-же, по обоюдному согласію, исправляютъ ихъ подрядомъ, сбирая подряженную на расплату сумму, по скольку причитается по раскладкѣ съ каждой души.

повиднѣй будстъ, а опосля, говоритъ, какъ ни есть обвернемся!“ Я и приложи по его-то слову, а онъ теперь въ отпоръ: „каки, говоритъ, таки деньги, я и не помню!“ Ну, кто-жъ повиненъ то, что такая совѣсть у человѣка, а?..

— Ты!..

— Все я... ахъ, путай-тѣ грѣхъ!

— Ты! снова повторилъ Максимъ Ареѳьичъ:—и сонца-бы чище у человѣка совѣсть была, а все экихъ дѣловъ глазъ на глазъ не дѣлай, не ровенъ случай!

— Что-жь, завсе свидѣтелевъ что-ль?

— Очищать себя грѣха нѣтъ, Николай Семенычъ... особливо, въ крестьянской копѣйкѣ! Крестьянская-то копѣйка — та-же кровь!

— Ахъ! тогда-бы вотъ экую-то науку, а теперь ужъ поздно!..

— Поздно, Николай Семенычъ, поздно!.. Малъ-бы нашто ты сталъ собирать съ міра деньги, а голова-бы тебѣ насказалъ туды ихъ приложь, да въ ино мѣсто прикинь, а ты-бы и клади, да прикладывай! На что-жъ ты послѣ этого хозяиномъ-то по волости былъ выбранъ? Дѣло-то головы порядокъ блюсти, а твое — счетъ охранять, что свою душу, мірскую-то копѣйку!

— А-а-ахъ, грѣхъ! накупаешься никакъ за чужіе-то грѣхи... накупаешься!

— Глубокой колодецъ мірская-то казна Николай Семенычъ;—не ты одинъ въ немъ выкупался, всѣ до чиста моются, черпаютъ, да попиваютъ изъ него—только не уставай мужикъ подливать!..

— Мнѣ-то бы къ чему этакія-то слова? спросилъ весь вспыхнувшій Николай Семенычъ.

— Съ проста... къ слову подошло!

— Міръ-то говоритъ, что твое-то слово, какъ ни жуй, а все не проглотишь! не изъ тѣхъ ты, что съ проста-то звонятъ!..

— Всѣ мы одного куста вѣтки, подъ однимъ ложденъ и зноемъ живемъ!

Николай Семенычъ замолчалъ и обвелъ глазами вокругъ чисто выбѣленныхъ стѣнъ, украшенныхъ лубочными гравюрами.

— Такъ какъ ты мнѣ посовѣтуешь? снова обратился онъ къ Максиму Ареѳьичу.

— Старъ я, мнѣ-ли совѣты давать! отрывисто отвѣтилъ Максимъ голосомъ, въ которомъ послышалось раздраженіе.

— У стараго-то и спрашивать. Старый-то умъ ядреный что вѣковая сосна! заигрывающимъ голосомъ продолжалъ Николай Семенычъ.

— И соснякъ-то нонѣ... ска-азалъ-бы я тебѣ...

— Что-жь?

— Смолчу!

— По душѣ коли, говори. Я люблю, когда по душевному-то!..

— Любишь, такъ таить не буду. Соснякъ-то нонѣ, говорю, скороспѣлка пошелъ! Стары-то сосны сперва въ землю глубже корни пустятъ, да опосля ужь вверхъ и тянутся— ну и крѣпки были! А нонѣшни-то...

— И въ правду соснякъ нонѣ пошелъ не старому чета,

попроще ровно, и иглой-то помягше, зря не колетъ! Это вотъ ину пору пораздумаешься, ты къ иному съ добромъ, а тебѣ все на зло, все-то на зло! Есть вотъ... у меня, такъ-бы сказать, конекъ мнѣ-то бы совсѣмъ онъ не ко двору, а подари-бы я тебѣ ну чего-бъ ты подумалъ про меня! и—и ни вѣсть бы что поди—ей Богу!

Максимъ Арефьичъ съ минуту сидѣлъ молча и наконецъ, улыбнувшись, покачалъ головой. Николай Семенычъ наблюдалъ за нимъ съ самымъ наивно-добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Оно-бы и подумалъ, произнесъ, послѣ короткаго раздумья Максимъ Арефьичъ:—съ какой-бы это прибыли ты расходоваться сталъ на дары-то мнѣ?

— Вижу, что бѣдное дѣло—для че не помочь?.. другъ бы о другѣ, а Богъ за всѣхъ!..

— Нешто я жаловался тебѣ, что бѣденъ?

— Слыхалъ отъ другихъ!

— А-а-а!.. вотъ ты какой добрый, пошли тебѣ Господи... Ты чего-жъ это, Николай Семенычъ, спрошу я бѣднымъ-то на дары расходуешься?

Николай Семеновичъ смѣшался, и незамѣтно отвелъ глаза въ сторону.

— Худая слава про меня, Максимъ Орефьичъ, идетъ съ грустью заговорилъ онъ:—только напрасливая, не таковскій я! я каждому-бы готовъ... коли человѣкъ по душѣ мнѣ... ты вотъ мнѣ теперь... что отецъ сыну, завсегда-бы я тебѣ, ей Богу...

— Скоро-же ты облюбилъ меня!

— Человѣка-то съ разу видать каковъ онъ... душа-то какова!

— Правда твоя, Николай Семенычъ! другой все наровитъ, какъ-бы людей одурачить, а того и не примѣтитъ, что самъ себя дурачитъ. Не любы мнѣ твои рѣчи, не погнѣви! Молодъ ты еще, не по вѣсамъ гири-то выбралъ...

— Что-жъ я-то по твоимъ-то рѣчамъ, скажи не таись!.. ба-ахвалъ, аль што?.

— Охота пришла знать — скажу, что неиздашные-то хлѣбы за все мягки на видъ!

— Не выпекли, стало быть! ну допечете, жару-то въ васъ не занимать!.. Съ чего-жъ бы мнѣ предъ тобой изворотыто эти дѣлать? Аль что учетчикъ-то?.. такъ я бы это, боюсь... а-а-ахъ-ха-а!..

— Боишься, Николай Семенычъ! Ну, зачѣмъ ты ко мнѣ прибѣжалъ, а?.. Съ роду мы другъ друга не знали, а ты съ вѣтру увидалъ человѣка—ужь коня даришь! Опомнись, темная душа твоя, не докуда кривыми-то путями ходить! Стучитъ въ тебѣ совѣсть-то, что молотъ въ кузнѣ— вотъ ты и не знаешь куда кинуться отъ нея, Уйди-ко лучше.

— Не засижусь, не бойся... Уйду! помни-же, хваленая честь! помни, что скороспѣлыя-то сосенки только гнутся отъ вѣтра, а ядреныя-то и съ корнемъ вылетаютъ! злобно произнесъ онъ выходя отъ него и хлопнувъ дверью.

— Наканунѣ дня, назначеннаго для учета, село Бог... одушевилось. Учеты всегда производятся при полномъ составѣ общества или не менѣе двухъ третей его, и продолжаются

по нѣскольку дней. Часто они бываютъ весьма бурны. Накипающее у крестьянъ неудовольствіе на волостныхъ начальниковъ на ихъ произволъ, несправедливость, взяточничество и воровство кровныхъ мірскихъ рублей выливается массою попрековъ и насмѣшекъ надъ ними. Много происходитъ и трогающихъ за душу сценъ Въ день учета волостное правленіе приняло праздничный видъ. Въ немъ съ утра было накурено мозжевельникомъ. Въ передней половинѣ присутственной комнаты, отдѣленной рѣшеткой для помѣщенія членовъ и канцеляріи, стоялъ аналой, приготовленный для приведенія къ присягѣ новыхъ волостныхъ начальниковъ и учетчиковъ. Около него стоялъ на скамьѣ баулъ съ замками и печатями, въ которомъ хранились приготовленныя къ повѣркѣ и сдачѣ суммы. И присутственная комната и двѣ смежныхъ съ нею были полны народа, но въ толнахъ не слышалось ни шумнаго говора, ни смѣха. Не меньшая торжественность проглядывала и въ наружности и костюмахъ новыхъ волостныхъ начальниковъ. Голова, плотный приземистый человѣкъ, съ широкою падавшею на грудь бородою, одѣтъ былъ въ зипунъ тонкаго чернаго сукна; отъ высокихъ сапогъ его припахивало деглемъ, смѣшаннымъ съ рыбьимъ жиромъ; волоса на головѣ намазаны были коровьимъ масломъ, отъ котораго лоснился лобъ. Прилично случаю, лицо его было серьезно, хотя въ обыденной жизни онъ былъ весьма веселый человѣкъ. Сидя около широкаго письменнаго стола, онъ въ полголоса бесѣдовалъ съ Акинфомъ Васильевичемъ. Рядомъ съ нимъ, писарь, съ однимъ изъ своихъ помощниковъ, распечатывалъ пакеты и помѣчалъ

вновь вступившія бумаги. У окна, за аналоемъ, стоялъ Максимъ Арефьевичъ съ новыми засѣдателями по хозяйственой и полицейской части, которые, также какъ и голова, были въ новыхъ зипунахъ, и наканунѣ вступленія въ должность сходили въ баню. Николай Семенычъ, съ ранняго утра пришедшій въ волость, сидѣлъ около баула поодаль отъ всѣхъ. Онъ также щеголевато одѣлся въ бешметъ, опушенный бѣлой мерлушкой, и съ любопытствомъ наблюдалъ за тихо волнующейся толпой. Послѣ привода къ присягѣ, по уходѣ священника, члены распечатали баулъ и приступили къ повѣркѣ денегъ. Толпа заколыхалась и налегла на рѣшетку. Въ заднихъ рядахъ ея становились на носки, упираясь въ плечи и головы переднихъ, наблюдая за толстыми пачками пересчитываемыхъ ассигнацій. „У-у-ухъ денегъ-то!“ невольно вырывалось у иного.

— Побойчѣе, Трофимъ Митричъ, считай! не мусли деньги-то: казенно добро смочишь, что проку! съ ироніей произнесъ стоявшій у рѣшетки, опершись на нее всею грудью, старикъ, обращаясь къ новому хозяйственному засѣдателю.

— Не навыкъ еще, отвѣтилъ онъ: —не просчитаться-бъ, думаю!

— Приплатишь! не бѣдное дѣло!

— Съ перваго-то дня, другъ, платиться учнешь—скажется...

— Ничего, Богъ дастъ поправишься, должность доходная!

Кругомъ прокатился смѣхъ.

— Не обходился еще! съ изнова-то всѣ они, какъ мо-

лоденцы малые, ощупью около денегъ-то бродятъ! пронеслось въ толпѣ.

— И послужить-то не дали, а ужь укорили! обидчиво отвѣтилъ новый засѣдатель, кладя на столъ отсчитанную пачку:—не изъ тѣхъ я, чтобы міръ распоясывалъ свои карманы на мой обзаводъ!

— Оно, давай-бы Богъ, Трофимъ Митричъ! да вишь... міръ-то изъ вѣры вышелъ! говоритъ, что съ изнова-то вы всѣ одну пѣсенку поете. Вотъ и за тебя опаска беретъ, что ты казенныя бумажки муслишь. По мірской молвѣ, худая эта примѣта...

— А чтожь-бы?

— Къ пальцамъ-бы, говорятъ, не стали прилипать...

— Въ толпѣ снова раздался смѣхъ.

— Не во гнѣвъ его милости, Николаю-то Семенычу, сказать, продолжалъ между тѣмъ старикъ:—съ первоначалу-то, помнится, и-и-и съ какой оглядкой онъ къ казеннымъ-то бумажкамъ касался, а опосля такъ пообвыкъ! что индѣ карманы перемѣшалъ: гдѣ бы надо въ казенный опустить, а онъ все въ свой, да въ свой!

— Свой-то ближе! крикнули изъ толпы:—а въ казенный сколь ни вали, все, какъ худую плотину, прорываетъ, да прорываетъ...

— Про то и говорю, а на бумажкахъ-то не написано, которая своя, которая казенная, а долго-ль смѣшаться, особливо неграмотному! Гдѣ-бы на свою лошадокъ прикупить, аль къ дому чего пристроить, а онъ, все, по ошибкѣ, на казенну, да на казенну! ты ужь, Трофимъ Митричъ,

Богъ дастъ пообслужишься, такъ коли въ суматохѣ когда доведется тебѣ въ свой карманъ казенну бумажку опустить, такъ уголькомъ помѣть ее—пра-аво!.. А то, храни Богъ, и ты учнешь смѣшивать, какъ Николай Семенычъ!

— Уваръ Прокопьичъ! а ты видалъ, какъ я казенныя бумажки съ своими мѣшалъ? угрюмо спросилъ его задѣтый за живое Николай Семенычъ.

— Дѣла-то энти въ потьмахъ дѣются, Николай Семенычъ! какъ ты увидишь ихъ? а что худыя стряпки завсе о-горячіе горшки руки обжигаютъ — это видывалъ, не потаю!..

Дружный взрывъ хохота снова прервалъ рѣчь Увара Прокопьича, на лицѣ котораго играла иронія и вмѣстѣ наивное дѣтское лукавство, придававшее и самой ироніи его добродушный оттѣнокъ. Говорилъ онъ тихо; но все-таки каждое слово его долетало въ смежныя комнаты, откуда виднѣлись вытягивающіяся головы, чтобы послушать. Замѣтно было, что каждое слово его было эхомъ затаенной думы всѣхъ. Уваръ Прокопьичъ въ подобныхъ случаяхъ всегда игралъ роль запѣвалы и, завершивъ свое дѣло, мирно удалялся.

— Вотъ Николай-то Семенычъ, говорю, продолжалъ старикъ!—нагрѣлъ ручки-то около мірского-то горшка, ну, нонѣ онѣ и побаиваются холодку-то! И заморозковъ нѣтъ, а онъ ужь рукавички надѣлъ! А нашъ братъ мужикъ и въ морозъ только въ пальцы дуетъ... А-а-ахъ ма! бѣда простотой родится! Ты гдѣ это, Николай Семенычъ, рукавички-то покупалъ?.. спросилъ онъ, указавъ на окно, гдѣ

съ краю лежала смушковая шапка бывшаго засѣдателя и замшевыя рукавички, разшитыя цвѣтною шерстью.

— А ты не купить-ли хошь?.. съ злою улыбкой спросилъ его Николай Семенычъ.

— Ужо... неравно засѣдателемъ міръ-то выберетъ, такъ запастись-бы! Теперя-то пока еще мозоли руки грѣютъ, а на тепломъ мѣстѣ гляди и попадутъ!

— Къ чему ты мнѣ всѣ эти рѣчи загибаешь! спросилъ поблѣдневшій Николай Семенычъ, когда въ толпѣ замеръ раздававшійся смѣхъ.

— Отгани-ко вотъ, съ какой начинкой сноха про деверя пироги гнетъ?

Въ толпѣ снова прокатился смѣхъ, заразившій даже и членовъ.

— Ой... не рано-ли печь-то принялся ихъ! обождалъ-бы!

— Поспѣли—такъ чего ждать! рѣжь, да ѣшь на добро здоровье!.. Аль не по зубамъ?.. Иду я, братцы, какъ-то нонѣ, да и глянь ненарокомъ на домъ-то Николая Семеныча, да съ простоты-то и не остерегся! гляжу — ахъ ты напасть! шапки-то на затылкѣ какъ вѣкъ не бывало! Ну и высь!.. ай и домина! Дай, думаю, спрошу Николая Семеновича, въ какую тыщу онъ ему сталъ?..

— На мой-бы умъ, Уваръ Прокопьичъ, не лѣзъ-бы ты на меня до время, что собака на кость! дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ, подходя къ рѣшеткѣ, Николай Семенычъ!

— Жирная кость-то, Николай Семенычъ, есть чего погрысть! а ты не серчай, вѣдь я съ простоты! мужикъ

вѣдь... что малое дитя, на все-то ему поглядѣть надоть, да пощупать, а засвербятъ зубы въ десенкахъ и поточить ихъ!..

Желая скрыть свое смущеніе, Николай Семенычъ быстро отвернулся, среди раздавшагося въ толпѣ смѣха и отошелъ къ столу.

— Какія, Николай Семенычъ, въ 186... году, ты деньги въ подать внесъ 523 рубля? неожиданно спросилъ его въ это время Антонъ Аверьянычъ.

При этомъ вопросѣ, толпа стихла, и всѣ стали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Окончивъ перечетъ суммъ, бывшихъ на лицо и провѣривъ ихъ при помощи писаря съ вѣдомостями и квитанціями казначейства, волостные начальники и учетчики встрѣтили крупное недоразумѣніе. За одинъ изъ годовъ, въ подать было внесено на 523 рубля болѣе противу дѣйствительнаго поступленія. Между тѣмъ, недоимка въ послѣдующіе года собиралась безъ исключенія этой суммы. Подать же вносилась въ казну за исключеніемъ ея.

— Бумажныя, Антонъ Аверьянычъ! съ ироніей отвѣтилъ Николай Семенычъ: — всѣ 523 рубля бумажками были!..

— И безъ тебя знаю, что злата-то, серебра немного по рукамъ ходитъ, я про то спрашиваю, отколь ты ихъ взялъ?

— Изъ сундука!..

— Не время-бы, Николай Семенычъ, шутки шутить! вмѣшался Максимъ Ареѳьичъ.

— Про шутки-то я, Максимъ Ореѳьичъ, то скажу:

Уваръ Прокопьичъ вонъ подшучивалъ, такъ вы ничего, посмѣиваетесь. Такъ и мнѣ нечего плакать. Вотъ я на то и говорю: отганите-ка, отколь они въ сундукъ попали, а я помолчу! Аль сказать, а? или послушать, что Акинфъ Васильичъ скажетъ!

Акинфъ Васильичъ Сабынинъ, стоявшій у стола, скрестивъ на груди руки, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Это былъ пожилой человѣкъ, лысый, съ болѣзненно отекшимъ лицомъ. Сѣрые глаза его постоянно слезились, отчего онъ поминутно отиралъ ихъ клѣтчатымъ платкомъ, постоянно хранившимся за пазухой, по неимѣнію кармановъ.

— Не меня вѣдь спрашиваютъ, а тебя? отвѣтилъ наконецъ онъ.

— Общественники-то на меня несутъ, а ты заступись! аль кто въ грѣхѣ, а я въ отвѣтѣ? Не по твоему-ль наказу я деньги-то эти съ Сор.....ъ на поправку дорожнаго участка собралъ, а ты въ тѣ поры велѣлъ ихъ къ подушной приложить, а?..

— Я... я велѣлъ, это точно, не отопрусь! отвѣтилъ Сабынинъ послѣ минутнаго раздумья;—только вѣдь я тогда-же тебѣ наказалъ засчитать ихъ въ пополненье недоимки на С...., а ты вонъ все сбиралъ, да сбиралъ. Куда-жъ ты энти деньги дѣвалъ?

— А ты не помнишь?..

— Не запомню что-то...

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ. Акинфъ Васильичъ, вынувъ платокъ, отеръ имъ глаза и лобъ, и снова сложивъ, опустилъ за пазуху.

— Не разгулялся еще! Пожалуй, и то заспалъ: когда на другой годъ собрали недоимку, а я хотѣлъ засчитать 523 рубля, ты что мнѣ сказалъ на это?

— Чего-жъ?

— Не надоть,—забылъ?

— Ты что-то тово... ровно...

— А-а-а... тутъ и тово... не вспомнишь!.. А когда я сталъ говорить тебѣ: да какъ-же молъ это оставлять-то ихъ? и то говорю, міръ со слезами ропчетъ, что все поборы, да поборы. А ты что сказалъ? Поропчутъ, да такіе-же будутъ!

— Я будто это тебѣ сказалъ?

— Мужикъ, говоритъ, что ворона: на дождь и на солнце каркаетъ! а ты, говоритъ, дай-ка мнѣ ихъ для оборота, опосля справлюсь, внесу... да такъ и внесъ ихъ!..

Акинфъ Васильичъ стоялъ, какъ оглушенный громомъ; глаза его широко раскрылись и глядѣли тускло, безсознательно.

— Вотъ гдѣ, общественники, денежки-то ваши плаваютъ, обратившись къ толпѣ, продолжалъ Николай Семенычъ:—не все руки виноваты, что собираютъ, руки-то головѣ повинны! Да еще тогда-же на мои слова смѣхомъ говоритъ мнѣ: волостныхъ-то на то, говоритъ, и сажаютъ, чтобы дураковъ крестить!

— Кто-жъ бы дураки-то? пронеслось въ толпѣ.

— Мужики! И деньги эти тогда-же своими руками отобралъ отъ меня, какъ теперь помню, отколь-то одна бу-

мажка фальшивая запуталась, и ту взялъ: уйдетъ, говоритъ, за одно съ путными.

Въ это время, Акинфъ Васильевичъ, очнувшійся отъ неожиданности, развелъ внезапно руками и хлопнулъ себя по бедрамъ.

— А-а-ахъ! проснулся-таки! со смѣхомъ произнесъ Николай Семеновичъ.

— Ну, братцы! обратившись къ окружающимъ членамъ, началъ Акинфъ Васильичъ: — пятый десятокъ на свѣтѣ маюсь... видывалъ народу и худого, и добраго, но экого человѣка въ первой. Да какая это тебя и мать-то выносила, Николай Семенычъ, скажи ты намъ?

— Чужая, Акинфъ Васильичъ, своей-то не было, сироткой родился! а ты, чѣмъ матерны-то косточки трясти, сними-ка лучше съ души моей грѣхъ!

— О-опомнись... человѣкъ-ли ты, есть-ли у тебя Богъ-то!

— Я-то завсе въ памяти, ты проснись, да Бога-то въ наши дѣла не путай, у него и своихъ много! Какъ міръ-то на меня ропчетъ, что я его обворовывалъ, такъ вы всѣ молчите. Вонъ учетчикъ вашъ, правдивая-то душа Максимъ-то Ореѳьичъ, и не поймалъ, да ужъ ощипалъ! и воръ-то я, и скороспѣлая-то сосенка промежъ ядреныхъ деревъ! За тебя сталъ ему своего коня дарить — и не подступайся! А какъ двадцать пять рублевъ далъ, такъ взялъ! Коня-то, говоритъ, каждый увидитъ, а деньги-то не мѣчены!

Максимъ Ареѳьичъ поблѣднѣлъ и стоялъ неподвижно, только нависшая надъ бровями морщина нервно дрогнула.

— Что-жь ты молчишь?.. снова обратился къ нему Николай Семенычъ среди всеобщаго изумленнаго молчанія: —и ты-бы, какъ Акинфъ Васильичъ, по крайности, руками похлопалъ, да сказалъ-бы: неправда! а?

— Правды-то, Николай Семенычъ, никакими рѣчами не утопишь—выплыветъ! тихо отвѣтилъ Максимъ Ареѳьичъ.

— Выплыветъ, Максимъ Ореѳьичъ, выплыветъ! да и живого то человѣка до время не топите—выплыветъ!

— По пути-ли ты, Николай Семенычъ, всѣ эти выводы-то затѣялъ? вступился наконецъ новый голова: —ой, не оступись!

— За чужую-то поступь, Антонъ Аверьянычъ не бойся, свою блюди!.. Не рано-ли ты вотъ сапожки-то высвѣтлилъ—не замарай! узка наша тропка и лужицъ много! Припомни-ка, какъ въ головы-то садясь, ты хвалился ходить по ней? спросилъ онъ покраснѣвшаго и растерявшагося новаго голову.

— Совѣсть-то гдѣ-жъ у тебя, а?.. на поклепы-то эти?.. спросилъ онъ, оправившись отъ неожиданнаго упрека.

— Потеряна!.. да ты чѣмъ спрашивать-то, по себѣ примѣрь, откуда ей быть у волостныхъ! Вотъ, общественники, облаяли вы меня воромъ, да до поры до время! Воровъ-то у васъ и напредки будетъ много, поколь темнота ваша будетъ стоять, что дремучъ боръ! Вотъ ты, Уваръ Прокопьичъ, на домъ мой засмотрѣлся, что индѣ шапка свалилась, а что-жъ ты не сказалъ, падала-ли у тебя

шапка, аль нѣтъ, когда ты на домъ нашего писаря глядѣлъ, а?.. А ты не бѣлѣй, Игнатій Петровичъ! насмѣшливо обратился онъ къ поблѣднѣвшему при при послѣднихъ словахъ его писарю: — общественники съ волостными накинулись на меня, что вороны на падаль, а ты застыдился, и отъ стараго друга подалѣ! Такъ допрежъ чѣмъ разстаться, оглядимся, у кого болѣ клею на рукахъ было! А-а-ахъ! съ злобнымъ хохотомъ продолжалъ онъ: — бывало, какъ деньги дѣлить, такъ Игнатій Петровичъ безъ зову бѣжалъ, а теперь и смотрѣть не хочетъ, такъ заспѣсивился! Нутко... не гляди-ко шибко въ бумаги-то!.. скажи-ко лучше, какъ ты на деньги-то, собранныя на новую икону, домъ тесомъ обшилъ — а? Вмѣсто царскаго-то партрета полы выкрасилъ... а?.. А-а-ахъ! Максимъ Ареѳьичъ! вѣдь ты учетчикъ — что-жь молчишь-то! аль и тутъ тебѣ деньгами ротъ замазали? а?..

— Мы объ этихъ дѣлахъ спросимъ съ хозяевъ, а не съ работника, спокойно отвѣчалъ Максимъ Ареѳьичъ: — деньги-то на царскій обликъ и икону не писарь сбиралъ, а ты; ты-же о ту пору и на поправку дорогъ сбиралъ. По мірскому-то приговору ты по два рубля тогда съ души собралъ; съ 1713 душъ, добры люди говорятъ, 3426 рублевъ. На экія деньги дорогу на десять лѣтъ можно выправить... А какъ ты ее выправилъ?

— Худо... что я надѣлалъ, все худо!..

— Хвалятъ-то хорошее! не гнѣви! Отдалъ ты ее по контракту въ подрядъ Раймолову, изъ чужой волости — неужъ-бы по нашей-то не нашлось кому взять его... а?..

— А-ахъ... и въ томъ, значитъ, повиненъ, что не нашилъ шапокъ мірскія плѣши прикрывать? съ ироніей отвѣтилъ онъ.

— Повиненъ!.. ты вотъ міръ оголялъ, да себѣ шапку сшилъ!.. Станемъ-ко безъ шутокъ говорить, а на прямки... будетъ! за три-то года до сыта нашутились!.. Съ нашими-то мужиками тебѣ-бы нельзя плутовать: все бы на виду было, вотъ ты и кинулся въ сторону...

— Соловушка-то вашъ... общественники! слышите, поетъ — заливается?

— Общественники слышатъ, Николай Семенычъ... у кого какой голосокъ! ты также напѣлъ небылицъ, только одно забылъ, что у общества кромѣ уха, и глазъ есть...

— Ну, а еще что... поговори, Максимъ Ореѳьичъ! послушаемъ.

— Послушай, коли на то пошло, послушай. Ты-жъ хвалился, что еще не послѣдній воръ, что много ихъ и на предки будетъ! такъ вотъ, глядя на тебя, хоть другіе поучатся, какъ отвѣтъ міру давать! ты дорожный-то подрядъ отдалъ Раймолову, потому что съ нимъ вмѣстѣ торгуешь... Деньги-то эти ты съ Раймоловымъ, да съ исправникомъ между собой подѣлили... а на починку-то дороги и 300 не истратили.

— Это ты вѣрно сосчиталъ?

— Считать намъ всѣ твои дѣла не приводится; мы считать будемъ только мірскія слезы! все болѣе и болѣе оживляясь, заговорилъ Максимъ Ареѳьевичъ.

Напряженное вниманіе въ толпѣ выражалось не однимъ

молчаніемъ. Каждый жадно вытягивалъ голову, вслушиваясь въ слова, отчетливо разносившіяся по комнатѣ.

— Ты подрядъ-то отдалъ ему, общества не спросилъ, а только ужъ контрактъ заключивши вычиталъ его обществу! Въ контрактѣ-то было выговорено, что-бы мосты всѣ были новые, перила выкрашены, версты всѣ были новыя, гати перестланы заново, дорога вычищена и посыпана дресвой на всѣ 120 верстъ. А какъ ее выправили?.. Какой до поправки была, такой и теперь стоитъ. Версты всѣ старыя, всѣ-то скосились на стороны, словно отъ глазу хоронятся. У мостовъ кой-гдѣ только бревнышко вколочено а перила-то подъ мостами лежатъ. Каждый допрежъ, чѣмъ на мостъ-то въѣхать, перекрестится, да чудотворцевъ на помогу кликнетъ, чтобы бревно по затылку не ударило. Ни повозка, ни телѣга гатями-то не проѣдетъ, чтобы ось не хряснула. На 120 верстъ робило-ли двадцать человѣкъ, и какъ робили! черезъ сажень лопаткой поковыривали... Это за три-то тыщи! Не тягота это міру, Николай Семенычъ, а? Кто долженъ теперь дорогу-то править, коли начальство съ изнова потребуетъ? А оно не сегодня, завтра потребуетъ; гляди, вѣдь на дорогѣ-то ни проходу, ни проѣзду нѣтъ! Съ изнова три тыщи сбирай!.. Съ изнова мужикъ веди корову или лошадь со двора, чтобы внести эти два рубля! да отколь-же міру-то взять... на вашу-то наживу!..

Вмѣсто отвѣта, Николай Семеновичъ, заворотивъ полу бешмета, отеръ имъ лобъ и лицо.

— Холодку-бы, други, нагнать! внезапно произнесъ

Уваръ Прокопьичъ:—а то Николай Семенычъ-то у насъ разогрѣваться началъ, инда въ потъ кинуло!..

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— А кто дорогу-то принималъ отъ подрядчика? ты одинъ! А нешто это одного тебя дѣло касалось?.. Вѣдь это мірское дѣло-то, общественное! Ты долженъ былъ всѣхъ сельскихъ старостъ созвать, да по крайности трахъ, четырехъ выборныхъ отъ каждаго сельскаго общества, чтобъ они дорогу-то оглядѣли, да приняли ее отъ подрядчика. А кто былъ, ну-ко?..

— Ты объ этомъ, Максимъ Ареѳьичъ, помолчи, тебя это дѣло не касается!.. остановилъ его Николай Семенычъ, въ голосѣ котораго не слышалось уже игривой иронiи.

— А-а... тутъ такъ и не касается!

— Такъ точно! Не твоего оно ума!..

— А чьего-жъ-бы?

— Вышняго начальства, коли знать охота пришла! Дорогу-то эту отъ подрядчика самъ исправникъ прималъ, съ него и спрашивай, коли она тебѣ не по нраву... Слышалъ, а?

— Исправникъ прималъ, а чьими деньгами за дорогу-то расплачивались: исправницкими, аль мірскими? Исправникъ-то, небось, своей копѣйки не приложилъ, а съ міра всѣ до единой вытянули... Такъ какое-жь ему дѣло было принимать ее на свою душу?.. Его дѣло приказать править, а примать на свой страхъ не доводится! А и люди! да доколь-же это безсудье будетъ надъ нами! Правду на міру говорятъ, что безсуднѣе Сибири земли на свѣтѣ нѣтъ!

Коли ты, нашъ-же братъ мужикъ, одной долей окрещенъ и взрощенъ, и ты на мірскія слезы обстроился, такъ ужь отколѣ теперь міру защиты ждать! Ты вонъ на икону для волости, да на царскій обликъ безъ мала 200 рублевъ съ міра собралъ, да самъ-же еще съ смѣхомъ похваляешься, что на мѣсто царскаго то обличья писарь полы себѣ выкрасилъ... а за мѣсто святителевъ-то домъ тесомъ обшилъ!.. Да нешто у путнаго волостного писарь бы смѣлъ самъ деньги взять! Нешто у домовитаго хозяина работникъ украдетъ, а?.. Оба вы вмѣстѣ воровали, оба и обстроились! А міръ плати, натружайся, ходи нагъ и босъ!

Въ толпѣ пронесся неясный гулъ...

— Ты самъ былъ волостной, такъ тебѣ ли сказывать! самъ видѣлъ: сыплетъ, сыплетъ міръ податей, что зерна въ бездонныя закромы, а все мало, все подливай на каменку, что-бы другимъ было теплѣй! Только на подать, да на поборы отъ рожденья до смерти и мается мужикъ, робитъ, не покладывая рукъ, поколь Богъ не пошлетъ по-душу. Гляди, мозоли-то на рукахъ что каменья! поди, и червь-то въ могилѣ не прогрызетъ. И тутъ ты еще послѣднія нитки обрывалъ!.. нашъ-же братъ мужикъ, да смѣешь еще говорить, что міръ тебя угнетаетъ... Глядитко, у тебя не повертывается сердце, какъ міръ—то объѣдаютъ, а? Ты вотъ по контракту за дорогу-то три тыщи отдалъ, а гдѣ у тебя остальные-то 426 рублевъ... ну-ко, скажи!.. Аль исправнику отдалъ, чтобъ онъ у тебя съ Раймоловымъ дорогу-то принялъ... Нутко, скажи намъ, какъ ты за то, что въ одномъ тарантасѣ съ нимъ ѣздилъ, да чай-то вмѣстѣ попи-

валъ, ссужалъ его мірскими деньгами по двѣ, до по три тыщи?

— Ты одумался-ли, Максимъ Ареѳьичъ, чего насказалъ-то? остановилъ его Николай Семенычъ.

— Одумался, не сумнѣвайся!

— Опомнись-ко... за этакія-то рѣчи, бываетъ, и къ отвѣту водятъ.

— Не стращай, Никалой Семенычъ. Тихой я человѣкъ, да небоязливой. Коли Богъ велитъ къ отвѣту пойти, пойду, дамъ отвѣтъ—на то и крестъ цѣловалъ! Не въ мои годы кривыми путями ходить, мнѣ и могила близка, такъ ужь прятаться отъ доли не стану! Назудѣла вся эта неправда-то на мірской душѣ. Глядит-ко, міръ-то, онъ весь тутъ! Спроси-ко, видывалъ-ли кто радости-то на вѣку, такъ докуда-же намъ! Ты вотъ насказалъ, что и дары мнѣ надарилъ, а теперь угрозилъ, что къ отвѣту поведутъ, а я тебѣ скажу, что самъ пойду къ отвѣту! самъ! Пора и вышнему начальству правду знать. Вы какъ заслышите, что набольшій начальникъ ѣдетъ, такъ всякаго мужика потолковѣй прячете, чтобъ не выболтался. Всякой, кто поумнѣе, у васъ ябедникъ, да каверзникъ, да бунтовщикъ. Всякаго наровили въ дѣло впутать, да услать! На какія-ты вотъ деньги съ Раймоловымъ скота накупалъ для пріисковъ, а?.. на мірскія!.. ихъ въ подать собиралъ, вздыху не давалъ, а самъ пущалъ въ оборотъ, наживался на нихъ... Ты, волостной, а на чужее имя три кабака по волости держалъ, такъ какой у тебя мужику охраны было противъ кабатчика искать? Ты подать-то собиралъ въ самое нужное время,

когда зналъ, что у мужика ни копѣйки—засѣвъ на корню и продать нечего—да самъ-же и вносилъ, да за гривну-то на рубль хлѣба бралъ!

— Правда! правда, Ореѳьичъ! пронеслось въ толпѣ...

— Экаго раззорителя поискать!..

— Ахъ, слезъ-то нашихъ много други, на немъ!..

— Ввелъ онъ меня, общественники, пошли ему Господи болѣ... да и дѣткамъ! его заговорилъ, выдвигаясь къ рѣшеткѣ почти на плечахъ тѣснившихся крестьянъ, мужичекъ съ бѣлыми, какъ ленъ волосами и бородкой. — Раззорилъ ты меня, Николай Семенычъ! Скажи-ко предъ міромъ по совѣсти: внесъ ты за меня въ подать пятнадцать рублевъ, а сколь ты выбралъ съ меня за нихъ? Заступитесь, общественники, бѣдное мое дѣло, горькое, а онъ и тутъ послѣднее рвалъ!

— Чего съ тебя рвать-то было, скажи-ка! съ злобою въ голосѣ отвѣтилъ, обратившись къ нему, Николай Семенычъ: — ты-бы, прежде чѣмъ жаловаться, на себя-то бы поглядѣлъ: чего рвать-то съ тебя? ты никакъ и родился въ этомъ бреднѣ! рва-а-ать! было чего рвать!...

— Бреденекъ онъ...да мой! А ты вотъ на наши-то слезы суконный съ выпушками надѣлъ?

— Не на твои ли?..

— И моихъ тутъ есть!..

— Ты вспомни лучше, гдѣ твои слезы-то у меня?.. Забылъ, какъ кланялся, да плакалъ, сапоги-то обмывалъ, обождать-то просилъ. Я изъ жалости свои внесъ!

— А вспомни ты, сколько ты перебралъ съ меня за нихъ?

— Не подарилъ... а-а-ахъ бѣда!..

— На дарено-то кармановъ у меня нѣтъ, Николай Семенычъ, а твои пятнадцать рублевъ мнѣ добрыхъ тридцать стали!

— Сосчиталъ-же... умѣешь?

— Свое всякъ умѣетъ считать!

— Учись и чужое, авось на зипунъ сойдется!

— Хожу и въ этомъ, зипуномъ-то не кори! трудовой онъ, не ворованный! Заступитесь, общественники! внесъ онъ за меня въ подушну пятнадцать рублевъ, плачусь ему плачусь, и все еще въ долгу!... Все еще какихъ-то пять рублевъ считаетъ. Лонской годъ какой былъ неурожай, хлѣбъ-то по семи гривенъ за пудъ на отбой брали, а онъ своими руками у меня двѣнадцать пудовъ насыпалъ, да со двора свезъ, а цѣну положилъ по 25 копѣекъ съ пуда. Не обида-ли? А то навозилъ я о-ту пору лѣсу, 17 лѣсинъ, въ ину пору ты за четыре рубля экой-то лѣсины не купишь, а онъ взялъ, да по восьми гривенъ лѣсину-то поставилъ... Не бѣдко-ли это?

— На ядреныхъ-же поставахъ у тебя, Николай Семенычъ, домъ-то срубленъ! вступился Уваръ Прокопьичъ.

— То-то... Отдавать — такъ горе, а брать — такъ горя нѣтъ! отвѣтилъ Николай Семенычъ: — всю-то вашу мірскую правду можно за грошъ купить!

— Ты въ свою-то онучу мірскую совѣсть не обувай, Николай Семенычъ! сказалъ Уваръ Прокопьичъ — аль не любо, какъ старинку-то перетряхиваютъ?..

— И зачѣмъ это вы, братцы, старое поминаете, послы-

шался голосъ изъ толпы. — Безъ того мужику тошно: всѣ глаза по угламъ отхлопалъ, а вы еще въ нихъ песку сыплете. Когда татары съ моего сѣнокоса сѣно скрали, да увезли, онъ за то, чтобъ разсудить насъ, пять рублевъ съ меня взялъ, три овчинки, да были у меня вѣсы мѣдные еще отъ родителевъ—и ихъ подбралъ! да я и то молчу.

— Грѣхъ вамъ, общественники, слушать всѣ эти навѣты на меня, не угнетатель я былъ вамъ! произнесъ наконецъ Николай Семенычъ голосомъ, въ которомъ послышалась боль...

— Хуже всякаго угнетателя былъ ты, Николай Семенычъ! снова прервалъ его Максимъ Ареѳьичъ:—оглянись на себя, а коли совѣсть въ тебѣ заснула, побуди!.. Одумайся, какихъ только за тобой дѣловъ не было!.. Ты только богатымъ мирволилъ, они и стояли за тебя горой! Какая-бы ни была неправда, ты все имъ спускалъ, вмѣстѣ съ ними бѣдность-то зорилъ! А находилъ-ли кто изъ бѣдныхъ у тебя правду безъ денегъ? Гляди-ко, въ волостные-то мы тебя садили — у дома-то твоего крыша падала... Лошадка-то была одна-одинехонька... Окромя армяка, на тебѣ міръ ничего не видывалъ! Оглянись ты на себя — отколь у тебя домъ-то взялся? Лошадей-то чуть не косякъ *). За три года росторговался, что купцу въ пору! Отколь это все? Вотъ ты по два раза собиралъ, одинъ разъ по 20 копѣекъ съ души, другой по 11. Люди считаютъ 532 рубля. Хлѣбные мангазеи по волости нужно было править, а правилъ-ли ты ихъ? Гдѣ у тебя эти деньги?..

*) Двѣнадцать лошадей называются у сибирскихъ крестьянъ «косякомъ».

Николай Семенычъ молчалъ. Лицо его горѣло лихорадочнымъ румянцомъ. Глаза щурились и точно налились влагой.

— Что-жъ, Николай Семенычъ, скажи гдѣ, онѣ у тебя... а? снова повторилъ Максимъ Ареѳьичъ.

— Ты дай ему одуматься, Ореѳьичъ! со смѣхомъ крикнули ему изъ толпы:—пущай вздохнетъ!

— А-а-ахъ, други, бѣ-ѣ-да худой дѣвкѣ житье, началъ Уваръ Прокопьичъ:—спутаетъ-спутаетъ волосы-то на головѣ, подойдетъ дѣло къ свадьбѣ расчесывать ихъ — и пойдетъ на гребень жаловаться, что больно деретъ!

— Ты не изъ магазейскихъ-ли денегъ-то Ореѳьичу двадцать-то пять рублевъ далъ, Николай Семенычъ?.. Больно ужъ онъ тебя чего-то пытаетъ объ нихъ?

— Помолчите, други, не путайте! видите, человѣкъ думу выдумываетъ, а вы мѣшаете! неровенъ грѣхъ онъ еще обмолвится, да на себя скажетъ...

— Не обмолвлюсь, общественники! отвѣтилъ Николай Семенычъ, обратившись къ смѣющейся толпѣ: — что говорить больше, коли всѣ мои рѣчи неправдивы!

До глубокой ночи потѣшался мѣръ надъ своимъ уничтоженнымъ владыкой, высчитывая ему всѣ его неправды...

Учетъ продолжался болѣе пяти дней. При помощи сельскихъ старостъ и провѣрки книгъ много обнаружилось лишнихъ переборовъ въ податяхъ и недоимкахъ. Раскрылись и другія злоупотребленія. Такъ между прочимъ, за леченіе приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ поселенцевъ и нѣкоторыхъ изъ крестьянъ въ больницахъ приказа обществен-

наго призрѣнія, были взысканы съ этихъ обществъ, по общему подушному раскладу, деньги за употребленные при леченіи ихъ медикаменты и содержаніе, и въ тоже время раскрылось, что эти деньги были взысканы и лично съ нѣкоторыхъ поселенцевъ и крестьянъ, находившихся на излеченіи, а у одного изъ нихъ даже продана была лошадь на пополненіе этого долга.

По мѣрѣ раскрытія этихъ злоупотребленій, безпощаднѣе сыпались на Николая Семеныча укоры и насмѣшки, но онъ выносилъ ихъ съ полнымъ равнодушіемъ. Онъ былъ спокоенъ; не менѣе его спокоенъ былъ и писарь, имѣвшій съ нимъ въ первый-же день учета, послѣ того, какъ разошелся сходъ, довольно продолжительное совѣщаніе. Общество не приняло на себя суммы, собранной на исправленіе дороги и начетъ, со включеніемъ ея и всѣхъ поборовъ, палъ на Николая Семеныча въ размѣрѣ 6,523 рублей.

Для человѣка посторонняго сдѣлалось-бы невыносимо-тяжелымъ зрѣлище той скорби, какая отразилась въ лицѣ Акинфа Васильевича Сабынина, когда, по приговору общества, пополненіе 523 рублей, выведенныхъ на него Николаемъ Семенычемъ, пало на его долю.

— Снизойдите, общество! для Бога, къ старости-то моей! за что я въ отвѣтѣ... за что?

— На себя пѣняй, Акинфъ Васильичъ, а не на общество, отвѣтили ему изъ толпы: — за науку всегда платятъ!.. Не даромъ на міру-то говорятъ: что кота бить, коли мясо скралъ, бить того надо, кто его въ амбаръ пустилъ!

— Общественники, будьте по правдѣ! не богатое мое

дѣло!.. Самъ я просился у васъ, освободите меня отъ службы! немощное дѣло мое, немощное! И радъ-бы служить, да нездоровье мое! Пошли тебѣ Господи, Николай Семенычъ!

Вокругъ царило тяжелое молчаніе.

— Тебѣ это ничего, Николай Семенычъ, что изъ-за тебя этакъ убиваются? спросилъ Максимъ Ареѳьичъ.

Точно не разслышавъ вопроса, Николай Семенычъ молча отвелъ глаза въ сторону.

Составленный обществомъ приговоръ о начетѣ на другой-же день при рапортѣ отъ волостнаго правленія былъ представленъ въ окружное полицейское управленіе, для повѣрки его и утвержденія, и новый голова немедленно распорядился, что-бы со стороны общества были приняты мѣры наблюденія за имуществомъ Николая Семеныча. Но дѣло приняло неожиданный оборотъ. Вскорѣ послѣ учета, въ Полицейское Управленіе поступилъ доносъ отъ имени писаря и Николая Семеныча „о подстрекательствѣ крестьянъ во время учета къ неповиновенію властямъ, о порицаніи дѣйствій высшихъ властей и правительства крестьяниномъ Ознобинымъ“. Сначала, по доносу, было произведено тайное дознаніе, и спрошенные крестьяне подтвердили все то, что говорилъ Максимъ Ареѳьичъ. Доносъ, вмѣстѣ съ дознаніемъ, былъ представленъ по начальству. Не прошло и мѣсяца, какъ по этому дѣлу въ село Бог....е пріѣхалъ особый чиновникъ для производства слѣдствія; крестьяне снова подтвердили все, что говорилъ Максимъ Ареѳьичъ, да и самъ онъ, съ тѣмъ-же воодушевленіемъ, какъ и на учетѣ, передалъ всѣ тяготѣющія надъ міромъ неправды. По окончаніи слѣдствія, дѣло было отослано на

особое разсмотрѣніе, и Максимъ Ареѳьичъ отправленъ въ острогъ. А по повѣркѣ учета, всѣ выведенные на Николая Семеныча поборы, по бездоказательности, оставлены безъ послѣдствій, такъ что Николай Семенычъ внесъ только 200 рублей, собранные на икону и портретъ государя. Сумма, павшая на Сабынина, за исключеніемъ внесенныхъ имъ 100 рублей, по безнадежности взысканія въ виду его бѣдности, была сложена съ него по приговору самого общества. Тѣмъ и кончился мірской учетъ.

Черезъ годъ послѣдовало и рѣшеніе по дѣлу Максима Ареѳьича о высылкѣ его въ дальнѣйшія мѣста Сибири, если общество не возьметъ его на поруки. Но онъ не дождался рѣшенія, и той-же зимой померъ въ острогѣ отъ тифа, постоянно свирѣпствующаго въ сибирскихъ тюрьмахъ. Николай Семенычъ былъ правъ, сказавши „что скороспѣлыя сосенки только гнутся отъ вѣтровъ, ядреныя-же вылетаютъ съ корнемъ вонъ!“

Е Ж Ъ.

Ненастный октябрьскій день близился къ вечеру. Лившій въ продолженіи нѣсколькихъ дней дождь размылъ глинистый грунтъ долины, пролегавшей въ горахъ, заросшихъ лѣсомъ. Безъимянная рѣчка, мелкая въ другія времена года, на которой расположился, съ деревянными пристройками, Г—ій пріискъ, бурливо вздулась отъ притока впадавшихъ въ нее съ горъ ручьевъ, и грозила вырваться изъ плоскихъ береговъ и затопить прилегающія къ ней низменности. Вѣтеръ выл въ горахъ, нанося въ долину тучи поблеклыхъ листьевъ; мглистый туманъ спускался на высокіе верхи горъ, заволакивая вершины громоздящихся на нихъ сосенъ и елей, и словно цѣпляясь за сучья ихъ, когда, прорывая на минуту густую сѣть его, вѣтеръ разносилъ его въ пространствѣ разорванными клочьями. Подобная картина осени, неразлучно соединенная съ холодомъ и сыростью, невольно щемитъ душу и манитъ скорѣе вырваться изъ негостепріимной, въ это время года, тайги *). Пріисковая администрація и рабочіе равно спѣшатъ покинуть ее.

Съ утра въ этотъ день работы были прекращены и часть

*) Горы, заросшія лѣсомъ. Тайгой называютъ въ Сибири и мѣстности, въ которыхъ расположены золотые пріиски.

рабочихъ употреблена была на разборку золотопромывательной машины; другіе сдавали инструменты, которые, вмѣстѣ съ частями разобранной машины, складывались въ сараи. Хлѣбопеки нѣсколько дней съ утра и до ночи сушили сухари для продовольствія рабочихъ на обратный путь. Приказчики пріисковой конторы и матеріальные, завѣдывающіе вещевыми и продовольственными цейхаузами, занимались сведеніемъ счетовъ. Рабочіе, тоже, въ свою очередь, высчитывали, сколько придется получить имъ изъ заработной платы на руки. На изнуренныхъ лицахъ ихъ написано и сомнѣніе въ правильности ожидающаго ихъ разсчета, неизбѣжно возбуждаемое въ нихъ каждый разъ многолѣтнимъ опытомъ, и радость отдыха со всѣми наслажденіями, предстоящими при выходѣ изъ тайги въ населенные пункты. Радость эта понятна только людямъ, знакомымъ съ бытомъ особо выработавшагося въ Сибири класса „таежниковъ“, какъ называетъ народъ пріисковыхъ рабочихъ, на которыхъ тяжелый трудъ и полная лишеній жизнь, кладетъ своеобразный отпечатокъ.

Крестьянинъ, попавшій рабочимъ на пріиски, иногда въ теченіи многихъ лѣтъ бываетъ поставленъ въ невозможность вырваться изъ этой среды и возвратиться къ домашнимъ занятіямъ, благодаря тѣмъ условіямъ, какими обставлено его положеніе. Обыкновенно, съ ноября мѣсяца и по апрѣль, отъ золотопромышленниковъ разъѣзжаютъ по деревнямъ и селамъ Томской и по округамъ смежныхъ съ ней губерній приказчики, завѣдывающіе наемкою рабочихъ. По заключеніи контракта при наймѣ и засвидѣтельствованіи его въ волостномъ правленіи, рабочій получаетъ задатокъ отъ 50 до 60 р., ко-

торый, иногда, всецѣло идетъ на уплату причитающихся съ него податей и недоимокъ, такъ какъ только эта необходимость, за неимѣніемъ другихъ заработковъ, и вынуждаетъ большинство крестьянъ бросать свое хозяйство и идти на пріиски. Полученіе билета рабочему, благодаря притязаніямъ волостныхъ писарей, никогда не обходится дешевле 6 или 8 руб., и затѣмъ, изъ полученнаго задатка у него нерѣдко не остается ни копѣйки. Онъ уходитъ, оставляя свою семью кормиться или милостыней, или ничтожною поденною работой. Въ контрактъ вносятся, со стороны рабочаго, условія платы, всегда колеблющейся отъ 80 к. до 1 руб. и иногда 1 руб. 20 к. съ кубической сажени земляной работы, за исключеніемъ „старательскихъ“ дней, т. е. праздниковъ. За праздничную работу каждый получаетъ отдѣльный разсчетъ, смотря по количеству добытаго золота. Со стороны нанимателя, въ контрактъ вносится обязательство продовольствовать рабочаго во все время пребыванія его на пріискѣ „доброкачественною“ пищею и снабжать продовольствіемъ на обратный путь съ пріисковъ по окончаніи работъ.

Въ послѣднихъ числахъ марта или въ началѣ апрѣля, по наступленіи оттепели, рабочіе сходятся изъ мѣстъ своего жительства на крайніе населенные пункты, изъ которыхъ идетъ дорога въ тайгу. На этихъ пунктахъ ихъ ожидаютъ прикащики, которые, по заключеніи контрактовъ, отбираютъ у рабочихъ билеты. По мѣрѣ сбора рабочихъ, они группируются въ партіи и отправляются прикащиками на пріиски. По прибытіи на пріиски, рабочіе, по степени силъ и навыка, разбиваются на группы, сообразно съ ха-

рактеромъ пріисковыхъ работъ. Одни изъ нихъ снимаютъ турфъ, т. е. верхній слой земли, всегда почти покрывающій на 1½ арш. золотоносный пластъ, и отвозятъ снимаемую землю тачками въ отвалъ. Другіе, въ это время, разработываютъ очищаемую золотоносную залежь, сваливая песокъ и кварцъ въ телѣги, поднимая ихъ лошадьми по особоустроеннымъ деревяннымъ откосамъ на верхъ золотопромывательной машины или „фабрики", какъ называютъ ее рабочіе. Иногда, для успѣха работъ, требуется отводить русла горныхъ рѣчекъ, и въ этихъ случаяхъ удвоивается трудность работъ. Часто самая промывка золота производится въ довольно глубокихъ, вырываемыхъ въ землѣ, шахтахъ, причемъ рѣдко принимаются предохранительныя мѣры и, благодаря этой скупости, рабочіе часто платятся жизнью, погибая въ обвалахъ. Немногимъ счастливцамъ выпадаетъ на долю легкій трудъ конюховъ, наблюдающихъ за пріисковыми рабочими лошадьми и упряжью, и занимающихся только отвозкой нагружаемыхъ пескомъ телѣгъ на машину. Конюхи отправляютъ и обязанности ликторовъ, относительно провинившихся рабочихъ, причемъ употребляются не одни розги, но и палки. Остальные обрекаются на трудъ, начинающійся съ 3-хъ часовъ утра, съ короткимъ промежуткомъ для обѣда, и продолжающійся до 9-ти часовъ вечера.

Нигдѣ такъ не развита система закабаленія рабочаго, какъ на пріискахъ, гдѣ за весь свой лѣтній тяжкій трудъ, работникъ выноситъ въ очистку лишь нѣсколькихъ рублей, а нерѣдко и копѣекъ. На пріиски всегда идетъ самый горькій бѣднякъ. Изъ задатка онъ не доноситъ до пріиска и

гроша, и почти всегда во всю дорогу до пріиска питается милостыней. На пріискъ онъ приходитъ оборванный, часто не имѣя рубахи на тѣлѣ. А какъ много тутъ представляется ему соблазна! Съ какой предупредительностью предлагаютъ ему взять изъ пріисковаго вещеваго цейхгауза и полушубокъ, и сапоги или бродни, и рубахъ, и чего только душа не пожелаетъ. Какой-же человѣкъ откажется отъ удовольствія имѣть теплое, новое платье, чистую рубаху, бродни или сапоги на ногахъ, изъ которыхъ не сквозятъ пальцы и въ которыхъ ноги не чувствуютъ ни холода, ни сырости? И рабочій беретъ, побуждаемый не прихотью, а необходимостью. Вещевые пріисковые цейхгаузы наполняются, обыкновенно, вещами, идущими въ бракъ у городскихъ торговцевъ, и скупаются гуртомъ золотопромышленниками за половинную цѣну. Эти-то вещи и сбываются рабочимъ по цѣнамъ, до невѣроятности высокимъ. Наприм. хорошія бродни въ городской лавкѣ стоятъ 1 р. 20 к., залежалыя и непригодныя, по своей непрочности къ употребленію, онѣ обходятся золотопріискателю въ гуртовой покупкѣ отъ 50 до 60 к. пара. Подобная-же пара бродень, взятая рабочимъ, ставится ему въ счетъ въ 2 р. и 2 р. 50 к. Хорошій полушубокъ рабочій могъ-бы пріобрѣсти въ другомъ мѣстѣ отъ 12 до 15 руб., а взятый въ пріисковомъ магазинѣ, весьма плохаго качества, онъ обходится ему не менѣе 25 р. И такъ во всемъ остальномъ. При этомъ нужно сказать, что ввозъ товаровъ на пріиски постороннимъ торговцамъ, которые могли бы возбудить выгодную для рабочихъ конкуренцію, строго воспрещенъ, и потому, волей

неволей, рабочій долженъ брать изъ пріисковаго магазина дорогія и непрочныя вещи, которыя онъ неизбѣжно смѣнитъ два-три раза въ лѣто. Далѣе: рабочему полагается отъ хозяина по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ чарка водки, которую онъ всегда аккуратно и получаетъ. Но кому-же не понятно, что ежедневно изнуряемому 17-ти часовой безпрерывной работой, рабочему празничной чарки недостаточно—и вотъ онъ пьетъ чарку ежедневно, такую чарку, въ которую вмѣщается вина не болѣе 2 обыкновенныхъ рюмокъ. Каждая такая чарка ставится ему въ счетъ отъ 30 до 50 коп., а иногда и просто по такимъ цѣнамъ, какія Богъ на душу положитъ *). Возьметъ рабочій золотникъ чаю изъ фунта, стоимостью въ 60 коп. (т. е. $^5/_8$ к. за золотникъ) Фунтъ сахару, стоющій въ Сибири 50 к., обходится пріисковому рабочему въ 1 р. и болѣе. Спрашивается, многоли вынесетъ онъ изъ своей заработной платы при окончательномъ разсчетѣ? Прямой интересъ каждаго хозяина пріисковъ, старающагося заручиться рабочими и на будущее время, заключается именно въ закабаленіи ихъ всевозможными путями. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе будетъ всякихъ приписокъ, начетовъ и недоразумѣній, тѣмъ скорѣе достигается его цѣль. Благодаря подобной системѣ, рабочій остается или ни причемъ, или съ такою цифрою рублей, съ которой ему не дойти и до дома, еслибъ не выручала милостыня. А дома его ждетъ голодающая семья и совершенно павшее хозяйство, а на будущій годъ снова нужно пла-

*) Бываютъ примѣры, что рабочіе платятъ и по 2 руб. за чарку, если почему-нибудь пріостанавливается отпускъ имъ вина.

тить подати. Что-жъ остается дѣлать, какъ не взять новый задатокъ и такимъ образомъ продолжать до тѣхъ поръ, пока его не сломитъ на этихъ же пріискахъ тифъ.

Гигіеническія условія, въ которыхъ находится пріисковой рабочій, неминуемо приводятъ его къ болѣзнямъ. Пища, которую онъ получаетъ, во все время пребыванія на пріискѣ отъ хозяина, заключается изъ одной солонины, вопреки текста контракта, доброкачественности весьма подозрительной. Достаточно-ли можетъ вознаграждать потери въ организмѣ, вызываемыя 17-ти-часовою работой, жиденькій наваръ отъ солонины, съ кислой капустой и крупами, съ ржаными сухарями, и только по праздникамъ — съ свѣже-выпеченнымъ хлѣбомъ. Прямымъ послѣдствіемъ подобнаго питанія появляются цынга, скорбутъ и тифъ, особенно-же послѣдній, часто свирѣпствующій на пріискахъ. Къ развитію тифа и ревматизмовъ много способствуютъ и условія работы среди постоянной сырости и холода. Сырость преслѣдуетъ рабочаго и въ тѣсныхъ баракахъ, сколоченныхъ изъ досокъ, гдѣ каждый изъ нихъ спитъ на соломѣ, настланной на землю. Немногіе изъ пріисковъ, принадлежащіе крупно-житочнымъ компаніямъ, отличаются большимъ удобствомъ въ помѣщеніи рабочихъ, и даже содержатъ больницы и лекарей, остальные ограничиваются полуграмотными фельдшерами, при самомъ скудномъ каталогѣ медикаментовъ; да и что можетъ сдѣлать даже знающій фельдшеръ и хорошіе медикаменты при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится больной? Заболѣвшіе рабочіе лежатъ въ тѣхъ-же баракахъ, какъ и здоровые, т. е. въ холоду и сырости, при той же

зараженной атмосферѣ отъ прѣющей грязной одежды, отъ дыму махорки и при той-же пищѣ изъ солонины. На каждомъ пріискѣ найдется много могилъ, гдѣ обрѣли послѣдній пріютъ безслѣдно прожитыя жизни. Вѣроятно, не легка совокупность этихъ условій, къ тому-же соединенныхъ съ строгой дисциплиной (за каждый проступокъ назначается тѣлесное наказанье), что, несмотря на всю выносливость русскаго простолюдина, они вызываютъ въ рабочихъ побѣги и сопряженное съ ними голодное скитальчество по лѣсамъ, и острогъ послѣ поимки. Отъ людей, служившихъ въ пріисковой администраціи, много можно услышать разсказовъ о характерныхъ облавахъ, которыя устраиваются въ лѣсахъ для поимки бѣжавшихъ рабочихъ, о дикой, остервененной охотѣ на людей, не вынесшихъ гнета пріисковыхъ порядковъ. И часто бываетъ, что рабочій, избѣжавшій поимки, такъ и пропадаетъ безъ вѣсти, сдѣлавшись жертвой голода или звѣря.

Всмотрѣвшись въ оборванныя толпы „таёжниковъ“, выходящихъ въ началѣ сентября съ работъ, въ ихъ изнуренныя, исхудалыя лица, наблюдатель, по внѣшнему виду ихъ, прочтетъ горькую повѣсть страданій, выносимыхъ этимъ людомъ. Онъ прочтетъ и всю мѣру злобы, развиваемой въ нихъ жизнью и людьми, и понятенъ станетъ ему типъ этого оборваннаго, наголодавшагося человѣка, и тотъ дикій разгулъ, съ какимъ онъ пропиваетъ кровью добытыя деньги, забывая о семьѣ, о домѣ и о хозяйствѣ. Что ему семья, домъ и хозяйство, когда все его существо надломлено, когда для него нѣтъ просвѣта въ будущемъ?

Точно блудящіе огоньки, замелькали, при наступленіи сумерекъ, фонари, при свѣтѣ которыхъ заканчивались дневныя занятія. Тусклый отблескъ огней мелькалъ и изъ оконъ длиннаго ряда бараковъ, сколоченныхъ изъ сосновыхъ досокъ съ конусообразными кровлями для стока дождевой воды. Въ нихъ кипѣла самая разнообразная дѣятельность. Каждый рабочій, приготовляясь къ длинному пути, чинилъ рваный полушубокъ или зипунъ, кто прикрѣплялъ отпавшую подошву сапога или отвалившееся голенище бродня; иной штопалъ давно провалившійся верхъ фуражки, или придѣлывалъ ремни къ мѣшку, подъ свой необильный вещами скарбъ. Были и такіе, что, наносивъ въ корыта воды выстирывали, примѣшивая къ ней березовой золы, за неимѣніемъ мыла, заношенныя рубахи или онучи, чтобы, по выходѣ въ населенные пункты, выглядѣть почище. Всѣ съ утра успѣли запастись ржаными сухарями и вяленой говядиной для продовольствія во время пути, и бережно уложенная въ котомки провизія висѣла по стѣнамъ, или на небольшихъ протянутыхъ жердочкахъ. Говоръ и смѣхъ не умолкали. Иные сводили между собой счеты проиграннымъ деньгамъ въ „юрдонъ“ и „трынку“; кто разсказывалъ, для общаго удовольствія, длинныя исторіи похожденій, какими богата жизнь каждаго таёжника. Иногда, гдѣ-нибудь въ углу, затягивалась длинная заунывная пѣсня, въ другое-бы время подхваченная десятками сильныхъ, звучныхъ голосовъ, но теперь безслѣдно замиравшая въ общей суматохѣ. Прикрѣпленные къ стѣнамъ жировики лили тусклобагровый свѣтъ на чорныя, загорѣлыя лица рабочихъ, ко-

пошившихся въ этой душной атмосферѣ, наполненной міазмами и ѣдкимъ дымомъ махорки. Въ одной изъ группъ, расположившейся у жировика въ переднемъ углу барака, на низкомъ деревянномъ обрубкѣ, сидѣлъ, починивая бродни, человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ засаленной ситцевой рубахѣ и въ жилетѣ. Протянутыя, на сбитый изъ глины полъ, босыя ноги обращали на себя вниманіе уродливостью пальцевъ и мускулистой толщиною икръ. Такою-же мускулистостью отличались и руки, съ засученными у плечъ рукавами рубахи, то плотно сжимавшія бродень при прокалываніи его шиломъ, то съ силою стягивавшія ремень, которымъ онъ прикрѣплялъ, вмѣсто дратвы, отпавшее закаблучье. Время отъ времени, онъ взбрасывалъ падавшіе на глаза длинные волосы, открывая красивое овальное лицо, поражавшее правильностью линій. На углахъ сжатыхъ губъ, обрамленныхъ темнорусыми усами и клинообразной бородкой, мелькала улыбка; тонко очерченныя широкія ноздри постоянно вздувались какъ-бы отъ внутренняго подавленнаго смѣха. Но особенную оригинальность придавало наружности его выраженіе большихъ черныхъ глазъ, которые, то вспыхивали и свѣтились, и что-то рѣзкое, вызывающее, дерзко-насмѣшливое дышало, въ эти минуты, въ каждой чертѣ его, то вдругъ потухали, точно уходили куда-то во внутрь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое лицо принимало безжизненный отпечатокъ.

Данило Филиппычъ Карповъ, извѣстный болѣе въ Т...тайгѣ подъ названіемъ „Ежа“, появился на пріискахъ юношей и съ тѣхъ поръ не разставался съ ними. Тяжесть

работъ и условій пріисковой жизни преждевременно избороздила лицо его морщинами и усыпала сѣдинами темнорусые, вьющіеся волосы; но преждевременно состарившаяся жизнь способствовала, въ то же время, развитію природнаго ума, находчивости и неподдающейся препятствіямъ энергіи. На каждомъ пріискѣ онъ умѣлъ пріобрѣтать въ средѣ рабочихъ любовь и довѣріе къ себѣ, непорождавшія ни въ комъ зависти, какъ это часто бываетъ между людьми. Много таилось въ натурѣ его кипучей страстности, которая, помимо воли, обаятельно дѣйствуетъ на людей и подчиняетъ вліянію подобныхъ натуръ. Эта, присущая ему, сила сказывалась во всемъ, даже въ мелочахъ. На пріискахъ, напримѣръ, всегда немало найдется пѣсенниковъ съ сильными, развитыми голосами, пользующихся обширною славой. Уступая имъ, Ежъ все-таки умѣлъ пѣть такъ, что каждая нота его хватала слушателя за сердце, и въ ея безъискусственныхъ звукахъ выливался весь человѣкъ съ душой страстной, любящей и дѣтски-довѣрчивой. Мастеръ онъ былъ и на бойкое слово, и на прибаутку. Иногда что-то наивное, дѣтское проглядывало въ этомъ сильномъ человѣкѣ, но, въ то же время, онъ—ребенокъ—не дозволялъ никому наступать себѣ на ногу, и люди, физически вдвое болѣе сильные, нерѣдко робѣли передъ нимъ. Простыя, самобытныя натуры тѣмъ сильны, что въ нихъ нѣтъ выдержанной, хладнокровной разсчитанности, съ какою большинство людей относится къ своимъ ближнимъ. Они всегда и во всемъ искренни, смѣло глядятъ въ глаза каждому и не задумываются передъ опасностями, руководимые сознаніемъ своей

правоты. Это, своего рода, фанатики, смѣшные и непонятные для людей, выросшихъ въ правилахъ, усвоенныхъ образованными сословіями. Тамъ, гдѣ другіе смиряются, подчиняясь необходимости или падая духомъ, они вооружаются всею силою своей страстной души, находятъ цѣль жизни въ борьбѣ, не радуясь при торжествѣ и выказывая герой. скую стойкость, когда сами становятся жертвами ея. Таковъ былъ и Ежъ. Онъ не любилъ, какъ и большинство людей съ сильнымъ, сосредоточеннымъ характеромъ, вдаваться въ разсказы о себѣ и о своихъ подвигахъ, но самое названіе „Ежа“, данное ему таёжниками, мѣтко характеризовало нравственный складъ его и дѣятельность. Онъ не покинулъ ни одного пріиска, не оставивъ по себѣ разсказа между рабочими, гдѣ-бы энергичная фигура его не являлась протестующей противъ произвола и насилія.

Не обошлось у него безъ столкновенія и съ администраціей Г...о пріиска. Въ числѣ рабочихъ былъ одинъ старикъ, называемый „Рубцомъ“ за шрамъ, разсѣкавшій лѣвую щеку и губы. Это было ветхое существо, доживавшее на пріискахъ свою страдальческую жизнь, и превращенное временемъ въ идіота. Силы постоянно измѣняли ему, и трудъ, легкій для другихъ, для него становился тяжестью. Но какъ покорное животное, привычное къ работѣ, напрягая силы, стащить грузный возъ, наконецъ, падаетъ, такъ нерѣдко падалъ и Рубецъ отъ непосильнаго для лѣтъ его напряженія. И какъ въ тусклыхъ глазахъ животнаго появляется въ эти минуты выраженіе, молящее о помощи и пощадѣ, — такое-же выраженіе принимали, въ подобныхъ

случаяхъ, и глаза всегда молчаливаго Рубца. Онъ былъ жалокъ; молодежь смѣялась надъ нимъ, онъ покорно улыбался въ отвѣтъ на насмѣшки и шутки ихъ. Однажды, Рубца, работавшаго въ разрѣзѣ вмѣстѣ съ Ежомъ, надсмотрщикъ ударилъ по головѣ за какую-то сдѣланную имъ ошибку. Ударъ былъ такъ силенъ, что Рубецъ упалъ. Остальные рабочіе, привыкшіе къ этимъ сценамъ, не обратили на нее вниманія; но не то было съ Ежомъ. Помогши Рубцу подняться на ноги, онъ тихо спросилъ надсмотрщика: „Кого ты бьешь? Есть-ли въ тебѣ душа... одумайся!“ Немногихъ словъ этихъ было достаточно, чтобы надсмотрщикъ накинулся и на непрошеннаго заступника. Но едва онъ ударилъ Ежа, какъ въ виду всѣхъ рабочихъ покатился кубаремъ. Съ налитыми кровью глазами, съ лицомъ, искаженнымъ бѣшенствомъ, Ежъ убилъ-бы надсмотрщика, еслибы во-время не отняли его рабочіе. „Задеру, задеру на смерть!“ кричалъ управляющій, приказавъ привести къ себѣ Ежа, когда ему доложили о поступкѣ его. Но, вѣроятно, и по фигурѣ пришедшаго къ нему Ежа, и по тону, какимъ онъ произнесъ: „дери! я здѣсь“! — управляющій понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и молча ушелъ въ свой домъ. Въ тотъ-же день Ежа перевели въ дальній разрѣзъ, на тяжкую работу, куда обыкновенно посылали только опальныхъ рабочихъ. „Ну-у, не сдобровать Ежу!“ шопотомъ говорили между собой рабочіе, зная, что управляющій не изъ тѣхъ, которые легко прощаютъ обиды...

Но возвращаюсь къ началу разсказа. Закрѣпивъ одинъ бродень, Ежъ продолжалъ ту же работу надъ другимъ, из-

рѣдка поправляя свѣтильню чадившаго жировика и прислушиваясь къ шедшему около его разговору.

— Жиру мужику нагуливать и свыше дозволенья нѣтъ! произнесъ весьма пожилой рабочій, съ большою лысиной на широкой головѣ, и, высучивъ на голомъ колѣнѣ толстую нитку вдвое, вдѣлъ ее къ свѣту въ иглу и обвелъ слушателею лукаво-насмѣшливымъ взглядомъ.—Жиръ мужику—баловство, на то объ тебѣ и пекутся, чтобъ ты не выросъ свыше мѣры, а выростешь—ну, и обровняютъ съ того конца, гдѣ у нашего брата ума болѣ. Ты вотъ погляди на скотину: поколь у ней ребра на показъ — смирна, а нагуляла жиру за лѣто — отколь и прыть возьмется! Такъ и мужичье дѣло. Дай-ко-бы мужику за-все сытымъ быть... и-и неспособился бы! Что около сытаго коня, то и около сытаго мужика: други, ходи съ оглядкой — бры-ы-кнетъ! Сытаго-то мужика въ узкій хомутъ не впряжешь!

— Нешто, Фролъ Иванычъ, мужиковъ-то впрягаютъ? прервалъ его молодой парень, съ худой, впалой грудью, сидѣвшій поодаль отъ всѣхъ.

— Мужикъ-то, почитай, чище другой лошади на возжѣ-то ходитъ!

— Въ первой слышу!

— А то-же лѣзешь съ людьми разговаривать! Э-эхъ Анчутъ, Анчутъ! голова-то съ овинъ, да въ овинѣ-то клинъ! Знай-же, что промежъ тобой и скотиной та разница: на скотину хомутъ силой надѣваютъ, а ты въ него самъ лѣзешь, да еще потуже затягиваешься! И хомутъ этотъ невидимка, простому человѣку даже не въ примѣту! А что,

къ слову спросить, Данило Филиппычъ, обратившись къ Ежу, спросилъ онъ:—никакъ у насъ нонѣ съ тобой до послѣдней петли затянуто?

— Тугонько! отвѣтилъ Ежъ, взбросивъ волосы и открывъ лицо, съ котораго не сходило веселое настроеніе.

— Много, по твоему, денегъ-то придетъ?

— Не выговоришь...

— О-о! Выходитъ кругло-жь, а?

— И кошеля экаго не знаю гдѣ подобрать, куда-бъ скла-а-асть!

Фролъ Иванычъ, вмѣсто отвѣта, хихикнулъ какъ-то въ себя и мотнулъ головой.

— Нонѣ, Фролъ Иванычъ, въ плисѣ не защеголяемъ! продолжалъ Ежъ:—у всѣхъ тугонько!

— Не пораспустить-ли, а?

— Боятся!

— Не натерло еще, выходитъ?

— У инаго и перетерло, да вишь трахтуютъ, кабы волдырь не сплылъ: ужь больно садко!

— Не раскачались,—погоди!

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, Данилушка! Видалъ, чего былиночка-то боится? Ни дождя, ни грозы, ни холодной росы, а острой косы!

— Фролъ Иванычъ! вступился грубый голосъ, заглушившій собой говоръ и смѣхъ: —а ты слыхалъ ли, косы-то бояться, и было-бъ не рости! Да вотъ ростетъ-же?

— Слыхалъ я это, Памфилушка, а вотъ ты что слыхалъ-ли: зернышко-то на мякинѣ держится, да чрезъ мя-

кину и кормится, а все какъ нардѣетъ, такъ мякину-же къ землѣ клонитъ, а не мякина его... Отгани-ко вотъ!..

— И прибаутокъ-же... ахъ, ты братецъ мой... и гдѣ это онъ наковырялъ ихъ!

— Наковыряешь... какъ шестьдесятъ-то семь годковъ Богу и великому Государю отслужишь. Много я видывалъ, други! Видывалъ, какъ и зерно мякину гнуло, а колоски съ корешкомъ вырывали! Не видалъ одного только, да и не увижу, чтобъ мякина зерно прикнула! И все, други, скажу: ровно прежній-то народъ покрѣпче былъ, а нонѣшній что-то жидковатъ!

— На худой пашнѣ, дядя, и хлѣбъ, неиздашенъ! замѣтилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Э-э-эхъ!.. одна-бы пашня-то, и уходъ-то одинъ-бы, да ужъ такъ... На крупный народъ неурожай пошолъ, куда ни погляди... Ахъ, даже говорить-то...

— Аль усталъ?..

— Устанешь.—Языкъ-то мозолить надоѣло, и онъ что брусъ,—стирается!

— Стало-быть, худой брусъ, коли стирается. Добрую-то брусину не скоро сотрешъ.

— Сотрешъ и добрую!.. Ржавое желѣзо всякой брусъ портитъ—вѣрь!

— Памфилъ Карпычъ! ты съ нимъ не спорь! Загадки пойдетъ метать, хошъ тынъ городи! И кто это, дядя Фролъ, тебя училъ имъ?

— Училъ-то меня одинъ-бы съ вами учитель, да вишь не всѣмъ, погляжу, эта грамата далась...

— Я, дядюшка, первой неграмотный, ты меня въ свое слово не путай!..

— Ты, Анчутушка, и самъ въ своемъ словѣ запутаешься.

Общій взрывъ хохота прервалъ Фрола Иваныча, даже самъ Анчутка захохоталъ и закашлялся, схватившись рукою за грудь. Между тѣмъ, около Фрола Иваныча понемногу стали группироваться и остальные рабочіе.

— Охъ, горе, да нужа, голодъ, да стужа всему, други, научатъ, продолжалъ Фролъ Иванычъ: — только не всякой смышленъ изъ энтой грамоты-то выходитъ!

— Обшлифовала тебя, Фролъ Иванычъ, наука-то! должно, съ нея у тебя и голова што пузырь гола!.. послышалось изъ среды столпившагося кружка.

Большинство рабочихъ давно уже покинуло свои занятія и стѣснилось около словоохотливаго Фрола Иваныча.

— А ты, Данилушка, штой-то плотно броденьки-то чинишь?... Аль путь-то далекъ, а? съ лукавой улыбкой спросилъ онъ Ежа.

— Мое, Фролъ Иванычъ, дѣло такое: не знаешь, гдѣ ляжешь, не чуешь, гдѣ встанешь! Хочу нонѣ своимъ неводомъ рыбу ловить.

— Закидывай, Данилушка, мутное озеро-то, — уловъ будетъ, а я на пяту!..

— Становись, дядя Фролъ, старый умъ молодому заручка. Хошь пуху не добудемъ, да перье отстоимъ! Чтожъ, братцы, пойдетъ кто въ поплавки къ моему неводу, а? взбросивъ волосы и весело посмотрѣвъ на окружающихъ, спросилъ онъ.

Фролъ Иванычъ, низко наклонившись надъ работой, чтобъ скрыть выступившую на лицѣ усмѣшку, быстро замоталъ въ воздухѣ иглой.

— А глыбко ты будешь закидывать-то, Данило Филипычъ?..

— Рыба-то поверху не плаваетъ, а по дну! съ улыбкой отвѣтилъ онъ.

— Съ нашего брата пухъ щиплютъ—не спрашиваютъ, больно, аль нѣтъ; такъ и намъ—закидывать, такъ ужь во всю мережу!.. произнесъ изъ толпы пожилой старикъ...

Кто знакомъ съ русскимъ простолюдиномъ, тотъ, вѣроятно, замѣчалъ, съ какой иногда изумительной легкостью возбуждается онъ. Одного ѣдкаго намека, остраго слова бываетъ достаточно, чтобъ предъ нимъ выяснилась истина, до тѣхъ поръ и не зараждавшаяся въ умѣ его. Но, благодаря этой легкости возбужденія, онъ и дѣйствуетъ безъ опредѣленнаго плана. При всемъ запасѣ энергіи, въ которой нельзя ему отказать, у него недостаетъ твердости выдержать до конца въ предпринятомъ дѣлѣ. Такъ и теперь, затаенная дума каждаго нашла вѣрный отголосокъ въ общемъ ропотѣ неудовольствія, все болѣе и болѣе возвышавшемся въ средѣ рабочихъ.

— Не совсѣмъ-же ржаво желѣзо-то, Фролъ Иванычъ, а? окликнулъ, подмигнувъ на гудѣвшую толпу, молодой парень съ курчавыми, свѣтлыми какъ ленъ волосами:—точилъ, точилъ, да и наточи-илъ!

Вмѣсто отвѣта, Фролъ Иванычъ, также усмѣхнувшись какъ-то во-внутрь, молча наклонился надъ своею работой.

Фролъ Иванычъ, какъ и Ежъ, пользовался большимъ авторитетомъ въ средѣ рабочихъ. Въ грубыхъ, но крайне подвижныхъ чертахъ его лица выражалось много ума и самаго наивнаго добродушія. Небольшіе сѣрые глаза, въ старческихъ покраснѣвшихъ вѣкахъ, окруженные сложною сѣтью точно иглою проведенныхъ морщинъ, казалось, не могли выражать инаго чувства, кромѣ смѣха, но смѣха, никого не оскорбляющаго. Это былъ человѣкъ того типа людей, жизнь которыхъ всегда составляетъ противорѣчіе съ выводами, какіе они способны дѣлать, благодаря своей наблюдательности. Они всегда безкорыстны, вслѣдствіе своей безграничной доброты, и, несмотря на весь свой опытъ, на всѣ уроки жизни, всегда довѣрчивы къ людямъ. Никто не способенъ къ такой самоотверженной дружбѣ, какъ они, и никто неспособенъ, въ то же время, сдѣлать такъ много зла—при всей своей добротѣ и незлобивости—какъ они, подъ увлеченіемъ охватившаго ихъ чувства. Податливость ихъ натуры способствуетъ уживчивости во всякой средѣ, при всякихъ обстоятельствахъ. Они, иногда, пользуются значительнымъ вліяніемъ на окружающихъ и, въ тоже время, никто болѣ, какъ они, не нуждаются въ посторонней поддержкѣ, въ подчиненіи вліянію людей, часто стоящихъ далеко ниже ихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, но имѣющихъ болѣе устойчивый характеръ. Между Фроломъ Иванычемъ и Ежомъ, несмотря на противоположность ихъ характеровъ, существовали самыя теплыя, дружескія отношенія. Подобная дружба, не охлаждающаяся ни при какихъ обстоятельствахъ, часто встрѣчается въ быту народа. У про-

столюдина нѣтъ ничего завѣтнаго для любимаго человѣка. Хозяйство ихъ взаимно открыто для пользованія другъ у друга. Они безъ спросу берутъ лошадей, вещи, если встрѣчается въ нихъ надобность, берегутъ, въ случаѣ отлучекъ, оставляемое на ихъ попеченіе хозяйство, съ бо̀льшей заботливостью чѣмъ собственное. Обмануть друга, выдать его въ несчастіи — считается преступленіемъ, для характеристики котораго нѣтъ и слова.

— Раскачало, Данилушка, мякину-то! быть дожжу съ градомъ! съ ироніей произнесъ Фролъ Иванычъ, обратившись къ Ежу: устояла-бъ только!

— Устоитъ!

На слѣдующій день, во флигелѣ, примыкавшемъ къ главному зданію пріиска и квартирѣ управляющаго, съ вывѣской на дверяхъ „Контора“, съ утра, густою массою тѣснились рабочіе. Комната, занимаемая конторою, была обширна. Въ одномъ углу ея, огороженномъ плотною рѣшеткою, сидѣлъ главный конторщикъ, молодой человѣкъ, съ длинными бѣлокурыми волосами. Двое помощниковъ и человѣка три конюховъ окружали его. Несмотря на безсонную ночь, проведенную за сведеніемъ разсчетовъ, и конторщикъ, и помощники его были въ веселомъ расположеніи духа: для нихъ, какъ и для рабочихъ, окончаніе утомительнаго пріисковаго сезона и выѣздъ на зиму въ города самое веселое время. Въ средѣ рабочихъ шелъ оживленный говоръ и смѣхъ. Несмотря на то, что дверь была раскрыта настежъ, и осеннее утро, наступившее послѣ ненастной ночи, было морозно, въ комнатѣ царствовала невыносимая ду-

хота. У небольшой дверцы, около рѣшетки, стоялъ конюхъ, отворяя ее для пропуска за рѣшетку вызываемыхъ въ алфавитномъ порядкѣ рабочихъ. Разсчетъ ихъ не представляетъ продолжительной процедуры. Рабочій получаетъ на руки билетъ, хранящійся въ конторѣ, и при немъ счетъ, въ которомъ выписывается все забранное имъ, съ цифрой стоимости каждой вещи или продукта. Во избѣжаніе тѣсноты, разсчитаннаго рабочаго пыпускали изъ конторы въ противоположную дверь, также охраняемую конюхомъ. Въ то время, какъ въ заднихъ рядахъ рабочихъ слышался смѣхъ и говоръ, въ переднихъ, жавшихся у рѣшетки, наблюдалось молчаніе. Каждый изъ рабочихъ зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями конторщика и особенно за однимъ изъ помощниковъ его, сидѣвшимъ по правую сторону стола, около высокихъ стопокъ ассигнацій и мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ.

— Николая Митрича съ зимнимъ денькомъ, что съ горячимъ блинкомъ! произнесъ, вдругъ, протѣснившійся къ рѣшеткѣ молодой парень, съ бойкимъ, выразительнымъ лицомъ, вытянувшись во фрунтъ передъ рѣшеткой.

Выходка эта была встрѣчена общимъ, прокатившимся въ толпѣ, смѣхомъ; конторщикъ поднялъ голову и улыбнулся.

— Ты все съ шуточками, не унялся еще!

— Мяли, Николай Митричъ, да отстали; изъ неспорой глины, сказываютъ, горшка но обожжешь! Не томите душъ-то въ отпущеніи грѣховъ! заключилъ онъ, кивнувъ головой на рабочихъ.

— Абрамовъ! Егоръ Абрамовъ?.. произнесъ конторщикъ, глядя на толпу.

Къ рѣшеткѣ протѣснился малодой, неуклюжій на видъ, парень...

— Иди, растопыривай корманы-то! сострилъ конюхъ, затворяя за нимъ рѣшетку.

— Тридцать два рубля 83 копѣйки! подавая ему билетъ, счетъ и деньги, произнесъ конторщикъ.

Молча принявъ деньги, Абрамовъ медленно пересчиталъ ихъ и, немного подумавши, съ разстановкой повторилъ: „Такъ энто тридцать-то два рубля всего? ловко"!

Гулъ смѣха былъ отвѣтомъ ему.

— Ловко... ай, ай! снова повторилъ онъ, повидимому не придя еще въ себя отъ поразившей его цифры.— Энто за какіе-жъ бы провины обшарпали-то?

— Тебѣ данъ счетъ, и читай! отвѣтилъ тотъ, неглядя на него.

— Считай! ты мнѣ словомъ скажи. Я вотъ еще неграмотный!

— Акимовъ?.. вмѣсто отвѣта выкликнулъ конторщикъ.

Толпа снова заколыхалась, давая дорогу хромоногому старику, съ худымъ морщинистымъ лицомъ, обросшимъ клочками волосъ вмѣсто бороды. Войдя за рѣшетку, онъ перекрестился раза два въ передній уголъ и поклонился конторщику.

— Шестьдесятъ восемь рублей! подавая деньги, также вмѣстѣ съ билетомъ и счетомъ, сказалъ конторщикъ.

— Что-жъ, отвѣтъ мнѣ что ни на есть! снова обратился къ нему Абрамовъ.

— Что-жъ тебѣ отвѣтить-то?..

— За что обшарпали-то меня! по моему-то счету, болѣ ста рублевъ надоть на руки-бы!

— Сосчиталъ-же! съ усмѣшкой обратился къ конторщику сидѣвшій около его помощникъ.

— А ты думалъ, что мужикъ, такъ и счету не знаю, прервалъ его Абрамовъ, весь вспыхнувъ и встряхнувъ волосами: нѣтъ, я, братъ, еще тебя научу!

— Въ это время, и старикъ, пересчитавъ деньги, замялся и робко произнесъ: „маловато-бы и мнѣ-то, ровно!“

— Чего ты ждешь еще? нахмуривъ брови спросилъ конторщикъ, обращаясь къ Абрамову:—тебя разсчитали!

— Нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, вѣдь ты деньги получилъ?

— Додачи жду! мнѣ слѣдуетъ сто рублевъ, а кинулъ, што собакѣ кость, и разсчиталъ! Нѣтъ, нонѣ у насъ у самихъ головы-то не въ обручахъ, — ты вотъ и языкомъ шевельнуть не хошь, за што обшарпалъ, даешь и спрашиваешь: чего мнѣ надоть! Я знаю чего мнѣ надоть, мнѣ мои деньги подай!

— Да ты пьянъ вѣрно? съ удивленіемъ произнесъ конторщикъ.

— Студеной воды два ковша выпилъ, точно! А ты почтенный, не напоивши, не кори! Пьянъ! съ обману-то вашего охмѣлѣешь!

— Ты забылся? гдѣ ты стоишь?

— Мѣста не продавлю, небойся!

— Выведите его! весь покраснѣвъ, обратился конторщикъ къ конюхамъ.

— Энто вмѣсто разсчета-то! нѣтъ, я еще не пойду, ты мнѣ, наперво, подай мое кровное, да тогда ужъ гони! Слышь, братцы, выводить хотятъ, обратился Абрамовъ къ толпѣ, среди которой царило глубокое молчаніе.

— Егорка! подь лучше безъ грѣха! вступился одинъ изъ конюховъ, неохотно придвигаясь къ нему.

— Мнѣ мое подай, тогда и самъ уйду, а ты не подходи! и ей-богу не подходи, коли скула цѣла!

— Но не прошло и минуты, какъ съ крикомъ: „братцы, что-жъ это, ограбили, да и гонятъ!“ онъ вылетѣлъ за дверь конторы и, присѣвъ на земляную завалину, заплакалъ, уткнувъ голову въ руки, забывъ и о шапкѣ, выпавшей изъ рукъ его при борьбѣ съ конюхомъ и выброшенной далеко отъ двери въ грязь.

Что-то неясное пробѣжало въ толпѣ и, вслѣдъ за тѣмъ, снова наступила тишина.

— А ты чего ждешь? спросилъ конторщикъ, не то усталымъ, не то взволнованнымъ голосомъ, разсчитаннаго старика,—вѣдь деньги получилъ?

— Получилъ, получилъ, дай тебѣ Богъ! только, говорю, маловато-бы, ровно... ну, да ужь коли-что... такъ чего говорить... гоняете!.. А-а-ахъ! И, сжавъ счетъ и деньги въ рукахъ, онъ направился къ той двери, откуда былъ выпровоженъ Абрамовъ.

Вызванный вслѣдъ за нимъ, по порядку, высокій, су-

туловатый рабочій молча всунулъ полученный билетъ за пазуху; пересчиталъ деньги и, размотавъ веревку, прикрѣплявшую къ ногѣ голенище бродня, заложилъ за него деньги и угрюмо спросилъ конторщика: „все?“

— Все!.. отвѣтилъ тотъ, вопросительно посмотрѣвъ на него.

— Видать, густо мѣсили, да хлѣбать нечего! задумчиво произнесъ онъ: неужъ и все тутъ? снова спросилъ онъ. Въ эфтакой-то препорціи обсчитывать нашего брата, на мой мужичій умъ—грабежъ.

— Выражайся полегче, любезный! предостерегъ его конторщикъ, весь покраснѣвъ:—въ другомъ мѣстѣ можешь говорить, что угодно, а здѣсь будь вѣжливъ!

— Слово-то не обухъ, не бьетъ! И у березки слезки текутъ, когда съ нее лыко дерутъ—не токма наше дѣло! Заговоришь, какъ въ три-то скребла огребаютъ! А-а-ахъ, правда! безъ пути пустырями по свѣту бродишь, только къ людямъ не заглядываешь!—Дай вамъ, Господи, чужія хрохи ѣсть, не давиться; людской слезой, что соленой водой не напиться! Экая совѣсть-то у людей, братцы! обратился онъ къ толпѣ: — почесть третьей доли не дали того, что доводится, а-а!..

— Выведите его! обратился къ конюхамъ, начинавшій выходить изъ терпѣнія, конторщикъ.

— Доколь-же это, братцы, глумиться-то надъ нами будутъ!

— Иди, иди, Вавило, нечего! произнесъ одинъ изъ конюховъ, беря его подъ руку.

Толпа заколыхалась, и къ рѣшеткѣ выступилъ Ежъ.

— Иди, Вавило! произнесъ онъ среди невозмутимаго молчанія.—А ты, ваше почтеніе, кликни намъ управляющаго! обратился онъ къ конторщику; — мы съ нимъ поговорить хотимъ!

— О чемъ это? спросилъ его смутившійся конторщикъ:— если что нужно, говорите, я передамъ.

— Въ чужую кашу, ваше почтеніе, свою ложку не суй... Мы ее и своими расхлебаемъ!..

— Ты кто такой, чей прозываешься?..

— Карповъ, а за все-то Ежомъ зовусь...

Конторщикъ молча переглянулся съ своими помощниками, лица которыхъ, какъ и его собственное, выражали полное недоумѣніе. Переглянулись между собой и конюха, понявъ, что затѣвается что-то недоброе, и что роль ихъ чуть-ли не окончена. Подумавъ немного и снова посмотрѣвъ на толпу, въ средѣ которой хранилось мертвое молчаніе,— признакъ твердо принятаго рѣшенія, конторщикъ всталъ и, собравъ документы и деньги, сложилъ ихъ въ столъ, заперъ его и вышелъ изъ конторы.

При рѣдкомъ разсчетѣ пріисковыхъ рабочихъ не возникаетъ между ними неудовольствія на неправильную оцѣнку труда, на высокія цифры, проставляемыя за забранные ими товары и продукты. Подобныя натяжки при разсчетахъ съ рабочимъ встрѣчаются нетолько у тѣхъ золотопромышленниковъ, дѣла которыхъ идутъ плохо и съ году на годъ грозятъ паденіемъ, но и при хорошей организаціи хозяй-

ства, при благодарномъ вознагражденіи произведенныхъ затратъ. Гнетъ этотъ всегда идетъ черезъ руки управляющихъ пріисками, которымъ ввѣряется распоряженіе работами и вся административная дѣятельность на правахъ самостоятельныхъ лицъ. Чѣмъ болѣе управляющій соблюдаетъ интересы своего хозяна, тѣмъ болѣе гарантируетъ прочность своего положенія, всегда завиднаго, благодаря хорошему содержанію и полному матеріальному обезпеченію.

Василій Никитичъ Кудряшевъ, управляющій Г...ъ пріискомъ, находившимся въ вѣдѣніи конкурса, учрежденнаго надъ дѣлами одной изъ золотопромышленныхъ компаній, не пользовался хорошей репутаціей не только между рабочими, но и у другихъ служащихъ. Человѣкъ онъ былъ пожилой, съ значительною просѣдью, въ коротко-остриженныхъ волосахъ и окладистой бородкѣ, пользовавшійся завиднымъ здоровьемъ, благодаря постоянной физической дѣятельности. Подобострастный и хитро-вкрадчивый съ высшими, онъ не зналъ границъ произволу съ людьми, зависящими отъ него. Какъ всѣ коренастые, полнокровные люди, онъ былъ вспыльчивъ до изступленія, причемъ хриплый голосъ его сипѣлъ, глаза наливались кровью, и горе было нетолько рабочимъ, но конторщикамъ и надсмотрщикамъ, подвергавшимся въ въ эти минуты припадкамъ его гнѣва. Онъ разсыпалъ удары направо и налѣво, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ, и считалъ, нетолько ненужнымъ, но неприличнымъ, для своего званія, извиняться предъ невинно-пострадавшими, когда выяснялось дѣло. Рабочіе, окрестивъ его названіемъ „крутолобый“, боялись его. За Василіемъ Ни-

китичемъ было много дѣлъ, которыя другому-бы не прошли безнаказанно, но, находясь болѣе чѣмъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ конкурса и имѣя репутацію хорошаго управляющаго, онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и заступничествомъ, въ случаѣ возникающихъ жалобъ. Одна неопытность или необходимость отработать забранное гнала рабочихъ на Г...ій пріискъ. Василій Никитичъ никогда не присутствовалъ при расчетахъ, предоставляя выносить ропотъ неудовольствія и нареканій конторщику. Сидя теперь въ комфортабельно-убранной комнатѣ, стѣны которой вмѣсто обой были увѣшаны коврами, онъ свѣрялъ пріисковыя шнуровыя книги и черновой отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за лѣтній сезонъ. Переданное ему желаніе рабочихъ видѣть его и говорить съ нимъ, непріятно подѣйствовало на него. Откинувшись на высокую спинку кресла, онъ побагровѣлъ; глаза его съузились, и большой палецъ правой руки быстро завертѣлся около рта. Василій Никитичъ понялъ, зачѣмъ рабочіе желаютъ видѣть его, и о чемъ будутъ говорить съ нимъ. Не сказавъ ни слова конторщику, онъ всталъ, надѣлъ, вмѣсто халата, бешметъ, опушенный бѣличьимъ мѣхомъ и, опустивъ въ карманъ небольшой шестиствольный револьверъ, постоянно заряженный и всегда лежавшій у его постели, вышелъ въ сопровожденіи конторщика.

При входѣ въ контору, онъ зачерпнулъ изъ ушата, стоявшаго у двери, воды въ небольшой жестяной ковшъ и, выпивъ нѣсколько глотковъ, отеръ ротъ и усы рукавомъ бешмета и взялся за дверную скобу. Но прежде, чѣмъ от-

ворилъ дверь, пасмурное лицо его, способное повиноваться волѣ своего хозяина, приняло совершенно иное выраженіе. Морщины на лбу разгладились, сжатый ротъ раздвинулся въ улыбку; только глаза совершенно скрылись, чуть прорѣзываясь изъ сдвинувшихся вѣкъ, да яркій румянецъ выдавалъ еще слѣды недавняго волненія. Василій Никитичъ, какъ и всѣ, недаромъ прожившіе на свѣтѣ люди, умѣлъ владѣть собой и подавлять свой гнѣвъ, прикрывая его улыбкой тамъ, гдѣ требовали того обстоятельства.

— Здравствуйте, голуби, здравствуйте! улыбаясь и потирая руки привѣтствовалъ онъ молчавшую толпу. И смутившись, не получая отвѣта отъ нея, быстро заговорилъ:— ну вотъ, слова Богу и работы покончили, по домамъ теперь, на покой къ бабамъ... то-то съ голодухи-то поди а-а... ха-ха! сострилъ онъ, подходя къ рѣшеткѣ. — Ну, что, голуби, обо мнѣ соскучились, а? Спасибо за память!..

— Мы, ваше почтеніе, все помнимъ! отвѣтилъ ему Ежъ, глаза котораго заискрились и лицо приняло свойственное ему одушевленное выраженіе: — только вы-то насъ забыли!

— Какъ-же это, чѣмъ-же я-то забылъ васъ? ба-ба-ба... да ты никакъ знакомъ еще мнѣ! вмѣсто улыбки, непріятно скрививъ ротъ, спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ него.

— Видались за лѣто-то!

— Помню, помню, какъ-бишь тебя?..

— Ежъ, ваше почтеніе! подсказалъ онъ смѣло, въ упоръ глядя на него...

— Да, да, да!.. Кто-жъ это тебя окрестилъ-то такъ, а?.. Ежъ... этакого имени и въ святцахъ нѣтъ... ха, ха, ха!.. Не попъ вѣдь, поди, а?..

— Никакъ нѣтъ-съ... а ужъ такъ, по шерсти и кличку міръ даетъ!

— О-о! да ты говорокъ!

— Таежныя дорожки всякую шину въ гладь оботрутъ, ваше почтеніе!

— Говоро-о-окъ!.. протянулъ Василій Никитичъ, чувствуя свое неловкое положеніе, и не зная съ чего начать свое щекотливое объясненіе съ рабочими:—такъ что-бишь... зачѣмъ вамъ меня-то, а?.. спросилъ вдругъ онъ, обратившись къ толпѣ.

— Обкроили ужъ больно, Василій Никитичъ, покромки-то у вашего суконца широки, нельзя-ли поуже! сле-езно міръ проситъ! отвѣтилъ ему Ежъ...

— То-есть, что-же это? Я не понимаю!

— Расчеты-то ваши-съ на видъ-то гладки съ,—да наощупь шаршавы, пожалуй и карманы протрутъ!

— А-а... да, да! понимаю! значитъ, по вашимъ покромкамъ расчеты-то пригнать? шутливо спросилъ онъ.

— Обоюдное-бы дѣло! мы для васъ радѣли, а вы объ насъ!..

— Сколько кто хочетъ, столько и дать, а? такъ что-ли? снова спросилъ онъ.

— Обрадовали-бы...

— Знаю, знаю!.. И самъ знаю, молодцы, обратился онъ къ толпѣ,—что обрадывалъ-бы васъ, да не моя воля...

Не я хозяинъ! вы нашихъ дѣлъ не знаете! Я вѣдь и самъ понимаю, что если ты... ну, какъ-бишь тебя, Ежъ, чтоли?

— Ежъ... такъ точно-съ!

— Ну ты, напримѣръ, взялъ бродни изъ цейхгауза... они стоятъ рубль...

— По ихнимъ качествамъ, Василь Никитичъ, вся имъ цѣна — тьфу!

— А знаешь-ли ты, что, по справедливости-то, я долженъ-бы ставить ихъ въ счетъ три рубля. Мнѣ такъ и конкурсъ приказываетъ, а я ставлю ихъ въ два, — на свой счетъ рубль принимаю, чтобъ только васъ не обидѣть! Такъ сколько-же этакихъ-то рублей у меня изъ кармана выходитъ?

— Не наше дѣло хозяйскій разсчетъ вести! послышалось изъ толпы.

— У хозяевъ и карманъ-то, Василь Никитичъ, толще вѣковой сосны: есть изъ чего и къ нашему брату снизойдти!.. серьезно произнесъ Ежъ.

— У нихъ тыщи! снова заговорили въ толпѣ: — а у насъ крохи: у нихъ лишню тыщу потрясти — горе беретъ, а у насъ послѣдню кроху отбираютъ!

— Сказано, что къ ихней совѣсти, правда, что къ сухой лопатѣ песокъ, не пристанетъ! Вотъ ты-бы, Василь Никитичъ, самъ поробилъ, такъ провѣдалъ-бы, каково оно! И ты бы заговорилъ, какъ у тебя стали-бы твое-то добро обкраивать!

— Это кто тамъ говоритъ? покажись-ка сюда!.. произнесъ, побагровѣвъ, Кудряшевъ.

— Кто-бы ни говорилъ тамъ, а ты знай-слушай, да мотай на усъ!

Нижняя губа Василія Никитича дрогнула, рука, сжавшаяся въ кулакъ, уперлась въ рѣшетку, какъ-бы ища опоры.

— Оно, точно, Василь Никитичъ, снова вступился Ежъ, — по вашимъ словамъ хозяевамъ расходъ большой, только, на мой-бы умъ, за плевыя вещи имъ-бы и убычиться не слѣдъ, и мужиковъ-бы не зорить. Лонскаго году торгующій завезъ было сюда товары, такъ ваша же милость приказали его выпроводить, а онъ не въ примѣръ дешевле бралъ! Тогда-бы, значитъ, и намъ-бы льгота, и хозяину безъ разоренья! съ ироніей заключилъ онъ, смотря на смущенное, неожиданнымъ аргументомъ его, лицо Василія Никитича. — Вотъ онъ, зипунчикъ-то, за лѣто-то, изволите видѣть, окромя какъ на неводъ, никуда не пригожъ, а тоже 15 рубликовъ поставили, а ему и вся-то цѣна съ лихвой-бы — пять!

— Зачѣмъ-же бралъ, если онъ дуренъ и дорогъ? вѣдь не навяливали силой!

— Оно точно! да вѣдь хоша народъ мы и теплый, а все своя-то овчина не грѣетъ... Холодно, и плачешь, да берешь.

— А согрѣлся, такъ и хозяйскій зипунъ показался дорогъ и худъ?

— Да отъ него согрѣву-то немного видали, Василь Никитичъ. Только слава, што на плечахъ зипунъ, а все болѣ изъ своей-же каменки пару въ кулаки поддавали. Такъ ужъ будьте по-божески, не обидьте сиротъ, спустите цѣнки-

то! Лишняя сотенка хозяйскаго кармана не натрудитъ, а бѣдному человѣку помога. Нонѣ-же на золотце-то урожай Богъ послалъ, а хозявамъ-то заручка черезъ наши-же ручки плыветъ!.. У путнаго хозяина, Василь Никитичъ, сказываютъ, и скотина хвораетъ, такъ уходъ видитъ; — а вѣдь мы тоже Божье творенье, ужъ снизойдите, не вычитайте хворыхъ-то дней изъ платы! На вѣкъ вѣдь мы богомольцы за васъ!

— Прежде чѣмъ говорить-то бы все это, ребята, да бунтъ-то затѣвать,—спросили-бы, могу-ли я еще спустить цѣны-то? Развѣ мое добро, развѣ я хозяинъ ему? Кого спросятъ, какое я имѣлъ право самовольно распорядиться чужимъ добромъ, васъ или меня, а?..

— Извѣстно васъ, это точно-съ!

— А-а-а!.. А чтоже я долженъ буду отвѣтить на это?..

— Не мнѣ-бы вашу милость учить, да ужъ коли приказываете, поперегъ воли начальства не пойдемъ! Отвѣтьте, ваше почтеніе, что я-молъ не Скаріотской Иродъ, и у меня-молъ душа есть! Э-э-эхъ, ваше почтеніе, Василь Никитичъ! привелъ-бы вамъ Богъ на нашихъ-то кормахъ денечекъ побыть, такъ поосунулись-бы, румянчикъ-то съ личика—что дѣвичья притирка — къ ночи-бы пооблѣзъ! Отъ одного битья-то вашего не одна спинка погодку чуетъ. Много православныхъ за нонѣшнее лѣто вынесло на нихъ зарубочекъ на память о вашемъ радѣньи и добродѣтели къ намъ! Вотъ, Иванъ-то Малый совсѣмъ безъ ногъ, неси его теперь, какъ молоденца малаго, въ домъ то! Придетъ, что къ пустому

срубу, ни поѣсть, ни погрѣться! а вы и тутъ вычли всѣ дни! Господи! да неужъ къ человѣку у васъ и жалости-то нѣту! Что-жъ, значитъ, и послѣдній часъ кого настигнетъ и тутъ иди, робь! За мужика, ваше почтеніе, некому стоять; у него нѣтъ защитниковъ, всякой только и наровитъ изъ его-же овчинки шубку сшить,—такъ ужъ вы, ваше почтеніе, въ свою-то рѣчь хозяевъ не путайте. Мы тоже люди бывалые. Родились-то хоша и дураками, а знаемъ, что вы тутъ хозяинъ, въ вашей воли все! Такъ ужъ расчитайте вы насъ по-божески, а безъ энтаго, мы нонѣ и міромъ положили — обратной дорожки въ лѣсу не прокладывать!

— А-ай, Е-ежъ, ва-ажно! и-ей-Богу правда!.. проносилось въ колыхавшейся толпѣ, все время, когда говорилъ онъ.

Положеніе Кудряшева было болѣе чѣмъ жалко: онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но всетаки настолько владѣлъ собой, что сохранилъ веселое выраженіе въ лицѣ.

— Молодецъ, Ежъ! молодецъ!... Теперь вижу, что не даромъ тебя окрестили такъ! шутливо отвѣтилъ онъ, наконецъ, фамильярно потрепавъ Ежа по плечу, чрезъ раздѣляющую ихъ рѣшетку.

— Онъ у насъ парень, голой рукой не хватай, ваше почтеніе! со смѣхомъ отликнулись въ толпѣ.

— А задали вы мнѣ, ребята, задачу! какъ и быть-то съ вами! задумчиво произнесъ Кудряшевъ: ну, я спущу цѣну, облегчу васъ—а что-же хозяева на это скажутъ? Да у меня еще молодцы, и денегъ-то не хватитъ!

— Неужъ обнищали, ваше почтеніе?..

— Въ обрѣзъ, милые! Вѣдь намъ хозяева-то присылаютъ — не разгуляешься! а дай Богъ у нитки съ ниткой концы сплесть!

— Свои потревожьте; хозяева вашу милость не оботчутъ! съ ироніей отвѣтилъ Ежъ.

— Свои!.. А ты считалъ въ моемъ-то корманѣ?

— Мы, ваше почтеніе, и въ своихъ-то отвыкли высчитывать, такъ ужъ намъ-ли чужой мѣрить, глубокъ аль мелокъ?

— И спроси прежде, еще есть-ли свое-то?

— Полагать-бы надоть...

— Почему-жъ... ну-ко?

— По примѣтамъ-бы...

— Какимъ? что на лбу написаны?

— По нашей, по мужичьей примѣтѣ мы судимъ. На нашу смѣтку, ваше почтеніе, коли у человѣка денегъ нѣтъ, такъ онъ и ростомъ-то ровно пониже выглядитъ, и съ лица будто темнѣй! А человѣкъ съ деньгой, не во гнѣвъ вашей милости, и бѣлѣй, и румянѣй... и усмѣшка на алыхъ устахъ, и животъ, какъ у вашей-же милости!

— Ну, такъ вотъ что, молодцы! слушайте, обратился къ толпѣ управляющій.

Толпа стихла и сдвинулась къ рѣшеткѣ, надавивъ на передніе ряды.

— Такъ и быть, исполню вашу просьбу: спущу вамъ по рублю... довольны-ли?

— Обрадывалъ, ха ха ха... ну-у! прокатилось въ толпѣ; — на поминъ по душѣ хватитъ!

— Ну, по сколько-же, наконецъ?

— Самонастоящую хозяйску цѣнку прикиньте, будьте милостивы! а рубликъ-то мы ужъ на расходы жертвуемъ, будто какъ хозяйскіе убытки прикрыть:..

— Не мелко-же ты забрелъ, любезный!

— Въ глыбкомъ мѣстѣ болѣ простору, ваше почтеніе! по крайности, есть гдѣ поплавать, ручки, ножки расправить.

— Не могу! рѣшительно отвѣтилъ управляющій.

— Ва-аше почтеніе!

— И не просите, не могу! Что можно сдѣлать, то сдѣлаю по совѣсти. А больше не просите!

— Ахъ, ваше почтеніе! на все-бы власть ваша, да ужъ коли вы не можете—что-жъ, и мы свое слово колышками подопремъ!..

— Слово... какое слово?

— Обратной дорожки въ лѣсу не протаптывать!..

— Силой хотите принудить, что-ли?

— Силой-то и дѣтенышъ у матки молока не выпроситъ, а все болѣе лаской, ваше почтеніе! Мы съ добраго слова просимъ!

— Вы одумайтесь, чего вы просите!.. прервалъ его взволнованнымъ голосомъ Василій Никитичъ.

— Одумайся-ко ты, ваше почтеніе! выдвинувшись къ рѣшеткѣ произнесъ Фролъ Ивановичъ:—наша-то дума надумана!

По лицу Василія Никитича внезапно пробѣжало веселое настроеніе. Онъ широко улыбнулся, раскрылъ глаза, въ которыхъ просвѣчивалась лукавая насмѣшка.

— Ну, что-жъ... ребята, какъ-же, а? хозяйскія цѣны

взять' что-ли, а?.. весело спросилъ вдругъ онъ, а?.. обрадовать...

— Истинно, ваша милость! тоись, ахъ, какъ обрадуете!

— А надбросъ-то вашъ, брать, а? заигрывающимъ голосомъ продолжалъ онъ.

— Рубликъ-то-съ?

— Ха... ха... ну ну, что дѣлать! обратился онъ къ конторщику: уважимъ имъ, Николай Дмитричъ! на будущій годъ, можетъ быть, и они намъ за это горы разгребутъ! Такъ, молодцы, что-ль?

— Озолотимъ!.. почти въ голосъ отвѣтила толпа.

Болѣе прозорливому наблюдателю невольно-бы бросились въ глаза и внезапная безпричинная веселость, неподдѣльно выразившаяся въ лицѣ Василія Никитича, и уступчивость этого человѣка, за минуту еще упорно стоявшаго на своемъ. Все это неминуемо породило-бы сомнѣніе въ справедливости его словъ. Но не таковъ былъ стоявшій передъ нимъ простодушный, довѣрчивый народъ, принимавшій всякое слово за чистую монету. Только конторщикъ догадался, что Василь Никитичъ задумалъ что-то, да въ умѣ Ежа мелькнуло недовѣріе.

— Значитъ, ваше почтеніе, по хозяйскимъ цѣнамъ разсчитаете насъ? спросилъ онъ.

— Вѣдь я сказалъ! Чего-жъ еще?

— И у больныхъ не вычтете? тѣмъ-же тономъ спросилъ онъ, пытливо и недовѣрчиво смотря въ глаза его...

— Я, братецъ, не привыкъ обманывать! понимаешь?

— Пошли вамъ Господи!.. Простите, что пообидѣли...

— Вотъ это дѣло! наговорить-то, ребята, вы много наговорили мнѣ! Особливо вотъ-ты, братецъ, напѣлъ! обратился онъ къ Ежу: — незлопамятенъ я, всегда готовъ для человѣка добро сдѣлать!..

— Простите, коли лишнее что сгрубилъ, ваше почтеніе!..

— Я добрый, ребята!

— Ужо ужъ при получкѣ похвалимъ, ваше почтеніе!..

— Ну, получку-то, молодцы, вамъ все-таки подождать нужно. Вѣдь васъ 150 человѣкъ, передѣлать-то всѣ разсчеты нелегко; дня три-четыре нужно. А теперь, за то, что поладили дѣломъ—такъ и быть, ужъ распорядись, Николай Дмитричъ, выдать имъ по чаркѣ водки!

И заликовалъ пріискъ послѣ поднесенной чарки водки, зашумѣлъ въ баракахъ говоръ, полились и веселыя пѣсни, и не было счета благословеніямъ и похваламъ изъ простодушныхъ устъ добродѣтельному Василію Никитичу, который, черезъ часъ послѣ этой сцены, послалъ донесеніе о бунтѣ рабочихъ съ надежнымъ верховымъ конюхомъ горному исправнику, резиденція котораго находилась въ 80 верстахъ отъ этого пріиска.

Черезъ двое сутокъ на пріискъ прискакалъ исправникъ, въ сопровожденіи конвоя казаковъ. Слѣдствіе о безпорядкахъ было непродолжительно. Главные зачинщики: Ежъ, Фролъ Иванычъ и Памфилъ Карпычъ были отправлены въ Т... острогъ, остальные, подъ конвоемъ, препровождены обычнымъ порядкомъ.

Не прошло и полугода, какъ Фролъ Иванычъ и Памфилъ Карпычъ, оставленные по приговору судебнаго мѣста

въ подозрѣніи, были выпущены изъ острога безъ всякихъ послѣдствій. Старикъ Фролъ не покинулъ Ежа до самаго рѣшенія дѣла. Пропитываясь милостыней, онъ одѣлялъ его деньгами, и утѣшалъ теплымъ словомъ. Ежедневно, во всякую погоду, можно было встрѣтить его, идущимъ въ острогъ, или со связкой крендельковъ въ рукахъ, или съ булкой и съ туяскомъ молока. Съ искренними слезами горя на глазахъ, онъ проводилъ его по широкой дорожкѣ, проторенной не колесомъ, не копытомъ, а людскимъ горемъ...

КОНЕЦЪ.

BD 20.2

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2012

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

DOBBS BROS.
BRARY BINDING
Y - 74
AUGUSTIN

LIBRARY OF CONGRESS
00024214928